Ф. И. ШАБШИНА

В КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ

(1940–1945)

ЗАПИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ ОЧЕВИДЦА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

Ф. И. ШАБШИНА

В КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ
(1940–1945)
ЗАПИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ ОЧЕВИДЦА

Москва
«НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
1992

ББК 63.3(5Ко)
Ш13

Ответственный редактор
Ю. В. ВАНИН

Редактор издательства
Л. Г. ТУМАСОВА

Ш $\frac{0503030000-060}{013(02)-92}$ КБ-45-65-91

ББК 63.3(5Ко)

ISBN 5-02-017428-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Случилось так, что я жила и работала в Сеуле — в генеральном консульстве СССР в 1940—1946 гг. (с небольшим перерывом), т. е. в разные периоды новейшей истории Кореи и даже на перекрестке целых эпох: в колониальные годы, во время освобождения страны от колониализма, а затем развернувшейся там социальной революции. Стала я очевидцем и ее подавления на Юге страны. Естественна потребность поделиться своими наблюдениями. В 1974 г. была опубликована моя книга «Южная Корея. Записки очевидца. 1945—1946». Так что настоящее издание в определенной мере первая часть записок. Но лишь в определенной мере. Автор расширил их задачу, дополнив воспоминания о прошлом некоторыми размышлениями о дне сегодняшнем.

Вообще же на вопрос, нужна ли такая книга, ответила бы так: источниковедческая, документальная база исследования новейшей истории Кореи (до освобождения) остается пока ограниченной. Колониальные условия не позволили сохранить там архивные фонды, а имеющиеся за пределами страны, в частности в СССР, только начинают открываться. Документальные материалы и литература, издаваемые в КНДР, которые советские корееведы стараются всемерно использовать, разноречивы. Труды, изданные там до 60-х годов, резко отличаются по многим вопросам от последующих. Это касается не только трактовок, но и фактов[1], требующих дополнительной информации, необходимой для установления исторической истины.

В таких условиях каждая крупица сведений, в том числе воспоминания очевидцев, может оказаться полезной.

Важно учитывать и фактор растущего интереса советских людей к Корее, не только к ее современности, но и к истории, без знания которой трудно понять, например, такие сложные вопросы, как причины расчленения единой корейской нации, ход соревнования на полуострове двух социальных систем и перспективы объединения страны, вообще все происходящее там — и на Севере, и на Юге. Небесполезно также подчеркнуть остроту повседневно ощущаемой в Корее накануне и в первые годы Великой Отечественной войны угрозы нашей стране с Востока.

Однако дело не только в выявлении исторической истины, но и в возможности ее правильно оценивать и открыто излагать. Думается, что в основном советское корееведение правдиво из-

лагает картину событий, оперируя научной методологией [2]. Вместе с тем вынужденная оглядка на историографию наших корейских друзей, укоренившееся в практике отождествление личного авторского мнения с официальной политикой, «установка», что о братской стране можно писать только позитивное,— все это привело ко многим негативным последствиям: сложились запретные зоны, куда не смел, да и пока еще не смеет, вторгаться исследователь; штампы и схемы в характеристиках и оценках, лакировка многих явлений. Играло свою роль и авторское самоограничение. Часто оно связано с искренними опасениями: как бы не навредить политике, ибо между нею и современной историей грань, как известно, очень тонкая.

Учитывая это, очевидец предпринимает в книге и своеобразное саморецензирование, пытается сегодня более здраво оценить происходившее. Это нелегко. Как и нелегко, шагнув на полвека назад, рассказать о пребывании в колониальной Корее, поделиться своими раздумьями о том времени. Воспоминания о нем неотрывны от размышлений о реалиях дня нынешнего. Обратная связь в книге оказалась неизбежной. Как, характеризуя далекое прошлое, невозможно абстрагироваться от новых подходов, так и, рассказывая о нем, нельзя не касаться многих острых и сложных явлений современности и их весьма спорных толкований.

Ведь у очевидца есть не только зрение, но и мировоззрение. Это вызывало неоднократные отступления от чисто корейских сюжетов.

Жанр записок, допускающий субъективное, личностное восприятие и вольности в оценке виденного и пережитого, позволяет автору в новых условиях уточнить свои прежние трактовки отдельных событий и явлений при сохранении основной концепции истории Кореи, разработанной советскими учеными. Назову некоторые вопросы, подвергнутые в книге критическому переосмыслению. Это бытовавшая в ряде работ абсолютизация революционного опыта России, большевиков и механическое перенесение его на корейскую почву; замалчивание негативных сторон и черт в целом огромного прогрессивного влияния на Корею Октября, помощи Советского Союза ее народу; недоучет опасности левачества, забегания вперед в стратегии и тактике корейских коммунистов, что было связано с общими веяниями времени, особенно со сталинизмом; недооценка их ошибок в вопросах единого фронта, патриотических потенций разных групп национальной буржуазии.

Для переосмысления трактовок этих вопросов потребовалось не только изменение общих подходов и условий работы, но и накопление дополнительного материала.

Так, новые данные при сверке с ними наблюдений непосредственно в стране позволили автору воспроизвести более правдивую, хотя, вероятно, далеко не полную картину деятельности оперативного, немногочисленного, но отважного революционно-

го подполья в самой Корее, сместить акценты в соотнесении его с партизанской борьбой 30-х годов в Маньчжурии, роль которой преувеличивалась.

Не претендуя на стройное изложение событий, автор старался коснуться не только наиболее существенных из них, но и наименее известных. В первую очередь к ним относится коммунистическое движение, его участники, география, особенности, основные центры.

Есть и еще одно обстоятельство, побудившее написать эту книгу. Ушли в небытие старые колонии. Почти не осталось и советских людей, которые там жили. В Корее, во всяком случае. И надо торопиться, помня, что и нас мало осталось и нам мало осталось. А наблюдения могут пригодиться. Как определенный полевой материал [3].

В связи со сказанным возникает необходимость кратко остановиться на биографии самого очевидца и его товарищей, на времени, порождением которого они были, на поколении 20—30-х годов, чтобы внести хоть какую-то лепту в восстановление правды об этом времени и его людях.

Книга состоит из трех разделов. В первом, «Что такое колония» (в него входит и автобиографическая глава), речь идет об увиденном в Корее, о положении народных масс, о колониальном гнете и социальных бедствиях трудящихся, о богатой, самобытной культуре, о национальных крайне устойчивых традициях. Об этом написано во многих работах корееведов, и автор ограничился преимущественно личными наблюдениями. Значительно больше места отведено в записках методам господства Японии в своей колонии, сочетающим полицейское насилие с тщательно продуманной, маневренной и гибкой идеологической системой давления на сознание и психологию масс. Характерно, что при этом использовался не только реакционный традиционализм, расовый момент, паназиатизм, но и вошедшие в плоть и кровь корейского народа исконные национальные, прогрессивные по своему содержанию традиции.

В разделе немало отступлений от основной сюжетной линии. Они касаются деятельности миссионеров, русской эмиграции в Корее и Северо-Восточном Китае, где автору приходилось неоднократно бывать. Такие отступления позволяют поразмышлять о дне нынешнем.

Во втором разделе книги, «Борьба», автор, нарушая хронологию, возвращает читателя на много лет назад. И если ранее освещалось созревание в Корее в специфических условиях и формах основных элементов революционной ситуации, то этот раздел имеет целью проследить формирование субъективного фактора корейской революции.

Речь идет о восприятии идей Октября, о наиболее крупных национально-освободительных выступлениях, о классовой борьбе трудящихся. Значительное место отведено деятельности коммунистов, их зарубежным центрам, недолгой, всего трехлетней,

жизни в Корее Компартии, фактически распущенной VI конгрессом Коминтерна. Автор на основе фактов и документов пытается обосновать ошибочность и неправомерность этого решения.

Если ранее речь шла главным образом об увиденном, то здесь основной материал — результат услышанного от непосредственных участников освободительного движения, вышедших после краха японского господства из тюрем и подполья профессионалов-революционеров, от деятелей национальных организаций, писателей, педагогов и многих, многих других, которые стали частыми и желанными посетителями нашего консульского парка в Сеуле. Нам хотелось побольше от них узнать, услышать. Им же, в свою очередь, важно было выговориться после столь долгого вынужденного молчания. Их воспоминания я записывала не случайно. Дело в том, что в редакции «Комсомольской правды», где я работала перед отъездом в Корею, мне предложили написать для газеты серию статей о положении корейской молодежи. Я довольно легкомысленно согласилась, не ведая, на что иду. С огромным трудом, и, как понимаю сейчас, поверхностно и плохо, скомпоновала и летом 1941 г. отправила в редакцию первую статью. Она не увидела свет. Не до того было. Но я втянулась в изучение Кореи и, начав с молодежных тем, стала по крохам собирать материал о стране и ее истории. По совету мужа и при его помощи вела дневники.

Но книга основана не только на записях и воспоминаниях. Ведь память сама по себе ненадежный источник. Зафиксированное в ее тайниках может быть использовано лишь в сочетании с другими выверенными материалами. Поэтому все наиболее значительные, принципиальные события, извлеченные из записей и воспоминаний, автор уточнял по документам и корееведческой литературе. Наибольшую ценность при этом представили материалы Компартии Кореи, созданной в Сеуле в 1945 г. Использованы также секретные издания японской полиции, жандармерии, суда и прокуратуры генерал-губернаторства Кореи[4]. Рассчитанные на узкий круг высокопоставленных японских чиновников, эти издания помогают многое уточнить и узнать.

Автор обращался и к корейской периодике 1927—1945 гг., к архивам внешней политики СССР, коминтерновской и советской печати, к исследованиям корееведов. С ними сверял свои наблюдения и выводы.

Часто употребляю в книге местоимение «мы». И тоже не случайно. Ибо фактическим ее соавтором является мой покойный муж Анатолий Иванович, из-за которого и благодаря которому я стала корееведом. Он после окончания японо-корейского отделения Института востоковедения им. Нариманова был направлен на работу в генеральное консульство СССР в Сеуле. (Был там переводчиком, секетарем, вице-консулом.) Таким

образом, и я оказалась в Корее. Но дело не только в этом. Он был моим наставником и руководителем, когда я приобщалась к изучению страны. Почти все походы, поездки, знакомства, беседы происходили при его непосредственном участии. Использован в книге и обширный архив Анатолия Ивановича. Мы собирали его тоже вместе. Сейчас бы о нас сказали — «семейный подряд» [5].

Стараясь, чтобы эта книга была не только объективой, но внесла хотя бы крохотную лепту в анатомию времени, о котором пишу, я часто вспоминаю слова поэта — лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстоянии.

Расстояние в полвека помогает многое из прошлого увидеть крупным планом, в подлинном свете, ибо это прошлое само прошло проверку и испытание жизнью.

Последний раздел записок, «После Кореи в корееведении», представляет собой краткое заключение. В нем речь идет о высокой и гуманной миссии востоковеда, о многих замечательных ученых, обогативших не только советскую, но и мировую науку, с которыми автору посчастливилось работать. Некоторые из них стояли у истоков и советской кореистики.

Пытаюсь рассказать не только об их энциклопедических знаниях, огромном интеллектуальном потенциале, но и о высоких нравственных устоях. При этом подчеркнута мысль о необходимости соблюдения, реализации принципа преемственности поколений, порою подменяемого ныне принципом их противопоставления.

Высказаны некоторые соображения о результатах интенсивной деятельности корееведов в послевоенные годы, когда корееведение превратилось в крупную самостоятельную отрасль востоковедной науки.

Должна сделать несколько оговорок. Приведенные в книге имена и фамилии некоторых корейских знакомых не во всех случаях точны. Причины разные: условия в Южной Корее после начала подавления левых сил, когда небезопасно было «раскрывать» себя, неполная запись и т. п. Иногда они даются в старой транскрипции.

Не все даты японских газет, на которые автор ссылается, он имел возможность сверить с материалами архивов внешней политики СССР.

Названы в книге имена людей, впоследствии репрессированных в КНДР... как «враги народа», о которых у нас раньше не принято было писать (в первую очередь это Пак Хенен). Сейчас, думаю, это и возможно, и необходимо.

В разделах, где речь идет об обычаях, нравах, традициях, приводится только то, что автор наблюдал или о чем ему рассказывали знакомые корейцы. Не больше. При этом следует учитывать, что в разных районах страны некоторые обычаи, празднества, ритуалы не совсем одинаковы. Да и военное время наложило на них свой отпечаток.

Напоминаю об этом, чтобы избежать обвинений в неточностях и ошибках. И еще: в отдельных случаях, особенно в разделе «Борьба», приводятся некоторые общеизвестные сведения, содержащиеся во многих корееведческих изданиях. Но опустить их автор не счел возможным, чтобы не смазать общую картину развития событий, замолчав главное. Знаю, что далеко не все в книге бесспорно. Что ж, реализую свое право на сугубо личное мнение.

ВВЕДЕНИЕ
РАЗГОВОР С ПАМЯТЬЮ. ОЧЕВИДЕЦ, ВРЕМЯ, ЛЮДИ

Здесь мой источник только память. Она высвечивает время, 20—30-е годы. Каким оно было. Приведу слова моего любимого современного писателя Д. Гранина. Он пишет: «Человек изменился. Годы культа и застоя не прошли даром. Под давлением страха, лжи, разочарований человек стал хуже. По сравнению с чем? Да с тем, каким он был в 20—30-е годы. Когда зажженные огнем революции, мечтой о близком рае, равенстве и братстве, о коммунизме, жили в бараках, шли на работу с песнями, возводили могучую индустрию пылко и самоотверженно. Романтику тех лет нельзя обесценить никакими пересмотрами и пересчетами. Она была всенародной, исполненной глубокой веры, и люди трудились, делая чудеса... Порыв этот длился поразительно долго. Его не могли исчерпать ни голод, ни тяжкий быт, ни раскулачивание, ни повсюду возникавшие „враги народа". В сталинском социализме мы прожили несколько десятилетий»[1]. Точнее не скажешь. Было именно так. В данном случае я не только очевидец, но и участник происходившего. Гранин пишет, что был ленинский социализм, в котором мы должны были жить. Но мы-то думали, что в нем мы и живем. Мы слишком многого не знали. Слепо верили.

Так вот о том времени, 20—30-х годах, прекрасном и трагическом, о его людях, моих товарищах прежде всего и необходимо сказать. Немного о самом очевидце и его очень рядовой биографии.

Детство мое проходило в маленьком белорусском городке, в большой, глубоко порядочной, но патриархальной семье. Старшее поколение — дедушки и бабушки — были очень религиозными и считали недопустимым, чтобы кто-либо из нас (брат, сестра, я) даже помышлял о вступлении в комсомол. (Надо сказать, что комсомольцы в нашем городке немало переусердствовали в антирелигиозной деятельности.) А я рвалась туда всем сердцем, именно и пока только сердцем. Ослушаться же не посмела.

Окончив в 1923 г. среднюю школу, уехала в Москву продолжать учебу. Вскоре сюда переехала вся семья.

Командировка отдела народного образования в Литератур-

ный (Брюсовский) институт не помогла. Провалилась на экзаменах. Тогда вместе с группой других неудачников направилась в Институт слова. Нам сказали, что туда принимают всех желающих. И это оказалось правдой. Основной контингент студентов был для своего времени не совсем обычным: дети «бывших», уехавших за рубеж и нэпманов. Обучение было трехгодичным. Занятия — вечерними. Институт помещался в здании школы на улице Герцена. Возглавлял его профессор Мусин-Пушкин. Вели занятия блестящие педагоги. Но кого готовил институт, было неясно, как мне кажется, не только студентам, но и им. История литературы, искусства, эстетика, логика, техника речи, риторика, поэтика — все это было ново, интересно, увлекательно.

Вечерние занятия позволяли работать. Устроилась с трудом на овощную базу (лабаз) на Болотной площади перебирать картошку. Символично? (Задолго до массовых выходов «свое» на картошке отработала.) По-прежнему мечтала о вступлении в комсомол. На базе, как и в Институте слова, своей ячейки не было. Пошла в Краснопресненский райком комсомола. Там мне сказали примерно следующее: право на вступление в нашу организацию нужно заработать. Направим тебя в ячейку производственных предприятий МСПО (Московский союз потребительских обществ), прояви себя там, а мы посмотрим. Ячейка находилась в Охотном ряду, где сейчас гостиница «Москва». Старалась проявить себя. Помню, писала (заметки, статьи) в стенную газету. Сама же ее и оформляла, выполняла разные эпизодические поручения, рассказывала ребятам наиболее интересное из того, что узнавала на занятиях в институте и что самой удавалось понять. Прижилась. С базы меня перевели на работу в компотное производство МСПО. В 1924 г. была принята кандидатом (с двухлетним кандидатским стажем) в члены ВЛКСМ. Радости не было границ. Работы прибавилось. Но занятия в институте старалась не пропускать. Особенно интересными были проводившиеся там каждую субботу встречи с писателями, поэтами, композиторами. Думаю, что и их привлекали и общение со старой профессурой (все ведущие педагоги неизменно присутствовали на «субботах»), и необычность атмосферы, царившей в институте.

Неоднократно бывали В. В. Маяковский, С. А. Есенин, всегда с поэтом Иваном Приблудным, Н. Н. Асеев и многие другие. Разнородность студенческих сил, видимо, бросалась им в глаза. Маяковский явно благоволил к нам (нескольким комсомольцам и сочувствующим, рвущимся в ВЛКСМ). Мы выделялись по многим показателям, в том числе и одеждой — кожанками, девушки в вызывающих красных косынках. Бравировали своей несхожестью с большинством и вопросами, репликами.

Маяковского мы боготворили. Буквально таскались за ним повсюду. Запомнились некоторые детали. Одну из них приведу. Училась со мною в группе способная, красивая и весьма

самоуверенная студентка Нина [2]. Общалась я с нею часто, так как жили рядом, на Мещанской улице. Мы знали, что она коварна и нагловата. Как-то Нина заявила, что, если захочет, профессор института (имярек) ее посетит. Мы, конечно, возмутились, заключили пари. Но... права оказалась она.

И вот снова пари. В одну из суббот ждали Маяковского, недавно возвратившегося из Франции. Нина уверенно заявила: «Увидите, сделаю так, что он будет читать специально для меня». Ждали с замиранием сердца. Маяковский был в ударе. Это случалось нечасто. Иногда во время выступлений он казался обозленным, ощетинившимся либо замкнутым. А тут прочитал свои новые стихи, спрашивал, что еще хотели бы послушать. С доброжелательным юмором воспринимал многочисленные и очень разные просьбы. Когда он собирался уходить, к нему подошла Нина. С присущим ей обаянием и долей вызова она сказала: «Владимир Владимирович, я не смогла прийти вовремя. Прошу вас, прочтите еще раз ваши новые стихи для меня».

Мы буквально не дышали, стоя рядом. Напряженные, выжидающие. Маяковский с любопытством, долгим взглядом впился в красивое лицо Нины. Затем внимательно, как показалось (и оказалось), понимающе посмотрел на нас. И ответил громко, отчетливо, словно высекая каждое слово: «А вы, милая барышня, в следующий раз не опаздывайте, когда выступает Маяковский». Затем он озорно посмотрел на наши ошеломленные и обрадованные лица и, подмигнув (кто-то обронил слово «проиграла»), спросил: «Пари, на что?» И оглушительно захохотал [3]. Нина несколько недель не ходила в институт. Отказывалась бывать на выступлениях Маяковского в Политехническом музее, куда мы ее с издевкой приглашали. Сами же старались не упускать ни одной возможности послушать его. Как правило, пробирались без билетов. Несколько раз он, запомнив нас, проводил с собой.

Интересное было время. Бурлила жизнь. К сожалению, могу воспроизвести лишь отдельные штрихи. Преподаватель риторики несколько раз водил нас (небольшую группу) слушать Троцкого, считая его выступления образцом ораторского искусства. Троцкий действительно казался оратором отменным. Не помню, о чем он говорил, но остались в памяти пафос его речей, красочность и выразительность позы. Сейчас бы это отталкивало — тогда захватывало. Впрочем, и тогда, бывая на диспутах Луначарского и митрополита Введенского, поражаясь их огромным знаниям, логике суждений, непринужденной манере полемики, мы на семинарских занятиях, помнится, отдавали предпочтение им. Вот бы сейчас подняться на такую высоту дискуссий, освоить такое блистательное искусство полемики.

Хотя в институте много внимания отводилось литературе, острые литературные схватки, происходившие в стране, до нас докатывались слабо. Иногда бывали дискуссии на современные темы: каким должно быть новое искусство или о РАППе (Рос-

сийская ассоциация пролетарских писателей) и ее программе. Но они не вызывали у студентов большого интереса. Все концентрировалось на классике.

Из-за того что много времени отнимала работа, я не могла участвовать в литературных дискуссиях.

Вообще же крепко осело в памяти настойчивое и неизменное требование институтских педагогов глубже изучать творчество писателей, не копаться в их личной жизни. Особенно часто вспоминаю это сейчас, когда массовый характер приобрела страсть к такому копанию в ущерб изучению творчества.

В 1925 г. Институт слова реорганизовали (слили с ленинградским), а нескольким студентам 3-го курса, мне в том числе, разрешили защиту диплома, что я и сделала. Выпускников не распределяли, а лишь рекомендовали Московскому городскому совету профессиональных союзов (МГСПС) на работу в качестве лекторов. И тут-то выяснилось, что институт готовил, не зная кого и для кого. В лекторской группе МГСПС, где проверяли нашу подготовку, ни на один вопрос никто не смог ответить. Ведь не по логике и риторике нужны были лекторы. Литературу современную мы тоже знали слабо. От политики институт был далек. В общем, забраковали и посоветовали учиться всерьез и в серьезном учебном заведении. В это время я работала на фабрике «Большевик».

В 1926 г. подала заявление во 2-й МГУ на факультет педагогики (вместе с другими несостоявшимися специалистами Института слова). Там порекомендовали забыть об окончании этого института, ибо он считался высшим учебным заведением, а два вуза кончать нельзя было. Приняли на педфак, филологическое отделение. Одновременно около года работала на фабрике и до окончания университета была секретарем комсомольской ячейки МСПО Краснопресненского района.

Теперь понимаю: и училась, и работала, и «секретарила» не самым лучшим образом. Но все же удивляюсь: откуда брались силы и время. И устойчивая жизнерадостность. Мои друзья работали столько же, а то и больше. Все казалось естественным, нормальным, хотя то и дело сталкивались с трудностями. Так, из-за учебы приходилось на фабрике менять смены. Мастер, добродушный старичок, ворчал: или—или (имелись в виду занятия в университете и работа). Когда в ячейке не все ладилось, уже более грозно в райкоме комсомола звучало: или—или. Помню, вызвал меня секретарь РК и поставил вопрос ребром: «Вот что, выбирай. Либо университет, без которого мы все прекрасно обходимся и который нужен только тебе, либо комсомольская работа, которая нужна нам всем».

Этого разговора не забываю. Сейчас я могла бы ему ответить. А тогда? Колебалась, но не бросила учебу. Очень помогали товарищи по ячейке. (С 1927 г. я стала ее освобожденным секретарем.) Какая же это была дружная, сплоченная семья! Летом создавали так называемую комсомольскую коммуну.

Снимали в Тарасовке под Москвой домик. Организовали быт, отдых, интересную самодеятельность. Вечерами, когда возвращались с работы те, кто не был в отпуске, много читали, занимались спортом. «Коммуной» назывались потому, что некоторые ребята получали очень маленькую зарплату и не могли вносить необходимую сумму. Решили сдавать в общий котел заработок всех, независимо от размера. Конечно, сейчас это выглядит примитивно, данью революционной романтике. Но для меня осталось незабываемым.

Вообще же было нелегко. Лекции в МГУ можно было пропускать, что я исправно делала, но семинарские занятия были обязательны. К ним и к зачетам готовились в читальне университетского общежития (напротив Дома Союзов) [4].

В начале 1929 г. партийная ячейка МСПО приняла меня кандидатом в члены ВКП(б). Райком не утвердил, так как проходила по графе студентов, а рост партии жестко регулировался. Через некоторое время снова подала заявление о приеме, и 3 января 1930 г. была утверждена райкомом. Многое забыла. Этого дня не забуду никогда, хотя прошло более 60 лет.

В том же году окончила 2-й МГУ (он вскоре был реорганизован, и на базе педфака образовался Педагогический институт им. В. И. Ленина). Предложили продолжать учебу в аспирантуре. Скорее всего из-за партийной принадлежности, так как тяги к науке не проявила. Отказалась. Хотелось работать. Могла ли тогда думать, что позднее буду возмущаться теми, кто научную работу не считает работой?

Но должна немного вернуться назад, в свою комсомольскую юность. Это необходимо для честного разговора с памятью. Я счастлива, что дожила до того времени, когда постепенно восстанавливается правда и справедливость, что реабилитируются невинно погибшие в годы сталинской тирании революционеры, что истории возвращаются их имена. Они уже этого не узнают. Но то важно для живых.

Нельзя забывать об ошибках, заблуждениях первопроходцев в новое, неизведанное. Это тоже нужно для живых, чтобы учитывали, не повторяли. Пока многое неясно. К примеру, некоторые пытаются пересмотреть прежние оценки троцкизма. Прояснить истину смогут только документы. Но отдельные детали хранятся в памяти тех, кто жил и работал в то время.

Так, зачастил в нашу ячейку один интересный, многознающий товарищ. Он был членом РК ВКП(б). Льстило, что он высоко отзывается о молодежи, о нашей организации. На одном из собраний назвал ее звездочкой на мрачном партийном фоне, которая радует его, старого профессионала-революционера. Бывали мы у него дома на Мясницкой улице. Комната заставлена и завалена книгами. Увлекательно о них и о многом рассказывал. Вызвался быть нашим учителем.

На одном из собраний он довольно неожиданно заявил, что мы, словно слепые щенки, излишне доверчивы. Не видим, что

ученичество в МСПО (оно было индивидуальным) фактически зиждется на эксплуатации детского и юношеского труда. И вообще нет в стране заботы о молодежи, являющейся «главным нервом настоящего и будущего» (эту фразу мы слышали неоднократно).

Ребята зашумели, запротестовали. Ведь все было в целом не так. Платили, конечно, мало, но заботой и вниманием учеников не обделяли. Да и запросы их оставались, как правило, невысокими.

Однако время было непростым. На глазах у ребят богатели нэпманы, углублялся разрыв между бедностью и богатством. Что говорить о подростках, когда бывалые, заслуженные коммунисты, прошедшие гражданскую войну, на глазах у нас, молодежи, сдавали свои партийные билеты примерно с такими словами: «Не желаю оставаться в партии, которая меня обманула. В стране безработица, нищета, а частник процветает, жиреет. Это же возврат к капитализму». Не понимали сути и цели происходившего. Уровень сознания оставался тогда низким у многих коммунистов. Не могли мириться. Правда, очень скоро, остыв и понемногу прозревая, почти все они (кажется, человек семь или восемь) подали заявления, что раскаиваются в своем малодушии и неверии и просят восстановить их в партии. Думается, что наш «учитель» с Мясницкой и ему подобные подогревали нетерпеливых и неустойчивых. Так что же говорить о подростках? На одном из собраний, где, заискивая и заигрывая с ними, «учитель» откровенно восстанавливал молодежь против партии, некоторые его поддержали. Разозлившись, он обрушил свой гнев в первую очередь на секретаря ячейки и закатил очень обидную для меня речь. Что она, студентка, знает о вашей жизни? Как вы ее терпите? И что-то еще в этом роде. Ему возражали, напомнили, что недавно говорил обратное. Но и я извлекла урок. Постаралась глубже вникать в вопросы оплаты и условий труда и быта учеников. Пригодилось позднее.

Постепенно лицо троцкистов проявлялось в партии все более неприглядно. Они сами тому способствовали методами своей деятельности. Не сомневаюсь, что и с ними боролись приемами, далекими от ленинских, что среди них были и честные, искренне заинтересованные в судьбах страны. Но немало было и недобросовестных фразеров и авантюристов, далеких от интересов народа. Во всем этом разберется наука. Приведу запомнившийся случай, иллюстрирующий время борьбы с троцкизмом.

Однажды (даты не помню) меня вызвал секретарь райкома комсомола. В кабинете кроме него был А. Косарев и еще кто-то. Секретарь, тоном не допускающим возражения, сказал, что я должна в тот же день выступить на собрании района, где ожидается вылазка троцкистов. На примере предприятий МСПО нужно показать, насколько лживы их утверждения об

эксплуатации молодежи, подростков. Не без иронии при этом добавил: ты ведь образованная, сумеешь.

Я растерялась. Была я не из робких, но на больших собраниях не приходилось выступать, тем более таких острых. Отказалась, чем вызвала возмущение секретаря. Косарев же презрительно махнул рукой. Это больше всего меня задело. Мы его любили и уважали.

Вечером пошла вместе с другими ребятами из ячейки в Краснопресненский парк на собрание, от участия в котором так трусливо и позорно отказалась. Сказать, что собрание было бурным,— неточно. Оно было бушующим. Пришла большая группа отменных ораторов с явной задачей вызвать недовольство молодежи, спекулируя на трудностях, которых было действительно немало, на ошибках и просчетах руководства, тоже многочисленных. Рабочие, служащие, студенты, заполнившие парк, воспринимали их речи по-разному. Чаще всего возражали. Теперь ясно, тогда не отдавали себе отчета в том, что двигало возражающими главным образом чутье, а не осознанное понимание происходившего. О многих вопросах борьбы в партии далеко не все могла знать и судить молодежь. Да и не только она.

Один из ораторов-троцкистов (их называли часто идеологическими взломщиками) заговорил об ученичестве на мелких предприятиях. Приводил примеры «ужасающей скрытой эксплуатации» не только на частных, но и на государственных предприятиях, ущемлении прав молодежи. Факты казались на первый взгляд верными, а вся картина получалась лживой, клеветнической. (Сколько раз я убеждалась в том, как необходимо видеть факты в комплексе, уметь их оценивать и обобщать. Но это позднее.) А тогда я, трепеща от возмущения и страха, попросила слова. На примере предприятий МСПО попыталась показать, что ребят не только не эксплуатируют, но им всячески помогают расти и учиться. Называла имена, цифры. Прерывали репликами, вопросами, оскорблениями. Но это делало меня только смелее и злее.

Выступал и другой наш комсомолец, Володя Кожевников. Многое добавил.

То было боевое крещение. Потом пополнялись знания, накапливался опыт. Главное, что хотелось бы сказать, отдельными штрихами обозначая, иллюстрируя пережитое в 20-е годы,— постепенно от восприятия только сердцем мы стали переходить к осознанию разумом того, с чем накрепко связали свою жизнь. Романтическая, порой бездумная, вера в некие абстрактные идеалы становилась осознанной убежденностью в правоте цели, которую мы избрали. При этом не остывало и сердце.

Конечно, то, что происходило на верхних этажах власти, было нам неизвестно. Но на своем месте старались работать с максимальной отдачей. Против недостатков, с которыми сталкивались, боролись яростно.

Такими мы были со своей искренней идейной убежденностью и со множеством слабостей и недостатков.

Когда же наконец заговорит об этом времени полнокровный источник, попросит слово документ?

После окончания университета в 1930 г., когда началось распределение выпускников, мы с однокурсницей Паной Голубевой[5] решили поехать на периферию вместе. Предложили нам работу в Саратовской области в техникуме социалистического земледелия. Согласились. Получили от заготзерна, по нашим понятиям, баснословные подъемные и крайне довольные, с песнями отправились на работу в незнакомые края.

В селе (названия не помню) встретили нас хмуро, недоброжелательно. Ведь то был 1930 год...

Начальство техникума уехало на какую-то конференцию, а когда вернулось, то мы узнали, что преподавателей в техникуме и без нас излишек. При распределении перепутали... Вернулись в Москву уже без песен, но и без уныния.

Вторично нас распределили в Нижний Новгород. Меня директором школы близ Сормово, которую, как выяснилось, еще предстояло строить на месте старой, а Пану преподавателем рабфака. Ситуация там оказалась еще более сложной, чем близ Саратова. Жить негде. Долго ночевали на вокзале, где нас уже признали «своими». Тогда это случалось довольно часто. Пану наконец пристроили жить около кухни в здании рабфака. Моя же главная беда заключалась в том, что школу, которую предстояло строить (чаще говорили реконструировать), возглавляла потомственная учительница, очень опытная и уважаемая. Она была на много голов выше меня, но не имела диплома. Встретили меня весьма недружелюбно. От директорства я тут же, естественно, отказалась, и мои бывшие недруги, прекрасные люди, незаслуженно обиженные, стали друзьями. Но чем они могли помочь? В гороно разводили руками. Опять неувязка с распределением.

Однако во все времена и повсюду наряду с беспорядками, неразберихой и их виновниками были и есть хорошие люди. Их очень, очень много. И как жаль, что, вспоминая все мрачное, теневое, мы забываем о них. Я заболела, обострился суставной ревматизм, раздулась щека. Кто-то из сормовчан, буквально взяв меня за руку, повел в обком партии, кажется, к секретарю. Выслушав моего ходатая и оглядев мое красноречиво распухшее лицо, секретарь позвонил, видимо, в горисполком. Неожиданно поинтересовался положением со свиньями (в то голодное время велась интенсивная борьба за хозяйское отношение к ним). Ответ, вероятно, получил положительный. «А к людям?» — спросил секретарь. Вопрос, похоже, удивил исполкомовского начальника. И тут раздалась такая отборная секретарская брань по поводу свинского отношения к молодым специалистам, что я не знала — ужасаться или торжествовать. Короче говоря, в тот же день меня направили на временную рабо-

ту в железнодорожную школу замещать больного завуча. Директором ее был выдвиженец — старый машинист. Встретил он меня скептически. «Понимаешь что-либо в этом деле?» Откровенно призналась, что не очень. «Ну и как мы поведем паровоз, оба не знающие — старый и малый?» Не знала, что и ответить. Но очень скоро мы подружились.

А на жительство меня поселили к одной учительнице, которая (это вскоре выяснилось) была психически больной. Как о светлом времени стала я вспоминать о ночевке на вокзале... Пана жила далеко, на другом конце города. Больше никого из близких не было. И главное, характер не позволял жаловаться. Вскоре переехала в нормальную семью. Но тут обострился еще больше суставной ревматизм, дал осложнение на сердце, и в тяжелом состоянии меня отправили в городскую больницу. Домой о своих мытарствах не сообщала. Чем они могли мне помочь? Но в ячейку написала. Вскоре оттуда приехал один из моих друзей, устроил в исполкоме скандал и договорился, что после выздоровления меня вернут в Москву за неимением возможности трудоустроить. Это облегчалось тем, что с партучета в Москве я не успела сняться. Около месяца провалялась в больнице. Потом собрала свой купленный на подъемные роскошный гардероб (он уместился, правда, в одном чемоданчике). Но в поезде этот чемоданчик украли. Так прозаично завершилась эпопея моего послеуниверситетского распределения на работу.

Зачем я пишу обо всем этом, столь далеком от сюжета книги, от колониальной Кореи? Затем, чтобы ощутимым стало то время, тяжелое, во многом безалаберное, но не позволявшее унывать. Ведь все, казалось, складывалось так неудачно. А неудачницей себя не считала. (Только в больнице Нижнего было жутковато, каждый третий умирал.)

Время приспособило нас к трудностям, закалило. Но оно же одновременно приучало мириться, принимать как должное и то, что необходимо было искоренять. Что поделаешь, говорили родные, друзья, и сама я так думала — ведь все это в конечном счете мелочи. Главное — получила высшее образование, специальность. Разве раньше я могла об этом мечтать? По большому счету подходили мы тогда и к трудностям.

В этих беглых воспоминаниях о прошлом особенно хочется выделить работу на московском заводе «Серп и Молот». Из шестидесяти с лишним лет моего трудового стажа восемь на заводе стали самыми памятными. Направил меня туда горком партии. Предложили на выбор учебные комбинаты заводов: автомобильного им. Сталина, «Динамо» и «Серпа». Случайно пошла прежде всего на «Серп». И это решило мою дальнейшую судьбу. Здесь и осталась (заведующей учебной частью и преподавателем ФЗУ, затем рабфака). Здесь сложилась и моя семья. Анатолий Иванович, вальцовщик прокатного цеха, после годичной учебы на курсах был назначен директором ФЗУ.

Вскоре мы поженились. В Доме ударника завода, рядом с его территорией, жили до начала 50-х годов. На «Серпе» стала членом партии. Здесь прошли лучшие, хотя и нелегкие годы моей молодости.

Мы и оставшиеся в живых «серповцы» 30-х годов, с которыми продолжаем дружить, очень гордились и сейчас гордимся историей завода, его богатыми революционными традициями.

О его истории, людях, нравах мы с Анатолием Ивановичем неоднократно рассказывали нашим корейским товарищам после освобождения страны. Здесь я не отдаляюсь от темы книги, от Кореи. Многое в колониальное время напоминало старый, дореволюционный «Серп», о котором мы знали из воспоминаний старых рабочих, а потом сами рассказывали молодежи.

«Гужоновская костоломня, гужоновская ржавчина»— называли когда-то завод [6].

Как часто в Сеуле, глядя на грязные, мрачные фабрики, на выходящих оттуда изможденных до крайности людей, вспоминались рассказы «серповцев» о «гужоновской костоломне». «Грязь, дым, чад. Опаленную голову, бывало, окунешь в бочку с холодной водой и полегчает. А у ворот толпилось множество людей, желающих попасть в эту адову тьму. Нищета-то была какая», — вспоминали старики. Одним словом, «костоломня».

Рабочим сеульских заводов было не легче. Их кости ломались под тяжестью двойного гнета — социального и национального.

От Рогожской заставы начиналась Владимирка—Сибирский тракт, который вел в дореволюционное время на каторгу. Отсюда лежал путь в Сибирь. За два-три года добирались осужденные до Нерчинской ссылки [7].

Рассказывали, что на площади у Рогожской заставы каждое воскресенье собирали группами каторжан из московских пересыльных тюрем и отсюда начинался этап. Грохот завода отзывался кандальным звоном. Он стал одним из крупных очагов революционной борьбы. В 1894 г. здесь был создан первый марксистский кружок, позднее вошедший в Московский рабочий союз. На баррикадах у Рогожской заставы в декабре 1905 г. сражались рабочие-дружинники с завода Гужона. 30 июня 1917 г. «гужоновцы» установили временно на заводе свое правление, а в октябре 1917 г. захватили Крутицкие казармы, вели бои в Лефортове.

Это лишь маленькие штрихи в большой революционной биографии «Серпа».

А в 30-х годах он боролся за качественную сталь. Разворачивалось во всю ширь ударничество, остро нужны были высококвалифицированные рабочие. Нелегкой была задача их подготовки.

Фабзавуч «Серпа и Молота», созданный в 1922 г., вырос в

начале 30-х годов до 3300 человек. Массовый набор не был обеспечен самыми минимальными условиями. Два небольших здания, где размещалось ФЗУ, были расположены довольно далеко одно от другого, что создавало немало осложнений. Не было оборудованных мастерских. Срочно набирали преподавателей, инструкторов производственного обучения.

Главная трудность была связана с набором учащихся. В начале 30-х годов из деревень хлынула в Москву молодежь. Среди них много детей несправедливо раскулаченных, сосланных [8]. Помнится, брали всех, особенно на «горячие» специальности. Попадали в ФЗУ и уголовники, недавние беспризорники. Самым страшным бичом училища была трудовая дисциплина, точнее, полное ее отсутствие. Чего только не предпринимали инструкторы и преподаватели, комсомольский актив завода. Увещевали, уговаривали, наказывали. Не помогало.

А тем временем в районе Анненгофской рощи, около Проломной улицы, сооружался корпус учебно-производственного комбината, который готовил кадры для всех цехов завода. Его строил сам завод. Сотни рабочих участвовали в субботниках, как правило, добровольно. И создавались на этих многочисленных и многолюдных субботниках не только здания и оборудование, строились отношения людей. Понемногу начинали оттаивать некоторые из вновь поступивших. Но дисциплина в школе оставалась катастрофичной. Непрерывно проводимые нами товарищеские суды желаемых результатов не давали. И вот кому-то из нас, боюсь, что мне, пришла идея называть для большего устрашения товарищеский суд трибуналом [9]. (Горькая ирония времени.) Так и сделали. Первое время даже казалось, что нововведение помогает. Но тут случилось непредвиденное. В ФЗУ в это время проходили практику студенты пединститута им. Либкнехта. Они правильно оценили нашу затею как антипедагогическую, но поступили неправильно. Вместо того чтобы сказать это нам, они настрочили бумагу в наркомпрос. И вот на его коллегию вызывают руководство ФЗУ, в том числе меня, заведующего учебной частью комбината И. И. Зайцева, секретаря партийной организации комбината Н. А. Михайлова [10].

Дата заседания, как и многое происходившее на нем, выпала из памяти. Видела только сидевшую за столом Н. К. Крупскую и помню, что начало было тревожным. Доклад И. И. Зайцева о положении в фабзавуче, о том, что крайне сложно справиться с ребятами, часть которых связана с преступным миром, что мы вынуждены изыскивать разные способы их воспитания и обуздания и т. п., прерывался критическими репликами. Слово «трибунал» заслоняло все. И тут тихо, мягко вступила в разговор Н. К. Крупская. «Мы понимаем, как вам трудно,— сказала она, пытаясь разрядить напряженную обстановку,— но трибуналы предназначены не для вашей работы. Они не помогут. Сумейте, а вы сумеете, уверена в этом, внедрить в ду-

ши и сознание ребят гордость за принадлежность к рабочему классу, тем более к такому заслуженному заводу, как „Серп и Молот“, за престиж рабочей профессии». Говорила спокойно, по-доброму. После заседания, где нам указали на антипедагогические методы, Н. К. Крупская подозвала нас и расспросила, кто кем работает, об учениках, о лидерах «их самой неспокойной части», о преподавателях и инструкторах. Помню, интересовалась, лучших ли мастеров дал завод фабзавучу, как помогает ему. Закончила словами: «Понимаю, как вам нелегко, но терпеливо ищите подход к ученикам, и из отчаянных ребят вырастут хорошие люди. Главное, сами не отчаивайтесь и больше не создавайте трибуналов». По-дружески, тепло распрощалась с каждым из нас. Ушли с заседания раскритикованные, но окрыленные. В парткоме, комитете ВЛКСМ завода, на педсовете, на собрании ФЗУ подробно рассказали о встрече. Советы Надежды Константиновны старались выполнить. Сказать, что актив школы работал много, усердно, было бы неполной правдой. Он работал одержимо, азартно. Как и большинство заводского коллектива.

Его лучшие люди, поколение первых ударников показывали пример ученикам. Понемногу налаживалась дисциплина. И хотя всяких трудностей оставалось предостаточно, ребята все заметнее втягивались в заводские дела, росли их заинтересованность, инициатива.

Приведу лишь один пример. С начала 30-х годов листопрокатный цех осваивал производство стали марки «М» для авиационной промышленности. Дело шло туго. Не хватало самого нужного оборудования. Брак был огромен. А стране требовалась высококачественная сталь. В частности, встал вопрос о микрометрах. Нечем было измерить лист стали. Свои заводы только начинали их осваивать. За границей покупать не позволяли финансы. Тогда директор учебно-производственного комбината и руководители ФЗУ собрали инструкторов, актив учащихся и предложили: попробуем сделать силами учащихся хотя бы один микрометр, завод обещал помочь. Согласны? Дружное «Да» было ответом. И начали пробовать, создали бригаду (были в ней и ребята, слывшие самыми трудными). Школа напряженно ждала. Многие на заводе и комбинате не верили. От некоторых и тогда слышали ставшее потом обычным: «Зачем надрываться», «А что это мне даст». Но основной состав инструкторско-преподавательского коллектива и актив учащихся видели в «затее» не только микрометры, но и ее нравственную суть, значение для ребят сделанного их руками столь нужного стране хотя бы одного микрометра. Сделали. И не один, а четыре. Многое из того, что казалось невозможным, стало возможным.

Помню слова директора комбината на собрании школы: этими микрометрами мы измеряем, друзья, не только сталь, но и ваши способности и вашу преданность родине.

Радость была неописуемой.

Снова отклоняюсь от темы? Нет, приближаюсь к ней, я ведь должна правдиво рассказать о людях 30-х годов, с которыми довелось работать, о времени не только больших трагедий, но и высокого духовного взлета, энтузиазма, о чем у нас тоже нет права забывать.

1 октября 1932 г. в новом здании учебного комбината «Серп и Молот» начались занятия.

Торжественно вручались ученические и студенческие билеты. Вручая их, директор и любимец завода П. Ф. Степанов (впоследствии невинно репрессированный) сказал: «Я счастлив, что дожил до этого дня. Мы находимся сейчас во Дворце науки, построенном рабочими для рабочих» [11]. 90% заводского коллектива к концу первой пятилетки проходили учебу в разных звеньях комбината [12]. Успехи были несомненными. С похвалой отзывался о заводе-втузе (так часто называли учебный комбинат) Серго Орджоникидзе, выступления которого не раз приходилось слышать. На заводе его очень уважали. В мае 1933 г. на первом Всесоюзном съезде по качественным сталям С. Орджоникидзе заявил: «Нет такого металла, нет такого профиля, который мы не могли бы прокатать, нет такой марки стали, которую мы не могли бы плавить». «Серповцы» приняли это и на свой счет. Не предвидели ни они, ни их любимец Серго, что эта возможность долгие годы не сможет реализоваться. Но людей завод в то время формировал самой высокой марки.

В 1933 г. весь ученический коллектив ФЗУ стал комсомольским. Более трех тысяч человек. Конечно, многие механически шли за другими. Однако основное ядро учащихся, как и преподавательско-инструкторский состав, были не только активными, но и высокоидейными, убежденными. Выпускников в цехах принимали охотно. В 1933 г. школа ФЗУ «Серпа и Молота» заняла второе место во всесоюзном соревновании училищ металлургической промышленности. Некоторых, меня в том числе, премировали поездкой в Донбасс. Там видела тот же подъем, что и на «Серпе» (хотя год был на Украине очень тяжелым, голодным). Люди верили в справедливость цели, во имя которой самоотверженно, одержимо трудились. Эту веру старались передавать молодежи [13]. 1933 год был и для нашего завода трудным. Прорыв. Но из него вышли. Смогли сделать, казалось, невозможное. Несмотря, больше того — вопреки всему тому, что происходило «наверху» и о чем мы не знали.

В 1934 г. у нас в семье начался новый этап жизни. Родился сын Игорь. Муж в том же году поступил учиться в Институт востоковедения. Меня перевели на должность заведующей учебной частью заводского рабфака. Одновременно там же преподавала. Занятия были двухсменными. Жили мы в двенадцатиметровой комнате в многолюдной квартире. С соседями-заводчанами отношения сложились, как с родными. Помогали друг другу чем могли. И физически и материально было очень

трудно. Бегала домой кормить сынишку. Иногда его приносили «на кормежку» в комбинат часто сменявшиеся няни. На них в то время держалась и наша и многие другие семьи. О яслях и не мечтали. Муж старался всячески помогать, но ведь ему приходилось одолевать корейский и японский языки, иероглифику. Часто мы недосыпали, иногда буквально валились с ног от усталости. Однако не преувеличу, если скажу, что жили интересно, весело. Ошибок делали немало. О них хотелось бы забыть. Но то были не злостные ошибки.

В нашей комнатушке, посредине которой висела люлька сына (привыкшего спать при свете и шуме, в духоте), по выходным дням, а то и вечерами собирались друзья. Угощать было не принято, да и нечем. Зато жарко и много спорили буквально обо всем. И хотя большинство наших друзей не имели высшего, а некоторые и среднего образования, круг их интересов был широк.

Тогда мы безоговорочно верили всему, о чем писала печать. Обсуждали лишь то, что дискутировалось на ее страницах. Осуждали всех, кто был не согласен с генеральной линией партии. Не припомню, чтобы кто-либо из нас усомнился в ее правильности. Ошибки, в особенности с коллективизацией, вызывали немало споров. Но ведь ошибки эти признал сам Сталин и принял меры к их исправлению... На том и сходились. В основных вопросах оставались единомышленниками и в той или иной мере одинаково слепыми. Работать продолжали одержимо. Конечно, разные люди были на заводе. Я ведь пишу в данном случае о заводском молодежном активе, о людях, которые, живя материально очень трудно, бедно, духовно были богаты, идейно убежденны.

Наша дружба, крепкая, верная, была нелицеприятной. Говорили другу правду в глаза. Неведомы нам были тогда закулисная критика, двойная мораль, то, что позднее стало столь распространенным.

В этой связи вспоминается чистка партии в 1933 г. В то время многие ответственные работники союзного масштаба были прикреплены к цехам завода. Помню, несколько часов в прокатном цехе «чистили» братьев Межлауков (Валерия Ивановича и Ивана Ивановича)[14]. В помещении набилось много народу.

Выступали многие рабочие. Запомнилась фраза одного из них: «Не хочу вас „прокатывать“, но все, что думаю о вас, скажу». И резал правду-матку. Поразило, что прямота, резкость выступавших сочетались с уважительностью, доброжелательностью. Не помню, о чем конкретно говорили, но в памяти сохранился момент, когда огласили: «считать проверенными» и один из братьев, не скрывая слез, тихо сказал: «Спасибо, братцы».

Наконец дошла очередь до учебного комбината и до меня[15]. Критических замечаний выслушала от своих друзей-коллег по-

рядочно. Понимала, что они выступают не против меня, а за меня. Старалась учитывать замечания и тогда и позднее.

Со второй половины 30-х годов на заводе начались аресты за «политические дела». Через газету «Мартеновка» или устно информировали: обнаружена группа «вредителей-саботажников» или раскрыто троцкистское гнездо, контрреволюционная шайка и т. п. Что, кроме гнева и возмущения, могла вызвать такая информация? Мы ведь приучены были не сомневаться в справедливости того, что происходит в руководстве и в нашем правосудии. Да и как было сомневаться? Из печати о так называемых открытых процессах узнавали, что видные деятели партии и государства признавались в измене родине, в шпионаже. Сами признавались в этом...

Арестовали нескольких заводчан, которых знала, с которыми рядом работала. Вместе со всеми голосовала на собраниях за их исключение из партии. И не в том дело, что боялась заступиться, я боялась ошибиться, даже усомниться. Стараюсь воспроизводить это время в памяти, до предела ее напрягаю. Нет, сомнений не было. Верила, как и мои товарищи, что врагов много и их становится по мере роста наших успехов все больше. Они ловко маскируются. А мы потеряли бдительность, ничего не замечали. Думалось: справедливо обзывали меня за это гнилой интеллигенткой.

Слушатели рабфака, в основном взрослые кадровые рабочие, иногда приходили на занятия крайне взволнованными: несколько лет работали с таким-то, уважали его, а он оказался врагом народа. Какие же мы слепцы. Возмущалась вместе с ними.

Муж рассказывал, что и в институте происходит то же. «Орудуют враги». Их изолируют. Он был поглощен учебой, но часто приходил на завод, выступал с докладами о незнакомом, далеком Востоке. «А ну-ка, Толя, расскажи, что происходит в нашей Корее», — просили его в прокатном цехе, где он регулярно бывал. Мы не раз вспоминали определение «наша». Словно в воду глядели. Ведь некоторые «серповцы» участвовали в ее освобождении. Другие помогали корейским металлургам восстанавливать и развивать промышленность КНДР. Но все это много позже.

В 1937 г. мне поручили по совместительству заведовать парткабинетом завода, а затем культурно-пропагандистским участком в парткоме. Согласия тогда не спрашивали. Поручили, доверили — выполняй. Стало еще труднее, но роптать не смела. Видела, что многим моим товарищам было еще тяжелее. Делали все возможное и сверхвозможное. Повторяю: не знали тогда мы, миллионы рядовых, правды, не могли знать. И если быть до конца честными, не стремились к этому. В плоть и кровь вошли догмы: мы снизу выбираем и доверяем, наверху решают и руководят. Только так воспринимался принцип демократического централизма. Централизм абсолютизировался,

приобретал характер и формы деспотического диктата, а демократия сводилась к нулю. Мы этого не ведали, но стали невольными соучастниками подмены ленинского социализма сталинским. В итоге высокая степень убежденности, духовности, идейности сочеталась с незнанием того, как на практике извращаются, деформируются наши идеи, как узурпируется власть и нарастают преступления.

Радость испытываешь от того, что постепенно восстанавливается правда. И горечь своей невольной вины. И досаду из-за того, что сейчас некоторые авторы, пытающиеся раскрыть истину, не представляют, не учитывают, как все происходило, создают о прошлом новую большую неправду.

Приведу в связи с этим несколько примеров.

«Серповцы» — народ не трусливый. Когда в 1938 г. арестовали как «врага народа» одного из секретарей цехового партбюро, Сашу С., группа коммунистов и беспартийных шумно ворвалась в партком. «Не верим, — буквально кричали они, — не может такого быть. Знаем его с малолетства, и дед и отец его заводские рабочие. Пиши письмо Сталину, все подпишем. Ошибка произошла. Пусть дойдет до самого Сталина», — требовали они от секретаря парткома Бубнова. Последний сначала заметно растерялся, затем обещал все, что возможно, выяснить. Как он это собирался сделать, не знала.

Через два дня он собрал партком, пригласив представителей цеха и зачитал «признания» арестованного секретаря. Да, Саша признал себя виновным в том, что, будучи дружен с польской «шпионкой» (она работала у нас на комбинате преподавателем школы), он передавал ей секретные сведения о продукции завода, людях и т. п. Запомнились зачитанные слова: «Признаю свою страшную вину, за которую мне не может быть прощения». Молча, глазами полными ужаса, смотрели заводчане на Бубнова. «А ну покажи», — потребовал один из них. Бумага пошла по рукам. Были приложены к ней и показания польской «шпионки» (о ее судьбе не знаю, но нетрудно догадаться). Что касается Саши, то примерно через год его освободили. Надломленного, молчаливого, избегающего людей, постаревшего, его невозможно было узнать. Не узнали мы тогда и правды о том, какой ценой выбивались признания о вине у невинных людей. Об этом стало известно позднее. А тогда? Реакция, вспоминается мне, была однозначной: если таких людей, как Сашу, враги способны толкнуть на предательство, как же нужно повышать свою бдительность. И повышали.

Летом 1938 г. меня вызвал секретарь парткома и сказал, что наконец решили удовлетворить мою просьбу и освободить от работы в парткоме, что действительно трудно и здесь, и на рабфаке.

Трудно — не то слово, было невыносимо. Обрадовалась, но радость была какой-то тревожной. Вскоре все прояснилось. Оказывается, арестовали заведующего учебной частью комби-

ната И. И. Зайцева, с которым мы восемь лет дружно работали. Когда-то он был левым эсером, затем перешел в Коммунистическую партию, активно работал. Его обвинили в создании на заводе левоэсеровской террористической группы и репрессировали. Об этом я узнала на заседании парткома. Секретарь сказал, что Зайцев во всем признался. Посыпались вопросы и о характере моих взаимоотношений с Иваном Ивановичем (сколько раз мы с мужем бывали у него в гостях, какие там велись разговоры, кто еще был, неужели ничего подозрительного не замечали и т. п.). Врезался в память «заключительный» вопрос секретаря. «Понимаешь ли ты, что проявила интеллигентскую бесхребетность, политическую слепоту, если ничего не заметила за восемь лет совместной работы с матерым врагом народа?» Не помню, что ответила, но чувствовала себя виноватой. Ведь о том, что Зайцев был когда-то активным левым эсером, я действительно и не вспоминала.

Решили передать вопрос обо мне на рассмотрение партийной организации учебного комбината. Обсуждение было тягостным. Выступавшие говорили, что и они, работая вместе с Иваном Ивановичем, ничего не замечали. Главное, мы все тогда не знали, что и замечать-то было нечего. Собрание ограничилось тем, что приняло к сведению мои объяснения [16].

Ночью мы просыпались от каждого стука. Думали, пришли за нами. И не скрою, хотя это не украшает мою партийную биографию, считала себя (как и других) виновной в потере бдительности, из-за чего так ловко орудуют враги.

Некоторые, даже из числа близких товарищей, стали относиться ко мне настороженно. Не осуждала их. (И. И. Зайцева освободили в начале войны. Когда я в 1942 г., приехав в Москву, зашла в партком «Серпа и Молота», он был на культурно-просветительской работе. Сидел в том «кресле», с которого меня из-за него выдворили. Дружба наша продолжалась. Искренне призналась, что поверила в его вражескую деятельность. Он ответил, что понимает, что пребывание в партии левых эсеров легло тенью на всю его жизнь. Сейчас, возможно, считал бы иначе, но его уже давно нет.)

Продолжать работу на рабфаке завода я не смогла: требовалось подтверждение наркомата тяжелой промышленности, а там с моей кандидатурой не согласны. Фактически оставалась не у дел. Друзья-«серповцы» рассказали об этом Николаю Александровичу Михайлову, тогдашнему ответственному редактору «Комсомольской правды». Он позвонил, спросил, согласна ли я работать в газете и если согласна, то он узнает на заводе, какие мне предъявлены обвинения, и если ничего серьезного, возьмет на работу в «Комсомолку» литсотрудником. Предупредил, что он мне верит, но не проверить не имеет права. Все оказалось в порядке, и с осени 1938 г., сдав рабфаковские дела, перешла в «Комсомольскую правду». Поступок Н. А. Михайлова некоторых удивил. Да, в то время это был поступок.

С чувством горечи, но без обиды покидала я завод. Конечно, разные люди были там, как и всюду: встречались и доносчики, и ловкачи, и приспособленцы, использовавшие в корыстных целях обстановку тех лет.

Не с ними олицетворяется в моей памяти образ столь дорогого сердцу «Серпа», его людей, товарищей по работе, энтузиастов 30-х годов. Как хотелось бы всех их назвать поименно. Но это невозможно. Да и не смею говорить обо всех. Знаю, какими они были, но не знаю, какими стали потом. В 30-х годах мужественно прошли они огонь и воду. А вот все ли прошли испытание медными трубами? Думается, что большинство оказавшихся «наверху» «серповцев» справились и с этим испытанием.

Смею утверждать главное: «Серп и Молот», и не только он, в те годы воплотил в себе огромные духовные и трудовые ценности.

В первые месяцы Великой Отечественной войны на фронт ушли, в основном добровольцами, свыше 3,5 тысячи «серповцев». Из восьми комсомольцев, геройски погибших в тылу врага под Волоколамском, пятеро были с завода «Серп и Молот» (конструкторы Константин Пахомов и Николай Галочкин, машинист Павел Кирьяков, инженер Николай Каган и монтер Виктор Ординарцев) [17].

О скольких людях завода и их подвигах на фронте и в тылу, в годы войны и в мирное время можно было бы написать. Но это тема других нужных книг, которые помогли бы правильно оценить время больших свершений и тяжких трагедий. Ведь не только массовое сознание, но и наука порой не учитывают, что, обобщенно говоря, есть два основных критерия, определяющих результаты долгого процесса становления новой общественной формации. Применительно к нашей стране (да и не только к ней) это: а) чего мы могли бы достичь, не будь деформаций, культа, застоя и б) какими мы были и какими стали, несмотря и даже вопреки этим и другим недугам.

Сейчас в живых осталось лишь очень немного «серповцев»: Саша Чернышев и его жена Мария, Маруся Жидкова, Лена Баскакова, Юлия Оно, Маруся Арушанова, еще несколько человек. И связывают нас не только воспоминания о прошлом, но и забота о делах нынешних и грядущих. И хотя каждому выпала своя доля трудностей и удач, своя судьба, наложившая печать на характеры и взгляды, в основном мы, как и раньше, единомышленники. Поэтому и пронесли через долгую жизнь крепкую и верную дружбу [18].

Ныне «Серп» похож на город. Проезжаю мимо и глазам не верю: что было и что стало. Можно ли это сбрасывать со счетов правды?

Без остановки производства развернулась реконструкция завода. Его десятитысячный коллектив насчитывает много династий, представители, а то и родоначальники которых учились

в 30-х годах в ФЗУ, на рабфаке, в других звеньях комбината. Они стали ядром коллектива, призванным воспитывать следующие поколения, естественно применяясь к новым условиям и требованиям. И тут снова возникают «но». У завода множество проблем [19]. Решать их должны в первую очередь сами «серповцы». А какие они сегодня?

Не раз бывала в последние годы на «Серпе». В числе других ветеранов присутствовала на одной из конференций заводского комсомола. Она особенно запомнилась. Умные, дельные выступления образованных, думающих молодых людей. Могли ли так выступать когда-то наши самые знаменитые серповские «златоусты»? Но слушали их равнодушно. Делегаты, заполнившие большой зал (модно и ярко одетые), явно скучали. Да и выступали, вероятно, те, кому поручил комитет. После перерыва зал наполовину опустел. Никого это, похоже, не удивило.

Во время перерыва попробовала побеседовать с группой ребят. Рассказала им, что много лет назад учила в ФЗУ и на рабфаке их дедушек и бабушек, что это была замечательная молодежь, что многое стоило бы из ее прошлого позаимствовать и т. п. Не дошло. Разговора не получилось. Слушали с деланным вниманием, смотрели с нескрываемым равнодушием.

Была как-то в музее завода, когда юношу из династии сталеваров посвящали в рабочие. У нас, стариков, сердце щемило сладко и больно. А у «посвящаемого», казалось, было одно желание — поскорее окончился бы этот лишенный святости ритуал. Обескровлено было то, что когда-то глубоко жило в душах и сознании.

Последний раз была в музее завода на так называемой встрече ветеранов с молодежью. Оговорка не случайна. Дело в том, что пришли на встречу только ветераны и несколько членов комитета комсомола. Было радостно видеть старых товарищей и грустно от того, что нас не хотят видеть и слушать молодые. Конечно, это и наша вина. Не смогли передать им многие духовные ценности молодежи тех лет. Так хотелось рассказать ребятам о том времени, вместе поразмышлять, что следует из него воспринять, от какого наследства отказаться... Но говорить было некому. И думалось: размыты добрые традиции. Оборвана связь поколений. Убеждена: это временно, да и не смею делать такой суровый вывод по отношению ко всей серповской молодежи и ее воспитателям. Верится, что в революционном обновлении общества они себя достойно проявят.

Если годы на заводе стали одной из самых памятных и светлых страниц моей жизни, то работа в «Комсомольской правде» оказалась, пожалуй, самой мрачной. Журналистского дела я не знала. Но беда была не в этом. Бедой было время, сказавшееся в условиях газеты особенно болезненно. Осенью 1938 г. репрессии, которые вырвали из редакции ее основные руководящие кадры, еще продолжались. Никого из невинно пострадавших не знала. А если бы знала? По-прежнему верила бы в

справедливость происходившего. Верили ли другие в газете? Не знаю. Ведь журналисты, как правило, народ осведомленный. Помню, на одном из собраний известная публицистка Елена Кононенко сказала, что тяжко, душно, многое непонятно. Ей отвечали: «Врагов разоблачаем, очищаемся от них, а тебе душно? Кто же ты?» Стыдно признаться, но я думала так же. Хотелось бы об этом забыть, но не имею права.

Первое время работала литературным сотрудником в отделе пропаганды. Им заведовал Гриша Глезерман, которого я знала и раньше. Он вел на «Серпе и Молоте» пропагандистскую работу. Был уважаем. Очень стремился вступить в партию, что было тогда сложно (муж всячески старался ему в этом помочь). В конце концов приняли.

Работать с Гришей было интересно и легко. Он выделялся в редакции своими глубокими знаниями, интеллигентностью. Впоследствии стал одним из крупнейших советских философов.

Очень скоро, не от хорошей жизни (ведь некоторые редакционные подразделения остались без руководителей, а резерва не было), меня назначили заведовать отделом студенческой молодежи [20]. Работа оказалась трудной. Однако больше всего тяготила по-прежнему обстановка. Видя мою растерянность, секретарь парторганизации попытался помочь. Рассказал о людях, о своеобразии газетных нравов. Чувствовалось, что он любит свое дело и коллектив. Говоря о том, что некоторых, казалось бы таких надежных, «проглядели», обронил: «Не исключены и ошибки, разберутся». Вскоре был репрессирован и он.

При выборах нового партбюро редакции я вошла в его состав. Тоже не от хорошей жизни. Да и марка завода «Серп и Молот», откуда я пришла, была высокой.

Михайлов старался меня поддерживать и, вероятно, продвигать. Однако на людях вел себя подчеркнуто официально, и мне стоило больших усилий принять этот тон общения.

Вообще многое я делала не так, и мне напоминали, что это не завод, а редакция союзной газеты [21].

После снятия с поста первого секретаря ЦК ВЛКСМ А. Косарева (вскоре арестованного) им стал Н. А. Михайлов [22]. Обстановка в редакции осложнилась. Временщики, оставшиеся у руководства, метались, опасаясь, не без оснований, и за свою судьбу. Потоком шли в газету письма, сигнализировавшие о вредительстве, о происках врагов народа. Авторы требовали их немедленного опубликования, угрожали. Помню, одна особа принесла статью, громившую известного академика, обвинявшую его во вражеской деятельности. Когда ей осторожно сказали, что нужно привести доказательства, она закричала: «Вы все в редакции враги народа и потому их покрываете и оберегаете». Тут же помчалась жаловаться на нас в ЦК комсомола. Оттуда последовал грозный звонок помощника Мишаковой. (Но статью все-таки не опубликовали.) Подобных случаев можно привести немало.

Большой бедой «Комсомолки» было то, что ее курировала Мишакова. Она стала зловещим явлением в комсомоле тех лет. Именно явлением, а не просто страшной фигурой. Возле нее образовалась многочисленная свита «своих людей» — осведомителей, доносчиков, подхалимов, карьеристов и прочей нечисти. Того, какую опасность представляет собой Мишакова, я, как, вероятно, и многие другие, не понимала. Не знали мы долгое время, что по ее вине арестовывались и погибали невинные. (Решения VII пленума ЦК ВЛКСМ о Косареве, как и другие, трактовались извращенно.)

Непосредственно познакомиться с Мишаковой мне довелось при следующих обстоятельствах. В редакции царили неразбериха, безответственность. И надо же было такому случиться, что именно в это время секретаря парторганизации направили на другую работу, а вместо него избрали меня. Была в растерянности, но не отказалась. И вот на одном из партийных собраний я выплеснула, видимо слишком эмоционально, накипевшее. Не помню, о чем говорила, но волновало главное — как оздоровить обстановку. Многие выступление поддержали. Беда заключалась в том, что, говоря об оздоровлении, мы не знали болезни. Не тот ставили диагноз. Не знали мы и того, что на собрании велась стенограмма, тут же направленная Мишаковой[23].

Вскоре членов редколлегии — Полетаева (редактора), Финогенова, Степаньяна и меня как секретаря парткома — вызвали на бюро ЦК ВЛКСМ[24]. Незадолго до этого мы обратились туда с письмом о положении в редакции и необходимости укрепить руководство, помочь навести порядок. Надеялись, что именно об этом пойдет разговор. Тогда я впервые увидела Мишакову. Внешне весьма привлекательная. И вся обстановка поначалу не внушала тревоги. Заслушали краткое сообщение Полетаева. Сразу слово взяла Мишакова. Потрясая стенограммой партийного собрания редакции, она заявила, что секретарь парткома, т. е. я, разлагает коллектив. Ни больше, ни меньше! Оказывается, я излагала на собрании свои «незрелые взгляды, свое неверие, малодушие, деморализуя коллектив». Ее поддержали некоторые члены бюро. Михайлов молчал. Я его в полной мере поняла только теперь, но не тогда. Он был бессилен перед этой всемогущей дамой, которую опекал сам Сталин. Дали слово и нам, но лишь для проформы. Затем попросили выйти и вызвали через некоторое время, чтобы ознакомить с решением. Ничего конкретного и конструктивного в нем не было.

Михайлов хмуро задавал вопрос каждому из нас: «С решением согласны?» Когда очередь дошла до меня, сказала, что не вижу в решении радикальных мер. Мишакова от ярости даже вскочила с места. «С бюро ЦК не согласна? Какая наглость». Михайлов постарался смягчить ситуацию. Он напомнил, что я нахожусь не на заводском собрании, а на бюро ЦК ВЛКСМ и этого не следует забывать. Ответила: если не

имею права не соглашаться с решением, зачем спрашивают. И в свою очередь напомнила, что речь шла о партийном, а не о комсомольском собрании редакции. Мишакова снова вскочила. «Речь идет о вашей антипартийной, разлагающей коллектив позиции. Сейчас же доведу до сведения... (не помню, кого назвала). Такой секретарь газете не нужен» [25].

Когда вернулись в редакцию, там уже все было известно. (Не зря шутят, что журналисты узнают о случившемся раньше случившегося.) Некоторые постарались отвести глаза, уклониться от разговора, другие сочувственно качали головами или осуждающе пожимали плечами. Не удивлялась, ждала, что снимут, уволят. Подготовила дела к сдаче новому секретарю. Но пока все оставалось по-прежнему.

Вскоре снова членов редколлегии и меня вызвали на заседание секретариата ЦК ВЛКСМ.

Присутствовали все секретари ЦК, кроме Михайлова. Никого из членов редколлегии не сумели разыскать и оповестить. «Ответчицей» оказалась я одна.

Совещание проходило в кабинете Мишаковой, откуда вела дверь в комнату отдыха (острословы называли ее «будуар всесильной Ольги»). Оно было неофициальным. Говоря о нездоровой обстановке в редакции, требовали, чтобы я признала свои ошибки. Не помню, что отвечала, но смысл был таков: «Докажите, в чем я виновата, тогда признаюсь». «Какая наглость, — взорвалась Мишакова, употребив свое любимое слово, — мы ей должны доказывать...» Да и другие, вероятно, думали так же. Я упрямо твердила одно. Это были не принципиальность, не смелость, а бессилие (очень боюсь оказаться похожей на тех, кто сейчас старается изобразить себя лучше, чем был в то время). Всем надоело. Один из секретарей, Громов, предложил: «Пусть еще подумает и сама себе доказывает». На том и кончилось совещание.

Как-то ночью приехала в редакцию крайне возбужденная Мишакова. «Только что была у Иосифа Виссарионовича, — сообщила она.— Спросил меня: как работается, Ольга Петровна, не обижают ли вас? Хотела рассказать, что „Комсомолка" обижает своего куратора, но сдержалась. Авось, образумитесь».

На этот раз она негодовала из-за того, что ее «программному» выступлению на совещании писателей газета отвела мало места. Надо будет заняться отделом литературы и искусства всерьез, заключила Мишакова.

Вывод звучал угрозой в мой адрес, тогда заведовавшей этим отделом. Вскоре занялись. Перевели во вновь созданный отдел культуры и быта. Я очень огорчилась. Было интересно в прежнем коллективе, хотя знала, что некоторые ко мне относятся не очень доброжелательно. Об этом как-то откровенно сказал Семен Трегуб — писатель, журналист, хороший человек. Однажды он устроил мне своеобразный экзамен по литературе и искусству. Выдержать экзамен помогла мне учеба в Институте

слова и на филологическом отделении 2-го МГУ. Рассказала Трегубу, как мне трудно в газете. Дал немало дельных советов. Стали с ним добрыми товарищами. Помогали мне и другие. В отделе были в основном яркие, одаренные люди. Тесно сотрудничал с нами Семен Кирсанов. Его талантливые произведения не все принимали, точнее, не понимали. А бурная реакция Кирсанова на это непонимание, повышенная эмоциональность, иногда и резкость, оборачивались против него. Несколько раз он в Союзе писателей подавал заявление о приеме в партию — отказывали. Переживал отказы мучительно. Посоветовались с Михайловым — как помочь Кирсанову. Порекомендовал обратиться от имени парткома «Комсомолки» к А. А. Фадееву, что я и сделала. Фадеев принял доброжелательно. Но когда изложила суть вопроса, удивился: «Неужели вы полагаете, что мне это неизвестно?» Запомнились хорошо его слова, ибо поняла, что это мне неизвестна обстановка в Союзе писателей. Фадеев расспрашивал о редакционных делах, обещал в «деле» Кирсанова учесть мнение «Комсомолки» [26]. Хотелось мне о многом побеседовать, но в приемной ожидало множество посетителей.

Работал тогда в отделе литературы и искусства молодой Анатолий Калинин.

А сколько приходило писателей, художников, артистов. Запомнились неоднократные беседы с С. Я. Маршаком, его мудрые советы.

Читал в редакции свои новые произведения А. Толстой. Приносил переводы стихов Б. Пастернак, молчаливый, угрюмый. Частыми гостями нашего отдела были и другие «звезды» литературы и искусства.

Подробнее позволю себе сказать о сотруднице отдела, ставшей моим близким другом, — Люде Третьяковой. Раньше она работала техническим секретарем Союза писателей и своим обаянием, интеллигентностью, знаниями завоевала там всеобщую любовь. В редакции она оказалась незаменимой. Любое интервью с самыми маститыми и недоступными деятелями культуры Люда могла организовать, к любому обратиться с просьбой написать статью, рецензию и т. п. Она была из профессорской династии Раковских, унаследовав высокую семейную культуру [27].

Вспоминается один не лестный для меня случай. Поручили мне взять интервью у В. И. Немировича-Данченко. Позвонила, отрекомендовалась и услышала сухой, категоричный ответ: «Не могу принять корреспондента, занят». Была обескуражена. Люда успокоила: интервью будет. И в тот же день сдала в номер текст беседы. Подобное случалось не раз. Она тонко понимала и чувствовала литературу, разные виды искусства. По долгу службы мы с ней ходили на премьеры спектаклей, выставки. В театрах у «Комсомолки» были свои постоянные места, пустовать им мы не давали [28].

Да, не только мрачное высвечивает память. Было немало

хорошего и во время работы в «Комсомолке». След в сердце оставило общение со многими ее людьми. Помню юную Лилю Коростоянову, сотрудницу отдела студенческой молодежи. Несмотря на разницу в возрасте, мы с ней подружились [29]. Пока жива, не забуду неистового Вано Джапаридзе, спокойного рассудительного Сережу Любимова, многих других.

Но работа в партийной организации и общая редакционная обстановка оставались сложными. То и дело Мишакова, а чаще ее порученцы требовали немедленно обсудить вопрос о партийности того или иного коммуниста. Это касалось главным образом «старожилов» «Комсомольской правды», якобы не сумевших за годы совместной работы распознать «врагов народа». Иногда партбюро сверху прямо предупреждали: в ближайшее время арестуют такого-то, есть неоспоримые доказательства. Хотите, чтобы его забрали с партийным билетом? Нет, мы этого не хотели. О «неоспоримости» доказательств не знали. Спрашивать не было принято.

При всей моей личной неприязни к Мишаковой в голову тогда не приходило, что она страшное порождение и орудие трагического времени, тирании Сталина, в которого, как и ранее, я верила безгранично. Повторяю, не оправдываясь: придя в «Комсомолку», не знала ни ее нравов, ни людей. Главное, не понимала происходившего вокруг. Известно было одно: наша страна существует в одиночестве, окруженная врагами, и поэтому бдительность нужна высокая. А могли ли мы предполагать, что она направляется не туда, куда нужно, объективно помогая нашим недругам. А если бы и предполагали? Не случайно повторяю эти вопросы в книге — они непрерывно сверлят и голову и душу.

В партбюро подолгу лежали материалы о «потерявших бдительность» коммунистах. Последние возмущались — почему не разбираем. Они надеялись оправдаться. Сверху, из ЦК комсомола, тоже нажимали, требуя быстрее обсудить и осудить.

В числе «потерявших бдительность» оказался и Гриша Глезерман. Его «дело» было для меня самым мучительным. Ведь давно знала и очень уважала его. Но думалось: как мог он, столько лет работая рядом с «врагами народа», не распознать их? Каялся он и сам в этом. И вот на бюро, а затем на собрании вместе со всеми я голосовала за исключение его из партии (помнила, что сама на «Серпе» оказалась не на высоте, поверив эсеру Зайцеву). Поручилась за честность Гриши: мол, честный, но не боец. Удар для меня был двойным. Начальство возмущалось: ты поручилась, а его заберут. Как будешь выглядеть? Не посадили, восстановили в партии. Тяжело было другое: смотреть ему в глаза. До сих пор стыдно и больно вспоминать. (Он поступал в отношении своих товарищей так же. Уверена — не из трусости, а из-за фанатичной веры в правоту происходящего [30].)

Для иллюстрации редакционной обстановки, отражавшей

общую смутную ситуацию в стране, приведу один случай. О нем подробно рассказано в статье «Комсомольской правды», которая так и называется — «Герой смутного времени»[31]. С этим «героем» я работала, но правду о нем узнала много позже, а подробности только сейчас.

Что же произошло?

В начале 1939 г. в редакции появился новый сотрудник — Валя Пургин и как-то сразу обратил на себя внимание чрезмерной, не очень характерной для журналистов скромностью, даже застенчивостью. Он был назначен заместителем заведующего военным отделом газеты. Очень часто ездил в командировки, и не только по ее поручению. Узнали, что Пургин выполняет какие-то важные секретные спецзадания. Прониклись к нему и уважением. Затем выяснилось, что он имеет высокие правительственные награды, в том числе два ордена Ленина, но из скромности упорно не хочет их носить. К симпатии и уважению добавилось восхищение. Однажды Пургин зашел ко мне узнать, какие документы нужны для вступления в партию и не дам ли я ему рекомендацию. Разговаривали довольно долго, но он как всегда был сдержан, рассказывая о себе: биография, мол, ничем не примечательная. Недолго работал в провинциальной печати, но «прикипел» к журналистике навсегда. О спецзаданиях не рассказывал, а я, естественно, не спрашивала. Искренне огорчалась, что не могу дать ему рекомендацию, так как знаю его меньше года. Спросила, почему он не носит награды, ведь это было бы приятно и его товарищам. Ответил: сказать правду, за что их получил, не могу, да и неудобно выделяться. Поверила.

Собрание, на котором Пургина принимали в партию, напоминало юбилей. Славословию не было границ.

Старались помочь ему наладить неустроенный быт. Не жаловался, но знали, что жить ему негде. Часто ночевал в редакции. Таким я его запомнила. А вот что узнала потом, главным образом из статьи в «Комсомолке», и была буквально потрясена.

Оказалось, что он был вовсе не Пургин, а Голубенко, уголовник-рецидивист, бежавший из мест заключения, ловко использовавший смутное время и всплывший на его волнах. Боролись ведь тогда с мнимыми преступниками, с «врагами народа». Их выискивали, крушили, громили. Было не до таких, как Пургин. А он этим воспользовался. Изменил биографию. Присвоил чужое имя, украл ордена. А затем путем дерзкого обмана организовал присвоение ему звания Героя Советского Союза в числе отличившихся в Финской кампании. Помогли ему это сделать ночевки в приемной главного редактора «Комсомолки», где стоял служебный кремлевский телефон. А работали тогда ночами не только в редакциях газет. (Я узнала о том, что Пургин стал Героем Советского Союза уже в Сеуле. Конечно, радовалась и гордилась.)

Все раскрылось довольно быстро. 23 мая 1940 г. он был арестован, а через пять месяцев расстрелян.

Пишу об этом лжегерое, лжеорденоносце, лжежурналисте и вообще лжечеловеке, который в других условиях, возможно, стал бы незаурядным человеком, лишь с одной целью: нагляднее представить то смутное время в стране и в редакции «Комсомолки» в частности.

Однажды (в 1939 г.) в отчаянии и по совету товарищей я позвонила тоже по кремлевскому телефону А. А. Жданову. Трубку взял его помощник Кузнецов (имени и отчества не помню). Назвалась и попросила, чтобы меня принял секретарь ЦК. Спросил, по какому вопросу. Ответила, что «Комсомолке» очень плохо. Нужна помощь. Кузнецов ответил: «Раз „Комсомолке" очень плохо, приходите в воскресенье» (день запомнила, число и даже месяц забыла). Это был 1939 год. Когда я в назначенное время пришла, то оказалось, что Жданов улетел в Ленинград, и принял меня Кузнецов. «Выкладывай все как на духу», — сказал он ободряюще. Выложила, хотя нескладно и сбивчиво. Прерывал вопросами. В конце разговора с усмешкой спросил: «А не в том ли дело, что Шабшина представляет группу, которая рвется в газете к власти?» Поняла: имеет в виду другое — меня. Ответила в тон, что это исключено, да к тому же уезжаю с сыном в Сеул к мужу (нас уже оформляли туда). В редакции же действительно есть большая группа людей, обеспокоенная фактическим отсутствием руководства и нездоровой обстановкой. Кузнецов слушал внимательно, записывал. Заметила, что с повышенным интересом расспрашивал о методах руководства газетой Мишаковой.

Через несколько дней он вызвал меня, сказал, что доложил о разговоре секретарю ЦК, меры будут приняты и, главное, напоследок (до отъезда) следует «крепко нажать на дело» (лексикон того времени).

В редакцию вернулась очень довольная. И тут же допустила большую ошибку: рассказала о беседе товарищам. А этого делать было нельзя. Третий разговор с Кузнецовым был тяжким. Мрачно поздоровавшись, он сказал: «Правильно тебя поправили на бюро ЦК комсомола (рассказала и об этом). Редакция газеты — это не завод. Не обо всем нужно информировать, даже друзей». Видя, как я расстроилась, добавил: «Не огорчайся, а извлекай уроки». Старалась извлекать, но происходящего вокруг по-прежнему не понимала.

Новый этап в жизни «Комсомолки» начался с приходом к руководству ею Бориса Буркова (в сентябре 1939 г.) и несколько позднее Николая Данилова, назначенного ответственным редактором «Комсомольской правды». Очень скоро стали ощущаться перемены. Наводился порядок. Сплачивались и свободнее дышали, хотя, конечно, далеко не полной грудью, люди.

Николай Данилов и Борис Бурков были и внешне и характерами разные. Невысокий, плотно сбитый, излучавший искро-

метный юмор, обаяние, широкий в суждениях, не всегда собранный, Николай сразу становился душой любой компании, коллектива.

Высокий, ладный, подтянутый, поначалу казавшийся суховатым и сдержанным, но отчаянно веселый и озорной, в работе организованный и целеустремленный, Борис обычно воспринимался как лидер.

Их столь непохожих, роднили большая щедрость души, ум, талант, верность долгу, делу, которому они посвятили жизнь. О таких людях позволено говорить высоким слогом.

С Николаем Даниловым и Борисом Бурковым и их семьями меня с мужем связала крепкая дружба на всю доставшуюся каждому из нас жизнь.

Время, с его зигзагами, радостями и бедами, неоднократно проверяло и закаляло прочность этой дружбы.

Таким приехал в Корею очевидец — рядовой поколения комсомольцев 20-х — коммунистов 30-х годов. Такими были его товарищи и времена.

Для раздумий об этом поколении в свете сегодняшнего дня необходимо немного сказать о коллективе советского генерального консульства в Сеуле.

Начать я должна с мужа.

Писать о нем очень трудно: и потому, что его уже нет, слишком рано ушел и боль потери с годами не утихает, и потому, что боюсь показаться необъективной. Главное же — трудно мне найти слова, характеризующие этого большого, самобытного человека, естественно, со своими, как и у всех нас, слабостями и недостатками. Уместнее привести о нем воспоминания других.

Так, В. И. Петухов в своей книге «У истоков борьбы за единство и независимость Кореи» пишет: «Анатолий Иванович считался лучшим специалистом по Корее, был большим знатоком истории этой страны, ее этнографии, быта, культуры. Он был автором (составителем.— *Авт.*) первого русско-корейского словаря, изданного в 1948 г. ...Особую ценность, — продолжает В. И. Петухов, — для практической работы представляли широкие связи Шабшина с корейскими прогрессивными политическими и общественными деятелями, которые с большим уважением относились к нему и помогали изучать местную обстановку. Через контакты с ними Анатолий Иванович знакомился с настроениями трудового народа страны, которые были понятны и близки ему, опытному коммунисту-интернационалисту» [32].

Немного добавлю. Родился он в крестьянской семье. Дед его, Павел, в юности был крепостным. Семья Толи, как и моя, была добропорядочная, большая и патриархальная. Разнонациональность наших семей лишь первое время омрачала взаимоотношения. Скоро они стали родственными и самыми теплыми. Толю моя мать, сестра, брат, вся родня очень полюбили, а его родители относились ко мне как к дочери.

В. И. Петухов пишет, что примечательна была биография Анатолия Ивановича. Воспитанник завода «Серп и Молот», он начал свой путь вальцовщиком прокатного цеха (предварительно окончив заводскую школу — ФЗУ), «после нескольких лет работы на заводе стал директором фабзавуча, прошел школу комсомольской работы, учился на японо-корейском отделении Института востоковедения, по окончании которого был направлен на службу в систему наркоминдела» [33]. Думается мне, что биография обычная, заурядная. Человек он был незаурядный. Интеллигент «серповской марки», один из представителей когорты новой интеллигенции. Образованный, много знающий. Упорно и одержимо учился. Так же и работал. Никогда не жаловался, хотя нередко бывало очень тяжело. В частности, ощутимо давали себя чувствовать девять лет непрерывного пребывания в Корее (с января 1939 по январь 1948 г.) не только без отпусков, но и без выходных дней.

Силюсь вспомнить, как он воспринимал происходившее у нас в стране, время, порождением которого, естественно, был и сам. Против недостатков, непорядков, с которыми сталкивался, боролся. Не отмалчивался, не отходил в сторону. Но сомнений в правоте «генеральной линии», в том, что именно она проводится, никогда не проявлял. Ему были чужды паникерство, нетерпение, присущи трезвость, понимание, что все непросто, нелегко, не сразу...

Вспоминаю его в самые трудные времена, в 1937—1938 гг., особенно после ареста И. И. Зайцева. Он, как и я, переживал, но старался казаться невозмутимым, успокаивал меня: если и заберут, в конце концов разберутся. Ведь вина наша только в том, что не заметили участия Ивана Ивановича во вражеской деятельности эсеров на заводе. Сомнений, была ли вообще такая группа, не возникало. Ведь утверждалось, что это доказано, что сами члены группы, в том числе их руководитель Иван Иванович, признались...

Когда в начале Великой Отечественной войны радио, печать сообщали об отступлении наших войск, о том, что гитлеровцы под Москвой (особенно неистовствовали японские газеты, предрекая неминуемую капитуляцию СССР), и мы видели, как интенсивно готовится к войне против нас Япония, отдельным товарищам и в консульстве казалось, что мы не выстоим. Как же терпеливо муж (он все годы пребывания в Сеуле был парторгом) вместе с генеральным консулом Леонидом Дмитриевичем и другими убежденно доказывали, что народ наш не сдастся.

А в течение советско-японской войны, когда мы фактически были интернированы и японские полицейские изощрялись в запугивании, в издевательствах над нами, как помогали выдержка и спокойствие консульского парторга [34].

В разные времена с ним не опасались делиться, казалось бы, «крамольными» мыслями.

Иногда поражалась его многообразным знаниям. Особенно

во время встреч с корейскими, японскими, китайскими деятелями, учеными. Говорилось о разном: об истории, мифологии, инкрустации, о сортах чая, о фарфоре, национальных праздниках. Удивлялась и даже сердилась. Почему он мне об этом не рассказывал. В семье у нас было заведено делиться и заботами, и знаниями, и сомнениями. А оказывается, многого не знала из того, что для него было открытой книгой. Блеснуть своими знаниями не умел, да и не стремился. Не было у него научных степеней и званий. Но было звание человека высокой пробы.

Не раз доводилось мне слышать такие отзывы о нем корейских товарищей. «Ваш муж — распахнутая русская душа, гуманист, интернационалист сердцем и разумом», — говорил писатель Лим Хва.

Не идеализирую. Таким он был.

Глава нашей колонии Леонид Дмитриевич стал и ее душой. Его внешний облик и внутренний мир невольно напоминали слова писателя: ведь может же природа сделать так, что в человеке все красиво (немного перефразирую). Об этом свидетельствовали ум, начитанность, сердечность и вместе с тем твердость, даже жесткость, когда дело касалось коренных, принципиальных вопросов.

Биография Леонида Дмитриевича тоже показательна своей обычностью, схожестью со многими биографиями новых интеллигентов [35].

Тут я вынуждена забежать вперед.

Сразу после начала Великой Отечественной войны Леонид Дмитриевич, Анатолий Иванович и Иван Михайлович (тоже вице-консул) телеграфировали в Москву с просьбой направить их на фронт. После нескольких отказов просьбу Леонида Дмитриевича удовлетворили.

Незадолго до окончания войны по консульству разнеслась радостная весть: Леониду Дмитриевичу присвоено звание Героя Советского Союза. Мы ликовали, но не удивлялись.

Подробности узнали позднее из наградного листа [36]. Сам он любит рассказывать лишь о подвигах однополчан.

Дружба с ним и его женой, зародившись на чужбине, вдали от родины, крепка, как и раньше.

После отъезда на фронт Леонида Дмитриевича генеральным консулом стал А. С. Полянский.

С ним и его семьей, с Константиновыми, Соловьевыми, Нехаевыми, да, собственно, со всеми в консульстве, отношения были сердечными, и это очень скрашивало жизнь.

Об Ольге Захаровне Масловой писала в книге «Южная Корея. 1945—1946». Здесь лишь добавлю, что связи с ней не порываю. Но если в Сеуле она, преподаватель английского языка, тренируя меня, требовала, чтобы я с нею разговаривала только по-английски, то сейчас мы на родном русском языке вспоминаем то далекое, славное время.

Бывший секретарь консульства Ф. В. Соловьев, ныне доктор исторических наук, работает в системе АН СССР. Когда он приезжает из Владивостока в Москву, встречаемся и тоже неизменно в разговорах возвращаемся в Сеул.

До предела напрягаю память. Неужели никто из консульских товарищей не задумывался, все ли правильно делается дома, в стране? Были брюзжащие по частностям. Иногда консульское руководство сомневалось в правильности той или иной установки, касающейся конкретных вопросов. Сообщали в Москву свои соображения. Сердились и удивлялись, что там не прислушиваются. Все это было. Но не припомню, чтобы кто-либо усомнился в справедливости происходящего в стране по большому счету. Например, вечерами коллективно читали и горячо обсуждали романы Шолохова. Некоторые сотрудники раньше были тесно связаны с деревней, да и всех нас волновало, что там происходит. Разговор о прочитанном переходил на жизнь. Необходимость коллективизации тогда не вызывала сомнений. Понимали, что были серьезные перегибы. Но ведь их признал и осудил Сталин. Главное, чтобы до него доходило. Не подозревали, что все от него исходило.

Не раз вставал вопрос о репрессиях... Ужасались, что в стране так много врагов. Знали и об арестах дипломатов. Думалось: всюду враги смогли проникнуть. Тяжело болели «врагоманией».

Даже когда непосредственно у нас в коллективе произошел случай, который, казалось бы, заставлял задуматься, мы не сумели сделать правильных выводов.

А случай, был такой. Летом 1940 г. на работу в консульство был направлен курьером охраны слесарь одного из подмосковных заводов Иван Петрович К. (фамилии по понятным причинам не называю).

При инструктаже в наркоминделе его основательно запугали: мол, едешь в Японию, где кругом враги, будь предельно бдителен, никому не доверяй и т. п. Об этом рассказывала его жена, тоже проходившая соответствующий инструктаж. Все представлялось таким страшным и опасным, что они даже собирались отказаться от поездки. Но слишком велик соблазн пожить за границей, что тогда было большой редкостью. Да и родные, друзья уговаривали (на заводе Иван Петрович зарекомендовал себя положительно). Поехали. Языка, конечно, не знали. В Чхонджине, где была пересадка, при помощи японца-переводчика заполнили анкету, как полагалось. Но тут же Иван Петрович заподозрил, что сделал непоправимое. А дальше — больше. Случилось так, что наше консульство по вине кого-то из сотрудников наркоминдела не оповестили, когда приезжает чета К. И на вокзале в Сеуле их не встретили. Обращались к прохожим, но их не понимали. Наконец кто-то, услышав слово «русские», отвел их в русскую православную миссию. И лишь оттуда они попали в консульство. Иван Пет-

рович был подавлен, растерян, до крайности расстроен. Жена старалась сдерживать его и себя, хотя тоже недоверчиво поглядывала на нас. Они не верили, что попали к своим. Подозревали, что оказались у белоэмигрантов.

Как всегда, мы безмерно радовались приезду новых сотрудников. Тут же устроили стол. Стали расспрашивать, что в Союзе. Ни ответной радости, ни ответов на наши вопросы. «А почему у вас на стене нет портрета Сталина?» — не скрывая подозрения, вымолвил Иван Петрович. Объяснили, что портрет висит рядом, в кабинете. Зашел туда, проверил, но не успокоился. Налили вина, чтобы поздравить с приездом. Последовала реплика: «Нам пить не велено». К еде не прикоснулся. Мы рассказали, почему не встретили его с женой, выразили сожаление по поводу их мытарств. Слушал недоверчиво, хмуро. Пошел в отведенную им комнату и проверил там каждую вещичку. А затем напрямую спросил: «Вы не беляки? Не завлекли нас к себе обманным путем?» Многочисленных, более чем достаточно убедительных доводов наших, как и уговоров жены, не слушал. Не верил даже табличке на консульском здании. Мы терялись. Что делать? Недооценили тогда степень заболевания, в которое перерос у Ивана Петорвича синдром «врагомании». Через несколько дней он попросил кого-то из сотрудников пойти с ним в магазин, купить посуду, другие кухонные принадлежности. «Наконец-то приходит в себя», — решили мы. Хозяйственные принадлежности были куплены, в том числе большой кухонный нож. И вот на следующий день в парке раздались вопли. В здание консульства ворвались ребятишки с криком «Иван Петрович зарезался!» Он лежал под деревом, а из шеи струилась кровь. Рядом валялся купленный накануне нож. Тут же отвезли его, почти бесчувственного, в больницу. Подлечили. Затем отправили домой. Врачи-японцы поставили диагноз: психическое заболевание. Но подлинный диагноз с выяснением причин заболевания стало возможным поставить много позже, а рассказать об этом только сейчас.

Тогда было ясно, что запугали до умопомрачения явно не подготовленного для загранработы человека. Однако не знали, что то вина не инструктажа, а Времени. Ведь мы сами были его порождением, точнее, рабами.

Раздел первый
ЧТО ТАКОЕ КОЛОНИЯ

Глава 1
СЕУЛ (1940—1941)

1. Утренняя свежесть и мрачная быль

Было начало марта 1940 г. Из Москвы до Владивостока ехали поездом долго, но весело. Подружились с семьями сотрудников советского посольства, направлявшимися в Токио. Рассказывали друг другу о том, что прочитали и знали о местах, где придется жить. От Владивостока до Чхонджина (яп. — Сейсин) продолжали путь морем на японском пароходе. Он шел вдоль берега, море было спокойно.

В Чхонджине встречал муж в сопровождении группы японцев. Сынишка бросился к нему, невозможно было оторвать, наконец очередь дошла до меня. Сопровождающие пристально наблюдали. «Кто это, что же ты не знакомишь с ними?» — задала я мужу, мягко говоря, наивный вопрос, уверенная, что они не понимают по-русски. «Скоро сама узнаешь, кто это, — с усмешкой ответил он, — а понимают они нас отлично и разговаривают по-нашенски неплохо». Да, узнала. Это были те, кого мы в течение всего времени пребывания в колониальной Корее называли шпиками, хвостами, всюду следовавшие за нами переодетые в штатское полицейские. Я-то собиралась знакомиться с ними, пожать им по-дружески руки. Что значит незнание обстановки.

В Чхонджине, являвшемся большим укрепленным районом Японии, важным военно-стратегическим портом, где сходились многие железнодорожные и шоссейные пути и насчитывалось около 20 промышленных предприятий и где все строилось, укреплялось, готовилось для войны против СССР, бдительность в отношении советских людей была особая. Шпики контролировали каждый наш шаг, ловили каждое слово. Но по городу, разумеется в их сопровождении, мы походили. Он производил тягостное впечатление. Запомнились мрачные заводы и крохотные убогие лачуги. Казалось, город не жил, а только напряженно, до изнеможения работал. Улицы пусты, окутаны густым дымом.

До Сеула ехали поездом. И хотя окна нашего вагона были почти полностью завешены, а выходить на стоянках не разрешалось, трудно было не увидеть буквально хватающую за душу нищету, скученность.

Невольно напрашивался вопрос: и это Страна утренней свежести, как звучит в переводе Чосон? («чо» — утро, «сон» — свежесть) [1]. Некоторые называли Корею Страной утреннего дыхания или Краем ранней прохлады. Все это звучало весьма поэтично, многообещающе.

Впоследствии неоднократно приходилось слышать и такой перевод: Страна утреннего спокойствия. Так любили называть Корею японцы. Как им хотелось спокойствия в своей непокорной колонии! А от живущих там иностранцев приходилось слышать, что более точным наименованием Кореи было бы: страна-отшельница, страна-сфинкс. «В мире две загадки, — утверждал миссионер Дэвидсон, — Албания в Европе и Корея в Азии. Их не разгадать». Он ошибался. Понемногу раскрывалась правда об этой стране, воистину утренней свежести, сказочно красивой, и ее народе, угнетаемом, терзаемом, но не покорившемся, одном из самых древних народов Восточной Азии.

И вот Сеул (в древности — Ханян); основан в XIV в. Это город в горах: на севере возвышается Пукхансан и Самгаксан, на юге — Намсан, на восток и запад идут отроги этих гор. В общем, Сеул в котловине, и только на юго-западе есть выход к Желтому морю. В него впадает река Ханган, протекающая по Сеулу. Город ранее окружала стена. Теперь видны лишь ее остатки. По свидетельству корейских историков, стену построили в 1396 г. в течение восьми месяцев 198 тыс. человек. Народ соорудил и великолепные дворцы для корейских ванов (королей), многие памятники искусства.

Японские генерал-губернаторы тоже воздвигали для себя силами народа Кореи роскошные дворцы в современном европейском стиле.

В центре столицы расположились учреждения, а также крупные японские магазины, отели, фирмы колонизаторов. На окраинах лучшие земельные участки были также заселены ими.

А основной, корейский Сеул состоял из преимущественно маленьких, словно вросших в землю глинобитных хижин. Столица зримо свидетельствовала о национальном и социальном неравенстве, царившем в стране.

На улице Тэйдо (по-корейски — Чондон) в большом гористом и тенистом парке расположилось генеральное консульство СССР [2].

В консульском парке сохранился небольшой своеобразный исторический памятник русско-корейских отношений дооктябрьского периода — малозаметная калитка. Она расположена в одной из стен, окружающих парк. Через нее 11 февраля 1896 г. бежал в русскую миссию корейский ван Коджон. Почему и как это произошло? По-разному отвечали наши корейские собеседники.

Как правило, они подчеркивали мысль, что Россия выступала против японских захватнических планов в отношении Кореи и патриоты ее рассчитывали на российскую поддержку.

При этом ответе не учитывался тот очевидный факт, что тогда было две России: царская, буржуазно-помещичья, сама стремящаяся к захватам, и Россия прогрессивная, демократическая, поддерживавшая освободительные устремления корейского народа, сочувствовавшая его борьбе за независимость. Вместе с тем нельзя не учитывать, что и царизм в рассматриваемое время был в этом заинтересован, так как сам еще не успел из-за военно-экономической слабости подготовиться к осуществлению своих замыслов в Корее[3]. В дальнейшем царизм стал отдавать приоритет Маньчжурии, постепенно теряя интерес к Корее.

Прорусскую группировку поддерживал ван. Она-то и решила организовать его бегство в русскую миссию.

Не буду касаться сложной обстановки в стране, это далеко уведет от темы книги. Напомню лишь, что длительная борьба между Японией и Китаем за господство в Корее завершилась победой Японии в японо-китайской войне 1895 г. и ван Коджон оказался в японском плену. Неоднократно обращались в русскую миссию корейские патриоты с просьбой спасти Коджона.

В архивах советского генерального консульства сохранилась копия записки, направленной Коджоном русским посланникам К. И. Веберу и А. Н. Шпейеру. В ней говорилось: «С сентября месяца меня неотступно окружает шайка изменников. В последнее время перемена прически по иностранному образцу стала повсеместно вызывать восстания[4]. Изменники могут воспользоваться этим случаем, чтобы погубить меня и моего сына. Вместе с наследником я намерен бежать от ожидаемой меня опасности и искать защиты в русской миссии. Как думают об этом оба посланника? Если согласны, то я воспользуюсь одной из следующих ночей, чтобы тайком пробраться в миссию. О дне я уведомлю особо. Другого средства спастись мне нет. Глубоко надеюсь, что оба посланника готовы оказать мне покровительство и защиту». Согласие было дано, и вскоре ван с сыном бежали в русскую миссию[5].

Как все произошло? Думается, что событие это основательно обросло немалыми домыслами.

В литературе можно прочесть, что ранним утром 11 февраля во двор русской миссии через историческую калитку пронесли двое закрытых женских носилок, в которых находились переодетые в женское платье Коджон и его старший сын. Два наших собеседника (познакомил нас Ким Гюён, учитель корейского языка) утверждали, что они помогали доставлять вана в русскую миссию. Другие изложили такую версию: произошло это якобы глубокой ночью и сопровождалось своеобразными явлениями в природе, символизировавшими справедливость действий вана, благословлявшими их, предрекавшими тесную связь судеб Кореи и России. Аналогичные версии слышали мы и от других корейцев. Они считали своим долгом разными способа-

ми выразить благодарность освободительнице Кореи — Стране Советов. Разговоры происходили ведь после освобождения страны. Подчеркивались ее старинные дружеские связи с русскими. Рассказывали, что в большом белом зале консульства (ранее — миссии) располагались во время пребывания там вана министерства и отсюда он свыше года руководил страной. Заверяли, что корейские патриоты горячо приветствовали пребывание Коджона в русской миссии и усиление русского влияния, что оно было благотворным для Кореи. Мы понимали добрые чувства, которыми руководствовались наши собеседники. Иногда пытались вносить ясность в их рассказы. Чаще только слушали. (20 февраля 1897 г. ван переехал во дворец Кеннёнгун.)

Калитка — лишь одна из многих достопримечательностей консульского парка.

В памяти осталось главное — минуты, когда над зданием консульства по утрам взвивался флаг Советского Союза. Чувство родины особенно осязаемо вдали от нее.

Весной Корея ослепительно красива. Многоцветье гор, полей в это время буквально зачаровывает, опьяняет аромат, напоминая, что это земля утренней свежести.

Какими были первые месяцы в Корее? Что смогла увидеть и подтверждало ли увиденное то, что удалось о ней прочитать?

Начала с изучения японского языка, прежде всего разговорного. Занималась ежедневно по нескольку часов с преподавательницей Танака-сан. Молодая, но опытная (она обучала японскому языку и других сотрудников консульства), очень требовательная. Танака-сан вскоре стала водить меня по музеям, паркам, магазинам, рынкам, приучала разговаривать по-японски, прививала тем самым не только знания, но и языковую смелость, даже нахальство. Поправляла, заставляла повторять по нескольку раз неправильно произнесенные слова, а таких было большинство. Все это делалось на глазах продавцов и покупателей, к их нескрываемому удовольствию. Сначала я протестовала, но муж внушил мне, что только таким образом и можно овладеть разговорным языком. Он в это время уже довольно свободно изъяснялся по-японски, работал переводчиком и был моим основным учителем. Что касается корейского языка, то, несмотря на многократные обращения в генерал-губернаторство, преподавателя нам не давали.

Английский язык мне преподавала мисс Мартэлл, которая русского совершенно не знала и изъяснялась со мной на немецком. Я его довольно долго изучала (в Институте слова, в университете), но помнила плохо. Мой «англо-немецкий» язык вызывал немало комментариев, правда доброжелательных. На нем иногда приходилось говорить в клубе иностранцев, на встречах и приемах.

Разговоры там велись главным образом о событиях в мире. Время было грозовое. Полыхала война в Европе. Япония, захватившая в 1931 г. Маньчжурию, с 1937 г. воевавшая с Ки-

таем, не оставляла своих милитаристских планов в отношении СССР, хотя поражения в районе озера Хасан (1938 г.) и на реке Халхин-Гол (1939 г.), неудачи на китайском фронте вынуждали отложить эти планы. С лета 1940 г. Япония развернула экспансию в южных морях и Юго-Восточной Азии. Она все шире и шире пропагандировала лозунг создания под своим руководством «великой восточноазиатской сферы сопроцветания», в которую предполагалось включить Китай, Индокитай и ряд других азиатских стран.

Пытаясь ввести в заблуждение Советский Союз, Япония в июле 1940 г. предложила ему заключить пакт о ненападении, сговариваясь тем временем с Германией и Италией о тройственном пакте, фактически направленном против СССР.

Тройственный пакт был подписан в сентябре 1940 г. В нем указывалось, что Япония признает и поддерживает руководство Германии и Италии в создании «нового порядка» в Европе. Германия же и Италия признают и поддерживают руководство Японии, устанавливающее «новый порядок в великом восточноазиатском пространстве». Тройственный пакт оформил блок фашистских агрессоров. Но Япония продолжала маневры своей дипломатии. Она надеялась, что заключение пакта о ненападении с СССР сократит его военные силы на Дальнем Востоке, что СССР перебросит оттуда значительную часть своих войск.

Советское правительство, учитывая вероятность вероломства со стороны Японии, вместе с тем исходило из главной задачи — сохранения мира и продолжало с нею переговоры.

В апреле 1941 г. в Москву прибыл министр иностранных дел Японии Мацуока, личность зловещая, один из авторов идеи создания под эгидой Японии «сферы сопроцветания народов Азии». Он уже был осведомлен о предстоящем нападении Германии на Советский Союз [6].

Печать Кореи широко оповещала о Тройственном пакте, приглушая его антисоветские мотивы. Коротко сообщала и о японо-советских переговорах в Москве [7]. Когда 13 апреля 1941 г. там был подписан пакт между СССР и Японией о нейтралитете [8] сроком на пять лет, газеты, выходящие в Сеуле, тоже довольно скупо писали об этом. Но в целом обстановка в Корее в это время несколько изменилась. Мы это почувствовали. Властям стало труднее пресекать проявления интереса и симпатий многих корейцев к Советскому Союзу. Было ясно, что пакт важен не только для продления мира, но и для освободительной борьбы народов Востока, в частности Кореи. Ее передовые патриотические деятели понимали это.

Во время переговоров в Москве и после заключения пакта отношение к сотрудникам советского консульства со стороны официальных лиц несколько изменилось. Сократилась слежка за каждым нашим шагом. Появилась возможность общаться с корейцами, ездить по окрестностям Сеула. С нами стали свободнее, без пугливой оглядки разговаривать в магазинах, ма-

стерских. Не шарахались, как раньше, не обходили стороной здание советского консульства. Все эти незначительные, чисто внешние перемены были тем не менее полезными.

После освобождения наши корейские друзья рассказывали, что у прогрессивных деятелей в это время появилась некоторая возможность разоблачать распространявшуюся колонизаторами клевету и дезинформацию о Советском Союзе, что пакт облегчил, хотя и временно, их деятельность. Конечно, полиция зорко следила за тем, чтобы у корейцев не возникло иллюзий по поводу подлинности улучшения отношений с СССР.

Выходы в город, поездки по окрестностям оставляли тягостное впечатление.

Поразившие Корею в 1939 и 1940 гг. стихийные бедствия еще более усугубили и без того тяжелые условия жизни народа. На улицах все чаще встречались опухшие от голода люди. О катастрофически высокой смертности, особенно детей, японские газеты были вынуждены писать открыто.

В советском корееведении немало трудов, в которых описываются условия жизни подавляющей части населения колониальной Кореи. Поэтому ограничусь лишь сохранившимися записями, воспоминаниями и материалами прессы.

Данные переписи населения 1940 г. показали, что из 23 547 тыс. человек в фабрично-заводской промышленности было занято 425 397, в торговле — 536 600, на транспорте и в связи — 109 140 человек, остальные — в сельском хозяйстве и других отраслях [9].

Все слои населения, кроме интенсивно приобщаемой к военно-промышленному строительству верхушки корейской буржуазии и помещиков, наряду с колониальным гнетом все острее испытывали бремя войны. Это нетрудно было видеть. Не могла этого скрыть даже японская печать. 2 марта 1940 г. торгово-промышленная газета сообщала, что быстро растет инфляция. Выпуск банкнотов увеличился по сравнению с 1936 г. почти в два раза.

В мае стало известно о введении карточной системы на рис (вскоре она введена была и на другие продукты питания). И как бы в насмешку в газетах стали появляться успокоительные статьи о том, что карточная система — благо для населения, что она способствует здоровью. «Все, что вы будете получать, — это полезные для организма продукты, ограничения необходимы. Например, сахар разрушает зубы. Не станет сахара, крепче будут зубы, особенно у детей», — словно издевалась газета «Кейдзё ниппо». Ей вторили и другие издания. Характерно, что авторами выступали и некоторые врачи. Когда мы выразили свое недоумение японскому доктору Ито, к которому часто обращались и считали человеком порядочным, умным, хотя крайне осторожным, он ответил: «Поверив этому, люди ведь легче будут воспринимать карточки, недоедание, трудности. Пусть думают, что это действительно полезно». «Но ведь большинство

из них и без того недоедают, получают не рис, а только заменители, о сахаре забыли», — не выдержал муж. «Тем более», — лаконично ответил Ито-сан. Мы не исключали, что и он участвовал в развернувшейся кампании.

Росли налоги. По данным генерал-губернаторства, они увеличились в Сеуле к началу 1941 г. на 70—80%, писала «Тёсэн Кисёко симбун» 8 мая 1941 г. Множились займы «на войну с Китаем». Первый заем выпустили в январе 1940 г., а в марте того же года — уже пятнадцатый. «Замучили, буквально замучили займы,— жаловались втихомолку знакомые корейцы,— последние крохи вырываем изо рта у себя и детей».

Подскочили цены на продукты и товары. 12 мая 1940 г. в одной из газет появилось сообщение, что по сравнению с 1939 г. цены в апреле поднялись на 22,3%. На самом деле они возросли больше. (Это было ощутимо и для нас.)

28 ноября 1940 г. печать оповестила, что вместо бон, которые служащие получали в конце полугодия или года на приобретение товаров (в размере 10—40% зарплаты), они будут получать облигации военного займа. Новый удар по условиям жизни трудящихся.

Колониализм и война больно били и по мелкой и средней городской буржуазии, интеллигенции. То и дело приходилось сталкиваться с тем, что магазины, мастерские, в которых мы бывали, оказывались разоренными, закрывались.

Газеты сообщали, что на конец 1940 г. только в Сеуле число разоренных предпринимателей превысило 1800 человек, а большинство оставшихся мелких и средних промышленных и торговых предприятий находятся на грани разорения. А «Тёсэн симбун» 7 февраля того же года писала о резком сокращении предприятий и магазинов в пров. Южная Хамгён. Запрещена была продажа золота. Население обязали сдать в казну все золотые вещи. Из продажи подлежат изъятию дорогие товары, в том числе лучшие сорта шелка, шерсти, оповещали печать и радио.

Все эти сообщения были, разумеется, крайне скупы, осторожны, содержали немало дезинформации. Приходилось учиться читать газеты с поправочным коэффициентом, улавливать содержание подтекста, извлекать крупицы правды в недосказанном, отгадывать изъятое цензурой, так называемую газетную плешь. Наиболее объективными были провинциальные издания, но они попадали в консульство нерегулярно.

Говорят, что по законам памяти происходившее давно со временем вспоминается яснее, и действительно, сейчас, спустя полвека, память воспроизводит, разумеется не дословно, беседы, в частности, с разорившимися корейцами.

«Что делать, куда податься? Вот-вот придется закрывать магазин, мастерскую», — неоднократно говорили их владельцы, когда мы оказывались одни. Обычно это были средней руки торговцы. А мелкие попадали в совсем отчаянное положение.

Маленькая лавчонка, где на нескольких полках размещен весь товар. Тут же помещение, где хозяин и его семья спят и едят. Много было мелких и мельчайших торговцев на проезжих дорогах. Они судорожно цеплялись за любую работу, чтобы выжить. О нищенском положении бродячих торговцев рассказывал зеленщик, привозивший и нам овощи. Он через это сам прошел, считал, что ему очень повезло, когда разрешили возить в советское консульство зелень. Какой ценой удалось этого добиться, мы догадывались, но не осуждали. Он много раз приходил в консульский парк после освобождения. Рассказывал, что работает на каком-то предприятии и активно участвует в левом движении.

Круг знакомых корейцев в колониальное время расширялся очень медленно. Помогал лишь случай. Однажды в часовой мастерской познакомились с преподавателем Юном. Позднее встречались там несколько раз. Когда никого из посетителей не было, а мастер в сторонке старался быстрее выполнить заказ и выпроводить нас, Юн позволял себе заговаривать с нами. «Душат налоги, дороговизна. Получаю, казалось бы, немало — 100 иен в месяц. Квартира и отопление стоят 30 иен. На самое скудное питание семьи из шести человек уходят 60 иен. И вот добавьте к этому налоги — городские, провинциальные, подворные, подушные, теперь военные, принудительные займы. А ведь нужно семью одеть, детей учить, лечить. Положение отчаянное, выхода не вижу. Это не только мой удел, большинство педагогов живут и того хуже».

При разговорах с врачами, педагогами, вообще с представителями корейской интеллигенции бросалось в глаза, что они сетовали не столько на тяжелые материальные условия, сколько на подавление корейской культуры, языка. «Мы обучаем корейскому языку как иностранному. Таким он именуется в учебных планах. Своей истории Корея, оказывается, тоже не имеет. Приказано забыть тысячелетия нашего славного прошлого. Родной, как и язык, должна считаться история Японии. И мы вынуждены в школе это внушать детям. Поймите, это страшнее, чем недоедание», — с гневом и горечью твердил Юн. То же приходилось не единожды слышать на митингах и собраниях после освобождения страны. Но эта тема особая. Сейчас же хотелось бы отметить крайне трудное материальное положение интеллигенции. Нищенствовали многие педагоги, писатели, художники Кореи. Ее мозг и таланты были буквально посажены на голодный паек.

2. Корейские «костоломни»

Мы очень интересовались жизнью рабочих. Но общение с ними практически исключалось. Только издали видели корпуса фабрик и заводов. Газетные сообщения о положении рабочих

были редки, скупы и, естественно, тенденциозны, но все же некоторую информацию они давали. Так, «Кейдзё ниппо» 19 мая 1940 г. писала: «Горнорудная промышленность за последнее время в связи с войной быстро развивается. Однако положение рабочих не улучшается. По данным департамента внутренних дел, зарплата занятых в горной промышленности составляет 60—70 сен в день для подростков и 1 иену — 1 иену 10 сен для взрослых горняков... Из-за низкой зарплаты десятки тысяч рабочих бегут в Японию и на Сахалин». В дальнейшем зарплата на угольных копях в связи с военными условиями была повышена для молодых рабочих (от 12 до 20 лет) на 20%, и одной из причин этого были выступления пролетариев, которые предприниматели и власти не могут не учитывать, отмечалось в печати. Так, 28 апреля 1940 г. «Кейдзё ниппо» сообщала, что северокорейским строительным обществом после забастовки был урегулирован вопрос с зарплатой следующим образом: чернорабочие корейцы будут получать от 1 иены 20 сен до 1 иены 40 сен, кореянки — от 85 сен до 1 иены. Дети от 50 до 85 сен. Рабочим на так называемых спецработах устанавливалась зарплата: корейцам от 1 иены 70 сен до 2 иен, японцам — от 3 до 4 иен.

Труд японцев и корейцев при одинаковой работе и квалификации повсеместно оплачивался неодинаково: японец получал в два, а то и в три раза больше корейца. Печать писала об этом как о явлении само собой разумеющемся.

Военная обстановка, расширение военно-промышленного строительства потребовали отмены запрета повышать зарплату рабочим.

На химкомбинате в Хынname корейцы старше 20 лет, получавшие 95 сен в день, стали получать 1 иену 10 сен — 1 иену 20 сен («Кейдзё ниппо». 21.XI.1940). «Мизер в условиях дороговизны, многочисленных налогов, но хорошо, что разрешается повышать оплату рабочим, появляется какая-то надежда», — комментировал сообщение газеты Юн.

Бесстрастно, спокойно писали газеты о зарплате детей и подростков. Этот вопрос меня особенно интересовал из-за обязательства перед «Комсомольской правдой».

Вот какая таблица была помещена на страницах «Кейдзё ниппо» 19 июня 1940 г.:

«Дневная зарплата молодых рабочих-корейцев на металлургических заводах:

12—13 лет — 35—45 сен
13—14 » — 40—50 »
14—15 » — 45—55 »
15—16 » — 50—60 ».

Такая же зарплата, информировала газета, на угольных копях и золотых приисках (на поверхности). В шахтах она выше в среднем на 20 сен в день. Рабочий день детей и подрост-

ков — 10 часов. Помню, вечером в белом зале консульства, где мы обычно собирались, с возмущением обсуждали эту таблицу. «Вот что такое колония», — завершил Леонид Дмитриевич.

Страшно было об этом читать, но совсем невыносимо — видеть детей, выходящих с мрачных заводов.

Несколько раз подходили к металлургическому заводу на улице Содэмун в конце смены, где работало немало детей. Сердце сжималось. Потускневшие глазенки, худенькие «рабочие» ручки, изможденные мордашки. Шли стайками, молча. Им бы учиться, играть, резвиться. Дома тоже нелегко. Жизнь впроголодь при изнурительном, многочасовом труде... Сейчас мысленно сравниваю их с моими правнуками — 13-летним Антошей и девятилетней Анечкой.

Но видеть удавалось мало. Опять помог случай. Летом 1940 г. разговорились в парикмахерской с женщиной по имени Техе, сносно знавшей русский язык. Она работала там уборщицей. Оказалось, что несколько лет назад их семья переехала в Сеул из Маньчжурии, где муж работал на КВЖД. Техе сначала поступила на текстильную фабрику, но не выдержала, ушла. Хозяйка парикмахерской, тоже кореянка, неплохо, хотя и с опаской, относилась к советским клиентам. И когда не было посторонних, мы имели возможность беседовать с Техе. Тем более что хозяйка по-русски не понимала. Полицейский надзор за женским составом консульства был слабее. В результате удавалось поговорить. Сейчас жалею, что не использовала в полной мере эту возможность. Тогда же торопилась собрать материал для статей о молодежи.

Техе и посоветовала мне обратить внимание на темно-серое здание, расположенное недалеко от консульства. «Это барак работниц, законтрактованных, вернее, запроданных на фабрику. Их в Корее немало. В одном из таких бараков живет моя младшая сестра, я не имею возможности ее даже изредка видеть», — со слезами рассказывала Техе. «Как она там оказалась, почему нельзя повидаться?» Рыдая, Техе рассказала. Сестренке было 14 лет, когда в деревню, где они жили, приехал из Сеула вербовщик с текстильной фабрики. У отца, арендатора-бедняка, выхода не было — шесть голодных ртов. Он заключил контракт на семь лет, получил деньги вперед — и сестра отправилась в город с вербовщиком. Вряд ли она вернется домой, вряд ли ее увижу, причитала Техе. Но почему? — удивились мы. Ведь срок контракта давно кончился. В ответ Техе тоже удивилась и воскликнула: «Деньги, которые получил отец, нужно отработать. Первые два года она вообще ничего не получала. Оплата в это время составляла 20 сен в день, затем 30—40 сен. Но все время работницы должны хозяину за пищу, одежду, жилище (барак). Как выпутаться? Нет, не увижу я больше никогда сестренку».

После освобождения я узнала подробнее о законтрактованных девушках, которых один из корейских поэтов назвал не-

распустившимися весенними цветами. Обычно вербовщики с фабрик приезжали в период весенней нужды, когда у бедняков кончались запасы продовольствия, нечего есть, нечем сеять, и единственным выходом для них было согласиться на контракт. Провожали девушек как покойниц с громким плачем и причитаниями. Домой возвращались немногие. Они закреплялись за фабрикой как бы навечно. И очень короток был их век. В годы войны работали по 16 часов. Личной свободы были фактически лишены. В город выходили в сопровождении надзирателей раз в месяц. Те же, кому удавалось вырваться из этого ада, как рассказывали, были искалечены, тяжело больны. Несколько раз с мужем пытались ближе подойти к забору казармы, но привратник консульства Сай-сан посоветовал этого не делать, так как хозяева не терпят любопытных, особенно иностранцев, а отвечать придется несчастным работницам.

Я писала о законтрактованных в книге «Южная Корея» и др. Но не могу не сказать о них и здесь. Поразил меня один момент. Девушки, с которыми довелось беседовать после освобождения, в частности во время празднования в Сеуле 8 марта (1946 г.), ранее работали в качестве законтрактованных на фабрике, принадлежавшей компании Ким Сонсу. Напомню, что это был один из лидеров правых на Юге, а в колониальные годы — видный деятель национал-реформистского лагеря, скатившийся к союзу с колонизаторами, но продолжавший изображать себя борцом за независимость. Мы спросили одну из собеседниц: «А как же хозяин компании относился к чудовищным условиям вашей жизни? Неужели он не знал о невыносимом труде и быте законтрактованных, об увечьях, ранней смерти?» Они замахали руками: «Что вы, он ведь нас облагодетельствовал, дал работу, кормил, одевал. Он был нам как отец». И думалось: как же искалечены не только физически, но и духовно эти юные создания.

Приходилось видеть в Сеуле и девушек фактически проданных в дома терпимости. На окраине расположился большой квартал Синджон (по-японски — Синмати). Попадали они сюда по тем же причинам, что и на фабрики, и выхода отсюда тоже не было. И та же изувеченность, безнадежность. И они считали, что счастливы, «получив работу». Пришлось наблюдать после освобождения Кореи одну потрясшую до глубины души демонстрацию. После прихода американских войск в Южную Корею пронесся слух, что будет запрещена проституция и закрыт район Синмати. Его обитательницы возмутились, провели демонстрацию протеста. Они шли по улицам города, скандируя: «Не оставляйте нас без работы! Мы умрем с голоду! Пусть будет все как было!». Некоторые несли цветы и пели песни, кричали, выскакивали из колонны — нелепые, раскрашенные... Как непохожи они были на юных, прелестных девушек, фото которых висели в домиках Синмати, куда мы с приятельницей однажды днем зашли. До чего же искалечены были их жизни[10].

Возвращаюсь к беседам с Техе. Муж ее работал в то время на небольшом ремонтном заводе в Сеуле. Получал 1 иену 50 сен в день. Пытался поступить на военное предприятие, где платили больше, но не удалось. Корейцев туда старались не принимать, хотя японскими квалифицированными рабочими не обходились. Помешало, видимо, и то, что работал ранее на КВЖД.

Об условиях труда на сеульском ремонтном заводе Техе рассказала примерно то же, что мы уже знали. Японо-китайская война, снижая безработицу, вместе с тем ухудшала положение рабочих. Были отменены выходные дни, праздники. Рабочий день достигал 16 часов. Увечья были массовыми.

Попытки встретиться с мужем Техе кончились тогда неудачей. Но в конце 1945 г. мы с Ольгой Захаровной (моей большой приятельницей) встретили ее, и она пригласила зайти к ним домой. Степень нищеты представляли и раньше. Но, хотя мы нагрянули внезапно, бросилась в глаза чистота, опрятность. «Вот те дамы, с которыми ты отказывался встретиться», — обратилась она к высокому, моложавого вида корейцу. Он извинился, объяснил причину — небезопасно было знакомиться с советскими людьми. Предупреждал об этом и жену, но она непослушная. Сейчас — другое время. Разговор как-то не складывался. Расспрашивали о прошлом, а он говорил о будущем. Запомнилось его довольно пессимистическое настроение.

Беседовали мы и с другими корейскими рабочими, и тоже после освобождения. Они рассказывали о своей подневольной жизни, о борьбе. На эту тему интересные материалы содержала советская печать. Речь об этом пойдет дальше. Но непосредственно увидеть жизнь рабочих в колониальное время почти не удалось.

3. Деревня.
Только ли весной нужда?

О труде и быте крестьян мы могли судить, только издали наблюдая окрестности Сеула, Инчхона. Крохотные деревушки по 30—40 мазанок, глинобитных, крытых соломой, обнесенных забором, который призван был защищать от ураганов, проливных дождей. Во многих мазанках щели заткнуты тряпками. Иногда появлялись отрывочные сведения в газетах, позволяющие судить, насколько трудно живется большинству крестьян.

Сельское хозяйство, как и другие отрасли экономики, было подчинено нуждам войны, притом степень подчиненности нарастала, и вся тяжесть ее легла на плечи трудовой деревни. Увеличивалось число арендаторов и полуарендаторов. Разорялись крестьяне-собственники. В 1941 г. в Корее было свыше 320 тыс. дворов хваджонминов, так называемых людей «огневых полей», пауперов, занимавшихся в глухих горных районах подсечным

земледелием. Они подвергались преследованиям властей за то, что сжигали леса.

Налоги, принудительные военные займы и разного рода поборы усиливали процесс разорения и дифференциации в деревне. Корейские помещики все теснее приобщались к военно-промышленному строительству. Несколько расширялась корейская прослойка, концентрировавшая в своих руках технику, ростовщическую деятельность, что вело и к росту сельскохозяйственного пролетариата [11].

Много раз приходилось видеть, как в горах и на сопках группами и в одиночку старики и молодые мужчины, женщины, дети копают коренья кустарников, трав, цветов, других растений. Мы спросили кореянку, для чего они это делают. «Чтобы есть»,— ответила она и отошла, явно показывая, что не желает продолжать беседу. То было весной, вскоре после приезда в Корею. А удастся ли таким путем как-то преодолеть нужду? «Не прокормила земля, не прокормят и горы. Зачем спрашиваете?» — перевел смущенно переводчик-кореец ответ старого корейца.

Некоторые немного знали русский язык, бывая ранее на временных работах в России. Они особенно опасались слежки, но часто любопытство брало верх. Достаточно было остановиться нашей машине в какой-либо деревушке, сразу вокруг появлялись люди. Кто-нибудь проявлял смелость, отвечая на вопросы. Получался не разговор, а скороговорка, ибо смельчака тут же отгоняли шпики. Собственно, картины деревенской жизни были столь ужасающе зримы, что и не надо спрашивать ни о чем.

Весна и самое красивое, сказочно яркое и самое трудное время для крестьян. Не случайно вошел в жизнь термин «чхункун» (яп. — сюнкю) — весенняя нужда, часто его переводили «весенние страдания». Вот что писал в «Кейдзё ниппо» о чхункуне профессор Хирота Ютака [12]: «Говоря о весенней нужде, надо отличать сюнкю, которую испытывает корейская деревня из года в год, от сюнкю 1940 года». Отличие это он связывает с засухой 1939 г., осторожно обходя войну.

«Из числа арендаторов, — пишет Хирота Ютака, — редким семьям хватает урожая на весь год. У большинства же в марте—апреле запасы иссякают... и население вынуждено искать себе пропитание в горах и на прошлогодних полях. Как только солнце начинает пригревать землю, вы можете встретить на полях и в горах группы по три-пять человек женщин и детей с соломенными корзинами, выкапывающих коренья ручными мотыгами» [13].

Да, мы это видели, и не раз. Профессор старается сгладить картину, отвести читателя от истинных причин бедствия, умолчать, что дело не только в неурожае, а в том, что война с Китаем сделала еще более скудными запасы продовольствия. Он пишет: «В жизни корейской деревни исстари заведено, что хозяйка дома не выходит на улицу, а тем более девушка-невеста.

Она сидит за закрытой шторой в своей каморке, но когда соседки идут собирать коренья, то с ними за компанию отправляются и хозяйки семей, и те, у которых нет нужды в этом». Тут профессор лукавит. Правду о чхункун, о поисках пропитания рассказывали многие кореянки впоследствии.

Однако и в статье Хирота Ютака говорится, что собранные таким образом травы и коренья смешивают с остатками хлебных злаков и варят, и это является единственной пищей арендаторов. Преодолевая голод, они влачат жалкое существование. Но и новый урожай ненадолго спасает положение, продолжает автор, и приводит средние данные по всем уездам пров. Северная Пхёнан о содержании обычной пищи бедняка крестьянина. Вот из чего она состоит: кукуруза — 36%, бобы — 19,3, гаолян—9,5, ячмень — 9,3, рис — 5,4%.

Следовательно, делает вывод Хирота Ютака, если в пище середняка преобладает ячмень и подсобным является рис, то пища бедняков состоит из кукурузы, проса, бобов и т. д. Что же касается риса, то он играет незначительную роль [14]. Мягко сказано. Производитель риса фактически не имеет возможности его потреблять.

Привожу выдержки из этой статьи подробно, так как она основана на материалах обследования 147 уездов 9 провинций Кореи и принадлежит перу исследователя.

Хирота Ютака пишет, что при обследовании одной из типичных деревень установлено наличие трех классов (групп): а) те, у кого есть излишки пищи, б) у кого ее хватает и в) у кого пищи не хватает. Оказалось, что последние составляют 80% населения деревни. Это арендаторы-бедняки. Расширить площадь они не в состоянии, так как арендная плата высока. Улучшить земли также не могут, ибо удобрения требуют средств. «Если посмотреть орудия производства, которыми крестьяне обрабатывают землю, то в большинстве они остались те же, что были при феодализме. Тягловой силы нет, все обрабатывается вручную. Основное орудие обработки — мотыга или лопата, к которым привязываются две веревки. Два человека тянут за эти веревки, а третий держит за ручку. Таким образом получается подобие сохи» [15].

В конце статьи автор пишет, что необходимы меры для ликвидации голода в деревне, особенно в период сюнкю, что следует снабжать крестьян удобрениями, и связывает это с задачами подъема сельского хозяйства.

Иногда в газеты проникали и другие материалы о высокой арендной плате, о том, что помимо нее крестьянин вынужден платить за перевозку зерна (не меньше мерки риса отдавать весовщику), что многим приходилось бесплатно работать на полях надсмотрщиков. Без подсобного хозяйства крестьянину не прожить, подчеркивалось в газетах. Выделывались, главным образом женщинами, рогожные кули, плелись веревки, циновки, хлопчатобумажные ткани, изделия из сухой травы.

Еще тяжелее было положение батраков. «Тёсэн сёко симбун» в 1940 г. сообщала, что в пров. Северная Чолла дневная зарплата батрака увеличится с 70 сен до 1 иены, а батрачки с 50 до 60 сен... Та же газета впоследствии писала, что в 1941 г. в Южной Корее насчитывалось 55 740 дворов батраков, или около 60% всех сельскохозяйственных рабочих Кореи[16]. «Кейдзё ниппо» 17 марта 1942 г. подчеркивала, что зарплата мужчины-батрака составляла уже 1 иену 29 сен, а женщины 86 сен, т. е. в два раза больше, чем до войны. При этом рост дороговизны, усиление налогового пресса, разумеется, замалчивались.

* * *

Война Японии с Китаем и ее подготовка к «большой» войне против СССР все более властно и зловеще вторгались в жизнь колонии. Через ее территорию проходили коммуникации, связывавшие Квантунскую армию с метрополией. Роль Кореи как японского военно-стратегического плацдарма явно нарастала. Все каналы воздействия на корейский народ использовались для пропаганды милитаризма. По радио целый день звучали военные марши, гимн «Япония всегда впереди». Широко развернулась военная подготовка корейской молодежи. В 1940—1941 гг. в Корее должно быть создано 1700 площадок по обучению воинскому делу учащихся, писала 1 февраля 1940 г. «Тёсэн симбун». В сентябре того же года сообщалось, что военное обучение начинают проходить железнодорожники, продавцы и другие слои населения. Действительно, по городу маршировали многочисленные колонны.

Все больше внимания уделялось нагнетанию шовинистических настроений, идеологической обработке населения. В этой области основная задача была возложена властями на Союз по мобилизации национального духа, основанный в 1938 г. и преобразованный в 1940 г. в Союз по мобилизации сил нации. Низовые ячейки Союза, так называемые патриотические группы, создаваемые по производственному и территориальному признаку, механически объединяли все взрослое население страны. В 1939 г. в Корее насчитывалось около 350 тыс. таких групп, в 1940 г. — 438 тыс. Число членов составляло соответственно 4600 тыс. и 7080 тыс. (статистика учитывала только глав семей). Роль «патриотических» групп в обработке населения оказалась весьма значительной. Они были обязаны содействовать властям в осуществлении мер, «диктуемых военной обстановкой» (например, проведение займов, уплата налогов, выполнение поставок риса и других продуктов питания, мобилизация рабочей силы и т. п.). Широко используя традиции, японские власти интенсивно насаждали в группах принцип круговой поруки, «коллективной ответственности» за действия каждого члена. При этом имелось в виду не только выполнение правительственных решений, но и осведомительская деятельность:

обязанность зорко следить и информировать полицию о настроениях, о проявлениях недовольства, подозрительных знакомствах и т. п. Мы, консульские работники, это чувствовали, но узнали подробности такой деятельности только после освобождения. Некоторые честно признавались, что им стыдно смотреть нам в глаза, что их вынуждали доносить на соседей, даже друзей, симпатизировавших нам, советским людям, да и вообще проявлявших недозволенные, с точки зрения властей, не только поступки, но и настроения.

Изыскивались Союзом по мобилизации сил нации, другими прояпонскими объединениями разные способы нагнетания шовинистического психоза и мобилизации ресурсов колонии. Иногда они казались абсурдными, а становились действенными. Вообще обращала на себя внимание, и чем дальше, тем больше, изобретательность и гибкость колонизаторов и их союзников в области идеологической работы с населением Кореи.

4 сентября 1940 г. газета «Тёсэн сёко симбун» оповестила о проведении с 5 сентября так называемой недели народной жизни. В «патриотических» группах об этом уже знали, как и о важности проводимого мероприятия. С утра и до позднего вечера оглушительно и надрывно напоминали о нем репродукторы. Что же представляла собой эта «неделя», как проходила? Официально она разбивалась на следующие дни. Первый — вывешиваются повсеместно флаги и население обязано воздать благодарность богу за те успехи, которые он посылает японской армии на фронте. Второй — день японского языка. Все должны говорить и думать только по-японски. Третий — ходьба пешком, только пешком, независимо от расстояния. Четвертый — день физкультуры, укрепления здоровья. Пятый — день особо усердного труда, когда помимо основной работы повсюду наводится чистота (в учреждениях, учебных заведениях, на предприятиях и т. д.). Шестой — день обдумывания: каждый должен вспомнить, не сделал ли он чего-либо плохого. Седьмой — день сбережений. Нужно отдать государству не менее $^1/_{10}$ дневных доходов.

И все это во имя победы Японии. Радио ежедневно напоминало задачи каждого дня.

На практике эта кампания часто оборачивалась курьезами. Сапожник, у которого мы были в «день японского языка», смеялся: «На нашей улице его знают всего несколько человек да школьники». В лавочке на окраине Сеула, где можно было приобрести редкие вещицы, марки, монеты (муж был филателистом и нумизматом), хозяин, воспользовавшись отсутствием посетителей и нашего «хвоста» (такое тоже случалось), был особенно разговорчив. «Обратите внимание, во всем нашем районе сегодня день молчания. По-корейски разговаривать опасаются, по-японски не умеют, да и не хотят. Руководители „патриотических“ групп следят за нами строго, вот мы и помалкиваем. Так спокойнее».

Знакомый учитель, японец Миямото, говорил по этому поводу: сначала нужно, чтобы корейцы освоили японский язык, ведь его знают немногие — менее 20% населения (позднее в печати приводились примерно такие же сведения), упорно не хотят заниматься, хотя создается множество пунктов изучения, несколько расхожих бытовых слов запомнят и употребляют, а разговаривают на своем языке.

Первое время мы были очень осторожны с Миямото. Но вскоре поняли, что напрасно. Этот образованный и честный человек в целом правильно оценивал обстановку, осуждал колониальные порядки. Единственно, о чем он с нами не решался говорить,— это о международных делах, о войне против Китая, об отношениях Японии с нашей страной. На вопрос, почему корейцы не изучают японский язык, Миямото ответил: «Корейцы очень способный народ и могли бы быстро его освоить. Думаю даже, что многие и освоили, но хотят изъясняться на родном языке. Это своего рода протест против того, что их заставляют отказаться от него. Особенно смешно звучит призыв думать по-японски. Многие думают как раз и настроены антияпонски».

Я работаю, рассказывал Миямото, со школьной и студенческой молодежью. Сильно, хотя и скрытно, протестует она (не вся, конечно) против подавления национальной культуры. Бывают и открытые выступления. Попытки узнать где и когда оказались безуспешными. Это тоже была запретная тема. Только один раз много позднее, после неоднократных встреч мы задали Миямото прямой вопрос: значит, не все японцы согласны с тем, что происходит в Корее? Он ответил: а вы не читали в газетах о том, что некоторые японские преподаватели, даже в Сеульском государственном университете, помогали корейским коммунистам, что рабочие-японцы участвуют в стачках вместе с корейцами, хотя получают зарплату в три раза больше. О себе он ничего не рассказывал. Мы понимали его настроения и положение и не спрашивали.

С горечью вспоминаю, что в последний раз мы встретились и простились с Миямото в сентябре или октябре 1945 г. Рассказал, что после многих напоминаний и даже угроз со стороны местного населения уезжает на родину. «Слишком зверствовала здесь наша страна», — как бы оправдывая корейцев, сказал Миямото-сан.

Но вернемся к «неделе народной жизни». Горько высмеивались третий день — ходьба пешком и четвертый — занятие физкультурой, укрепление здоровья: вчера прошагали много верст, чуть не падали от усталости, сегодня с физкультурой ничего не получается.

Философствовали по поводу дня обдумывания — не сделал ли ты чего-либо плохого, и следующего за ним, дня сбережений. Что, мол, считать плохим. В «патриотической» группе разъясняли, что плохо не покупать облигаций, не стараться лучше работать, чтобы Япония победила Китай, не сообщать о подозри-

тельных лицах, по-моему же самое плохое — это когда дети пухнут от голода. А завтра день сбережений. Нужно отдать в казну часть доходов, каких? Снова отрывать последний кусок у детей? Вот тут-то и нужно обдумывать, что делать. Это говорил бродячий торговец, у которого мы с приятельницей покупали какую-то мелочь.

14 октября 1940 г. были опубликованы основные принципы «Новой политической структуры организации корейского народа». Указывалось, что Союз по мобилизации сил нации строится на принципах Союза по мобилизации национального духа и президентом его является генерал-губернатор Кореи.

12 декабря 1940 г. «Тёсэн симбун» опубликовала программу Союза. Стоит ее привести. Дело в том, что японцы зря бумаг и программ не писали. Они их неуклонно и настойчиво проводили в жизнь. Их планы, требования, угрозы буквально на глазах любыми способами реализовались. Особенно в военные годы. Другое дело, что многое встречало противодействие и оказывалось труднореализуемым.

Итак, 1-й пункт программы Союза предусматривал объединение мыслей, повышение японского духа. Расшифровывалось это так: а) ясное представление об идеологии государственного строя, б) богопочитание, в) единение народа, г) подчинение личных интересов общественным, д) укрепление верноподданнических чувств.

2-й пункт гласил об упрочении единства Японии и Кореи, что подразумевало: а) безграничную любовь к императору, б) укрепление единства мыслей японцев и корейцев, в) распознавание (обоснование) исторических связей Японии и Кореи, г) сотрудничество их в духе дружбы и любви. Далее шла речь о практических мерах. К ним относились: утреннее поклонение востоку, посещение храмов, каждый полдень молитва про себя, вывешивание государственных флагов, клятва в верноподданничестве, распространение японского языка, привитие корейцам японских обычаев, усиление коллективности, добросовестное выполнение своих обязанностей, выявление и мобилизация всех своих способностей, возможностей и всемерное повышение производительности труда, борьба с недисциплинированностью, бездельем и их решительное истребление. Затем следовал пункт о всеобщем обучении народа, о повышении профессионального уровня. Большое место отводилось в программе участию корейцев в установлении системы высшей обороны государства, новой системы жизни. Речь шла о решимости полного завершения священной войны, выработке терпеливости и выносливости. Программа требовала: экономии во всем, физической закалки и борьбы со всякого рода преступлениями, и как с самым опасным — коммунистическим влиянием. В ней неоднократно подчеркивалась необходимость увеличения промышленной продукции, расширения и совершенствования военной экономики. И наконец, в качестве неотложных и повседнев-

ных практических мер для нужд войны назывались: приобретение государственных (военных) займов, удвоение производительности труда, тесное сотрудничество труда и капитала.

Программа эта широко пропагандировалась в печати, по радио, в «патриотических» группах, на заводах, в учреждениях, учебных заведениях, в поездах и даже в городском транспорте.

Воспринималась населением она по-разному. Например, хозяин большого текстильного магазина, любивший беседовать с иностранцами, продемонстрировать образованность, сказал по поводу программы Союза примерно так: важно, чтобы Япония выиграла войну с Китаем, это в наших общих интересах; а для того чтобы выиграла, нам нужно лучше работать и не видеть в Японии нашего врага. Конечно, в то время корейцам часто приходилось говорить не то, что они думают, но в данном случае, видимо, богатый торговец был искренен. Вообще заметнее становилась поляризация сил и отход сравнительно крупных корейских буржуа и части средних ближе к прояпонскому лагерю. Нельзя закрывать глаза и на то, что нарастающий шовинистический угар, многообразная обработка корейского населения делали свое дело. Часть интеллигенции и трудящихся также оказались в их плену. Так, например, когда с июня 1940 г. в течение трех месяцев проводилась кампания по увеличению производительности труда в Инчхоне, по инициативе «патриотических» групп города в порядке своеобразного встречного плана были установлены постные дни. Мы нередко ездили в Инчхон к морю. И как-то спросили одного из любопытствующих местных жителей, подошедших к консульской машине, зачем они установили постные дни, ведь и так далеко не все едят досыта. А как же, ответил рабочий консервного завода, это нужно, чтобы экономить питание, помогать победе в войне.

Часто приходилось удивляться выносливости, терпеливости корейцев. Но тут возникал вопрос: во имя чего? Поражала степень непонимания, отсталости некоторых. Конечно, большинство если не осознавали, то чувствовали, что не колониализм и войну им следует поддерживать. Протестующих было много, часть из них активно сопротивлялась мероприятиям властей, боролась за независимость. Но это было в глубоком подполье, правду о котором удалось узнать лишь после освобождения. А в то время трудно было видеть степень недовольства, зримы были лишь тяготы колониализма и войны и усилия властей полицейским и идеологическим террором предотвращать антияпонские выступления.

Усиливалась антикоммунистическая пропаганда. 1 августа 1940 г. «Кейдзё ниппо» напоминала, что Антикоминтерновское общество, существующее с 15 августа 1938 г., ставит своей главной задачей борьбу с коминтерновскими, социалистическими идеями [17]. В газете говорилось, что оно насчитывает 200 тыс. членов, но вовлечь в него нужно все 23 млн. корейцев, что отделения общества созданы уже во всех городах Кореи. Колониза-

торам и их корейским союзникам действительно удалось вовлечь в Общество немало корейцев. Одни шли туда из боязни, другие верили пропаганде.

«Что вам рассказывают в „патриотической" группе о Коминтерне, о коммунистах?» — спросили мы привратника консульства Сай-сана. Мы знали, что каждый подобный вопрос будет немедленно сообщен полиции, но любопытство брало верх. Он в свою очередь знал, что и ответ нужно докладывать, и был крайне осторожен. Записала его рассказ: «Наяки-сан, руководитель группы, говорил, что Коминтерн — страшная организация, где одни бандиты, которые хотят, чтобы людьми управляли убийцы, чтобы свергли микадо, разрушили все храмы и молельни, чтобы всех женщин сделали наложницами, чтобы отняли детей». Особенно он напирал на то, что Коминтерн добивается победы не Японии, а Китая, и тогда корейцам станет очень плохо. Он предупреждал, что агенты Коминтерна орудуют в Корее, что их надо «вылавливать и уничтожать, что каждый из нас обязан это делать» [18].

На наш вопрос, что говорил руководитель группы о нашей стране, Сай-сан ответил кратко, но ясно: «Плохое говорил» (напомню, это было время некоторого смягчения наших отношений с Японией). «И вы поверили ему?» Сай-сан поспешно замотал головой: «Я ведь столько лет здесь работаю, знаю, какие советские люди добрые, как сочувствуют нам, но многие ведь этого не знают».

Да, были и такие, верившие бредовым рассказам, доносили полиции о подозрительных, выдавали революционеров, действовавших в подполье, и требовалось время, чтобы они прозрели.

В целом в 1940—1941 гг. у нас образовался небольшой круг знакомых корейцев, преимущественно из сферы услуг: зеленщики, развозившие овощи и фрукты, садовник консульского парка и помогавшие ему члены семьи, торговцы, парикмахеры, владельцы сапожных, часовых и других мастерских, портные, таксисты, бои в ресторанах, служители музеев, храмов. Иногда с консульскими приятельницами ходили в город. С одной стороны, это помогало общению, так как за женским составом консульства слежка была слабее. Но с другой — мешал языковой барьер. Учились и в определенной мере научились разговаривать «на пальцах». Позднее эти барьеры преодолевались.

Понемногу расширялось число знакомых японцев. Это были врачи, медсестры. В 1940 г. я около месяца лежала в сеульской больнице, где одна из сестер хорошо знала русский язык. Она подолгу рассказывала о быте, нравах Кореи, которую не очень любила. Она пыталась внушить мне, что японцы принесли в Корею культуру, облагораживают ее.

Лечивший меня врач Ито-сан был более интересным собеседником. Когда муж приходил навещать меня, они подолгу разговаривали на разные темы, муж тут же переводил. Беседы были так увлекательны, что мы, смеясь, называли их лучшим

моим лечением, самым эффективным лекарством. Ито-сан утверждал, что врач должен быть хорошим психологом, ибо у больного не только хворь, но и дурь. И при этом галантно раскланивался. «На кого вы намекаете?» — спросил муж. «Не на вас, русских, конечно. Вы, русские, терпеливы и выносливы, как и мы, японцы», — он любил находить общие черты в наших характерах.

К Ито мы обращались неоднократно. Он был опытным терапевтом и образованным человеком. Довольно смело комментировал события, в частности, на японо-китайском фронте. Доброжелательно отзывался о своих корейских коллегах, считал несправедливым, что им разрешают работать только в лечебных учреждениях низшей категории, и вообще осуждал дискриминацию корейских специалистов.

Встречались мы и с несколькими японскими педагогами. О Миямото я уже упоминала. Он познакомил нас со своим коллегой Судзуки, у которого мы раза два бывали в гостях. Многознающий, интеллигентный, хотя и очень сдержанный, он, по-моему, искренне симпатизировал корейцам и даже как бы ощущал вину перед угнетаемым его страной народом. Много интересного рассказывал об истории Кореи, высоко ценил ее культуру. Как и ему подобные, Судзуки приехал сюда в поисках работы.

Не раз спрашивали его о том, как могут школьники, в подавляющем большинстве слабо знающие японский язык (ведь дома они говорят только по-корейски), усваивать предметы, преподаваемые на японском. «Плохо усваивают, — отвечал Судзуки. — Особенно в первых классах». Познакомил нас с учебным планом школы: японский язык 6—8 часов в неделю, география 1—2 часа, мораль 2 часа, история (Японии) 1—2 часа, физика 1 час, химия 1 час, биология 1 час, математика 3—4 часа, музыка 1 час, труд 1 час, гимнастика 3 часа. Возрастающее внимание, подчеркивал Судзуки, уделяется военной муштре. Педагогам вменяется в обязанность строго следить за тем, чтобы учащиеся не уклонялись от военных занятий.

Со своей преподавательницей Танака-сан по-прежнему после работы (я в то время была преподавательницей и заведующей школой при советском консульстве, в ней обучалось всего несколько детей, включая нашего шестилетнего сынишку) ходили в город. Водила она меня не только на рынки и в музеи, но и несколько раз к своим друзьям «для языковой тренировки». Тренировала и буквально третировала, за что я и злилась и вместе с тем была благодарна.

Но были в Корее две Японии. Были и другие японцы, с которыми приходилось сталкиваться, — подлинные угнетатели. Это представители полиции, в том числе прикрепленные к консульству. Владельцы крупных магазинов, отелей, салонов и другие японские предприниматели, заинтересованные в клиентах. Они и обслуживающий их персонал при неизменной почти-

тельной улыбке-маске плохо скрывали неприязнь к нам. Корейцев же они открыто, публично всячески унижали.

Каждый день приносил новые сведения о стране. Было заметно, что террор, идеологический нажим, вся массированная кампания «мобилизации духа» все чаще дают сбои, что где-то очень глубоко нарастает в народе протест.

«Неустанно вести борьбу с опасными мыслями!» — взывала японская печать. Статья в газете «Кейдзё ниппо» под таким заголовком разъясняла необходимость ужесточения и без того достаточно жесткого закона о поддержании общественного спокойствия. (Его новая редакция вошла в силу в марте 1941 г.) «Все эти меры, — подчеркивал автор статьи, начальник департамента юстиции генерал-губернаторства,— направлены на борьбу с коммунистическими идеями, а также со шпионажем» [19].

Из Хыннама передают, писала «Тёсэн симбун» 2 июня 1941 г., что прошлой осенью здесь часто поднимал свой голос «красный дьявол Коминтерна» и его влияние распространялось не только на промышленный Хыннам, но и на соседние районы, на портовых рабочих. Для борьбы с этим влиянием, продолжала газета, решено организовать специальные группы, которые будут проводить среди населения разъяснительную работу. Такие группы были созданы во многих городах. Их деятельность заключалась не столько в разъяснении обстановки, сколько в выявлении и изоляции «неблагонадежных», антияпонски настроенных корейцев. При этом, как и ранее, особое внимание уделялось молодежи. Печать подчеркивала, что необходимо усилить работу с нею, воспитывать в молодежи верноподданнические чувства, осознание идеи единства Японии и Кореи, закаливать ее души и тела, прививать навыки умелого планирования жизни, готовить молодых корейцев к службе в армии [20]. Губернаторам провинций вменялось в обязанность изыскивать наиболее эффективные формы приобщения молодежи к развитию промышленности, зорко наблюдая при этом за ее настроениями. Первым проявило инициативу руководство пров. Южная Хамгён. Там создавались преимущественно молодежные специальные группы помощи промышленному развитию Кореи, действовавшие согласованно с полицией и союзом резервистов. Опыт был признан удачным, и его распространили на другие районы страны.

Особое внимание при этом уделялось стратегически важному Северу. Подчеркивая это, газета «Тёсэн симбун» 9 сентября 1940 г. называла Пхеньян военной столицей Кореи, форпостом при продвижении на материк.

После освобождения Кореи в числе наших новых знакомых оказался Сигото-сан, утверждавший, что в самое «трудное» время, работая на незначительном посту в генерал-губернаторстве, неизменно нам симпатизировал. Он поведал о любопытных деталях. Оказывается, вопрос о введении в Корее системы

добровольчества (как известного перехода к введению воинской повинности) дебатировался с 1937 г. Даже газеты сообщили, что с апреля 1938 г. такая система вводится. Но власти были обеспокоены тем, что в среде корейских студентов она не вызвала энтузиазма, а точнее, поддержки. Нарастал протест по поводу отмены в средних школах преподавания корейского языка и вообще языковой политики властей. Недовольство вызвали введенные ограничения на переезд корейцев в Японию. В администрации по этим вопросам высказывалась тревога и намечались меры успокоения корейцев, рассказывал Сигото [21].

Больше всего начальство было озабочено недостаточными результатами борьбы с коммунизмом и шпионажем (Сигото объединял эти понятия), ставило задачу полного истребления коммунистических идей (когда мы спросили, можно ли уничтожить идеи, он поправился — людей, которые их насаждают) и стремилось развивать «японский дух». Для этого было решено максимально расширить выпуск журналов, проводить беседы, лекции, устраивать выставки, исследовать с помощью ученых каналы проникновения коммунистических взглядов, стараться понять, чем они привлекают массы, против чего нужно направить главный удар пропаганды и что противопоставить этим взглядам. Решено было более щедро награждать лиц, отличившихся в борьбе с «опасными мыслями», создавать по мере необходимости кроме установленной сети организаций ударные группы, особенно на предприятиях, в учреждениях, как только будут замечены какие-либо проявления антияпонских, антивоенных взглядов.

Война в Китае и подготовка к войне против СССР требовали мобилизации людских ресурсов, но распространить на Корею закон о воинской повинности было опасно. Давать оружие в руки корейцев нельзя, утверждали, многие видные деятели генерал-губернаторства. Обо всем этом рассказывал Сигото.

В очень ограниченных размерах после начала войны в Китае все же разворачивался призыв резервистов, вербовались в армию водители машин. Но делалось это весьма осмотрительно.

Сигото говорил и о том, что усиливались конфликты корейцев с китайцами, которых проживало тогда в Корее более 60 тыс. (антикитайские выступления в Корее имели место в 1927 и 1931 гг., но уже к концу декабря 1937 г. бо́льшая часть китайцев вернулась на родину). Вопросы корейско-китайских отношений, отмечал Сигото, обсуждались начальством неоднократно [22].

Особо запомнились его рассказы о белогвардейцах, которые оправдывали войну Японии против Китая, называя ее священной, доказывали необходимость войны против СССР, уничтожения Страны Советов, помогающей Китаю. В свою очередь, эти люди, говорил Сигото, предлагали помогать Японии.

Он также рассказывал, что уже в рассматриваемое время властям удалось воздействовать на часть оппозиционно на-

строенных к колониальному режиму религиозных деятелей Кореи (из Чхондогё, буддистских и других организаций) и привлечь их к прояпонской пропаганде, к борьбе с опасномыслящими, особенно в среде молодежи. Каким путем власти этого добились? Много бы сейчас хотелось спросить у тех, с кем довелось беседовать полвека назад.

Официальная пропаганда, руководители генерал-губернаторства старались преувеличить свои успехи в работе с корейским населением.

1 октября 1940 г. в речи по радио генерал-губернатор Минами говорил, что со времени начала войны корейцы прониклись «единым с метрополией сознанием и искренне включились в патриотическое движение». В качестве доказательства он привел такие факты: установление добровольчества, реформа народного образования, смена фамилий и т. п. меры. Народ-то знал, как на деле осуществляются эти меры колонизаторов, какое сопротивление они встречают у многих. Но Минами было необходимо внедрять в общественное сознание тезис о единстве империалистической Японии и колониальной Кореи, направленном на «возрождение Азии». «Корея, — утверждал он, — является базой для распространения „императорского пути" на материке в оборонном, экономическом и географическом смысле». Он призывал все население глубоко осознать эту особую миссию Кореи, ее специфический характер среди других стран Восточной Азии. Да, здесь отрабатывались, проверялись методы господства японских колонизаторов, методы, которые они намеревались применить и в других азиатских странах.

Готовились опытные кадры, расширялась сеть научных учреждений, изучающих единство теории и практики воспитания на полуострове, рассказывал Сигото. Этой новой политической миссии Кореи отводилось большое внимание. Ведь ранее у Японии не было опыта управления другими странами, и Корея была пробным камнем «возрождения азиатских народов» (Сигото неизменно подчеркивал, что он лишь цитирует, но не разделяет замыслов и суждений японских правящих сил).

Представляется, что в советской корееведческой литературе этой миссии в области идеологии и культуры, возложенной колонизаторами на Корею, не уделяется должного внимания. А ведь как своеобразно повернула свои страницы история: некогда Корея была проводником китайской и своей культуры в Японии. Теперь же на нее возлагалась задача стать проводником японской культуры в других странах «сопроцветания великой Восточной Азии». При этом создание такой сферы не предполагало изоляции от культуры Запада, а, наоборот, предусматривало использование всех западных достижений в области науки, техники, философии, искусства.

Особо следует сказать о новой системе образования. Она была введена сразу после установления добровольчества в армии в марте 1938 г.

Инструкция генерал-губернатора повторяла каждодневно насаждаемые тезисы о том, что «целью управления колонией является воспитание верноподданничества императору, полное слияние Японии и Кореи и в обстановке гармонии решение вопросов Восточной Азии». Явно преувеличивая успехи в этой области, инструкция подчеркивала необходимость еще большего повышения моральных качеств корейцев. Отсюда следовали и задачи просвещения, тренировки и терпеливости в перенесении трудностей, физическая и духовная закалка. Характерными чертами новой системы была отмена раздельного обучения японцев и корейцев, провозглашение их равного права на образование. Только провозглашение. Но и оно свидетельствовало о том, что «верхи» вынуждены лавировать.

А в мире продолжалась вторая мировая война, в которую, казалось, вот-вот включится и Япония, и изо дня в день напоминалось по радио, в печати, что «Корея — передовая база Японии на континенте» [23].

Наша жизнь шла обычным чередом. Договор СССР с Германией от 23 августа 1939 г. несколько успокаивал. Лишь в клубе иностранцев царило напряжение. Неоднократно знакомые японские преподаватели, врачи задавали вопрос: «Как вы считаете, а все же не придется ли вам воевать с Германией, а нам против вас?» Консульские же товарищи напоминали, что заключен советско-германский договор о ненападении, что СССР с 1933 г. настойчиво и последовательно выступает за создание системы коллективной безопасности в Европе и это может предотвратить войну. Упоминали и о заключении советско-японского пакта. Как правило, ответом на это была двусмысленная ухмылка или молчание.

Зачастил в консульство жандармский чиновник Маямото. Пока он держался тактично.

Вообще, как рассказывали консульские старожилы, после событий на озере Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-Гол в 1939 г., во время которых Япония использовала Корею как базу, официальные японские деятели стали относиться к советскому консульству сдержаннее. Да и пакт, конечно, играл свою роль, создавая видимость нормальных отношений Японии с СССР. На самом же деле, как видно из сказанного, шла интенсивная подготовка к войне, мобилизация материальных, людских ресурсов, общественного мнения. Против нас. Это ощущалось повседневно, во всем.

Конечно, мы в Корее, как и советские люди в других странах и в самом СССР, не знали и не могли знать о том, что советская разведка доносила Сталину о надвигающейся опасности. Лишь много позднее стало известно, что еще 19 мая 1941 г. Рихард Зорге сообщал: «Берлин информировал своего посла в Японии генерала Отто, что немецкое наступление про-

тив СССР начнется во второй половине июня»[24]. Были и другие сообщения.

Правду обо всем начали узнавать позже, продолжаем узнавать и сейчас. Тогда же верили официальным сообщениям, безоговорочно выполняли предписания, терпеливо переносили многочисленные трудности, с которыми сталкивались ежедневно.

Иностранные дипломатические работники вели себя по-разному. Консул США Марш, пожилой, крайне необщительный человек, казался поглощенным полностью своими семейными делами и мало интересующимся остальным.

Противоположностью ему был французский консул Тулан— республиканец. Его судьба оказалась тяжелой, позиции — неоднозначными. Во время финской войны с советскими людьми он не общался, даже встречаясь, переходил на другую сторону улицы, чтобы не здороваться. Капитуляцию Франции Тулан переживал очень тяжело, не скрывая этого. После нападения Германии на СССР, когда наш генеральный консул посетил французское консульство, Тулан встретил его восторженно. «Ура, очень хорошо. Скоро Советская армия разобьет Германию и Франция будет освобождена», — буквально вопил он (рассказывал нам Леонид Дмитриевич).

Антивишистская позиция Тулана возымела свое действие. Его из Кореи отозвали. На пароходе, возвращаясь на родину, он заболел и вскоре умер.

После него консулом Франции в Сеуле стал Виджоре. Вишист, он тем не менее поддерживал с нами дружеские отношения. Мы часто бывали друг у друга, особенно в 1943—1944 гг. Виджоре, его жена и ее мать были образованны, интеллигентны, гостеприимны. У них мы обычно играли в покер, беседуя при этом на самые разные темы. Они же приходили к нам смотреть советские фильмы и, как неоднократно подчеркивали, поговорить о жизни, о литературе, о судьбах наших стран. В том, что они искренне хотят победы СССР в войне и верят в нее, мы не сомневались.

Английский консул Фибс, вежливый, сдержанный, всегда предупредительный, умел воздвигать между собой и собеседником невидимую стену. Такой же казалась и его жена. Несколько раз бывали у них на приемах, во время которых испытывали чувство скованности и внутренней напряженности. Правда, видимых причин для этого не было.

Хотя вопросы о возможности нападения Германии на СССР возникали и раньше, нас не оставляла надежда, что этого не произойдет. Сказывалась слепая вера в бесспорную правомерность всего предпринимаемого у нас «наверху». Но вот ночью 23 июня раздался сильный стук в дверь. Дежурный курьер охраны Алексей Абрамович Русин произнес страшное слово — «война»[25]. С утра начались передачи японского радио. Захлебываясь, не скрывая радости, диктор рассказывал о стремительном наступлении немецких войск и наших потерях.

23 июня 1941 г. Леонид Дмитриевич посетил английское консульство и официально сообщил, что наша страна находится в состоянии войны с Германией. Фибс сначала выразил соболезнования, но тут же воскликнул: «Наконец-то мы вместе с вами в одном лагере». Леонид Дмитриевич резонно ответил, что это могло бы произойти и раньше «и зависело не от нас, а от вас»; что многое можно было предотвратить. Фибс промолчал. Ответить было нечего.

Через несколько дней он пригласил Леонида Дмитриевича и Анатолия Ивановича с супругами на обед, который запомнился мне своей несхожестью с предыдущими встречами. Разговоры были свободными, заинтересованными. Появилась раскованность. Общая беда сплачивала. Сразу же Леонид Дмитриевич, Анатолий Иванович, Иван Михайлович обратились в Москву с просьбой отправить их на фронт. Им ответили: считайте себя на войне, это приказ (лишь в 1942 г., как я писала, удовлетворили просьбу Леонида Дмитриевича).

Радио не выключалось ни днем, ни ночью. Еще теснее сплачивался наш маленький коллектив.

Обстановка в Корее после начала германо-советской войны резко изменилась. Печать изощрялась во лжи и фальсификации, пытаясь изобразить агрессором СССР, предсказывая его близкую неизбежную гибель, разжигая ненависть к советским людям. Откровенная слежка за нами еще более усилилась. Стало невозможно выходить в город. Даже больным трудно было попасть к врачам. Да и они боялись нас принимать.

Вот тут и показал себя прикрепленный к консульству жандармский чиновник Маямото. Он приходил ежедневно. Вместо разговоров о русских обычаях и культуре, которые, как он утверждал ранее, его очень интересовали и которым он симпатизировал, Маямото переключился на тему войны. Уверял, что «советскому государству приходит конец», что армия в панике отступает, а народ деморализован, он-де это точно знает из надежных источников. Свободно владея русским языком, он старался подробно оповещать об этом консульских работников, их жен и детей. И так изо дня в день. Это была настоящая психическая атака. Сбросили с себя маску и некоторые другие японцы, старавшиеся ранее казаться вежливыми и доброжелательными.

Вскоре нам было сообщено решение Советского правительства об эвакуации на родину членов семей советского посольства и консульств в Японии. Было тяжело оставлять мужей, но так хотелось домой. Жандарм Маямото по-своему разъяснял ситуацию, особенно перспективу: «Домой вы все равно не попадете. Не советую собирать вещи. Японское море кишит советскими минами. На своих же минах и подорветесь». При этом он заливался веселым смехом. (Версия о советских минах широко распространялась и в печати.)

Одним семьям сотрудников консульства предстояло ехать в

район Казани, другим — в Томск. Мы, будучи очень дружными, все решили ехать в Томск.

Муж провожал нас до Чхонджина. Тяжким было расставание.

Глава 2

О РАЗНОМ

1. Немного о корейских традициях

Сейчас, полвека спустя, поняла, как много потеряла, не пытаясь непосредственно в стране изучить традиции ее народа. Видела главным образом то, что лежало на поверхности. А ведь это вопрос огромной важности, без знания которого не понять ни истории, ни современности.

Когда у нас на восьмом десятке существования Советского государства прорвались нарывы в межнациональных отношениях, особенно зримо выступила необходимость знать и учитывать традиции народов. На востоке их власть особенно устойчива, корни глубоки, формы проявления своеобразны, причудливы, роль в общественном сознании, в психологии и значительна и противоречива. Реакционный традиционализм и гуманистические по своей природе национальные обычаи, нравы, трудовые и бытовые обряды, переплетаясь, взаимодействуя, взаимовлияя, либо тормозят поступательное развитие общества, либо способствуют ему. История учит, что недооценка традиций, как и недифференцированный подход к ним, ведет к существенным потерям и деформациям. В полной мере эта проблема касается и Кореи, ставит перед советскими исследователями задачу специального изучения ее богатых, многообразных традиций.

Один из выводов, который напрашивается (правда, с большим опозданием) при анализе автором виденного в стране, заключается в том, что японские колонизаторы тщательно изучали характер и формы корейских традиций, учитывали их в своей колониальной политике и гибко меняли ее, когда сталкивались с защитой народом своих традиций. Они всячески старались использовать их в своих целях, в первую очередь в идеологической сфере, а также при подавлении освободительной борьбы. Факты свидетельствуют, например, о том, как мобилизовались корейские традиции взаимопомощи для подъема производительных сил и вообще для приобщения колонии к обслуживанию войны.

Не стала предметом нашего изучения и такая проблема: Корея однонациональна. Как это сказывалось и сказывается на общественном сознании, психологии народных масс, на живучести и устойчивости исторических традиций? Во время бесед с южнокорейскими товарищами, в том числе с учеными, иногда

возникали эти вопросы. Одни утверждали, что однонациональный состав населения позитивно влиял на общественную мысль, на психологию, образ жизни и т. п., так как предотвращал национальную рознь, распри, способствовал росту общенационального патриотизма. Другие считали, что однонациональность населения мешает формированию революционных интернационалистских традиций и в революционной борьбе, и в международном общении. Думается, что доля истины есть и в тех, и в других толкованиях. По-разному в разные периоды проявлял себя этот фактор. Бесспорным представляется, что он облегчал национал-реформистам проповедь классового мира, гармонии и содружества труда и капитала. Но вместе с тем способствовал формированию общекорейского патриотизма [1]. Колониальный же гнет, унижение национального достоинства, культуры вызывало в качестве ответной реакции желание масс «улучшить» свое национальное, «удлинить» историю, возвеличить еще больше и без того богатую культуру. Задача авангардных революционных сил как раз и состоит в том, чтобы, как учит опыт, правильно, с учетом и общемировых и местных условий вносить в обыденное сознание идеи неразрывности национального и интернационального начал в борьбе за общие цели независимости и социального прогресса.

Есть у этой проблемы и современный, актуальный аспект. Однонациональная Корея оказалась расколотой на две части, и развернулся интенсивный процесс развития двух обществ — социалистического и буржуазного. Прекращены не только хозяйственные, но и другие связи. И это при сильных, устойчивых традициях: семейных, клановых, вообще родственных, земляческих, приятельских. Как же тяжело жить рядом и не иметь возможности быть вместе, даже видеться с близкими, друзьями.

Вероятно, фактор традиций однонациональной Кореи — один из важных стимулов стремления масс к объединению страны. И вопрос этот, что называется, прямо выходит на поверхность.

Хотелось бы еще раз обратить внимание и на другой его срез. Межнациональной розни не было. Но сколько же знала история Кореи разного рода распрей и групповой борьбы наряду с развитыми прогрессивными традициями взаимопомощи, трудовой солидарности. Как причудливо все это переплетается, сколько загадок таит.

Несколько раз в колониальные годы, да и позднее, приходилось слышать от знакомых корейцев: этому человеку нельзя верить, он из провинции, уезда (имярек), там люди ненадежны — хитрые лисы. Или: этот человек достойный, он родом из провинции... (называется другая). Только объяснить, в чем дело, никто не мог. И лишь однажды наш шофер Хам обещал познакомить с «ученым человеком», преподавателем колледжа — Ли, который все знает и расскажет. Хам выполнил обещание.

Ли оказался на вид молодым (на самом деле ему было за 60 лет), приветливым корейцем, интересным собеседником. Ра-

нее он довольно долго жил во Владивостоке, хорошо знал русский язык. Вот что он рассказал [2]. Один корейский ученый еще якобы в XVI в. изобразил каждую провинцию в виде животного или птицы, имеющих сходство с характером населения этой провинции. Северная и Южная Чхунчхон — сорока, птица почти ручная, что побуждает ее держаться вблизи человека и его жилья, обладает звонким, чистым голосом. Язык их жителей очень благозвучен и мягок. Они высоконравственны и более просвещенны, чем жители других провинций, поэтому пользуются всеобщим уважением, как бы ни были бедны. (Из представительниц самых знатных родов дворянства этих провинций обычно выбирали жен для корейского короля и принцев крови.) Северная и Южная Чолла — лисица. Население лукаво, коварно, как лиса. Люди этих провинций никогда не скажут правды и умеют вывертываться из самого затруднительного положения. О них сложилась поговорка: один мертвец из пров. Чолла стоит трех живых. Отличительная черта — непостоянство. Когда мы возразили против такой характеристики провинций Чолла, ставших ареной крупнейших освободительных выступлений, Ли ответил: ведь символика XVI в. обрастала новыми чертами и трансформировалась правящими классами в своих интересах. Пополняли ее и некоторые националисты. Так, они утверждали, что в пров. Чолла японцы нашли себе самых сговорчивых пособников для подготовки и установления протектората. Корейское правительство никогда не верило в преданность и верность жителей этих провинций.

Пров. Северная и Южная Кёнсан — тигр. У жителей драчливый и мстительный характер с оттенком жестокости; ссорятся из-за всяких пустяков и дерутся. Побоища нередко кончаются тем, что один из дерущихся валится замертво на землю. Даже женщины отличаются крайне мстительным нравом. Они не останавливаются перед самоубийством после пустой домашней ссоры, чтобы после смерти в качестве злых духов мстить мужьям. Готовы пойти, не рассуждая, за всяким, кто громче всех кричит.

Пров. Канвон — медведь. Население отличают простота, неразвитость, простодушие. Здесь больше, чем в других провинциях, распространен буддизм. Убийства, воровство редки.

Пров. Северная и Южная Хамгён — бык. Отличительная черта жителей — упрямство, смелость, верность (друзьям, землякам и т. д.)

Пров. Хванхэ — собака. Население задиристо, склонно к тяжбам, но привязано к родине, к своему дому. Можно встретить живущую в одном и том же доме семью из 14—15 поколений. Сложилась поговорка о человеке, любящем путешествовать: «этот не уроженец Хванхэдо». В семьях, как правило, много детей. Больше, чем в других районах страны.

Пров. Северная и Южная Пхёнан — лошадь. Жители неустрашимые, горячие, смелые, храбрее других корейцев, упор-

ны, малообщительны, но если преданы чему-либо или кому-либо, то безгранично. Суровы.

Что выражала вся эта символика, с чем она была связана? Ли считал, что главным образом с местничеством. Появившись четыре века назад, говорил он, пополняясь новым содержанием, она отражала отчужденность и даже противоборство между разобщенными районами страны. Ли очень возмущался, что некоторые иностранцы-миссионеры объясняют распри между корейцами чертами их национального характера. Корейцам присущи, наоборот, общительность, доброжелательность, готовность поделиться с другом, соседом, земляком последней чашкой риса (для гостей специально берегут немного пищи). Не зря, напоминал он, у нас так широко распространена поговорка: «не жалей отдать нуждающемуся все, что можешь; богат не тот, кто получает, а тот кто дает». Эту национальную черту корейского характера мы видели.

Еще раз хочется подчеркнуть: японские власти с помощью корейских союзников все более продуманно относились к этому вопросу и интенсивно применяли в своей колониальной политике традиции порабощенного народа. С учетом их была организована деятельность «патриотических» групп, сложившаяся еще в средние века система круговой поруки. Да и вся их концепция идеологической диверсии в Корее, особенно в военные годы, предусматривала не только учет, но и инспирирование отдельных реакционных черт традиционализма.

Вместе с тем действовала и обратная тенденция: использование патриотическими силами колонии гуманных национальных традиций в освободительной борьбе. И не безуспешно. И это, в свою очередь, вынуждало власти быть осмотрительными по отношению к ним.

Такая тема представляется интересной для специальных исследований корееведов, равно как и проблема «Традиции и развитие КНДР». Примером использования традиций в условиях республики может служить движение Чхоллима. Легенда о коне, несущемся со скоростью стрелы, о его бесстрашном всаднике, преодолевающем пространство и время, реки и горы, стремящемся в прекрасную даль, сложилась в Корее давно. В колониальные годы приходилось слышать о Чхоллима в числе многих других легенд и мифов. Всех их объединяет общая мечта о свободе и справедливости, и во многом они казались похожими друг на друга.

Но вот древняя легенда обрела молодость в КНДР, воплощая стремление ее народа быстрее строить новую жизнь. (Не касаюсь в данном случае вопроса объективной возможности и обоснованности «ускоренного» движения, как и методов, применяемых для этого.) Но старый миф воодушевил народ, которому пришлось не только преодолевать последствия колониализма, но и залечивать раны жестокой трехлетней войны.

С упоением рассказывали корейские друзья, когда мы с му-

жем в 1958 г. были в КНДР, о Чхоллима, о том, как доходит национальная легенда до сердца каждого труженика, как помогает образ древнего коня строить новую жизнь.

Все это напоминаю для того, чтобы подчеркнуть необходимость исследования традиций для понимания не только прошлого, но и современности.

Корейские друзья любили много рассказывать о передаваемых из поколения в поколение нравах, образе жизни, о преемственности культурного наследия, которое, трансформируясь применительно к переживаемому времени, сохраняет вместе с тем свои корни, живучие, неистребимые.

Многократно доводилось слышать, что корейцы «белая нация». Их нередко называли белыми лебедями. Немного писала об этом в книге «Южная Корея». Хотелось бы добавить: колонизаторов никак не устраивал тот гуманный национальный, традиционный аспект, который вкладывался в это определение, символизирующее чистоту, высокую нравственность, красоту, и была развернута кампания против белой одежды. В бытность свою в стране не совсем понимала, почему властями создаются общества, комитеты специально для разъяснительной работы среди женщин, чтобы убедить их отказаться от белой одежды. Доводы приводились такие: непрактично, негигиенично. Мужчинам-служащим официально запрещалось ходить в белом. Регулярно велась «накачка» в «патриотических» группах. На вопрос, в чем истинная причина всей этой кампании, знакомый торговец ответил: «Причина в том, что мы — белая нация, а они (колонизаторы) хотят истребить в нас сознание того, что мы вообще нация, тем более светлая, честная. Запрещают продавать белые ткани. Но не получается. Некоторые даже молодые девушки часто одеваются в белые одежды, хотя обычно они носят яркие». Рассказывал, что в «патриотических» группах разъясняют, будто нравственность, чистота проявляются не в одежде, а в том, как человек себя ведет, как он работает, помогает своей благодетельнице — Японии выиграть войну и т. п. Впрочем, и в данном случае японская администрация проявляла известную осторожность, особенно в последние годы войны.

После освобождения в Южной Корее было создано Общество белой одежды, провозгласившее возрождение национальных традиций. Не знаю о его судьбе, возможно и распалось. Но тяга к сохранению своего национального, традиционного, своих корней, думается, осталась сильной и на Севере, и на Юге.

Часто бывая в сапожной мастерской на улице Намсан, мы как-то разговорились с ее владельцем. Искусный мастер, он, несмотря на скромный вид мастерской и отдаленность от центра, имел немалую клиентуру. Бывали у него и иностранцы. Он объяснил, что им нравится его обувь и кожа, из которой она изготавливается. «А знаете ли вы, — спросил он после несколь-

ких посещений, когда мы стали добрыми знакомыми, — что именно из-за этой кожи я причислен к касте „презренных", „неприкасаемых", „отверженных" наряду с мясниками, корзинщиками, шаманами, танцовщицами, странствующими певцами?».

На вопрос, в чем практически выражается отверженность, презренность профессии, он ответил: в дополнительном унижении. Японцы унижают потому, что кореец, остальные — потому, что сапожник, обдирающий кожу. Трудно выдать замуж дочь, водить знакомства с достойными людьми.

Хотя в колониальные годы, многие обычаи и нравы старины стирались, основы их сохранялись и порой были очень заметны.

Это относится в полной мере к корейской обрядности. То, что удавалось видеть в Сеуле, не во всем совпадает с рассказами товарищей, живших в Северной Корее, и с материалами, приводимыми в трудах советских ученых [3]. Это не случайно и вполне объяснимо. Последние касались более раннего периода и специально всесторонне исследовали обряды и обычаи доколониальной Кореи. В данном же случае приводятся лишь отрывочные наблюдения, к которым меня приобщал муж, серьезно интересовавшийся этнографией Кореи.

Многое казалось необычным, непонятным в обрядах, праздниках. Самым большим из них была встреча Нового года. Война, конечно, сократила продолжительность празднования, многое изменила, но ритуал в основном сохранялся.

Впервые узнала о праздновании Нового года со слов директора исторического музея в Сеуле, который пригласил нас с мужем к себе (это было в начале 1940 г.) [4]. Он производил впечатление человека образованного, осведомленного в вопросах корейской культуры, с уважением к ней относящегося. И вот что утверждал директор: для многих корейцев в наше время празднование Нового года превратилось в настоящее бедствие. Экономят весь год, чтобы торжественнее встретить наступающий. Отказывают себе в самом необходимом. Зато потом вволю празднуют.

Хотя писала немного о встрече Нового года в книге «Южная Корея. 1945—1946», стараясь не повторяться, приведу наблюдения предшествующих лет.

Отмечался этот праздник по лунному календарю, и возраст человека исчислялся с нового года, что придавало ему двойную торжественность. Накануне считалось обязательным рассчитаться со всеми долгами, завершить неоконченные работы. (Мы это знали и готовились ко всем расчетам.) В жилищах вывешивались фонарики из бумаги, зажигались светильники. «По тому, насколько ярко горит пламя, можно угадывать, чего ждать от нового года, радостей или новых трудностей», — говорила жена привратника консульства Суни. Примерно то же повторяли после освобождения некоторые знакомые, участники освободительной борьбы, в частности шофер Хам. «Смотрели

на пламя светильника, — говорил он, — и гадали, что нас ждет: тюремные застенки, борьба или освобождение». На вопрос, как горел светильник в 1945 г., Хам ответил с веселым смехом: «Ярко горел. Некоторые утверждают, что освещал не только жилище, но и все вокруг». Он неоднократно повторял нам, что традиции в Корее очень устойчивы в разных слоях населения, а новогодний ритуал особо почитаем. Возле некоторых домов и на сопках горели костры, куда с факелами устремлялись большие группы людей. Видели, как семьями направлялись в храмы, чтобы поклониться духам предков и попрощаться со старым годом. Среди многих требований новогоднего ритуала одно вызывало откровенное недоумение. «Полагается, — говорил знакомый переплетчик, — ходить по мостам, чтобы набраться храбрости. Это возможно. Но много есть, чтобы весь год быть сытым? Попробуй, выполни такое требование, когда рацион сократился до предела, да и сытости не предвидится». Но веселиться (тоже полагалось) корейцы старались вволю, словно сбрасывали с плеч груз невзгод и трудностей.

Семьями отправлялись в гости к родственникам, друзьям, знакомым. Встречаясь на улице, поздравляли с праздником и незнакомых. Мы научились довольно правильно и полно отвечать по-корейски на поздравления или сами проявляли инициативу. Принято было не только поздравлять, но и угощать, хотя в последнее время это для многих оказывалось неосуществимым.

Девушки катаются на качелях. Гадают о будущем. Шаманы ходят по домам, совершают какие-то таинства. Узнать их содержание не удалось. Все это происходило главным образом вечером. Днем работа на предприятиях, в учреждениях не прекращалась (кроме одного-трех дней).

Впоследствии учитель Ким Гюён сетовал, что новогодние традиции нарушаются. Согласно обычаю, утверждал он, семь первых дней нового года отводятся на визиты, а последующая неделя катанию на качелях и другим увеселениям.

В числе других праздников назывались 3 марта — радостная встреча ласточек и 6 апреля — день поминовения усопших. Наблюдали его дважды. С узелками с едой и сури (корейская водка) шли после работы на могилы предков. Минут десять стояли, отвешивая поклоны, и возвращались. Еду забирали с собой. Кладбища, как правило, расположены на сопках. Им отведено специальное место. Около могил дощечки. Состоятельные корейцы хоронили на участке возле своего дома, устанавливали там памятники.

15 августа (по лунному календарю) — день жертвоприношения предкам, уборки могил. Эту дату впоследствии многие корейцы рассматривали как символическую, связывая день освобождения Кореи с милостью предков. Наблюдали и другие традиционные праздники. Так, 5 мая — катание на качелях. 6 июня — встреча лета. Массовые выходы на реку. 7 июля — встре-

ча двух звезд. Счастливый день для свадьбы. 9 сентября — праздник хризантем.

Подробнее узнать о происхождении этих праздников не удавалось, видели только, что многие корейцы в той или иной форме стараются их отметить [5].

Очень интересовали нас трудовые обряды в деревне. Познакомиться, правда опосредствованно, с ними помог нам «консультант» по вопросам сельского хозяйства, как мы его называли, садовник Юн. Его родственники-крестьяне часто бывали в консульстве, да и сам Юн не порывал с деревней. Несколько раз ездили с ним в близлежащие деревушки в дни праздников. Рассказывали, что раньше очень весело отмечали начало полевых работ. Под музыку национальных инструментов устраивали танцы. Женщины уходили в горы собирать побеги трав и растений. В годы войны обряд этот, как и другие, потускнел, но главное, как объяснял «консультант», сохранилось — приготовление ритуальных блюд, дабы получить милости от природы. Обязательно ходили на могилы предков.

Видели мы и праздник урожая, когда созревали ранние зерновые. Снова его важнейшим содержанием было посещение могил. Туда несли пищу, главным образом из чумизы (когда-то рис, а сейчас не имеем такой возможности, пояснял Юн). С выполнением этого ритуала крестьяне связывают результаты урожая. Неуважение к памяти и праху предков наказывается, становится причиной многих бед. Юн твердо верил в неотвратимость такого возмездия, распространяя его не только на урожай, но и на тяготы военного времени, даже на потерю страной независимости. Обращала на себя внимание атмосфера коллективности празднования. Вместе готовили ритуальную пищу, вместе, помогая друг другу, убирали могилы. Чувствовалась сплоченность. На это замечание Юн ответил, что не только в праздники, но и в ежедневном труде проявляется взаимопомощь. «Это наша национальная черта», — пояснял он. Во многих деревнях созданы группы по шесть-восемь семей, которые вместе сажают рассаду, ведут прополку, убирают урожай. А потом вместе празднуют.

Трудовая солидарность, коллективизм были видны даже со стороны [6].

Попытки выяснить, что во всей этой обрядности осталось от конфуцианства, от буддизма, что привнесено христианством, синто, а что тянется к шаманизму, оказывались безуспешными. Обычно отвечали — это все наше национальное. Записи и память сохранили беседы с корейскими знакомыми о традиции почитания предков. Они говорили о ее связи с шаманизмом, поклонением духам, с конфуцианством, с такими его нравственными догмами, как почтительность, обязательность уважения памяти предков, культ «больших» людей. Утверждали, что все это глубоко вошло не только в сознание, в души многих корейцев, но стало неистребимой чертой их характера.

Отвлекаясь от истоков традиции почитания предков и ее форм, хотелось бы отметить гуманное отношение корейцев к старикам. Оно было заметно всюду и во всем: в семье, в общественной жизни, в быту. На эту тему не раз беседовали с пожилыми людьми, и чувствовалось, как забота и почтительность скрашивают их старость. Говорили и с молодежью, которая и не представляла, что может быть иначе. «Конечно, каждое новое поколение во многом отличается от предыдущего, — рассуждал старый часовой мастер, беседы с которым на разные темы бывали интересными.— Но разве это может мешать уважению, заботе о нас — святой обязанности и долгу детей, молодежи. Да и наш опыт — это их капитал».

Своеобразной, непонятной казалась религиозная жизнь Кореи. Муж занимался этим вопросом усиленно, заражал и меня. Записывала его беседы со многими сведущими корейцами. Привожу в данном случае лишь то, что в той или иной мере подтверждается литературой. Будучи в своей массе веротерпимы, корейцы восприняли элементы разных религиозных верований. Противоречивость религиозной жизни определялась многими обстоятельствами. Она была связана с общими судьбами нации, с ее многовековой историей и большой самобытной культурой. Вместе с тем сказывалось влияние религии Китая, длительная изоляция страны, вторжение иностранных держав, захват Кореи Японией.

Следует выделить сложность и характерные черты национальных корейских религиозных воззрений, являвшихся своего рода протестом против иностранных влияний и данью утопическим воззрениям, что выражало богатство культурного наследия народа и его стремление к прогрессу.

Все это вело к тому, что религии, наслаиваясь на сознание и души людей, воспринимались ими главным образом как морально-этические категории, а религиозные организации нередко выполняли политические функции.

На поверхности наблюдался парадокс: религий много, а народ не религиозен. Во всяком случае, религиозный фанатизм отсутствовал. Бросалось в глаза и другое: причудливая смесь разных верований и культов, укоренившихся в общественной мысли, в образе жизни, нравах, психологии, вошедших в быт, сказавшихся в освободительной борьбе народа. Говоря об этом, наши собеседники, в частности Пак, Лим и другие, концентрировали внимание главным образом на политических аспектах проблемы. Каждый социальный слой, говорили они, брал из той или иной религии выгодные ему элементы. Буддизм с его идеями непротивления, отрешения от сует жизни, с догматом, что самая большая добродетель — это отказ от всяких желаний и активной деятельности, устраивал правящие силы доколониальной Кореи, да и японские хозяева пытались оживить в буддизме отвечающие их интересам черты [7].

Народ же взял от буддизма идею равенства людей, хотя он

оставался религией знати. Его догматами оправдывали себя патриоты, желавшие остаться в стороне от активной борьбы.

Примерно так же оценивали Пак и его друзья роль конфуцианства. Его идеи, утверждали они, опирающиеся на беспрекословное подчинение людей власти мудрого правителя, на непререкаемость, неизбежность и справедливость социального неравенства — все это устраивало колонизаторов. Они учитывали и то обстоятельство, что в психологию корейского народа, в его традиции прочно вошел догмат конфуцианства, гласящий, что отношения людей должны строиться на сыновней почтительности в семье, обществе, в государстве, что идея сыновнего долга, часто слепое, бездумное подчинение старшим явилось не осознанным восприятием конфуцианства как религии, а стало этической нормой, въелось глубоко в плоть и кровь, в быт, нравы, передаваясь из поколения в поколение. Утверждая это, наши знакомые особо отмечали идеи мудрого монарха, правителя, вождя, на верности которому строится благополучие государства как большой семьи. Колонизаторы не только широко, но и умело использовали все это.

Хотя наши собеседники брали только социально-политический срез проблемы религии, думается, что в их суждениях много правды.

В новых формационных условиях северной части страны некоторые каноны конфуцианства (о мудром, непогрешимом вожде, отце-руководителе) дают себя знать. И вопрос этот заслуживает изучения.

Упорно, но безуспешно японские властители насаждали в Корее синтоизм (безуспешно в немалой степени потому, что «насаждали»). Не раз приходилось бывать в синтоистских храмах. Там — неизменные изображения трех обезьян, олицетворяющие догмат «не вижу, не слышу, не говорю» (нужно, мол, опасаться осквернения ушей слушанием дурного, глаз видением соблазнительных зрелищ, рта произношением скверных речей). Сколько по этому поводу высказывалось корейцами комментариев. Ведь самыми дурными слухами, речами, зрелищами считались антияпонские.

По своему содержанию синтоизм, в основе которого почитание духов, в том числе духов предков, как и культ императора, поклонение богине Аматерасу, не противоречит нравственным устоям и традициям корейцев, утверждали наши собеседники и в их числе крупный специалист по вопросам религии Ито. Протест корейцев вызывает не синтоизм, а то, что его провозгласили государственной религией, заставляют исповедовать. Ито считал это ошибкой, недоучетом силы национальных чувств и традиций. (Надо отметить, что и в данном случае, как и в приводимых выше, японские власти проявляли определенную терпимость и осторожность, хотя и рассматривали отказ населения посещать синтоистские храмы как одну из форм антияпонизма.)

Глубокие корни сохранил в колониальной Корее шаманизм. Основа его, как известно, — почитание неба, от которого зависит все на земле, одухотворение природы, якобы населенной разными духами.

С проявлениями и обоснованиями шаманизма приходилось сталкиваться очень часто. Духи умерших людей, явления природы способны приносить радости или беды. Все зависит от их расположения. А чтобы заручиться им, нужно совершать благодарственные приношения, популярно поясняли садовник, другие корейские собеседники.

Мифология превратила духов в животных.

Так, дракон — это символ веры, черепаха — долголетия, журавль — домовитости, тигр — храбрости и т. д. К символам духов относили горы, деревья, домашние предметы.

Было наглядно видно, что шаманизм упорно не сдает своих позиций ни буддизму, ни конфуцианству, а существует и даже переплетается с ними.

Множество разных обрядов совершалось с целью повлиять на природу, на небо, его владыку, на духов предков, чтобы заручиться их помощью, вызвать дождь, успокоить ветер, предотвратить ураганы, наводнения, засухи. От этого зависят, уверяли нас, и жизнь, и здоровье, и урожай.

Не случайно многие корейцы, и богатые и бедные, совершают жертвоприношения. Задабривали они и местных духов.

На вопрос в одной из деревушек близ Сеула, кому предназначено стоящее на сопке блюдо с птицей, старый крестьянин ответил: духам плодородия. Они принесут нам дождь и урожай. Уверенность в успехе звучала в его голосе.

Обстоятельнее разъяснил нам вопрос, что означает длинный шест с развевающимися на нем полосками разноцветной бумаги и стоящая неподалеку чаша с пищей, бойкий мальчуган. Он был явно удивлен нашей некомпетентностью. Это сделано для того, чтобы умилостивить духов, чтобы шел дождь и не было засухи, чтобы урожай был хорошим. Ким Гюён переводил, поясняя: блюда, которые являются жертвенными, съедают сами крестьяне. Иначе сейчас невозможно (видимо, раньше их оставляли духам).

На окраинах Сеула, других городов, где удалось побывать, и особенно в деревнях, можно было видеть столбы с изображениями животных, человеческих голов, а на домах и заборах разные амулеты. Все это символизировало предохранение от злых духов. Посредниками между небом, духами и людьми выступали шаманы. В корееведческой литературе читала, что среди них было много женщин и слепых. В мою бытность в Корее этого не заметила.

В Сеуле шаманы сидели на перекрестках улиц, на площадях, зазывая прохожих. Иногда возле них можно было видеть «клиентов», главным образом женщин. Узнать содержание «таинства» не удавалось. Любопытных шаманы не любили, а

тем более иностранцев. Заклинание, гадание и лечение — так охарактеризовала сферу их деятельности Суни. И хотя все это связывалось с посредничеством между духами и людьми, область врачевания уходила своими корнями в традиции народной восточной медицины, в ее многовековой опыт.

Большинство населения, простолюдины, не имея возможности обращаться к врачам, шли либо к знахарям-самоучкам, либо к шаманам (часто это были одни и те же лица) и применяли по их рекомендации разного рода травы лечебного свойства, приготовленные из них отвары, иногда (для детей) лепешки, пряники, даже своеобразные конфеты. Всемирно известный корень жизни (женьшень) был для населения недоступен. Но изобретательные знахари-шаманы создавали его заменители, и многие утверждали, что эти приправы так же лечат, придают силу и бодрость, как и натуральный женьшень.

Впоследствии наш учитель корейского языка Ким Гюён, который больше всего любил на уроках рассказывать о религии, говорил, что именно успешное использование шаманами средств восточной медицины создавало им популярность, способствовало живучести шаманизма, хотя немало корейцев верили и в силу духов, с которыми шаманы якобы посредничали. Ким рассказывал, что в некоторых городах, а особенно в деревнях, есть семьи, даже кланы народных знахарей, владеющих опытом врачевания, делающих порой чудеса. Последние были следствием передаваемого от дедов и отцов опыта. Но темные люди связывали их с милостью духов, а причину болезней видели в том, что провинились перед ними.

Лекари-шаманы, говорил Ким, хорошо знают характер распространенных в стране болезней. В числе их он назвал желудочные — от плохой воды, которую употребляют сырой, от грубой пищи, грязи. Много больных туберкулезом, ревматизмом. Скученность, антисанитария способствуют этому, как и массовым эпидемиям — оспе, холере, проказе.

На оказание помощи при некоторых из этих заболеваний и нацелено внимание лекарей.

Характерная деталь, о которой слышала в Корее и читала в литературе. Нередко народный лекарь-знахарь получал плату за лечение только в том случае, когда его пациент выздоравливал. «Народные лекари не в полном смысле шаманы, а лишь их разновидность, которой нельзя пренебрегать, — утверждал Мартэлл. — Используйте их, пока вы здесь». Он рассказывал немало баек по поводу своего «долгожительства» и бодрости, связывая их с помощью народных лекарей.

Однажды со мной произошел такой случай: сильно порезала руку, кровь текла ручьем, и никакими домашними средствами остановить ее не удавалось. Обращаться к врачу не хотелось. Зашла в сторожку к Суни. Она посмотрела руку и решительно заявила: сведу вас к одному человеку, он сразу остановит кровь. Я согласилась.

Правда, когда подошли к сидевшему на корточках грязному старику на одной из улиц, подумалось, что скорее можно ждать заражения крови, чем остановки кровотечения.

Но отступать было неудобно. Старик крепко сжал руку, развел пальцы, что-то болезненно покрутил, и... кровь остановилась. Я была и обрадована и обескуражена. Не могла Суни смотреть в глаза. В консульстве постаралась скрыть, что обращалась к шаману. Но скоро проболталась. А много позднее, в 1961 г., когда мы с мужем были в Институте народной медицины (близ Чанчуня в КНР), рассказала об этом случае одному из наших собеседников — профессору. Он ответил: удивляться нечему. Многие шаманы и у нас умеют останавливать кровотечение, унимать боль. Удивляться нужно другому: неумению и непониманию многими народной медицины, в том числе и опыта лекарей, которых часто огульно причисляют к шаманам, к знахарям. Вопросы эти требуют научного исследования. Думаю, что китайский профессор был прав.

Знакомые миссионеры утверждали, что, хотя в 1750 г. шаманизм в Корее был поставлен вне закона, он оставался там влиятельной религией, что число шаманов составляло более 6 тыс., некоторые называли цифру 10 тыс. человек[8].

Большой интерес в аспекте воздействия религиозных традиций на общественное сознание и психологию корейцев представляют национальные религии и самая значительная из них тонхак (восточное учение). Его возникновение относят к середине XIX в. (к 1859 г.) и рассматривают как противовес сохак (западному верованию, христианству). Догмы тонхак стали религиозной формой крестьянского движения в Корее конца XIX в.

Появилось множество сект восточного учения, главная из них Чхондогё. Образовавшись внутри реакционной части тонхак в 1906 г., общество Чхондогё претерпело в колониальные годы большие изменения. Идеи равенства, утопические мотивы[9] вели в его ряды и крестьян, и городские слои, и многих интеллигентов. «Низы» давили на помещичье-буржуазную верхушку и вынуждали ее на участие в национально-освободительном движении. Об этом речь пойдет в разделе «Борьба». Напомню лишь, что в секте довольно интенсивно развивался процесс ее расслоения, отражавший общую ситуацию в расстановке политических сил страны.

О национальных религиях любили говорить многие наши знакомые. Не все в их рассказах совпадало, далеко не все запомнила. Примечательным казалось, что и некоторые участники коммунистического движения говорили о Чхондогё как с близкой им организации. Это не религия — утверждали они, это объединение нравственно-политического характера. Учение чхондо призывает людей к справедливости, равенству, счастью на земле. «Вы входите в Чхондогё?» — спросили мы студента, горячо отстаивавшего этот тезис, завсегдатая консульского пар-

ка (разумеется, после освобождения страны). «Нет, — ответил он, — не состою, но сочувствую». Он доказывал даже наличие общей цели у Чхондогё (его левого крыла) и коммунистов — забота о счастье людей, хотя признавал, что в одном случае она основана на утопии, в другом на научных принципах.

Важно отметить, что при разработке платформы действий южнокорейские коммунисты отмечали черты утопического социализма в учении чхондо, которые считали необходимым учитывать в политико-воспитательной работе среди населения [10].

2. Миссионеры

О миссионерстве в Корее написано немало, в том числе в советской литературе. Но представляется, что не все написанное объективно. Этот упрек автор прежде всего обращает к себе. Как правило, мы подчеркивали лишь один аспект деятельности миссионеров — выполнение заказа своих правительств. Несомненно, задача подготовить почву для установления или расширения влияния той или иной страны (прежде всего США) возлагалась на миссионеров, и с разной степенью усердия они бывали вынуждены ее выполнять.

Политический характер миссионерства наглядно проявился впоследствии в Южной Корее, где, устанавливая свое господствующее положение, американцы опирались на многие годы подготавливаемую, в том числе миссионерами, почву. Но было среди них и немало людей, искренне веривших в свою культуртрегерскую миссию, в благотворность и гуманизм распространяемого ими в Корее вероисповедания. То была не однородная, не одноликая масса. Некоторые обладали кое-каким состоянием, другие жили трудно. Были среди них и богатые бизнесмены, преуспевающие дельцы, тоже причисляемые к миссионерам. В Сеуле, как и в северных районах страны, обосновались главным образом американцы, хотя были и немцы, французы, англичане, австрийцы и др. [11].

Влияние миссионеров распространялось на разные слои населения. Тому способствовало немало глубинных причин, связанных с условиями колониальной жизни, с поиском выхода из материальных трудностей и духовных застенков. Так объясняли влияние миссионеров некоторые наши корейские собеседники (напомню, что лишь в конце XIX в. правительство Кореи разрешило миссионерскую деятельность в стране; в это время там насчитывалось 30 тыс. христиан, а в 1938 г. уже 500 тыс.). Знакомые же американцы, в частности мистер Вэл, больше других любивший говорить о миссионерстве и его значении для корейцев, утверждали, что протестантство, проповедуемое и внедряемое главным образом американцами, импонирует местному населению своей доступностью, отсутствием сложной церковной иерархии, противопоставления духовенства мирянам, монашества. Число таинств сведено лишь к крещению и прича-

щению. Главное же, считали они, простолюдинов привлекает то, что американская миссия создает больницы, школы, колледжи, столь нужные населению. Мистер Вэл, и не только он, усматривал много общих черт в христианстве и национальных корейских религиях. Об этом слышала и от некоторых корейцев, считавших не случайным включение в учение чхондо элементов христианства. Мистер Вэл и его единомышленники, с которыми, к сожалению, случалось встречаться не часто, производили впечатление искренне верующих в свою миссию, симпатизирующих народу Кореи, знающих и уважающих его культуру. Но запомнились и другие. Живя много лет в Корее, они не поняли ее, высокомерно, надменно относились ко всему корейскому. Они пытались нас уверить, что полюбить эту страну невозможно, что она остановилась на стадии средневековья, дикости и т. п. Наше замечание о более чем четырехтысячелетней истории, богатой самобытной культуре воспринимали цинично. «Здесь интерес представляет только восточная экзотика, природа», — внушала мисс Питерсон из Австралии, работавшая в госпитале и изучавшая лекарственные травы. При этом она и ее единомышленники знали о Корее много. Другое дело — во имя кого и чего они изучали страну.

Немного о миссионерах, которые лишь так именовали себя и неоправданно причислялись к ним. Не распространять свое вероучение, а наживать капиталы приехали они в Корею. Некоторым это удавалось. Разной ценой. Мы, например, были знакомы с мистером А. Его дядя, американский богач, согласился сделать его компаньоном и завещал ему часть наследства при условии, что племянник будет возглавлять в Корее филиал фирмы и безвыездно жить там. Тот согласился. Преуспевал. Но называл себя «пожизненно заточенным в корейской клетке». Лишь изредка выезжал из страны по делам фирмы и попутешествовать. Мы были на свадьбе его дочери с сыном примерно такого же миссионера. Блеск, богатство ослепляли.

Другие не состоялись как крупные бизнесмены. Сколачивали небольшие состояния и оседали в стране. Их тоже мало интересовали вопросы вероисповедания корейцев (но материально они миссионерство поддерживали). Что касается тех, кто приехал в Корею с чисто политическими целями — готовить на месте опору для проникновения туда своих стран и осуществления их империалистических планов, то они к вопросам распространения христианского верования относились открыто прагматически.

К миссионерам относили себя и по другим причинам оказавшиеся в Корее иностранцы. Встречались среди них очень интересные люди.

Подлинной ходячей энциклопедией в вопросах Кореи был старый Мартэлл (позднее он как-то быстро одряхлел и невесело шутил: «Энциклопедия, да только не ходячая, а лежачая»).

В Корею он приехал в конце прошлого века. В колониальные времена служил в одном из японских учреждений и одновременно давал уроки английского, японского, французского языков. У него обучались и сотрудники советского консульства. Просил называть его Эмилем Альфонсовичем. Старался выражать свои симпатии русским. Связи его были обширнейшими — с дипломатами из разных стран, с японскими правительственными деятелями, с корейскими интеллигентами. К нему тянулись и многие из состоятельных кругов, желавшие приобщиться к «высшему свету» или искренне заинтересованные в знакомстве с западной культурой. Казалось, не было вопроса по истории Кореи, да и современности, на который Мартэлл не смог бы ответить. Уникальные знания, память, умение рассказывать, французский шарм влекли к нему.

Правда, некоторые проявляли определенное недоверие к Мартэллу, называли его «неудавшимся колонизатором», считали, что он работает на разведки ряда стран. Рассказы его называли сомнительными байками, набившими оскомину (мы тоже замечали, что он очень уж многословен, часто повторяется. Действительно, это было так. И когда бывало нужно остановить кого-либо из консульских друзей, говорливого и повторяющегося, произносили одно лишь слово: «Мартэлл». Этого оказывалось достаточно).

Встречали нас в его семье приветливо, особенно две дочки (третья жила в монастыре). Насыщались такой информацией об истории, нравах, обрядах, культуре Кореи, что, приходя домой, тратили часы на записи услышанного. Особенно дорожили встречами с ними в 1943—1945 гг., когда контакты с другими европейцами почти прекратились (подавляющее большинство уехали) и общая изоляция нас от внешнего мира усилилась.

Одна из дочерей Мартэлла, мисс Маргерит, преподавала мне английский язык [12]. Сынишку она обучала игре на скрипке. Муж совершенствовал с Мартэллом японский и английский языки.

В колониальные годы он, с его знаниями Кореи, был находкой. Конечно, к его рассказам следует относиться довольно осторожно. (Привожу те из них, которые в той или иной мере подкреплялись другими материалами.) Но фигура этого широко образованного, яркого человека сохранилась в памяти, как и некоторые из его многочисленных баек, где уживались и правда и вымысел.

Впрочем, один эпизод, который он рассказал, рискну воспроизвести, не имея возможности сверить с другими материалами.

«Симпатии к русским я доказывал делами, — утверждал Мартэлл. — Восходят эти дела к началу русско-японской войны, когда русский крейсер „Варяг" вместе с канонерской лодкой „Кореец" сражались в Чемульпо (Инчхон) с японской эс-

кадрой. Как известно, в связи с угрозой оказаться захваченными противником „Варяг“ был потоплен, а лодка „Кореец“ взорвана [13]. Так вот, я активно участвовал в оказании помощи раненым русским солдатам и матросам по линии Красного Креста. За это получил орден от царя Николая II».

Мартэлл комментировал документы, хранившиеся в музее, созданном японцами в Инчхоне (мы там бывали, но служители музея отказывались показать хранившиеся за стеклами дневники, другие экспонаты). Утверждал, что знаком с этими материалами, что они — наглядное свидетельство мужества и храбрости русских солдат и моряков.

Любил рассуждать Мартэлл об отношениях японских властей к миссионерству [14].

Вспоминая Мартэлла, его семью, других европейцев, называвших себя миссионерами, и истинных распространителей своего вероисповедания, возвращаюсь к вопросу, который и тогда неоднократно возникал. Любили ли они страну, в которой прожили всю жизнь? Ценили ли богатство и самобытность культуры, созданную ее народом, которую многие из них знали, изучали? Сочувствовали ли его тяжелой, подневольной жизни? Вопрос не праздный, ответ на него неоднозначный. Роль и суть миссионерства в культурной жизни Кореи требуют специального изучения. В данном случае хотелось лишь еще раз подчеркнуть необходимость смещения акцентов при оценке этой роли, исправления допускавшихся нами перекосов и штампов.

Были, были среди них искренние, даже фанатично преданные своему делу проводники христианского вероисповедания, желавшие обратить в него корейцев, надеясь тем самым помочь им. Они немало сделали для приобщения корейцев к европейской культуре, а некоторые и для ознакомления европейцев с историей и культурой Кореи [15].

Все это снова и снова свидетельствует о том, как противоречива жизнь, как опасно ее упрощенно воспринимать.

Русская православная миссия в Сеуле была особой. Ее составляли главным образом белоэмигранты и их семьи, к миссионерству отношения не имевшие. Среди них были враги советской власти [16]. Так, участником семеновских банд являлся некто Белоголовый. Рассказывали, что он отличался особой жестокостью, расстреливая детей. После разгрома семеновцев Белоголовый обосновался в Сеуле и стал заниматься мелкой торговлей. Жил он на территории русской миссии и именовал себя миссионером. Много лет прошло, а до сих пор не могу забыть его длинное уродливое лицо, искажавшееся злобой, когда он по утрам на велосипеде проезжал мимо консульства. Нарочито, с вызовом отворачивался, произнося про себя какие-то слова, видимо проклятия, в наш адрес. Это была наиболее отвратительная личность в миссии. Говорили, что даже свои его терпеть не могли.

Несколько другого плана был господин Чиркин. Ранее он

служил в русском консульстве. Одно время даже был поверенным в делах России и продолжал настойчиво именовать себя «единственным» в Корее русским дипломатом... Он служил в аппарате генерал-губернаторства, пользовался покровительством японцев. Однако не менее усердно прислуживал позднее американской администрации. Мы с Чиркиным иногда встречались в клубе иностранцев или на приемах в иностранных консульствах. При этом он демонстративно отворачивался, подчеркивая свою неприязнь. Впрочем, и мы старались его просто не замечать. После капитуляции Японии госпожа Чиркина вдруг стала довольно настойчиво проявлять к нам интерес. Напрашивалась в гости. Вскоре этот интерес переключился и на американцев, прибывших в Сеул. Можно бы назвать и другие аналогичные персонажи из русской православной миссии. Но были люди, тяжело переживавшие потерю родины, тосковавшие по ней. Они позже говорили, что простить себе не могут своего бегства, что не захотели или не смогли понять революцию, что возвращение домой — их заветная, хотя и неосуществимая мечта. Особенно больно им было за выросших на чужбине детей. В колониальное время мы могли этих людей видеть только издали. Общаться с нами не разрешалось. Боялись они и японцев и «белоголовых» [17].

Миссия находилась рядом с консульством, отделенная от него невысокой стеной. Вспоминается, как в праздники — 7 ноября, 1 мая — мы в парке заводили патефон, ставили его возле забора, подбирая пластинки с лучшими революционными песнями. И наблюдали из-за деревьев, что происходило по другую сторону стены. Сразу же поверх нее появлялись головы детей и взрослых. Молча слушали, и в глазах многих, особенно юных, нетрудно было заметить и радость, и отчаяние, и безысходность. Нередко родители стаскивали с руганью и шлепками детей с забора, иногда сами, стараясь остаться незамеченными, вслушивались в музыку родины. Часто ставили мы пластинки с русскими народными песнями. Они собирали наибольшую аудиторию. Делали это не только в праздники. Случалось, что из-за стены в нас летели камни, палки, стекла. Ведь разные жили люди. Полиция, в свою очередь, зорко следила, чтобы между миссией и консульством не было никаких контактов.

Главой русской православной миссии был отец Поликарп. Родители его еще до революции отправились в поисках работы в Маньчжурию, оттуда перебрались в Корею. Отец умер. Мать, простая женщина, немало потрудившаяся, сделала все возможное, чтобы дать сыну образование. Его незаурядные способности были замечены, оценены, и в конце 30-х годов он стал главой русской православной миссии. Мы много раз издали видели его, высокого, красивого, с низко опущенной головой. После освобождения он спрашивал: «Вы заметили, что я не смел поднять на вас глаза?» — «Заметили». — «А почему, понима-

ли?» — «Нет». «А потому, — пояснял он, — что мне было мучительно стыдно за себя, за нас». Но у Поликарпа не было оснований стыдиться. В годы советско-германской войны он проявлял себя очень мужественным и верным патриотом России. Молебны за победу советского оружия собирали много прихожан, вызывая серьезное недовольство властей. Его предупреждали, против него плели интриги белоэмигранты. Но он твердо стоял на своем. В молебнах звучали не только патриотические мотивы, но и мысли о том, что победа советского народа важна для торжества справедливости и на корейской земле. «Прихожане-корейцы высоко чтут отца Поликарпа», — говорил бывший дьяк церкви Ким Гюён. О его проповедях знали не только прихожане. В японской печати проскальзывали довольно прозрачные намеки на то, что статьи на религиозные темы с антияпонским подтекстом, «которыми зачитываются некоторые учащиеся», нелегально изготовлены в русской православной миссии или представляют собой выдержки проповедей отца Поликарпа. Когда же после начала войны СССР с Японией он отслужил молебен за победу России, то тут же был брошен властями в тюрьму, подвергнут пыткам и лишь после капитуляции Японии освобожден.

Отец Поликарп не любил об этом рассказывать. Только однажды он заметил: «Поймите меня: физическая боль, пытки давали нравственное удовлетворение. Я словно принял участие в победе моей родины, проливал за нее кровь».

Встречались мы с ним после освобождения почти ежедневно. Он приходил на волейбольную площадку консульского парка, и здесь в перерывах «игроки» засыпали его вопросами, а он их. Мы с мужем неоднократно бывали у него в гостях. Квартира заставлена была книгами, стены увешаны его картинами, рисунками. Особенно любовно обставлен был «русский уголок» (большая часть комнаты-музея). Он не только никогда не был на родине, но и почти ничего не знал о ней, о советской действительности. «Не удивляйтесь этому, ведь ни читать, ни что-либо правдивое услышать о моей России я не мог». Мы не удивлялись: такой возможности действительно не было. Не мог поверить во многое, что мы рассказывали, столь обычное для нас.

Бывает же так, что вопросы обогащают больше, чем самая пространная информация, заставляют задуматься, глубже проникнуть в суть происходящего. Так получилось и с вопросами отца Поликарпа. О чем они были? Пожалуй, обо всем, кроме религии. Ее мы не касались. Он деликатно опасался задеть наши убеждения, мы — его [18]. Чего добился русский народ, назовите главное. «Народы России», — поправляли мы. Заинтересованно слушал. Ведь он питался ранее только антисоветской информацией. Сам же любил рассказывать о роли миссионеров в Корее, о их благородных задачах. Это был истый гуманист. И хотя он все время подчеркивал, что далек от политики, вся его

деятельность, его сочувствие судьбам корейского народа, которое он не скрывал, надежда на освобождение, которую он в своих религиозных проповедях внушал прихожанам, — все это имело глубокий политический смысл. Еще раз хочется подчеркнуть: ему глубоко симпатизировали корейские патриоты разных слоев и убеждений, в том числе и сеульские коммунисты. «Не раз предупреждал я его, — рассказывал впоследствии Ким Гюён, — что он поплатится за свою неосторожность, что многие в миссии его осуждают и не любят (речь шла о белогвардейских реакционных группах), что проповеди во славу советского оружия к добру не приведут. Не слушал, только утвердительно кивал головой, а делал по-своему. Правда, — признавал Ким Гюён, — я понимал, что в отличие от многих миссионеров других стран отец Поликарп уважительно относится к корейскому народу, знает и любит нашу древнюю историю и культуру. Хотя русская православная миссия бедна, а американская, к примеру, очень богата, многие тянулись к русским».

3. Встречи с русскими эмигрантами в Корее и Китае

Вместе с отцом Поликарпом и его матерью у нас часто бывала интересная, высокообразованная эмигрантка Яковлева. При каких обстоятельствах и когда она оказалась в Корее — не знали. Была очень сдержанна. Но часами могла беседовать о литературе, хорошо знала русскую и зарубежную классику, занималась корейской литературой и именно с этой целью, подчеркивала она, изучила корейский язык. А о себе молчала. Мать отца Поликарпа как-то шепнула: «Не спрашивайте ее о прошлом. Потеряла всю семью, осталась совсем одна. Она из самого высшего общества».

Иногда Яковлева включалась в разговоры о положении интеллигенции в России. Они возникали неоднократно и с другими русскими эмигрантами. Один из них, владелец небольшого магазина на окраине города (фамилии не помню), спрашивал: «Почему Советы так несправедливы к интеллигенции? У меня высшее образование, я мог бы им быть полезен, но из-за моего дворянского происхождения изгнали, и вот я мелкий торговец на чужбине в этой забитой стране». Другие задавали аналогичные вопросы с разной степенью корректности. Особенно много их пришлось слышать в Китае, где я была в 1940, 1941, 1943, 1960 и 1961 гг.

Сейчас, конечно, мы отвечали бы иначе, чем 50 лет назад. И потому, что больше сами знаем правды, и потому, что смеем о ней открыто говорить. Да, видимо, и вопросы сейчас были бы иными. Ведь восстанавливаемая истина доходила бы и до тех, кто их задавал, а сейчас — до их внуков.

Речь-то идет о годах, отдаленных от Октября двумя с не-

большим десятилетиями, и о первом поколении, первой волне эмигрантов. И пишу я только о том, с чем непосредственно столкнулась, не претендуя на какой бы то ни было анализ.

Память сохранила примерно такой разговор с отцом Поликарпом.

Он: Почему так сурово относилась новая власть к интеллигенции?

Мы: А как значительная часть ее отнеслась к новой власти? Кого относить к интеллигенции? Интеллигентом считает себя Белоголовый. Гордится тем, что истреблял «мужичье», плебеев, отстаивая честь русской интеллигенции.

Он: Что вы, что вы! Это палач. О таких я не говорю.

Мы: А сколько было таких! Сколько тысяч их воевали против Советов в армиях, в бандах! Революции ведь нужно было защищаться.

О гражданской войне, интервенции отец Поликарп знал только из японских и западных источников. Многому из того, что рассказывали мы, он ужасался, во многом откровенно сомневался. Но ведь Советы интеллигенцию не признали, вынуждали уезжать. Увы, рассказать, как все было в действительности, мы тогда не могли, да и не знали. Аналогичные разговоры происходили и с другими.

Но ближе познакомиться с русскими эмигрантами довелось в Дальнем (яп. — Дайрен) — Северо-Восточном Китае. И вот при каких обстоятельствах.

В январе 1941 г. мы с Екатериной Федоровной (женой генконсула) предприняли туда по приглашению генерального консула СССР довольно рискованную поездку. Решили ехать морем. Однако пассажирские пароходы не курсировали, и добраться можно было лишь на грузовом пароходике, фактически баркасе, где имелась одна крохотная каюта. Это показалось даже романтическим, но главное, уж очень заманчивой была перспектива увидеть Китай, Порт-Артур.

В генерал-губернаторстве дали разрешение на поездку. И вот в Инчхоне мужья посадили нас, не без опаски, в посудину, именуемую пароходом, и она взяла курс на Дальний. Путь тоже оказался и дальним и непредвиденно трудным. Сначала все шло нормально. С Екатериной Федоровной всегда чувствовала себя хорошо. У нее редкий дар — гасить нервозность, беспокойство.

Но неожиданно начался шторм. Он нарастал с бешеной силой. Баркас швыряло, кружило, опрокидывало. Казалось, все кончено. Однако он снова взлетал на бушующие волны, а затем снова погружался в них.

Единственным существом на баркасе, с которым мы до шторма общались, разговаривая главным образом на пальцах, был японский бой. Он немного знал русский язык, но не признавался в этом. Когда он наконец появился в каюте, мы буквально выплеснули мучавший нас в те минуты вопрос: «Абунай-

деска? (Опасно?)» — «Абунайдес», — подтвердил он, не пытаясь нас успокоить. Я лежала на верхней полке, крепко держась за ручки. Екатерина Федоровна была мертвенно-бледной. Она тяжело переносила качку. А со мной происходило нечто невообразимое — очень захотелось есть. Одной рукой (другая удерживала меня на полке) достала зажаренную курицу, взятую нами в дорогу, и начала есть. Нервы Екатерины Федоровны (называла и называю ее Катя) не выдержали: «Перестань грызть курицу, умоляю». В ее ослабевшем голосе было столько негодования, что я была вынуждена покориться. (Позднее узнала, что во время качки у некоторых действительно разыгрывается аппетит.)

А баркас продолжало швырять. Вылетел из металлического углубления в стене графин с водой, разлетелись по каюте осколки стекла, выскочил из двери ключ. Катя лежала неподвижная. Преследовала мысль: все так нелепо кончается и зачем потребовалось ехать в Дальний, тем более на таком судне и, главное (что в таких случаях довольно обычно), как согласились на это наши мужья (хотя они отговаривали, а мы их сами с трудом упросили). Не помню, конечно, всего, что передумала и перечувствовала в эти часы. Не помним, ни я, ни Катя, сколько времени мы плыли. Шторм постепенно затихал. Появился повеселевший бой, сказал, что к вечеру, вероятно, будем в Дальнем. Через некоторое время он сообщил, что подходит катер с полицейскими для проверки документов.

И снова «шторм», но уже другого характера. Полицейские были вежливы. Выражали сожаление по поводу беспокойств, которые нам причинила погода. Беседа была своеобразной. Говорили они по-японски с пояснениями отдельных слов по-английски. Что касается меня, то мои интенсивные занятия с Танака-сан японским языком и с мисс Маргерит английским еще не дали существенных результатов, особенно в такой стрессовой ситуации. Английская речь содержала немецкие слова, для прибывших малопонятные. Английский и японский лексикон Кати тоже был весьма ограничен.

Безрезультатными оказались и попытки боя выступить в роли переводчика. (Самым любопытным было другое — мы об этом узнали позднее: проверявшие нас полицейские хорошо знали русский язык.)

Такая своеобразная беседа, точнее, пантомима длилась довольно долго. Наконец один из проверявших, о чем-то предварительно поговорив с другими, сообщил, что документы наши не в порядке, неправильно оформлено разрешение генерал-губернаторства и нам придется вернуться назад. Это уже был не шторм, а шок. Но отчаяние иногда рождает находчивость. Мы попросили доставить нас на берег и позволить поговорить с советским генеральным консулом, по приглашению которого мы и приехали в Дальний. Откуда-то нашлись и слова, чтобы изложить эту просьбу. Безвыходность ситуации оказалась спо-

собной мобилизовать внутренние ресурсы, о которых сами не подозревали.

Полицейские посовещались и согласились. Когда в сопровождении их катера наша потрепанная посудина причалила к порту, мы увидели группу незнакомых людей, бросившихся нас обнимать. То были сотрудники советского консульства и их жены.

Новые добрые друзья постарались возместить пережитое нами и как можно интереснее организовать пребывание в Дальнем. Это им отлично удалось. Много ездили по городу и окрестностям. Неизгладимое впечатление произвел величавый, овеянный суровой героикой Порт-Артур. Сам Дальний казался русским городом, хотя чем-то очень непохожим на наши советские города. Повсюду звучала родная речь, но ощущалась какая-то чужая жизнь. На окраинах и в деревушках видела, как живет китайский трудовой люд. Многое напоминало Корею.

Переводчик консульства, который часто с нами ездил, обладал завидной общительностью и способностью располагать к себе и рассеивать подозрительность и тревогу, которые и здесь проявляли наши немногочисленные китайские собеседники в деревушках.

Мы заходили в глинобитные, крытые соломой хижины, удивительно похожие одна на другую. Рядом с ними — пристройки для домашних животных, кругом сухой гаолян. Он использовался и на топливо, и как корм для скота, и как строительный материал. Входя в домик, сразу попадаешь в кухню — знакомый по Корее кан. Многое другое в быту тоже ее напоминало: такая же всепоглощающая нужда. Здесь тоже ощущалось, что полностью придавленные ею крестьяне знают о нашей стране и инстинктивно связывают с нею свои надежды на лучшее будущее. Они мало говорили, но мы тоже внутренне это чувствовали. Позже, в 1960 г., в Харбине шофер Юн говорил примерно так: «Конечно, мы плохо представляли, что происходит в соседней России, но твердо знали: люди там живут по-человечески, а не как мы. Откуда знали? Конечно, не из газет, не от японских информаторов, они убеждали в обратном. Немало значило, что были соседями. Многие китайцы жили в России; возвращаясь домой, рассказывали о вашей стране. Наверное, потому и поверили, что и у нас возможна новая жизнь». Юн говорил это в трудные для советско-китайских отношений времена.

Но возвращаюсь в Дальний и к вопросу о русской эмиграции. Там познакомилась со многими. Неожиданностью для меня было то, что большое число эмигрантов, среди которых владельцы заводов, шикарных магазинов, салонов, имели советское гражданство. Признаюсь, я раньше этого не знала. Со многими из них мы встречались в кинозале консульства, где еженедельно демонстрировались советские фильмы. Внешне эти люди напоминали известные из литературы персонажи богачей, аристократов старой России. Холеные, в дорогих, хотя, с их

точки зрения, видимо, скромных туалетах, сверкающие драгоценностями дамы. Респектабельные мужчины. Познакомились и с другими — врачами, педагогами, юристами. Не помню, какие демонстрировались фильмы, но остались в памяти вопросы после просмотра, точнее, их форма и общая направленность. Неизменно извиняясь за свою неосведомленность и подчеркивая неодолимое желание побольше узнать о стране, гражданами которой они были и о которой либо ничего не знали, либо знали только прошлое, они расспрашивали о настоящем. Как и чем она живет, экономическое положение, культура, образование и т. п. Сотрудники консульства отвечали, разъясняли, опровергали информацию, которой Запад обильно питал русскую эмиграцию в Китае. Беседы длились долго, казались содержательными, хотя сами разъясняющие и опровергающие знали тогда далеко не все. Но то особый вопрос.

Интересной собеседницей, представлявшей другую группу эмигрантов, оказалась парикмахерша, клиентами которой были консульские женщины. Запомнилось ее немолодое, когда-то, вероятно, очень красивое, тонкое лицо. Сразу сообщила, что она не то графского, не то княжеского рода (мы не поверили, но оказалось правдой). Часами рассказывала о жизни своих друзей-беженцев. Кто-то работает официантом, кто-то шофером, подруга — маникюршей. Все с высшим образованием, люди большой «семейной культуры» — подчеркивала она. Но не было заметно в ней ни озлобленности, ни любопытства в отношении к советским людям, к тому, что происходит в России. Она словно смирилась со своей жизнью, погрязла в бытовых мелочах. Негодовала по поводу того, что на новогодней встрече «королевой красоты» была избрана не жена, а возлюбленная некоего богача, отвалившего за это баснословную сумму (голоса, подаваемые за выбор «королевы», покупались). Рассказывала немало других пикантных подробностей, заполнявших жизнь ее и ей подобных.

Тогда не думалось, сейчас уверена, что немало пользы могла бы принести эта образованная женщина, оставшись на родине. Начитанность, незаурядные знания, свободное владение несколькими иностранными языками. Видимо, такими же были ее друзья по эмиграции. Почему они бежали? Испугались, растерялись, не могли мириться с потерей своих привилегий, богатств? Но их не пытались удержать, заинтересовать участием в новой жизни. Часто допускали несправедливость, неумение отличать активных врагов советской власти от тех, кто мог бы оказаться нужным ей, от честных патриотов, коим присуще было чувство родины, но которые не обрели чувства нового строя, не поняли его.

Все эти раздумья пришли много позднее.

Довелось видеть в Дальнем и белогвардейцев-эмигрантов типа Белоголового, с оружием в руках выступавших против Страны Советов, люто ненавидевших ее. В значительной ме-

ре из-за таких революций пришлось быть столь жестокой, защищая себя, не иметь возможности (да и опыта), чтобы отличить от врагов людей растерявшихся, заблуждающихся.

В Дальнем был квартал, где обосновались участники белогвардейских банд. Когда мы однажды проезжали его, в консульскую машину полетели булыжники, палки. Выкрикивались угрозы, проклятия. Слов не слышали, догадываясь лишь об их содержании [19].

Но жизнь так противоречива, неоднозначна, даже парадоксальна. И так опасно не видеть, не понимать этого, замечать лишь один ее срез.

В начале 1943 г., когда мы с сыном возвращались из Москвы в Сеул, пришлось на какое-то время задержаться в Харбине. Первое, что бросилось в глаза,— огромная очередь, тянувшаяся в советское консульство. Встречавший нас его сотрудник сразу пояснил: «Не удивляйтесь, это русские эмигранты сдают в фонд Красной Армии ценности, вещи, деньги. И не только советские граждане, даже некоторые бывшие офицеры-белогвардейцы». Он рассказал, что группа бывших колчаковцев обратилась к консулу СССР с просьбой отправить их на фронт. Получив отказ, они внесли большую сумму в фонд «победы русского оружия».

Харбинские прихожане вносили средства на самолетостроение, лечение раненых и другие нужды России [20].

В Харбине задержались недели на две. И каждый день одна и та же картина — очередь в консульство эмигрантов, желающих помочь своей родине.

Пыталась с некоторыми поговорить. Отвечали охотно, а когда узнавали, что я только что приехала из Москвы, засыпали вопросами. После записала лишь отрывки бесед. Новая знакомая, назвавшая себя Анной Петровной, рассказывала: «Кто побогаче из русских, передают большие деньги. Они тоже не хотят, чтобы немцы победили Русь, хотя Русь советская, а они богачи. У меня денег нет, но остались фамильные ценности. Их и сдаю». Несколько раз встречала ее и позднее. «Решила принести и самые дорогие для меня вещи, — сказала она. — Все готова отдать, только победили бы наши». Сказала «наши» и осеклась. «Имею ли я право так называть Советы?» О себе не рассказывала, о других — очень по-доброму. Старушка-соседка нуждается, осталась совсем одна, но сдает свое обручальное кольцо. И так многие. «Несмотря на то что стоять приходится долго, каждый хочет сам, не поручая даже друзьям, внести свою лепту в фонд победы»,— говорила она. Хорошо запомнился разговор с одним из эмигрантов, с которым познакомила меня Анна Петровна. Не сомневаюсь — он бывший офицер. Об этом говорили его выправка, его внешний облик. Да и расспрашивал с особым интересом об офицерстве, которое воюет. Несколько высокомерно реагировал на мои ответы. Но в конце беседы признался, что очень хотел бы отдать России

не золотые монеты, а свой опыт, свою кровь. В консульстве, когда я рассказала об этом, не удивились, его знали, считали честным человеком. Таких было немало.

И опять мысли возвращаются к противоречивости, сложности происходившего. Ведь некоторые эмигранты, как стало известно позднее, сколачивали банды под руководством японцев, чтобы бороться против Страны Советов. Этого тоже нельзя забывать. Иначе не получится правды о прошлом.

Следующий раз столкнулась с русскими эмигрантами в Северо-Восточном Китае в 1960 и 1961 гг., когда муж был назначен генеральным консулом СССР. Ездила с ним по многим городам. Были в Шэньяне, Чанчуне, Дальнем, Гирине, Хайларе и др. Консульство располагалось в Харбине. Ежедневно общалась с русскими. Преимущественно это были не сами беженцы из России, а их дети и внуки. Они любили рассказывать, как в Северо-Восточном Китае встречали Красную Армию. С хлебом-солью, с горячей благодарностью, с гордостью. На домах развевались красные флаги. В церквах проходили благодарственные молебны. Ликовали, хотя сами в победе не принимали участия.

В заявлении, врученном русскими эмигрантами генеральному консулу СССР, говорилось, что они за время пребывания вне родины независимо от своей религии или национальности никогда не отделяли себя в своих помыслах от родного народа; что эмигранты, виновные в преступлениях перед отечеством, готовы с чистым сердцем предстать перед судом своего народа. «Это было искренне?» — спросили мы одного часто бывавшего у нас уважаемого харбинца. «Думаю, что в момент победы искренне», — ответил он.

В то время (в 1960—1961 гг.) большинство русских уезжали из Китая, и очень многие не знали, куда ехать. В семьях возникали разногласия между поколениями.

Старики, хотя и скучали по родине, боялись вернуться домой. Они слишком оторвались от нее. Не понимали, что там происходит. Тот патриотический подъем, который проявили эти люди в годы Отечественной войны, не то чтобы угас, а как-то трансформировался. Главным стал вопрос: «что я буду иметь в России, обеспечат ли жильем, дадут ли пенсию». Задумывались. Расспрашивали про наш образ жизни. Особенно пугали материалы печати о разоблачении культа Сталина и репрессиях. Мы пытались разъяснять: была большая трагедия, но ведь сами видите, советская власть пытается восстановить справедливость, хотя и с большим опозданием. Они отвечали: а где гарантии, что подобное не повторится? Приводили примеры китайской действительности.

Сейчас бы, вероятно, у нас нашлось больше правильных, объективных аргументов для ответа. А может быть, наше трудное, переломное время еще больше бы их напугало?

Часто беседовали с бывавшими у нас членами правления Об-

щества граждан СССР в Харбине[21]. Ведь может же произойти еще подобное сталинским временам, упорно допытывался Г. Мы ведь станем тогда главной мишенью.

Мягко, спокойно и очень терпеливо муж объяснял, что происходившие трагедии это не социализм, а его искажения. Попутно говорили о том, что происходит в КНР. Сложно было объяснить большой скачок коммуны. Но то снова особый вопрос.

Как-то муж рассказал, что к нему на прием несколько раз приходил пожилой еврей, некто М., в прошлом торговец, пытался выяснить, что он будет иметь в СССР, если поедет туда. Главное, как там относятся к евреям. Он говорил, что много читал и слышал об антисемитизме в России. «Поехал бы, но боюсь, что мои дети не смогут работать по специальности, а внуки не получат образования из-за социального происхождения и из-за того, что евреи. Скажите мне правду», — просил он.

«Хотите, я лучше покажу вам правду», — ответил муж. И попросил меня зайти в приемную, когда в очередной раз явится М. (Вообще такие опасения широко бытовали среди советских граждан еврейской национальности и, как мы знаем, были обоснованными.)

До сих пор отчетливо помню пронзительные недоверчивые глаза и довольно бесцеремонные прямолинейные вопросы: «Вы еврейка?» — «Да». — «И не скрываете этого?» — «Во-первых, зачем и, во-вторых, как? Я для этого слишком национальная по форме и интернациональная по содержанию». Не очень понял, но продолжал: «И, несмотря на вашу национальность, мужа посылают на ответственные работы за рубеж?»

Постаралась популярно рассказать о национальной политике нашего государства. Не скрыла и того, что встречается антисемитизм, но что с этим, как и с другими нездоровыми и уродливыми явлениями, борются и т. п. Чувствовала, что мои слова его мало убеждают. Муж добавил, что все мои родственники получили высшее образование и успешно работают. Ушел М. несколько растерянным. Затем явился его сын, другие граждане еврейской национальности. Муж звонил из приемной: «На выход, тебя вызывают». Беседовали на ту же тему.

В общем, дело кончилось тем, что М. уехал в Израиль. В клубе Общества советских граждан издавалась очень интересная газета. В ней приводились письма уехавших в разные страны людей. Из Бразилии и Австралии, помню, писали, что не могут устроиться. И среди множества выдержек в центре одной газеты красовалось написанное крупными буквами письмо гражданина М., состоящее из одной фразы: «Так-таки мне и надо». Этим было сказано все...

Еще несколько раз бывала в отведенном для приема посетителей помещении консульства и слушала беседы мужа с ними. «Посоветуйте, куда ехать?» — спрашивал его очень пожилой человек... «Домой», — коротко ответил муж. «Хочется, да

колется,— ответил посетитель.— Уж больно трудно живется там. Бедна, по-прежнему бедна Россия».— «Неужели вы не читали об огромном строительстве, которое ведется у нас в стране?» Назвал цифры. Звучало внушительно (увы, не все они оказались точными). «Да, много создано, много создано, — отвечал посетитель. И снова за свое: — А все же трудно живут люди, ничего хорошего нас там не ждет». Помню, муж напрямую задал вопрос: «Кем вы были в прошлом, капиталистом?» Ответил неохотно: «Вроде того». «Я спрашиваю, — говорил муж, — не для того, чтобы уколоть вас социальным происхождением, а совсем для другого. Допустим, вы открыли очень крупное дело, магазин, предприятие. Когда-нибудь оно даст большой доход. Но пока требует от вас мобилизации всех ваших средств. Вы вложили в него весь капитал, и в житейских нуждах приходится себя ограничивать. Это значит: вы стали так богаты, что можете открыть крупное предприятие, или так бедны, что не можете купить себе новый костюм?» Пример дошел [22]. Но уехал посетитель в Бразилию.

А дети, внуки этих людей тянулись в большинстве своем домой, где они никогда не были. Не забуду случай, словно все было вчера. В Харбине при колонии советских граждан работала школа. В ней преподавали направляемые из СССР учителя. В годовщину Октября (1960 г.) в школе был утренник. Собралось много народа — учащиеся, родители, консульские работники и их семьи, приглашенные. Было много интересных выступлений ребят. Но вот вышел малыш лет восьми-девяти с огромным аккордеоном и примерно такого же возраста солистка. Он уселся на высокий стул, заиграл, а девочка затянула песню: «Россия, родина моя». В ней было что-то глубоко символичное. Крупные слезы текли по лицу исполнителей. Не скрывала своих слез и аудитория. Деталь? Но какая характерная!

Немало семей в Северо-Восточном Китае раскололось: родители уехали в страны Латинской Америки и другие, дети — на родину. Знаю, многие живут и работают в Москве. Не сознание, не понимание нашей жизни, а подсознание, чувство родины привело их домой.

Запомнилась и встреча нового, 1961 года в клубе русских граждан в Харбине. По традиции, руководители консульства приезжают поздравлять собравшихся там соотечественников. С мужем, с вице-консулом Л. А. Кубасовым и его женой провели в клубе несколько незабываемых часов. Многое казалось известным по книгам, картинкам дореволюционной России, миниатюрам старого мира. Одежда свидетельствовала и об изысканном вкусе, и о старинных модах, и о скудных средствах.

Танцы, в которые мы тоже были вынуждены включиться, были какими-то подчеркнуто медлительными, чопорными. Блюда все русские, вкусные. И непрерывно следовали тосты за родину.

Затем началось нечто вроде театрализованного представле-

ния. Мы были потрясены. Немолодой мужчина читал свои стихи. Они показались высокоталантливыми. Спросили после, печатает ли он их. В ответ только махнул рукой. Оказалось, это бухгалтер одной из контор Харбина. Затем хорошо поставленным голосом читала свои лирические стихи средних лет женщина. Молодые певец и певица исполняли романсы, революционные песни. Выступали пианисты, скрипачи. Впечатление было сильное. Чувствовалось, что почти на всем увиденном и услышанном лежит печать большого нераскрытого таланта. Ощущалось и другое: колония не дружна, но общая тоска по дому ее объединяет. «Душу отводим, собираясь здесь, разряжаемся, точнее, разряжаем тоску по отечеству», — говорил один из участников вечера, поднимая тост за Россию.

После вечера мы с Маргаритой Павловной Кубасовой, моей большой, безвременно умершей приятельницей, человеком редкой внутренней красоты и обаяния, долго обсуждали виденное (она в отличие от меня бывала на новогодних встречах в русском клубе и раньше). Ведь там явные и яркие таланты, как можно их терять? А что делать?

По нашей просьбе Анатолий Иванович пригласил выступавших на вечере в консульство. Пришли немногие. Остальные либо работали, либо болели. Беседовали долго. В большинстве то были служащие, у которых на искусство, как они говорили, времени не оставалось. Некоторые собирались ехать в Советский Союз, но не надеялись, что смогут реализовать там свое призвание. «Потеряно время», — утверждали они. Любопытную историю записала я тогда со слов одного из посетителей. Приехал в Харбин (в марте 1935 г.) Ф. И. Шаляпин. Город ликовал. Эмиграция ждала великого певца с надеждой, что не только услышит его, но и получит мощную моральную поддержку. Правда, беспокоили материальные вопросы. Иные надеялись, что плату за концерты не запросит. А он запросил. И одному смельчаку, обратившемуся к нему, ответил: «Бесплатно только птички поют». Впрочем, радость встречи с великим артистом оставалась безмерной. Говорю об этом с чужих слов.

Удалилась от темы колониальной Кореи? Понимаю. Но не могу не сказать о русской эмиграции, с которой столкнула меня жизнь. Не могу, потому что не согласна с перекосами, допускающимися сейчас по этому вопросу в публицистике, как и с осторожным молчанием историков[23]. Пишу и размышляю, опираясь на виденное в Корее и Китае, где русская эмиграция, как мне кажется, оказалась особенно замкнутой, обособленной от внешнего мира и вместе с тем внутренне неоднородной. А вопросы эмиграции требуют исследования специального, документально, методологически обоснованного. И не только для восстановления правды о нашей революции, ее ошибках и перегибах, которые ранее замалчивались, а всей правды в ее противоречивой совокупности. Например, о соотношении национального и социального в сознании разных групп интеллиген-

ции в период революционных бурь. Это имеет общезначимый интерес, хотя проявляется в конкретно-историческом и местном своеобразии. И опыт нашей революции, первый в истории, ее взаимоотношение с интеллигенцией весьма поучителен. Он важен и чисто практически, для того чтобы не повторять ошибок. Их мы совершили немало, и крупных, забывать которые нельзя. Но нужна правда во всем ее объеме, с осознанием сложности и противоречивости, с научным, историческим подходом к ее анализу. Можем ли забыть гражданскую войну и интервенцию 14 держав против молодой Советской России? Ту часть военной интеллигенции, которая зверски истребляла «мужичье», «плебеев». Отъявленных врагов советской власти? Их мы не потеряли, их мы победили. Революция была вынуждена защищаться, и не должны мы оправдывать ее врагов.

Можно ли огульно оценивать всю русскую эмиграцию, без учета ее разнородности, многообразия причин, ее вызвавших? И всю ли ее правомерно относить к интеллигенции? Ведь у этих понятий есть своя смысловая нагрузка. Всех ли бежавших из России можно считать жертвами жестокостей революции и ошибок советской власти, все ли они нанесли урон интеллектуальному потенциалу страны? Виденное мною на Востоке, как и прочитанное о русских эмигрантах в Европе, отвечает на эти вопросы однозначно — нет.

Несомненно, в первом поколении беженцев было много честных патриотов и истинных интеллигентов, не понявших сути и целей новой власти, но и не боровшихся против нее. Именно в отношении этих групп были допущены наиболее крупные ошибки. Важна была терпеливая работа, направленная на то, чтобы сохранить их на родине, которой они были очень нужны и вне которой им самим скоро стало невыносимо жить. Революция оказалась слишком нетерпимой, они — тоже. Покинули страну, не надеясь, что найдут здесь применение своим знаниям, силам, талантам, опасаясь, что понесут незаслуженную кару за свою социальную принадлежность (и такое действительно бывало). Вместо того чтобы удерживать, их часто отталкивали. Результатом были обоюдные потери. Страна лишалась специалистов, деятелей культуры. Но они сами оказались наказанными. Возмездие пришло не с родины. Оно постигло их на чужбине. Высказываю свое личное, знаю, что не бесспорное, мнение.

Конечно, некоторые нашли применение своим способностям и в других странах, обрели там вторую родину. Мне это понять трудно, но не решусь осуждать всех огульно, если первой, хотя бы в помыслах, в сердцах, осталась та, где они родились, откуда бежали. Снова возвращаюсь к беседам на эту тему с русскими эмигрантами в Дальнем, Харбине. То были и титулованные дворяне, и чиновники, и заводчики, и директора гимназий. На вопрос, почему вы все-таки бежали, ответы были в основном однотипными: испугались. Казалось, что новая власть

сотрет нас в порошок. Другие, главным образом специалисты, объясняли несколько иначе свое бегство: поддались панике, царившей в кругах, которые мы обслуживали. Как правило, все говорили о детях: «Они ведь не виноваты в наших заблуждениях. Неужели останутся на чужбине, без корней, неужели не смогут вернуться домой?» И здесь допускалось немало искажений.

Но в последнее время возник вопрос о новой волне эмигрантов. Не касаясь его существа, позволю себе лишь высказать соображения такого характера: русские эмигранты, с которыми довелось познакомиться на Востоке, как и подобные им в других странах, это те, у которых революция, советская власть отняли привилегии, состояние, ломали привычный образ жизни. Но новые группы беженцев это те, кому власть немало дала: образование, работу, другие социальные права, да, пока во многом деформированные, неполные, часто не позволяющие раскрыться способностям. Но ведь это беды общие для всех нас, нашего родного общества.

Оно тяжело заболело, но оно ведь наше. Так что же, нужно и можно его бросать, бежать в поисках лучшего, вместо того чтобы пытаться лечить, каким бы трудным ни было такое лечение? Казалось, этим людям должно быть присуще не только чувство родины, но и, условно говоря, чувство строя, призванного быть по своей изначальной сути гуманным. Если родина, что общепризнано, — это мать, то ее строй, созданный народом, — детище. (Понимаю прямолинейность такой аналогии, но не могу ее не привести.) Обиды, ошибки, порой тяжелые, допускавшиеся в отношении эмигрантов со стороны их «детища», — это порождение его недугов. Беда-то в своей семье, в своем доме. Конечно, для иных материальные блага, амбиции оказались выше чувства родины, чувства долга. Но правомерно ли в отношении этих людей применять понятие «интеллигенция»? Они часто — ее антипод. Интеллигенту интеллект не может не подсказать, сколь труден процесс становления новой формации, в каких муках она рождается и развивается. Хочется сказать не только об эмигрантах, но и о тех, кто пытается огульно, без анализа причин, а порой и извращая их, изображать покинувших родину мучениками, кто возвеличивает, гиперболизирует их значимость независимо от подлинной ценности. С каким восторгом и умилением их встречают, принимают, издают... Я, разумеется, целиком за то, что люди должны иметь право и уезжать и возвращаться, что международные контакты в разных формах нужно всячески развивать. И что допущенные в отношении многих уехавших ошибки необходимо исправлять. Но использование права, даваемого законом, не должно быть оторвано от нравственных критериев, таких, как совесть, долг, патриотизм. Конечно, отношу это не к тем, кого вынудили покинуть родину, а то и высылали, изгоняли.

Исторической науке предстоит на основе источников и трез-

вого, обоснованного, всестороннего анализа сказать свое веское слово, восстановить истину о русской эмиграции, ее причинах, как и о многих других вопросах революции и социалистического строительства. Пора остудить достоверными фактами горячие головы (впрочем, повинны скорее не головы, а сердца, стрессовые состояния).

Отступила от темы. Возвращаюсь в 1941 год.

Глава 3

ДОМА И СНОВА В КОРЕЕ (1941—1943)

1. Томск—Москва

Плыли до Владивостока морем. Попали в сильнейший (как нам сказали, 9-балльный) шторм. Японский корабль более четырех суток швыряло по волнам. Судовое начальство уверяло, что из-за множества советских мин приходится уйти подальше от берега. Говорилось это с откровенной злобой и издевкой. Почти все женщины и дети очень тяжело переносили качку. Эвакуировали нас в район Казани, некоторых, меня в их числе, — в Томск. Добрались до Свердловска, а дальше не было пути. Шла эвакуация из Москвы. Было 18 или 19 октября 1941 г. Наконец попали в Томск. Там работала недолго в газете «Красное знамя», затем в райкоме партии штатным пропагандистом.

Приходилось выступать в день с несколькими лекциями, главным образом о событиях на фронтах, о международном положении. Семилетний сынишка, которого дома не могла оставлять, тоже приобщен был «к делу»: он раздавал в парткабинете райкома листки информбюро, знал одним из первых о фронтовых новостях и охотно о них рассказывал. Как и другие дети военного времени, рано повзрослел.

В Томске сосредоточены были крупные эвакуированные предприятия. Там чаще всего приходилось бывать. Вряд ли мои лекции вносили ясность и устраивали слушателей (пользовалась только материалами печати, никакого инструктажа не проводилось). Но сказать хочется о другом, о той «ясности», которую аудитория, преимущественно рабочая, вносила в мое сознание. Конечно, не все были одинаково настроены, встречались паникеры, даже открыто злобствующие. Томск был тогда сложным городом, где оставалось много уголовников [1]. Довольно часто приходилось сталкиваться со слабыми, крайне панически настроенными людьми (немало осложнений и трудностей было у меня как лектора и на другой почве [2]).

Но главное в другом. В массе своей люди не допускали, что страна наша может сдаться фашистам. На чем базирова-

лась эта уверенность? Думаю, на глубоком чувстве патриотизма и строя, на преданности ему, на самоотверженном, сверхчеловеческом труде и убежденности, что не на жизнь, а на смерть, в неимоверно трудных условиях борется наша армия. И выстоит.

В начале 1942 г. получила из Москвы телеграмму: согласна ли я работать заместителем ответственного редактора газеты «Красный спорт». Согласна ли я? Немедленно ответила — конечно, хотя это было по меньшей мере легкомысленно. К спорту ранее никакого отношения не имела, но затем в письме редактор газеты Анатолий Финогенов разъяснил, что газета в военное время специальными спортивными вопросами не занимается и я справлюсь.

Коллектив редакции оказался дружным, помогали мне чем могли.

Что нового могу я написать о том времени? Что значили в сравнении с происходившим на фронтах наша работа и наши немалые трудности?

Буквально за гранью возможного трудились в тылу люди. Не скулили, не жаловались и надеялись. Разумеется, и тогда встречались маловеры, трусы, равнодушные. Нужно ли говорить, что не они определяли ход событий: но не могу не сказать о другом. Поражает, когда порой в прессе сталкиваешься с попытками принизить подвиг советского народа, величие его победы. Какой кровью? Неоправданно большой. Нужно ли с этим спорить? Но разве она уменьшает факт и всемирное значение нашей победы? Обязательно и досконально нужно знать все: ошибки, просчеты, преступления. На основе документов, достоверных сведений. Объективно, без сенсаций. Компетентно и правдиво. А ведь сталкиваемся и с попытками иных наших авторов обнажать лишь теневые стороны того времени...

Тогда же потрясала способность наших людей бороться и трудиться на пределе человеческих возможностей.

* * *

В марте 1943 г. мы с сыном вернулись в Корею. Остановились на короткое время в Харбине. И вот снова Сеул. Он изменился, казался еще более суровым и мрачным. Много перемен внесла в жизнь народа война Японии на Тихом океане [3].

2. В тисках войны и колониализма. Идеологические маневры Японии

О том, что происходило в стране в конце 1941—1942 гг., могу судить по рассказам консульских товарищей, корейских знакомых после освобождения и материалам печати.

Как известно, надеясь на быструю победу своей союзни-

цы — фашистской Германии и намереваясь в подходящий момент вступить в войну против СССР, Япония стянула к советско-китайской и советско-корейской границам крупные вооруженные силы. Через Корею проходили коммуникации, связывавшие Квантунскую армию с метрополией. С осени 1941 г. фактически было прекращено пассажирское движение. В направлении к границе с СССР непрерывно шли поезда с воинским грузом.

Японские газеты с нескрываемым торжеством сообщали об отступлении Красной Армии, давая понять, что вот-вот наступит долгожданный час и для Страны восходящего солнца. Этот час связывался с ходом событий на советско-германском фронте. Но миф о молниеносной победе Германии начал рушиться, и вопрос о войне против СССР пришлось отложить.

Характеризуя это время, корейские товарищи позднее рассказывали: «До нас доходили сведения, что советское правительство борется за создание широкой антигитлеровской коалиции, что СССР оказывает большую помощь антифашистам, находящимся на его территории. Конечно, вступление США во вторую мировую войну создало новые условия для укрепления антигитлеровской коалиции, и мы знали, что ее решающей силой является СССР». Не случайно разгром фашистских войск под Москвой, весь ход советско-германской войны воспринимался ими не менее остро, чем события тихоокеанской войны. Корейские революционеры, все наиболее дальновидные патриоты, понимая это, старались разъяснять массам в той мере, в какой это было тогда возможно, что важно всеми силами способствовать победе СССР в войне. Каким образом? Об этом речь пойдет в разделе «Борьба». Здесь же хотелось бы напомнить об одном аспекте их разъяснительной работы: о роли, которую Япония в это время отводила своей колонии.

Приведу по памяти и записям беседы с Каном, Паком и некоторыми другими товарищами. Они утверждали, что расово-шовинистический угар разжигался властями и расширявшимся корпусом их корейских союзников с чрезвычайной интенсивностью и немалыми результатами. Война на Тихом океане изображалась как расовая — между азиатами и европейцами. То, что под лозунгом «Азия для азиатов» японский империализм намеревался закабалить ее народы, разумеется, тщательно скрывалось. Весь идеологический пресс Японии, все средства дезинформации народа были мобилизованы для доказательства того, что война, начатая ею, имеет целью строительство «великой Восточной Азии под эгидой Японии — господствующей расы, нации-руководителя». При этом особо подчеркивался тезис, что в эту сферу в качестве ее участника войдет Корея. (Дальше мы увидим, как эволюционировал этот тезис в соответствии с ходом войны.)

По разным каналам насаждались эти идеи: через печать, устную пропаганду, «патриотические» группы, религиозные и

иные организации. И хотя идеологическая машина колонизаторов иногда давала сбои, в целом эффект ее деятельности был значительным. И в этой области Япония старалась материализовать роль Кореи как лаборатории для использования опыта господства над нею в других порабощенных странах. Вообще значение Кореи в качестве полигона идеологической обработки порабощенных масс, где проверялись, апробировались методы и формы колониального управления, заметно нарастало.

По рассказам корейцев (частично и очень глухо об этом писали и газеты), в 1942 г. генерал-губернаторство провело серию совещаний с представителями корейской интеллигенции, где ставились эти вопросы. На них говорилось о необходимости изучать и распространять опыт «единения» народов Кореи и Японии для «возрождения» других азиатских народов. Итогом совещаний был призыв: «Теперь, когда Япония вместе с Европой (читай: фашистской Германией и Италией) строит новый мировой порядок, Корея обязана мобилизовать все материальные и духовные силы для участия в тотальной войне». На совещании была охарактеризована и политическая миссия Кореи и намечены меры активизации корейской интеллигенции.

На вопрос, как последняя реагировала на призывы властей, собеседники ответили, что это запутанная проблема. Многие колебались. Некоторые усердно включались в прояпонскую деятельность, кое-кто затем отходил к революционерам. Сложный узел. Не распутали его полностью и ученые. Часто неоправданно отлучали многих от патриотического лагеря.

Хотя выходящие в Корее газеты правды не писали, но и между строк можно было прочесть, что лозунг «священной войны, освобождения народов Азии» не обрел в так называемых освобожденных странах популярности. Активизировали борьбу против Японии народы Китая и Юго-Восточной Азии. В этих условиях интересно проследить, какие конкретные акции предпринимали колониальные власти.

Начну с идейно-политической сферы, где, как уже говорилось, они проявляли немалую маневренность, сочетая полицейский террор с идеологическим.

26 декабря 1941 г. был принят указ об обеспечении общественного спокойствия в чрезвычайное военное время.

На следующий день его опубликовали газеты, и сразу же началось изучение указа (иногда его называют законом) в «патриотических» группах, разъяснения по радио.

Привожу его полностью [4].

1. Целью настоящего указа является поддержание общественного спокойствия в военное время и создание крепкого тыла, для чего впредь будут контролироваться выступления, печать, собрания и союзы.
2. Для организации союзов и обществ необходимо получить разрешение генерал-губернаторства. В нем должны быть указаны цель, правила, адреса членов.

3. Для организации собраний, как и обществ, ликвидируется принцип свободы (как-будто он осуществлялся. — *Авт.*), и отныне необходимо для созыва собраний испрашивать разрешения в полицейском управлении. На собраниях не должны обсуждаться никакие политические и идеологические вопросы.
4. Для организации митингов, празднеств, лекций, физкультурных мероприятий также нужны разрешения от полицейского управления. Выступающие на митингах должны иметь разрешения от генерал-губернаторства на это выступление.
5. Нарушающие указанное будут привлекаться к строжайшей ответственности.
6. Все общества, ранее созданные, должны зарегистрироваться и получить разрешение.
7. Запрещается печатание статей, не получивших на то специального разрешения. Газеты, нарушающие это правило, будут закрываться, а виновные привлекаться к строжайшей ответственности.
8. Лица, распространяющие провокационные слухи, будут привлекаться к ответственности как нарушители закона о поддержании общественного спокойствия.
9. Запрещается хранение оружия.

Для разъяснения указа и других акций властей стали создаваться специальные агитационные группы. В инструкции, которая была для них разработана, говорилось: работать там, где это нужнее всего государству; мобилизовать все силы нации на нужды войны. Под таким лозунгом с 1 июня по 1 сентября Союзом по мобилизации сил нации проводилась общекорейская кампания. На страницах газет регулярно печатались выступления руководителей колониальной администрации. Так, 6 апреля 1942 г. генерал-губернатор Кореи Минами на совещании руководства Союза по мобилизации сил нации, повторяя требование все силы отдать для победы Японии, особо подчеркнул задачу: внедрять в сознание масс уверенность в победе. При этом он сказал, что «направляясь на Восток, Япония обязательно должна оглядываться на Запад, а продвигаясь на Юг, она не должна забывать о Севере» (имелся в виду Советский Союз. — *Авт.*) [5]. В других своих выступлениях Минами тоже настойчиво призывал губернаторов провинций и служащих центра добиваться, чтобы корейский народ, составляющий $^1/_4$ населения империи, твердо верил в неизбежную победу Японии. Необходимо всеми силами добиваться такой уверенности народа, требовал он.

Сменивший Минами на посту генерал-губернатора Кореи Коисо на совещании губернаторов провинций продолжал развивать и углублять призывы своего предшественника. Но он пошел дальше. Если Минами направлял основные усилия на то, чтобы сделать Корею этапной базой продвижения на материк, то Коисо поднял эту деятельность на большую высоту,

расширил ее границы, масштабы, утверждала печать[6]. Вместе с тем признавалось, что начало расширению границ и сфер проявления роли Кореи в войне положила администрация Минами.

«Безусловным проведением в жизнь лозунга „Япония — это весь мир“, являющегося незыблемой доктриной императорской Японии, мы поддерживаем процветание долговечной императорской линии, — говорил Коисо. — Мы должны в полный голос заявить, что мы представители наивысшей человеческой морали, не идущей ни в какое сравнение с моралью других стран... Война в великой Восточной Азии и ее построение являются одной из важных ступеней в выполнении лозунга „Япония это весь мир“... Для того чтобы сконцентрировать политические и экономические силы, нужно мобилизовать дух народа и добиться его единства... корейцы в своей массе, — поведал Коисо свои впечатления, — восприимчивы. Им следует доказать, что их история — это история Японии. Чтобы Корею полностью японизировать, нужны усилия и чиновников и народа»[7]. При этом наряду с идеологической обработкой он указал на необходимость применения еще более строгих мер к опасномыслящим. А число последних, видимо, росло, о чем можно судить по печати и высказываниям того же Коисо. «Современная Корея, — говорил он, — похожа на раковину, заключенную в хрупкую оболочку. Ей нельзя давать вариться в собственном соку»[8]. Опасно. Нужно, мол, интенсивное японское воздействие. Изыскивались новые методы его применения.

В качестве одной из важных мер «воспитания верноподданничества корейского населения» стало усиление контроля над освоением японского языка. Сначала взялись за это очень ретиво. Нежелание корейцев изучать его вызывало явную тревогу властей.

Союз по мобилизации сил нации разработал специальную программу из 15 пунктов. Ее девиз гласил: «Зная японский язык, корейцы смогут активнее участвовать в построении великой Восточной Азии». Все учащиеся обязаны были говорить, читать, писать только по-японски. На предприятиях, рудниках, в учреждениях вводилось материальное поощрение за знание языка метрополии. Всем организациям вменялось в обязанность оказывать моральное воздействие на массы, усиливать пропаганду. Вводились медали, другие награды для отличившихся в изучении японского языка[9]. Вместе с тем — наказания для уклоняющихся. Газета «Окка ниппо» сообщала, что в средних школах Сингисю учащиеся и преподаватели, говорящие по-корейски, будут подвергаться штрафу[10].

Некоторое время спустя «Кейдзё ниппо» оповестила читателей, что подобная практика вводится в некоторых районах Сеула. При этом указывалась и сумма штрафа (10 сен за каждое корейское и английское слово)[11].

Но заметных результатов не давали ни призывы, ни медали, ни штрафы. Народ не хотел отказываться от своего нацио-

нального языка и не скрывал этого. Власти были вынуждены учитывать ситуацию. Рассказывали впоследствии, что в генерал-губернаторстве специально рассматривался этот вопрос. И решили: не переусердствовать, открытых репрессий не применять, проявлять осторожность и терпимость; но при этом усилить работу в «патриотических» группах.

Разворачивалась деятельность по мобилизации людских ресурсов Кореи, другие военные мероприятия.

8 мая 1942 г. правительство Японии решило ввести в колонии всеобщую воинскую повинность. Но лишь с 1944 г. [12].

Была создана подготовительная комиссия. В ее задачу входило прежде всего придать этой акции характер исторический, свидетельствующий, что «корейские братья» стали верными подданными Японии, что Япония и Корея одно целое.

Начался дополнительный набор добровольцев во все армейские школы, число которых возросло. При этом к приему «корейских братьев» была проявлена большая осторожность. (Так, в 1941 г. было подано 144 745 заявлений от добровольцев, а принято лишь 3900, в 1942 г. — соответственно 250 013, принято 4500 [13].)

Расширились военные занятия школьников [14].

Власти приняли указ о специальном обучении корейской молодежи. Он гласил, что все в возрасте от 17 до 21 года после соответствующего отбора будут проходить военную учебу на спецплощадках, а остальные от 17 до 30 лет — служить в качестве «добровольцев». Уклоняющиеся от обучения на спецплощадках подлежат аресту или подвергаются штрафу.

«Нам нужны солдаты императорской армии, готовые умереть за японский дух и имеющие крепкую физическую подготовку», — твердили газеты, в частности «Кейдзё ниппо», призывая к военному обучению (нечего и говорить, что в «добровольцы» молодежь далеко не всегда шла добровольно. Это не трудно было понять из подтекста газетных полос).

Да и вообще общественное мнение начинало давать все более глубокую трещину.

На совещании начальников тюрем в ноябре 1942 г. Коисо говорил о росте преступности среди молодежи, о том, что часть заключенных обвиняются в «антигосударственных мыслях». Он призывал «приложить все силы к изоляции недовольных элементов и обеспечению полного спокойствия тыла» [15]. Поскольку это было сказано начальникам тюрем, нетрудно догадаться, какие методы имелись в виду. Генерал-губернатор выразил свою тревогу не только в отношении молодежи. «Есть много признаков, говорящих о крайне непрочном состоянии духа корейского населения... — заявил он на всекорейском совещании начальников полицейских управлений. — Мы должны всеми силами стараться подавить любое недовольство и обеспечить общественное спокойствие» [16].

Нельзя собираться более двух человек и вести разговор о

современном положении. Запрещено создание религиозных и других групп без разрешения властей. Свадьбы, похороны, обрядовые шествия могут проводиться только с разрешения полиции — предупреждала печать [17]. Все настойчивее звучала на ее страницах тревога по поводу нарушений общественного спокойствия.

Это связывалось с ухудшением жизни народа, но, главное, с просачиванием в общественную мысль народа разных тревожных мыслей, вызывающих недовольство и порождающих «хулиганствующие элементы».

Особенно беспокоило колонизаторов то обстоятельство, что имелись лица, распространявшие слухи об изменениях на советско-германском фронте в якобы извращенном виде (т. е. о победах Красной Армии), а это, в свою очередь, порождало «неустойчивые элементы». Власти требовали ужесточения террора и соответствующей идеологической деятельности. К ней все интенсивнее подключались лидеры правого крыла национал-реформистского лагеря [18]. Властям было крайне важно по ряду причин их участие в обработке общественного сознания. Во-первых, это были люди просвещенные, образованные, слово которых, по традиции, значило очень много, а во-вторых, люди известные ранее как участники и даже руководители национально-освободительных выступлений, старающиеся сохранить ореол борцов за независимость. Приходится учитывать, что в рассматриваемое время число такого рода деятелей увеличилось. Волна шовинизма захватила многих.

Усилия колонизаторов в этой области оказались небезрезультатными, было бы ошибкой их недооценивать. Иногда мы такую ошибку допускали в своих работах. На самом деле шел значительный отток сил из национального в проимпериалистический лагерь. Особенно в первый период войны, когда на Западе и Востоке агрессоры одерживали победы, кружившие головы и им, и их потенциальным корейским союзникам. Последние все активнее использовались для работы с молодежью. 1 февраля 1943 г. генерал-губернаторство приняло новое решение «О культурном воспитании в связи с современным военным положением». Его основное требование — всемерно усиливать воспитание молодежи в духе «императорского пути». «Внедрение этого духа и мировоззрения у молодых корейцев — самая важная задача обучения», — вещала газета «Кейдзё ниппо» 20 мая 1943 г.

Но события на фронтах второй мировой войны, составной частью которой являлась тихоокеанская, продолжали развиваться для Японии неблагоприятно. С одной стороны, нарастали победы Красной Армии над армиями союзника Японии — фашистской Германии, с другой — поражения самой Японии на тихоокеанском направлении. Не оправдывались ее надежды на то, что вторжение в Юго-Восточную Азию поможет ей устранить экономические трудности, вызванные длительной войной

против Китая, в частности расчеты на использование сырьевых ресурсов этих стран. Недостаток транспортных средств этому сильно мешал. Все более болезненно ощущалась нехватка не только сырья, но и квалифицированных рабочих.

В создавшихся условиях возрастала роль Кореи с ее материальными и людскими ресурсами.

Реализуя программу их использования, как сообщала печать, администрация направила тысячи корейцев на японские предприятия «для поднятия культуры труда и получения квалификации: литейщиков, машинистов, электромонтеров, сталеваров и др.»[19]. Но при этом, как и ранее, проявлялась осторожность: на предприятия военного значения корейцы пока не допускались. И об этом тоже свидетельствовала печать[20].

Немало места отводила она сообщениям о мерах по координации действий Кореи, Маньчжурии, Китая и Внутренней Монголии в строительстве «великой Восточной Азии». Было принято решение ежегодно (в течение пяти лет) переселять из Кореи в Маньчжурию по 10 тыс. семей «опытных колонистов», а Маньчжурия обязывалась обеспечить их всем необходимым. 25 сентября 1942 г. в Сеуле открылась конференция для выработки совместных мероприятий в экономической сфере. На Корею были возложены задачи дальнейшего расширения и интенсификации развития экономики, обслуживающей войну, в частности увеличение производства риса. Ей предписывалось: расширить разработку ископаемых, особенно железной руды и спецруд, чтобы полностью обеспечить военную промышленность сырьем; увеличить сеть гидроэлектростанций; ускорить развитие химической промышленности. Особое внимание уделялось укреплению «оборонной» экономики Севера Кореи[21].

«Не забывайте, Корея — большая дорога, связывающая Японию с материком», — гласили набранные крупным шрифтом заголовки газет. «Больше внимания транспорту!»

Видимо, слишком много привожу материалов сеульских газет. Но думается, что они могут представить контуры событий 1942 — начала 1943 г. и сейчас уже малодоступны для читателей.

Когда мы с сыном приехали в марте 1943 г. в Сеул, в советском консульстве кроме сотрудников была лишь жена секретаря Вера Федоровна и их дочка Томочка. Вскоре стали возвращаться другие семьи. Об условиях, в которые мы были поставлены, рассказывать не стоит. Было очень трудно, но уместно ли вспоминать эти трудности?

Почти ежедневно приходил старый недобрый знакомый полицейский чиновник Маямото. По его поведению, то вызывающе злобному, то подобострастно-льстивому, мы научились угадывать изменения обстановки на фронтах. Все чаще стали замечать у этого садиста нотки заигрывания. Он стал утверждать, что восхищен характером советского человека, что продолжает изучать историю России, обычаи, нравы. Запомнилось 1 апре-

ля, кажется 1944 г., когда он довольно компетентно рассказал, как отмечают у нас этот день, воспроизводил шутки, розыгрыши. Впрочем, и в другие дни убеждались, что он изучает наши обычаи, образ жизни. Конечно, не из интереса, а по долгу службы.

Были вынуждены с ним общаться. Выпроводить, как хотелось бы, не могли.

На территории консульства мужчины рыли так называемые бомбоубежища, ребята им помогали. Рыли и посмеивались. Надеяться, что эти углубления могут спасти от бомб, было воистину смешно. Американские самолеты летали над городом часто, но не бомбили.

А за ворота консульского парка теперь можно было выходить в сопровождении пяти-шести «провожатых»-шпиков. По-прежнему их базой оставалась расположенная напротив парка школа. Наша изоляция еще более усилилась. Поговорить с кем-либо из корейцев стало труднее. Но порой удавалось. Иногда заходили с мужем в пошивочную мастерскую, именуемую салоном. Знали, что ее хозяин — руководитель «патриотической» группы. Предполагали и другое: он внутренне симпатизирует советским людям, настроен патриотически, антивоенно. Не знаю, было ли это искренне или делалось по заданию полиции. (После освобождения его не видели.) Несколько раз встречали зеленщика. Он уже нам не привозил овощей, торговать было нечем. Но поговорить с ним удавалось. (За женщинами слежка была, как и ранее, слабее: нам создали «льготный режим».) Заходили в магазин на Чонно, где раньше можно было купить корейские ткани редкой красоты. Там было пусто. Находившийся на грани полного разорения хозяин изыскивал возможность рассказать, что называется, излить душу (напомню, что он жил когда-то на Дальнем Востоке, знал русский язык).

«Вы из Москвы? Скорее рассказывайте, как там, что на фронте, пока никого нет», — обратился он к нам. Вскоре зашел другой посетитель (покупатель или переодетый полицейский, не знаю), и мы заговорили о другом. Бывали здесь и позднее. В конце 1944 г. магазин закрылся (с хозяином его встречались на митингах в 1945—1946 гг.). Заходили мы, преимущественно женщины, и в другие магазины, мастерские. Положение большинства их владельцев было катастрофическим, настрой паническим.

Европейцев в Сеуле заметно поубавилось. Клуб иностранцев закрылся. Часто бывали в гостях у французского консула Виджорса, а он с женой у нас. Встречались с Мартэллом и его семьей. Жена нового сотрудника консульства Ольга Захаровна, блестяще знающая английский язык, всячески натаскивала меня, заставляла говорить и определенных успехов добилась. Но... произношение повергало ее в ужас. (Закрепляла знания английского год спустя после освобождения, когда ежедневно и подолгу приходилось беседовать с американцами.) Продол-

жала занятия японским языком с Танака-сан, а главное, с мужем.

Буквально на глазах условия жизни народа становились все труднее и труднее. Если до войны на Тихом океане душевое потребление риса составляло $^1/_5$ потребления его в метрополии, то сейчас Корею посадили на голодный паек. «Хайкю» (паек) это первое слово начинающего говорить ребенка и последнее — умирающего старика, неоднократно слышали мы от корейцев. Риса, точнее, его заменителей, выдаваемых по карточкам, хватало максимум на две недели. Рыба, сахар, другие продукты выдавались только японцам. Овощи отпускались корейцам нерегулярно. Недоедание стало для большинства нормой жизни [22].

Из скупых, осторожных рассказов знакомых, да и из печати, было известно, что продолжают расти количество и размеры налогов [23]. Например, посемейный, от которого освобождались только зарабатывавшие менее 300 иен в год; жилищный, душевой, военный и другие значительно возросли. Кроме того, давили разного рода обязательные пожертвования, принудительные займы. Все они вместе с налогами, даже по официальным данным, составляли около 50—60% заработка рабочего, служащего, дохода ремесленника, мелкого торговца.

Газета «Кейдзё ниппо» 27 января 1943 г. уведомляла, что при покупке товара на сумму до 100 иен необходимо приобрести на 10% его стоимости облигаций займа, а при стоимости выше 100 иен на 20%. Ощущали это и мы. Возвращаясь из полупустых магазинов, мы обычно спрашивали друг друга, сколько приобрел облигаций, определяя тем самым размер купленного.

В разных провинциях сумма налогов была неодинаковой. Некоторые руководители, выслуживаясь перед начальством, повышали ее. Так, газета «Тёсэн сёко симбун» 9 февраля 1944 г. сообщала, что в ряде мест решено у зарабатывающих от 1 до 2 иен и более в день удерживать повышенные суммы налога.

Ограничения, введенные властями, доходили до абсурда. Например, шофер не имел права довезти пассажира до кинотеатра, музея, ресторана. Устанавливались дни, когда обед можно было получить не более чем за 30 иен (это касалось и иностранцев). Спичек разрешено было употреблять не более 10 штук в день в городах и шести — в деревнях.

В Сеуле нередко приходилось видеть опухших от голода людей. Нищими выглядели многие торговцы вразнос (их в 1943—1944 гг. насчитывалось в столице 11 тыс. человек [24]). «Мы тоже вынуждены платить налоги, покупать займы сбережений,— говорили они, — хотя ни доходов, ни еды, ни одежды. Какие уж там сбережения».

Страшно было видеть бегущих рикш. Знали все, и они сами в первую очередь, как недолог их век.

А средства массовой информации пытались внушить населению, что выход из трудностей, в которых оказалась империя, — это дальнейшая мобилизация всех материальных и ду-

ховных ресурсов корейцев, как и их «японских собратьев», это всемерное самоограничение. «Чтобы победить в войне, нужно есть корни трав и почки деревьев», — неоднократно приводили газеты слова Коисо. «Что-то не побеждаем, хотя давно перешли на этот рацион», — невесело шутил Юн.

Буквально с каждым днем тускнел и мрачнел Сеул. Большинство магазинов, мастерских закрыто. Возле распределителей огромные очереди; люди страдали не только от голода, но и от холода. Зимой 1944/45 г. жилища почти не отапливались. Учреждения — тоже. Пакет угля стоил 40 иен, его хватало на один день. В таком же положении были и другие города.

Особо следует сказать о деревне. Власти, уделяя большое внимание выкачиванию из колонии продовольствия, издали указ о закреплении рабочей силы для сельского хозяйства. Использовались традиционные формы коллективной уборки урожая и других сельскохозяйственных работ. В каждой деревне создавалось для этого в среднем пять-шесть групп, организовывались детские площадки, коллективное приготовление пищи для работающих [25].

В городах из учащихся и служащих создавались и отправлялись в деревню трудовые отряды помощи в проведении сельскохозяйственных работ.

Нужно сказать, что работа эта проводилась четко. Проезжая мимо деревушек, где, не разгибая спины, трудились крестьяне и их городские помощники, мы видели, как бережно относятся они к каждому зернышку, как слаженно работают «вспомогательные службы» [26]. Но все это не облегчало положения крестьян. От них требовали работать все больше и больше.

Налоги, займы, система чековых книжек [27] душили крестьян.

Несмотря на это, в печати неоднократно можно было встретить утверждения, что крестьяне недостаточно усердно трудятся. Так, например, «Тёсэн сёко симбун» 30 января 1944 г. писала: «...Корейские крестьяне из-за своей лени не стараются применять научно-технические способы увеличения урожая... Корейский крестьянин затрачивает лишь 17% своей возможной производительности труда». Это звучало воистину кощунством.

Так же воспринимались усиливавшиеся попытки властей и их союзников научно обосновать то, что «пищу следует принимать лишь один раз в день, а чаще вредно для здоровья», что корни деревьев, трав богаче витаминами, чем рис и другая еда, что предки корейцев, которые ими питались, были намного здоровее и выносливее последующих поколений.

После освобождения многие корейцы в своих выступлениях на собраниях, митингах, в частных разговорах повторяли (повторяюсь и я): «Мы ведь знали, что наши лишения и трудности не идут ни в какое сравнение с тем, что переживают советские люди на фронте и в тылу. Но они ведь воевали, трудились и голодали, страдали во имя спасения и победы своей родины. А мы во имя чего?» [28].

Однако путь многих корейцев к осознанию этой истины был непростым. Его преграждала идеологическая машина колонизаторов. Она не только набирала силу, но все тщательнее изыскивала, отрабатывала методы воздействия на общественное сознание, маневрировала.

Как выше уже говорилось об этом, власти потратили немало средств и усилий для насаждения в колонии японского языка. Провалы в этой области были явными. «Уже прошло более 30 лет, как Корея управляется по новой системе (читай: аннексирована. — *Авт.*), а корейцев, знающих японский язык, еще мало. Они составляют лишь 20% населения»,— писала «Тёсэн сёко симбун» 2 августа 1944 г.

Не давали желаемых результатов ни призывы руководителей, ни увещевания их корейских союзников, ни административные меры воздействия. В генерал-губернаторстве, как рассказывали Сигото и другие, специально по этому вопросу осенью 1944 г. снова была проведена серия заседаний. Решили в отношении уклоняющихся от изучения японского языка и смены корейских фамилий на японские репрессий не применять, быть осторожнее, ибо это сильно задевает национальные чувства людей. Сначала нужно, мол, добиться их веры в то, что Корея и Япония — одна нация, одно целое. На пропаганду этого ранее выдвинутого тезиса и направлено было острие идеологической машины. Он имел не абстрактно-теоретический характер, а все настойчивее выступал в качестве важного инструмента успокоения народа, нейтрализации антияпонского настроя, вместе с тем максимальной мобилизации всех ресурсов колонии — материальных и духовных.

На эту деятельность власти не жалели средств. Бюджет Союза по мобилизации сил нации был на 1944 г. увеличен [29].

Необходимо, чтобы Союз и его низовые ячейки расширяли в массах пропаганду идей единства Японии и Кореи и кампанию «за поднятие военного духа в Корее», пропаганду величия Японии, писала та же газета 23 декабря 1943 г.

Несколько ранее, 16 ноября 1943 г., «Кейдзё ниппо» сообщила о перестройке центральных органов всекорейского Союза по мобилизации сил нации. В качестве одного из реальных и весомых проявлений «единства» было названо назначение начальником Союза вместо генерал-лейтенанта Хата корейца Кан Сонрю [30]. «Наше единство крепнет. Корея и Япония нераздельны», — вещало радио, комментируя это назначение. О том, что президентом Союза, как и ранее, оставался генерал-губернатор Кореи, умалчивалось.

Подобных маневров становилось все больше. Они мало что меняли, но сам факт маневрирования был симптоматичен.

Продолжалось, по свидетельству печати, расширение координации деятельности «народных патриотических организаций» Японии, Кореи, Маньчжурии и Китая в воспитании масс.

На первый взгляд многое казалось непонятным. Например,

как говорилось выше, несмотря на запреты властей собираться вместе, местное население нарушало их.

Так, и в 1943, и в 1944 г. мы имели возможность наблюдать, как большие группы людей направлялись в горы к могилам предков, как отмечали праздники начала лета, сбора урожая и др. О чем говорили там люди? Могла ли полиция за всеми уследить?

Эти вопросы задавали знакомым корейцам и японцам.

Садовник ответил: во-первых, нас предупредили в «патриотических» группах, что в случае недозволенных разговоров необходимо сразу сообщать начальнику, иначе будет плохо. Но ведь запретить поклонение предкам и приношение духам нельзя. За это будет страшная кара.

Более обстоятельно разъяснил причины японский педагог Миямото. Власти не могут не учитывать силы и глубины народных традиций, говорил он. Кореец терпелив, он выдержит нужду, недоедания, изнурительный труд, но может взбунтоваться, если запретят выполнение его высшего нравственного долга — почитание предков, поклонение духам и т. п. Боится возмездия.

Власти тщательно продумывают свои действия. Тоже боятся возмездия.

С этим трудно не согласиться. Все продумывалось. Правда, не все получалось.

Япония катилась к поражению. Ее союзница — Германия под натиском советских войск и их союзников отступала.

Глава 4

НАКАНУНЕ (1943—1945)

1. «Низы» на пределе. «Верхи» лавируют

В Корее буквально на глазах назревала революционная ситуация. Позволю себе остановиться на этом вопросе несколько подробнее. Его прежние трактовки ставятся ныне под сомнение некоторыми историками. Что же, это их право, были бы только убедительные аргументы. В данном случае реализую свое право на мнение, подкрепляемое виденным непосредственно в стране. Оно, как мне кажется, подтверждает правоту ленинской характеристики основных черт революционной ситуации и его предупреждений обязательно учитывать и конкретные условия страны, и время, и международную обстановку, и сложную диалектику всех внутренних и внешних факторов.

Вообще это особый вопрос. Как и все другие, его можно исследовать только творчески, с учетом всех реалий времени. Представляется, что бесспорное и всегда провозглашаемое

марксистами право народов на выбор пути развития, недопустимость экспорта революции и вмешательства во внутренние дела других стран не означает отказа от содействия их внутренним силам, от поддержки происходящих там на базе внутренних национальных условий прогрессивных движений. Такая поддержка, выражающая солидарность трудящихся, ничего общего не имеет ни с экспортом, ни с подталкиванием революции, ни с нарушением права народов на выбор пути развития. Но формы содействия, разумеется, тоже должны учитывать весь комплекс мировых и страновых условий. Если игнорируется этот фактор, различный в разные периоды, содействие может обернуться своей негативной стороной.

В работе «Крах II Интернационала» В. И. Ленин выделил три главных признака революционной ситуации. Это кризис «верхов», их неспособность управлять по-старому; кризис «низов», эксплуатируемых и угнетенных, их нежелание жить по-старому, стремление к новой жизни; рост их активности под влиянием обострения (выше обычного) нужды и бедствий. Эти объективные изменения независимы от воли не только отдельных групп и партий, но и отдельных классов [1].

Приведенные ленинские методологические и теоретические исходные посылки, думается, применимы и к процессам, происходившим в Корее в 1943—1945 гг. Условно беру это двухлетие как канун грядущей революции. Ее первостепенной задачей было национальное освобождение страны. Факты свидетельствуют, что, за исключением прояпонских групп, корейский народ жаждал национальной независимости. Но своими силами свергнуть «верхи», сокрушить японское империалистическое господство он, конечно, был не в силах. Победа при решающей роли СССР над милитаристской Японией, непосредственный разгром советскими войсками Квантунской армии привели к освобождению Кореи от японского ига. Именно так решились в конкретно-исторических условиях второй половины 40-х годов— поражение сил фашизма и милитаризма — национально-освободительные задачи корейской революции. То был не экспорт ее, а содействие осуществлению самых сокровенных чаяний народа, во имя которого многие годы боролись корейские патриоты и своей борьбой готовили освобождение. Новая расстановка сил в мире вообще вела к тому, что кризис колониальной системы империализма превратился в ее крах. Обобщенно говоря, это была особая, обусловленная конкретной мировой ситуацией форма содействия страны социализма освобождению угнетенных народов. Внешние и внутренние факторы выступали тесно сплетенными, взаимосвязанными.

Вместе с тем освободительная революция — не единовременный завершенный акт. Развиваясь и углубляясь, она насыщается все более четким социальным содержанием, перерастает в социальную. Народ во главе с его передовыми силами делает выбор — по какому пути идти. Далее пойдет речь о фор-

мировании и состоянии субъективного фактора корейской революции. Пока мне хотелось бы только как очевидцу подтвердить содержащийся в трактовках марксистов-корееведов тезис, что в стране накануне ее освобождения была налицо соответствующая ситуация для национально-освободительной революции и для ее перерастания в народно-демократическую.

Как же развивались события?

Шовинистический угар, столь интенсивно нагнетаемый в Корее колонизаторами еще с начала их агрессии в Китае, достигший апогея в период побед японских войск в тихоокеанской войне, постепенно угасал. «Верхи» изыскивали новые меры его разжигания. «В костер милитаризма подбрасываются все новые поленья и сучья, но его больше не разжечь», — говорилось в одной из нелегальных листовок, которую в числе нескольких других нам показали после освобождения. В них коротко сообщалось о событиях на фронтах, о победах Красной Армии, о провале японских планов молниеносной войны на Тихом океане, о неудачах и потерях армии и флота Японии, о высадке 6 июня 1944 г. англо-американских войск на севере Франции, знаменовавшей открытие второго фронта в Европе. Видели и листовки, рассказывавшие о тяжелом положении в самой Японии. «Чего много сейчас в Японии — это гробов, горя и слез», — говорилось в одной из них. О том же рассказывали и корейцы, мобилизованные на работу в метрополию и бежавшие оттуда домой.

В условиях интенсивно нараставших в 1943 г. неудач Японии на фронтах с каждым днем усиливалась роль Кореи в разных сферах — в военно-промышленном строительстве, в выкачивании продовольствия, сырья, людских ресурсов. Печать делала акценты на огромное значение Севера для победы в войне: существует поговорка, писала «Кейдзё ниппо», кто не знает Северной Кореи, тот не может судить о стране. А ныне она выполняет важнейшую задачу по увеличению военной мощи Японии. Северные провинции, в частности Южная и Северная Хамгён, из промышленного района Кореи превратились в промышленный и рудничный центр Японии. Если ранее они считались источником морской продукции, лесоматериалов и горнорудного сырья, то ныне сосредоточили еще тяжелую и химическую промышленность. В пров. Северная Хамгён находятся также крупные электростанции. Огромные залежи полезных ископаемых на севере страны. «Его быстрое промышленное развитие,— отмечала газета, — вызвано также тем, что сюда вложили свои капиталы такие крупные концерны, как Ногути, Сумитомо, Мицубиси, Катакура, Санхва, Канга, Фудзи и др.»[2].

Но как добиться, чтобы народ колонии выполнял возложенные на него задачи? Как гасить антиколониальные, антивоенные настроения, которые то и дело давали о себе знать? Этот вопрос не сходил с повестки дня администрации, о чем можно судить и по печати. На ее страницах все чаще выступали руководители генерал-губернаторства, и наряду с призывами к

мобилизации всех сил населения на нужды войны в них звучали и новые нотки. Отмечая высокую роль Кореи, Коисо в беседе с корреспондентами прибег к свойственным в то время оговоркам: однако, сказал он, корейцам необходимо быть «еще более патриотичными», хотя они сейчас питаются сосновой хвоей, корой, китайским чернобыльником и другими растениями, физическое здоровье корейской молодежи лучше, чем японской. Главное — дух, необходимо дальнейшее его совершенствование, особенно у молодых корейцев [3]. Дух явно не устраивал колонизаторов.

Выступая на совещании начальников полицейских управлений 11 мая того же года, Коисо заявил, что в Корее установилось общественное спокойствие и это его очень радует. И тут же последовали разные «но». «Можно обнаружить людей, недовольных экономическими мероприятиями военного времени, т. е. теми, которые проводятся ради победы в войне, а также людей, симпатизирующих нашим противникам — США и Англии... Поездки по Корее (в это время руководители администрации совершали их часто. — *Авт.*), — заявил Коисо, — убедили меня в том, что большая часть населения Кореи является наивной и непосредственной. Поэтому можно быстро и надежно привить ему все качества верноподданных императора и претворить в жизнь лозунг нравственной Кореи» [4]. И снова «но»: из этого вытекал и другой вывод — население легко может подпасть под влияние «опасных» антияпонских сил.

В выступлениях руководителей, в «патриотических» группах, в печати, по радио все настойчивее стали звучать призывы — не верить слухам о событиях на фронтах. Власти и их корейские пособники не могли не учитывать, с каким напряженным вниманием следят корейцы за этими событиями, как они влияют на зреющие в недрах корейского общества антиколониальные, антивоенные пораженческие настроения [5]. И направляли огонь пропаганды против революционных сил, в первую очередь против коммунистов, которые, находясь в подполье, стремились поддерживать эти народные настроения. Все ли хотели поражения Японии в войне? Все ли понимали связь событий на фронтах с судьбами Кореи, ее независимости? Соглашательские слои, приобщенные к военно-промышленному строительству, занимали особую, не во всем однозначную позицию. Многие из них жаждали победы Японии, другие, сотрудничая с нею, не отказывались от национальных интересов. Вместе с тем степень одурманивания народных масс была высокой. Немало корейцев верили, что победа Японии принесет им если не свободу, то облегчение, оказывались в плену шовинистической пропаганды, милитаристского угара, и хочется повторить, что их размах, изощренность, эффективность недостаточно учитывались в корееведческих работах. Девиз «Корея и Япония — единое целое», ставший важнейшим средством идеологического влияния на корейцев, буквально дурманил, пьянил.

Он был бальзамом для уязвимого национального самолюбия. Провозглашая концепцию единства, внушая, что Корея играет существенную, полноправную роль в строительстве «сферы сопроцветания», власти гибко использовали ее применительно к меняющейся обстановке. Так, по мере ухудшения дел на фронтах, все настойчивее упор делался на то, чтобы Корея давала больше и больше тех видов сырья, которых не было в метрополии и которые она раньше ввозила из США и Англии. Это подкреплялось конкретными мерами, обосновывалось тезисом о значительности роли Кореи. То же относилось и к обеспечению нужд войны рабочей силой и пополнению редеющей японской армии. На этих направлениях также предпринимались многообразные акции властей. Конечно, результаты не всегда устраивали их, были противоречивыми. Этому способствовало то, что администрация учитывала в своей пропаганде конкретные слои населения, привлекала к ней самих корейцев.

Без помощи корейской социальной опоры, только своими силами Япония вряд ли смогла бы добиться тотальной мобилизации ресурсов колонии на нужды войны, подавлять недовольство большинства ее населения. И усилия властей, направленные на расширение корпуса своих корейских союзников и их максимальное использование, множились. В этот корпус они старались вовлекать и интеллигенцию, непосредственно не участвующую в военно-промышленном строительстве. Частично это удавалось. Лозунги единства Кореи и Японии, идеи паназиатизма, декларации и обещания, заметно растущая осторожность властей в отношении национальных чувств, традиций корейца — все это влияло на перелив сил наименее устойчивых групп интеллигенции из национального лагеря в прояпонский. Для идеологической же работы в массах имена ее представителей, людей просвещенных, образованных, значили очень много. И вместе с крупными корейскими буржуа, уже ранее сомкнувшимися с японскими империалистами, но продолжавшими изображать себя поборниками независимости, эти деятели включились в обработку общественного сознания корейцев, которой Япония в последнее двухлетие своего господства придавала особо важное значение. Массам внушалось: не верьте слухам о поражениях Японии, миритесь с материальными трудностями, наращивайте мобилизацию всех сил нации на основе равноправных членов японского сообщества. Неизменным в этих внушениях было требование борьбы с антияпонскими элементами, в первую очередь с коммунистами и всеми, кто им сочувствует.

Наряду с ростом милитаристского фанатизма, психоза, с заигрыванием, с использованием в своих целях национальных чувств, традиций корейцев, с игрой на их самолюбии власти не переставали нагнетать страх, в своих действиях сочетали «кнут и пряник». При этом все большая роль отводилась «прянику».

Небезынтересны политические портреты корейских союзни-

ков Японии. Некоторых доводилось видеть и слышать в Сеуле после освобождения. Правда, сведения о них очень краткие.

Начну с Ким Сонсу. В колониальные годы он слыл патриотом, участвовал в национальных движениях. В период войны являлся активным деятелем так называемой Патриотической организации (Ринсэн хококудан), созданной в октябре 1941 г. Основной состав ее руководства стал ядром Демократической партии, возглавившей впоследствии реакционный лагерь Южной Кореи. Приведу лишь названия нескольких статей, опубликованных в печати Ким Сонсу и весьма красноречиво свидетельствующих о его политических позициях: «Оказывать помощь в мобилизации военных сил» («Мейль синбо», 5.VIII.1943); «Когда нужно умереть за справедливость, великая честь быть подданным императора» (там же, 6.XI.1943); «Лучшие профессора желают послать своих студентов в армию» (там же, 10.XII. 1943.)

В этих и многих других выступлениях Ким Сонсу содержался призыв — отдать все силы для победы Японии в войне, для ее процветания [6].

О том же вещали и другие крупные корейские предприниматели, утверждавшие свои позиции в банковской финансовой сфере, промышленных областях, в сельском хозяйстве, теснейшим образом связанные с японскими монополиями. Особо следует выделить Пак Хынсика. Он владел крупнейшими пакетами акций в компаниях по производству масел и бумаги, в нефтяных, машиностроительных и других объединениях, был владельцем банков, президентом смешанной японо-корейской авиационной компании. «Сгусток энергии и предприимчивости»,— отзывался о Пак Хынсике Мартэлл, хорошо знавший его. (Мне довелось познакомиться с одной из неофициальных жен Пака. Из разговоров с нею поняла, что Мартэлл не ошибался.)

Названные деятели входили в ядро социальной опоры Японии в колонии (не без основания их характеризуют эмбрионом корейского монополистического капитала.) Они допускались на посты президентов, советников, ревизоров, членов советов директоров и т. п. Не порывали они и с землевладением, вкладывая свои капиталы в сельское хозяйство.

На страницах сеульских газет то и дело появлялись материалы, повествующие об активном участии этих групп в создании «сферы сопроцветания», в обеспечении нужд войны, о их беспредельной преданности «императорскому пути».

Как уже говорилось, эта преданность не прошла испытания временем. После освобождения Кореи от японского господства многие прояпонские деятели стремительно перешли на службу к американскому империализму, стали его опорой в обеспечении господства на Юге страны [7]. Но в колониальные годы укрепившая свои позиции крупная корейская буржуазия в целом обслуживала японский милитаризм и экономически и идеологически.

Хотя процесс расслоения политических сил колонии протекал довольно интенсивно, многое оставалось в нем противоречивым. Например, в прояпонских организациях, именовавших себя патриотическими, активно сотрудничали и левые деятели и мечущиеся, не знающие, к какому берегу пристать, интеллигенты. Много было среди них искренне заблуждавшихся. Вместе с тем, как уже говорилось, вряд ли можно напрочь отлучать от национальных сил всех без исключения буржуа, тесно сотрудничавших с японским милитаризмом. Последующие события предостерегают от прямолинейного, лобового подхода. Все оказалось сложнее. Крайне неоднозначной была, например, фигура одного из руководителей прояпонских организаций — Чан Доксу. В 1939 г. он редактировал журнал «Свет Востока», считался видным деятелем так называемого Всекорейского идеологического союза. Имя Чан Доксу было весьма популярно, особенно среди интеллигенции. Рассказывали, что многие его статьи читались и разъяснялись в учебных заведениях, в «патриотических» группах. О нем с упоением, склоняя почтительно голову, говорил букинист, у которого мы нередко бывали. Он считал Чан Доксу одним из самых пламенных патриотов [8].

Но вот что говорят заголовки опубликованных им статей: «Приветствую студентов, идущих в японскую армию» («Мейль синбо», 6.XI.1943); «Проявляйте смелость» — обращение к студентам, идущим в японскую армию; «Желаю вам счастливого пути» (там же, 16.I.1944); «Без победы Японии Восточная Азия не будет освобождена» (там же, 19.VII.1944); «Народ и чиновники должны поддержать своим единством нового генерал-губернатора» (там же, 28.VII.1944).

Газета «Мейль синбо» публиковала и лекции, прочитанные Чан Доксу в разных аудиториях. В своих статьях и устных выступлениях Чан Доксу настойчиво призывал корейский народ быть «верными слугами японского императора, отдавать все силы победе Японии в войне». Характерна его тесная дружба с Пак Хынсиком, которая продолжалась и после прихода в Южную Корею американских войск.

В руководство прояпонских организаций входил и Хам Санхун. Его статьи «Япония и Корея — единое целое» тоже передавали по радио и изучали в «патриотических» группах.

Изощрялся и Ку Джеок. 17 января 1944 г. была опубликована, а затем в виде листовки распространялась среди населения его статья «Завоевание победы — приказ бога». В ней говорилось: «Америка и Англия в течение столетий шли по пути деспотизма и уничтожения морали. Они маскировались справедливостью и моралью, а фактически эксплуатировали малые и слабые нации, тем самым создавая себе огромные богатства. Они стремятся к завоеванию мирового господства, результатом чего стала нынешняя война». А противостоит им, по словам Ку Джеока, борющаяся за процветание, мораль и свободу Япония.

Примерно о том же писал Хён Санюн: «Мы должны прояв-

лять еще больше инициативы, чтобы воспитать себя верными подданными императору» («Мейль синбо», 6.XII.1942); «Студенты, выходите на священную войну», — взывал он в той же газете 9 ноября 1943 г.

Когда Мацуи и Канехара, первые корейцы-смертники в японской авиации, погибли в районе Южных морей, в восторженный хор влились и голоса корейских союзников Японии. «Ефрейтор Мацуи и фельдфебель Канехара своими телами указали путь, по которому должна идти молодежь полуострова» (т. е. Кореи), — писал Хён Санюн. «Молодежь полуострова,— взывал он, — вы должны идти по этому пути. Я уверен, что многие тысячи молодых людей полуострова станут такими, как Мацуи и Канехара» [9].

Чувствую, что злоупотребляю терпением читателя, и поэтому лишь подчеркну следующее соображение: на общественную мысль колониальной Кореи эти деятели оказывали сильное негативное влияние. Но некоторых из них все же, думаю, правомерно отнести к заблуждавшимся, верившим в демагогические посулы японских милитаристов, связывавшим с победой Японии в войне независимость Кореи. Бывало и другое: в прояпонские организации проникали революционеры, для того чтобы изнутри воздействовать, точнее, препятствовать их деятельности. Пример тому в рассматриваемое время Ё Унхён.

В целом же хотелось бы еще раз отметить, что колонизаторы четко продумывали систему идеологического давления на корейский народ. Учитывали и в ряде случаев использовали в своих целях его национальные традиции и психологический настрой, больное самолюбие корейцев. Маневрировали в соответствии с меняющейся обстановкой, не отступая в главном. И все настойчивее приобщали к этой деятельности военно-промышленные круги Кореи и ее интеллигенцию.

Все это важно знать для правильной оценки событий, происходивших в стране.

«Технология» идеологической машины колонизаторов отрабатывалась с помощью ученых. (Об этом можно судить по закрытым материалам японской полиции.) Определенная роль при этом отводилась организациям, созданным в метрополии и преследовавшим цель воздействовать не только на корейцев, проживавших в Японии, но и на Корею.

Интересный материал о некоторых из этих организаций содержится в статье Ким Дуёна, с рукописью которой удалось познакомиться. Сведениями об авторе не располагаю.

Самыми ярыми приверженцами прояпонских настроений автор называет Общество взаимной любви, Общество согласия и сотрудничества и Общество единых стремлений. Первое из них было создано давно и до 1921 г. именовалось Обществом взаимного спасения. Оно имело свои центры в Осака, Киото и других городах Японии. Первое время эта организация действительно помогала корейцам находить работу, не беря за это

вознаграждения. Но ее главари вскоре стали получать за дешевую рабочую силу от японских предпринимателей большие суммы.

В задачи организации входило также разрешение конфликтов. Они возникали между японскими и корейскими пролетариями часто из-за незнания корейцами японского языка, из-за случаев дискриминации. Но главной причиной конфликтов была нещадная эксплуатация трудящихся корейцев. Естественно, что Общество их привлекало, и они потянулись в него. Но постепенно руководство организации трансформировало ее задачи и цели, скрывая это от рядовых членов.

Полное превращение Общества в очаг национального предательства и «любви к колонизаторам» Ким Дуён относит к периоду после 1923 г., «когда японские власти учинили расправу над корейцами, а также над руководителями японского рабочего движения».

В 1927 г. Общество преобразовалось в так называемую финансовую группу, насчитывавшую около 100 членов, и продолжило прояпонскую деятельность.

В числе лидеров Общества взаимной любви в статье назван Пак Чунгым [10]. Имя его неоднократно встречалось в сеульской печати. Он являлся депутатом японского парламента и именовал себя «японцем корейского происхождения». Делами доказывал это. В годы войны Пак активно помогал властям в мобилизации корейской рабочей силы, в проведении других мероприятий. Он был, как отмечает Ким Дуён, «вдохновителем расправ с революционерами». Одним из руководителей Общества называется и Ли Гидон. Сведений о нем не приводится.

Другой подобной организацией было Общество согласия и сотрудничества. Оно образовалось в 1936 г. из возникшего в 1924 г. в Осака Союза мира и согласия корейцев в Японии, проводившего среди них «воспитательную» работу. Сводилась эта работа к тому, чтобы приглушить недовольство дискриминацией и тяжелыми условиями труда и быта корейцев.

Огромный рост числа безработных, большинство которых пришлось на период экономического кризиса 1929—1933 гг., привел японские власти к выводу о необходимости активно разными путями и средствами подавлять брожение в среде корейцев. Из государственного бюджета правительство выделило средства на создание крупной прояпонской организации — Общества согласия и сотрудничества с филиалами в разных районах Японии. В 1944 г. ряды этой организации пополнились многочисленными молодыми рабочими, подчеркивает автор. Связывает он это с большой пропагандистской работой, проводимой руководством, и с материальными подачками властей.

В январе 1945 г. образовалось еще одно объединение корейцев в Японии — Общество единых стремлений. Существовали там и другие, более мелкие организации. В последние годы войны одной из важнейших их задач было сдерживание бегства из

Японии корейских пролетариев. Пропаганда такого рода велась и в самой Корее.

Вообще проблема рабочей силы становилась для Японии все более острой. Откуда ее брать? Вопрос этот неоднократно поднимался на страницах газет. «Издавна Корея богата рабочей силой, — писала „Кейдзё ниппо“. — Ее направляли в Маньчжурию, на шахты и заводы Японии, частично в районы Южных морей. Но ресурсы иссякают. Как быть дальше?»[11]. Кроме того, настоятельно требовал корректировки курс использования корейцев на подсобных работах. Требовалось все больше и больше специалистов, высококвалифицированных рабочих. Ограничиться японской рабочей силой становилось невозможно. Срочно готовили корейские кадры, посылая их для обучения в Японию, Северо-Восточный Китай. «Обучать быстрее, лучше», — требовали власти, призывала печать. Большие массы трудящихся направлялись для работы в метрополию.

«Корея должна посылать рабочую силу в Японию и другие районы и одновременно обеспечивать себя... Здесь сейчас не хватает рабочих в важнейших отраслях промышленности. Надо брать ее из менее важных», — писала «Кейдзё ниппо» 13 апреля 1944 г. Характерно, что так называемое регулирование предпринимательства и торговли (закрытие многих предприятий) власти тоже связывали с решением проблемы рабочей силы. Главное в этом регулировании «высвобождение рабочих рук для промышленности, для усиления военной мощи», — заключила газета. Не случайно знакомые, закрывая свои магазины, мастерские, говорили: у нас путь один — на военное производство.

28 апреля того же года в печати были опубликованы решения генерал-губернаторства о мобилизации учащихся на предприятия на разные сроки.

В конце августа на улицах Сеула, обычно притихшего, стало неспокойно. У здания генерал-губернаторства, на прилегающих к нему улицах толпилось много женщин с детьми. Дело в том, что, как сообщали газеты, был принят закон о трудовой мобилизации женщин, который распространялся на девочек и женщин от 12 до 40 лет. Их должны будут направлять как в разные районы Кореи, так и в Японию.

Трудно представить себе состояние людей... Жена привратника консульства Суни, буквально обезумевшая, ворвалась к нам. Что делать? Неужели Имико (ее 12-летнюю дочь) оторвут от родителей и куда-то отправят одну? Что ей можно было ответить? Имико действительно была совсем ребенком, притом нашей общей любимицей. Могли только сочувствовать.

В городе стали заметны волнения.

С 1 сентября 1944 г. устанавливался новый порядок набора и отправки рабочих в Японию. Если раньше это проводилось через японских уполномоченных по вербовке и при содействии местных властей, то отныне только по трудовой мобилизации

и по системе организованной отправки административными органами. Свободный набор отменялся. Предписывалось предварительно отбирать кандидатов в учреждениях, на предприятиях, в деревнях [12]. По этому поводу горько усмехались. Он фактически означал запугивание. Мол, попробуй только сбежать или провиниться на работе. Полиции было вменено в обязанность внушать массам «государственный характер вербовки рабочей силы, помогать выявлять ее наличие, содействовать проведению трудовой мобилизации населения. Это с одной стороны, с другой, подчеркивали руководители генерал-губернаторства, — полицейские органы должны принимать самые суровые меры наказания в отношении лиц, уклоняющихся от трудовой мобилизации или препятствующих ее проведению» [13].

Хотя полиция с большим рвением выполняла эти требования, многие и уклонялись, и препятствовали, и убегали [14].

На улицах Сеула и Инчхона можно было видеть толпы детишек, подлежащих мобилизации, и их плачущих матерей. Непередаваемо тяжелое зрелище. Их разгоняли, они собирались снова. Вообще о реакции, которую вызвала трудовая мобилизация, речь пойдет в разделе «Борьба», ибо сопротивление ей превратилось в одну из форм антиколониальной, антивоенной борьбы. Здесь хотелось бы лишь привести некоторые цифровые данные. Из общего числа корейских рабочих в метрополии работало: в угольной промышленности 80%, на судостроительных, металлургических и других заводах 20% [15].

Следует отметить, что мобилизация корейской рабочей силы в Японию нарастала еще с конца 30-х годов. Увеличивалось и число самовольно возвращавшихся в Корею. Об этом свидетельствуют следующие данные, приведенные в ежегоднике генерал-губернаторства.

Год	Число прибывших в Японию	Число «удравших» (так названо в таблице)
1939	19 135	485
1940	81 119	17 911
1941	126 092	43 031
1942	248 521	89 840
1943	300 654	109 185

Таким образом, в 1941—1943 гг. процент «удравших» составлял более 1/3 всех работавших в Японии корейцев.

Накануне освобождения, в 1944 — первой половине 1945 г., бегство из Японии приобрело еще более массовый характер. Несмотря на принимаемые меры, его не удавалось остановить. (В это время там насчитывалось более 2 млн. корейцев [16].)

А наш консульский коллектив жил главной мыслью — что дома. Не выключалось радио, сообщавшее все более отрадные вести с фронтов Отечественной войны.

В Сеуле то и дело объявлялись воздушные тревоги. Но налетов по-прежнему не было. Почти каждый день ходили в го-

род. Он становился все более мрачным и угрюмым. Продолжали закрываться магазины, парикмахерские, фотографии. «Доживает и наша мастерская последние дни. Не знаю, что предпринять, чем кормить семью», — с отчаянием говорил знакомый часовщик. Принятая властями еще в 1943 г. «основная программа реорганизации промышленности и торговли» [17] предусматривала твердые задания предпринимателям, «соответствующие требованиям войны». Мелкие да и многие средние буржуа были не в состоянии их выполнять, продолжали разоряться, часто поглощаясь крупными. А последние жирели, все теснее смыкаясь с японскими дзайбацу. Процесс этот протекал довольно обнаженно, что называется, на глазах. Кое о чем рассказывали газеты, а главное, те немногочисленные знакомые корейцы, с которыми удавалось беседовать. Это становилось все труднее. Усиливалась слежка. Владельцы магазинов, сапожных мастерских, которые мы были вынуждены посещать, боялись с нами разговаривать. Иногда просили не приходить больше. Дело в том, что, проводив нас до консульства, полицейские начинали новый тур своей деятельности: они выясняли, почему мы именно сюда зашли, что спрашивали, что рассказывали и т. п. Задача их заключалась в том, чтобы не допустить общения корейцев с советскими людьми.

В отношении же корейцев слежка стала осторожнее. Именно осторожнее, но не слабее. Целью ее было выявление недовольных, в первую очередь коммунистов и сочувствующих им. Все они именовались шпионами. Стали широко применяться такие методы: переодевшись студентами, изображая себя нищими, шаманами или выдавая за служащих и торговцев, полицейские и их доверенные часами стояли в очередях за пайком (хайкю), заводили беседы о нехватке питания, о трудностях военного времени, провоцировали разговоры на запретные темы, а затем принимали соответствующие меры в отношении «неблагонадежных».

Шпиками кишели трамваи, поезда, они проникали в толпы близких, которые провожали уезжающих по трудовой мобилизации. Люди старались молчать. Гнетущая тишина, временами взрываемая, окутывала город. Он все больше напоминал военный лагерь.

Дело в том, что помимо мобилизации японские милитаристы все настойчивее готовили корейскую молодежь в качестве пушечного мяса. В январе 1944 г. в стране насчитывалось уже 2698 учебных военных площадок. «Асахи симбун» 27 января 1944 г. сообщала, что с марта открывается еще 328 площадок, на которые будут зачисляться корейцы-призывники.

Расширена была программа военного обучения и воспитания учащихся. Число часов на военные занятия в спецшколах и на факультетах естественных наук увеличилось на 50%, в гуманитарных — вдвое.

Созданное в августе 1943 г. корейское отделение союза ре-

зервистов с филиалами в каждой провинции организовало так называемые отряды обороны.

Газеты опубликовали присягу членов этих отрядов. Показателен ее текст: «Мы — помощники его величества... Мы помогаем императорской армии в разгроме врага. Охраняя империю, мы охраняем спокойствие императора. Мы, резервисты, воспитывая в себе воинский дух, проникаемся сознанием того, что мы — передовой отряд нации. Мы — бойцы трудового фронта. Ежедневно повышая и совершенствуя воинский дух на производстве, будем охранять императорский путь. Мы — движущая сила тыла. Полные решимости вести императорскую войну до конца, мы являемся авангардом нашей родины. Мы — фундамент императорской войны» [18].

Эта присяга, как и другие фанатичные, истошные, дурманящие призывы, клятвы оглушительно звучали по радио, зачитывались, точнее, выкрикивались на площадях, в учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях, в поездах, трамваях и в первую очередь в «патриотических» группах. Они давили не столько на сознание, сколько на психику людей.

В этих же целях продолжали создаваться новые организации. Так, в 1944 г. была основана Корейская ассоциация служения родине и тылу. О ее задачах сообщала «Кейдзё ниппо» 1 августа 1944 г.: подготовка населения к военной службе; оказание помощи семьям военнослужащих и погибших на войне, раненым, а также вольнонаемным; проведение траурных церемоний; благотворительность; советы в области быта; пропаганда военизации населения.

Ассоциация строилась по территориальному признаку.

Многообразную и интенсивную работу по одурманиванию молодежи вела созданная еще в 1927 г. организация Молодежный корпус (Сэйнендан). Она провозглашала в своей программе формирование верноподданнических чувств, внедрение идей единства «корейских собратьев» с Японией, обязательность их активного участия в войне и в развитии производства.

С апреля по август 1944 г. был проведен призыв корейцев в армию.

Встречающийся в работах советских корееведов (в том числе автора) тезис, что подавляющее большинство корейского населения противодействовало призыву в армию и другим акциям администрации, требует уточнений. Это связано с известной недооценкой эффективности акций японских властей.

Населению методично внушалось, что поражение Японии в войне невозможно, а в противном случае это явилось бы трагедией для корейского народа. При этом видоизменялись формы и методы идеологической экспансии. Ее центр все более перемещался в «патриотические» группы. По отрывочным рассказам тех, с кем в колониальное время удавалось поговорить, вырисовывались два основных направления обработки людей в этих группах. Первое — мобилизация всех их ресурсов, всего

возможного и невозможного для обслуживания войны. Для этого использовались многообразные средства национальной, расовой и социальной демагогии, заигрывания.

Второе — выявление (с целью их изоляции) опасномыслящих, лиц, недовольных политикой Японии и войной. Применялись провокации, поощрялись доносы, слежка. Например, рассказывали впоследствии знакомые корейцы, приходит в какую-либо семью активист «патриотической» группы якобы выяснить, как живут, не нужно ли чем-либо помочь. Хозяин в растерянности — что ответить. Сказать хорошо? Но последует законный вопрос, откуда средства, спекулирую или имею недозволенные источники дохода и недодаю в фонд сбережений на нужды войны. Ответить плохо, тяжело живем, — значит, недовольный, опасный элемент. Самым страшным было то, что люди перестали верить друг другу. Начальник «патриотической» группы вменял в обязанность соседу следить за соседом, служащему за коллегой, педагогу за учащимися и наоборот. Это сеяло рознь, подозрительность, мнительность, что крайне осложняло деятельность патриотических сил, особенно революционного подполья. В общем, заключали наши собеседники, велась грязная, провокаторская работа.

Внешне все облекалось в более или менее респектабельные формы.

30 июня 1944 г. «Кейдзё ниппо» сообщила о предстоящих действиях Союза по мобилизации сил нации на 1944 г. Общее направление документа заключалось в том, чтобы укреплять «нравственную» Корею. А в понятие это было включено следующее: дальнейшая мобилизация всех сил 26-миллионного народа на укрепление военной мощи Японии и победу в «великой восточноазиатской войне».

Конкретно мероприятия предусматривали:

1. Внедрять религию среди населения. Япония — божественная страна и находится под властью императора, поэтому жизнь каждого должна быть пропитана идеями служения императору.

2. Прививать и воспитывать верноподданнические чувства народа, преданность императору на основе главных принципов государства.

3. Япония и Корея — единое целое. Для завершения дела совместного процветания народов великой Восточной Азии в первую очередь необходимо укреплять единство Японии и Кореи. Решительно укреплять в сознании масс идею «Япония и Корея — единое целое»...

4. Направление литературы. Полностью изъять англо-американскую литературу. Основное внимание в публикациях уделять внедрению нравов и обычаев подданных императора... Неотложная задача литературы — освещение роли японской империи и укрепление военного духа ее подданных, популяризация изучения японского языка и быта.

5. Увеличение промышленной продукции. В военное время на Корею как на этапную базу возложена ответственная задача по увеличению промышленной продукции. Все материальные ресурсы должны быть мобилизованы на увеличение выпуска промышленной продукции, повышение производительности труда, расширение транспортных перевозок.

Мобилизация рабочей силы. Создание трудовых патриотических отрядов и другие аналогичные мероприятия.

6. Быт. Решительная перестройка быта в соответствии с требованиями войны. Искоренять из сознания населения элементы «англо-американского эгоизма». Все должно быть в первую очередь подчинено интересам войны. Тренировка всего населения по противовоздушной обороне. Всемерная экономия. Больше приобретать облигаций займов. Помогать семьям военнослужащих. Проводить оздоровительные кампании.

7. Обеспечение призыва в армию. В этом году корейцы впервые будут призваны в армию. Неотъемлемая задача призывников — форсированное изучение японского языка, уточнение посемейных записей, совершенствование моральных качеств, укрепление патриотических чувств.

Документ этот в течение нескольких дней передавался по радио. Его по пунктам обсуждали в «патриотических» группах. Заслушивались своеобразные самоотчеты их членов. Впоследствии, со смехом рассказывая, как все это происходило, собеседники подчеркивали, что тогда им было не до смеха: спрашивали с них сурово, наказывали строго... Случалось, что на какое-то время лишали пайка. Все смешалось — нужда, голод, идеологический угар, страх.

Президент Союза по мобилизации сил нации генерал-губернатор Кореи пытался своим авторитетом подкрепить важность намеченных мероприятий. На совещании губернаторов провинций в апреле 1944 г. Коисо говорил: «Среди населения все еще нет активности, откровенности, единства. И не только не достигнуты ожидаемый подъем в труде, усердие в промышленности, а, наоборот, среди части населения раздаются голоса упадочничества, меланхолии и недовольства»[19]. В июне 1944 г., выступая перед начальниками полицейских управлений, он констатировал, что при проведении многих важных мероприятий, например мобилизации рабочей силы, системе регулирования предприятий, а также из-за трудностей со снабжением продуктами приходится сталкиваться с недовольством. «В народе,— заявил Коисо, — имеются лица, следующие идеям национализма, коммунизма, а также поддержки Америки и Англии»[20].

Основную задачу идеологической работы в массах на новом этапе (растущих неудач и потерь Японии) он характеризовал так: какие бы ни возникали трудности, необходимо, чтобы народ их стойко преодолевал. При этом неизменно подчеркивалась большая роль Союза по мобилизации сил нации.

Давая установку корреспондентам газет, что и как писать,

Коисо, в частности, отмечал необходимость помнить, что в Корее имеются лица, поддающиеся «фантазиям марксизма», и с ними следует вести непримиримую борьбу [21]. Это рассказывали впоследствии корейцы, проникавшие в органы печати для революционной работы или перешедшие после освобождения в левый лагерь.

И борьба велась, ожесточенная, коварная, пулями и словами, сочетавшая полицейский и идеологический террор. При этом все ощутимее становилось лавирование «верхов».

Менялись акценты, масштабы повсеместно насаждаемого тезиса о единстве Кореи и Японии.

В период побед и надежд японского милитаризма корейцам снисходительно разрешали как подданным императора делить славу создателя и главы «сферы сопроцветания» — Японии. Когда же эта сфера отцвела, не успевши расцвести, разговор пошел почти на равных.

Появились в печати, в выступлениях японского руководства призывы «почтительно относиться к корейским собратьям». Если раньше идеи единства метрополии и колонии были обращены в настоящее и будущее, то теперь они все более перемещались в прошлое. Подчеркивался тезис, что у Японии и Кореи единое происхождение, одна родословная. «Мы должны поощрять, внедрять эту идею в современной, все усложняющейся обстановке, — заявил Коисо, — ибо она основа лозунга „Япония и Корея — одно целое“» [22].

Началась шумная кампания «за правильное распознавание Кореи», суть которого, по заявлению официальной пропаганды, заключалась не только в том, чтобы корейцы уверовали в единство с Японией, но чтобы и население метрополии осознало «собратство» с корейцами, вместе с ним укрепляющими могущество Японии.

Выше я пробовала воспроизвести рассказы о том, как воспринимался населением, в частности в «патриотических» группах, лозунг единства Кореи и Японии в его прежнем виде. Интересно было узнать реакцию на все шире распространявшееся утверждение, что у них общая родословная, одна история, точнее, что у Кореи своей национальной истории нет. Спрашивали об этом позднее своих собеседников. Думали, они посмеются над таким наивным вопросом. Но ответы были порой неожиданными. «Некоторым это нравилось, — утверждал часовщик Ли.— Конечно, лучше такие лозунги, чем постоянное унижение, третирование корейца как самого бесправного человека в своей стране, чем постоянное напоминание о его неполноценности». «А разве верили, что это всерьез и искренне?» — не унимался муж. «Человеку всегда хочется верить в хорошее, — прозвучало в ответ. — Особенно если так ему тяжко, как нам». Мы знали, что Ли, разорившись, бедствовал. Подходящей работы не находил. Производил впечатление человека подавленного, изверившегося. Но примерно так же воспринимали демагогию правящих

сил и некоторые другие. Конечно, совсем по-иному реагировала на нее прогрессивная национальная интеллигенция.

На митингах в Сеуле после освобождения не единожды приходилось слышать слова возмущения по поводу того, что корейцев заставляли отказываться от их долгой и славной истории. Здесь власти явно недооценили национальные чувства народа, и интеллигенции особенно.

Были мы с мужем как-то в гостях у японского педагога Миямото. Политических тем, как и раньше, старались не касаться, но они неизбежно возникали.

Я уже писала, что он производил впечатление либерально настроенного и высокообразованного человека. Рассказывая о своих делах и заботах, Миямото вскользь бросил: «Нужно сейчас самому переучивать историю, чтобы доказать учащимся единство нашей родословной и вообще, что мы одно целое». На вопрос, как они воспринимают эти «открытия», Миямото прямо не ответил, но дал понять, что большинство с глубоким внутренним недовольством. Рассказал, что нехватка технических специалистов в растущей промышленности вынуждает власти открывать все больше краткосрочных курсов, готовить их из числа корейцев.

О дальнейшем подчинении системы образования нуждам войны нетрудно было судить и по выступлениям печати. Так, «Кейдзё ниппо» 9 февраля 1944 г. сообщала, что юридическая и высшая торговая школы прекратили набор студентов, а взамен их в Сеуле открыты экономическая и промышленно-эксплуатационная спецшколы, что средние мужские общеобразовательные училища реорганизованы в сельскохозяйственные и промышленные и что идет широкий процесс переориентации обучения. Рассказал он о деятельности Всекорейского научно-исследовательского бюро, целью которого было изыскание дополнительных ресурсов Кореи. Показалось, что Миямото сам сотрудничал в этом Обществе.

Известно, чтобы охватить все полотно картины, ее следует рассматривать с некоторого расстояния. «Лицом к лицу» трудно было разобраться в противоречивости явлений. Например, как сочеталось, с одной стороны, внедрение властями в сознание корейцев идей «укрепления японского духа», единства с Японией, а с другой — проявление терпимости к национальным традициям и настроениям? Разобраться в этом непросто и интересно.

Противоречиво звучали их оценки сложившейся ситуации. Признание катастрофического роста трудностей и неудач переплеталось с заверениями о неизбежной, обязательной победе Японии; высокая оценка «патриотизма» корейцев, их вклада в эту победу соседствовала с неудовлетворенностью «корейскими собратьями», с признаниями их недостаточной преданности императору. Все это было одним из проявлений метания «верхов».

В неоднократных беседах с корреспондентами генерал-губернатор требовал неустанно призывать корейское население стойко держаться, преодолевая трудности и изыскивая новые и новые ресурсы для победы [23]. Бедные корреспонденты. Нелегко им было самим во всем разобраться, а тем более разъяснять читателям. Происходило немало казусов. Так, позднее рассказывали об одном из них, связанном с передовой статьей в «Кейдзё ниппо» от 10 мая 1944 г. «Пути единения Японии и Кореи». По указанию высокопоставленного чиновника, считавшего, что с лозунгом о единстве переборщили и вскружили корейцам головы, газета выступила с уточнением [24]. В ней после тезиса о необходимости крепить единство подчеркивалось, что не следует забывать о грани, разделяющей японцев и корейцев. Мол, собратья-то собратья, но не забывайте, что японцы старшие, а корейцы младшие, и они не могут быть равны. Это звучало внушительным предупреждением. И неприкрытый цинизм содержал вывод статьи: различия между японцами и корейцами есть, но, когда речь идет об интересах Японии, их нет, о них следует забывать. Комментарии не требуются.

Позднее рассказывали, что статья вызвала недовольство даже в среде корейских союзников Японии. Последовало новое указание журналистам — исправить бестактность. Множилось число публикаций, призывавших чиновников и японское население почтительно относиться к корейцам, всячески пропагандировать лозунг общности родословной, расы, крови, целей. Впрочем, сбои в трактовке этого лозунга происходили и позднее. Так, на совещании начальников тюрем Абэ заявил: «Нужно признать, что натура и идеология корейцев (речь шла о заключенных, но звучала обобщенно. — *Авт.*) отличается от натуры и идеологии японцев, однако с точки зрения служения императору никакого различия между ними нет» [25]. На это заявление тоже болезненно среагировали в стане корейских союзников: значит, мы одно целое, лишь когда дело касается использования Кореи для нужд японской империи, а вообще-то мы были и остаемся разными. Значит, лозунг единства — это фальшивка, способ выкачивания из Кореи всего, что она имеет, и обмана ее народа. Такого рода письмо пришло в редакцию «Кейдзё ниппо» от группы корейских националистов. Письмо, конечно, не было опубликовано. Но характерно, что авторов оставили на свободе. Журналистам же вновь приказали сгладить неблагоприятное впечатление и впредь осмотрительнее подбирать для публикации материалы, задевающие корейцев [26].

Передо мною выписки из Архивов внешней политики СССР. Корейский фонд. По материалам прессы пытаюсь сверить свои записи и извлечения из тайников памяти [27]. Не все, естественно, совпадает.

Но красноречив был подтекст газет, особенно чистые куски их полос. По ним читатели научились улавливать правду, в

частности, об освободительной борьбе, которая продолжалась и в военные годы.

Многие понимали, что война ведется не для корейцев, не за корейцев, что нужна она лишь японскому милитаризму. Эти отважные люди создавали свои фронты антияпонского и антивоенного движения, говорил в октябре 1945 г. на митинге в Сеуле Лим Хва. Но немало было и таких, которые тогда этого не понимали. Верили, что Япония и Корея — одно целое. Попадались на удочку расово-шовинистической пропаганды. И это неудивительно. Ведь ей ничто не противостояло, кроме глубокого революционного подполья. Однако вера и этих недальновидных групп постепенно иссякала.

Летом 1944 г. вместо Коисо, который стал японским премьером и министром иностранных дел, генерал-губернатором Кореи был назначен Абэ Нобуюки. Хотя радио по нескольку раз в день передавало заявление Абэ, что он будет продолжать политику своего предшественника [28], все заметнее становился крен в сторону заигрывания с населением колонии (при сохранении строжайших карательных мер в отношении опасномыслящих). Одними декларациями и лозунгами ограничиваться уже было невозможно. Требовались практические меры, чтобы еще интенсивнее выкачивать из Кореи сырье, продовольствие, людские ресурсы и вместе с тем гасить нараставший в массах протест против невыносимых условий жизни. В «патриотических» группах, на страницах газет, по радио сообщалось о многообразной деятельности Ассоциации служения родине и тылу. Ее активисты (многие механически были зачислены в Ассоциацию) ходили в семьи погибших на фронтах военнослужащих, оказывали им помощь — материальную и иную; организовывали траурные церемонии. Неоднократно приходилось наблюдать, какой показной пышностью обставляются похороны погибших. А таких было немало. (Вообще же сведения о числе корейцев, участвовавших в войне, разноречивы. Применительно к 1942 г. называется от 4500 до 10 тыс. человек, а к концу войны несколько сотен тысяч.)

Во время траурных церемоний выкрикивались, казалось бы, никак не свойственные ритуалу призывы, лозунги. Родные не смели оплакивать покойника. Им внушалась мысль о высокой миссии, выполненной усопшим. Мол, будьте счастливы, что вашим близким позволили умереть за империю.

В первых же своих выступлениях, опубликованных в печати, новый генерал-губернатор заявил, что главное, чего он будет добиваться и чем «должны жить все корейцы, это — увеличение военной мощи империи и поднятие военного духа». Из подтекста следовало: дух значительной части населения — антивоенный. Абэ признал: следует считаться «с наличием мирных настроений» [29]. Однако было ясно — считаться, но не мириться. Борьба с такими настроениями не прекращалась. На совещании начальников полицейских управлений Кореи 26 сентября 1944 г.

Абэ говорил: «Обстановка на фронте становится все более опасной... Последние изменения в военных действиях как на Востоке, так и в Европе, введение трудовой мобилизации, трудности со снабжением и т. д. являются теми причинами, которые волнуют мысли народа... Необходимо установить предел таким настроениям, выявить вредные элементы, играющие на руку противнику, применять по отношению к ним самые строгие меры».

Особенно обрушился он на школьную молодежь, которая, мол, сильно верит всяким вредным слухам, не вдаваясь в глубокий анализ, и становится объектом наказаний, вместо того чтобы быть верными сынами своего императора. Правда, объяснял это генерал-губернатор легкомыслием и беспечностью.

Тревога властей явно нарастала. Обращали на себя внимание все чаще встречающиеся в печати требования укреплять на местах аппарат и улучшать деятельность чиновников, добиваться глубокого понимания ими сложившейся ситуации. Видимо, и на этом этаже управления не все было благополучно. Раздражение Абэ вызывал продолжавшийся отказ корейцев изучать японский язык. Как можно было допустить, чтобы лишь 20% населения знали «свой» язык, негодовал генерал-губернатор. Но осторожность в этом вопросе, как и ранее, соблюдалась. Ограничились тем, что передали вопрос об изучении японского языка в «патриотические» группы. Суни, другие знакомые корейцы рассказывали, что руководители групп регулярно проводили проверку, сколько каждый выучил японских слов за неделю. Кричали, грозили — ничего не помогало. Все обещали немедленно начать обучение. Но не особенно хотели, да и когда было учиться — работали с утра до ночи.

Беспокоило власти и то обстоятельство, что немало лиц, сопротивляющихся изучению японского языка, имеется среди призывников. «Разве такое допустимо, — писали газеты, — ведь эти люди уронят достоинство императорской армии!»

Но известную осторожность в этом вопросе администрация продолжала соблюдать.

Условия жизни нашего консульского коллектива были тяжелыми. С каждым днем становилось все хуже. Хлеб, другие продукты питания, которыми мы снабжались, оказывались несъедобными. Заявления об этом в генерал-губернаторство оставались без ответа. Участились болезни. Особенно беспокоились за детей... Врач-японец Ито разделял наше возмущение (когда удавалось с ним наедине поговорить), но разводил руками: «Мои порошки и таблетки не помогут» [30]. Вскоре и он стал для нас недоступен. На телефонные звонки отвечали, что доктор не принимает или уехал, а когда вернется, неизвестно.

Вообще от нас всюду, в магазинах, мастерских, шарахались как от зачумленных. И мудрено ли? Как-то возле консульской машины остановился мальчуган, с любопытством разглядывая сидевших в ней детишек. Его на глазах у всех грубо схватили

и плачущего куда-то поволокли. А однажды, знакомясь с достопримечательностями Сеула, мы с сынишкой и приятельницей оказались на одной из улиц, не зная, что иностранцам там бывать запрещено. (Таких улиц и целых кварталов становилось все больше.) Последовал протест генерал-губернаторства. Больше того, «о нарушении» сообщили нашему послу в Токио Якову Александровичу Малику. Он в частном письме сообщил нам об этом.

Разумеется, не отчитал. Не за что было. Но в конце письма добавил: «И все ж нельзя ли для прогулок удачней выбрать закоулок?»

Осенью и в начале зимы 1944 г. полиция особенно усердствовала. Неоднократно засылались на территорию консульства провокаторы. Помню, как-то поздно вечером постучал в дверь молодой кореец. На лице большой шрам со следами крови. Ободранная одежда. Прерывающимся голосом (по-русски), все время оглядываясь, он выпалил: «Спасите, я революционер, за мною охотятся. Спасите». Хотя мы знали о провокациях, признаюсь, что я сильно растерялась. Отрезвил меня спокойный голос мужа, который сказал, что, сочувствуя пришельцу, мы ничего не можем сделать, не имеем права. Но вообще было не по себе. Лишь после нескольких повторных визитов успокоилась [31].

Однажды, тоже поздним вечером, когда муж был еще на работе, сын спал, а я у окна печатала свои записи, показалось и быстро скрылось чье-то лицо, снова близко прильнуло к окну и опять исчезло. Так повторилось несколько раз. Задернула занавески. Затем раздался стук в дверь. Не открыла. Оказалось, что тогда же настойчиво стучали в квартиры шофера, курьеров охраны. Цель одна — попугать. Было тревожно, неспокойно. Но главным источником переживаний оставался вопрос — что дома. Не смолкало московское радио. Его передачи помогали держаться.

Большим праздником являлся приезд дипкурьеров. Встречали их как самых дорогих друзей. «Дайте возможность отдохнуть с дороги,— молили они,— потом будете расспрашивать». Столько нужно было узнать...

Печальные вести приходили от родных. Погиб под Сталинградом брат мужа Валя. Вскоре другой удар: пришла к родителям «похоронка» на младшего его брата Леню. Мать мужа не выдержала потерь — умерла.

Мой брат тоже был на фронте, вестей от него долго не получали. Как здоровье старой матери, оставшейся одной, как сестра с семьей, не знали. Так что немало горя было и в нашей семье.

Снова думалось, что значат по сравнению с этим горем наши сеульские трудности и лишения.

Узнавали от дипкурьеров более подробно о событиях на фронтах. Японская печать ведь старалась замалчивать успехи

советских войск. Власти учитывали, какое сильное влияние они оказывают на корейское население.

Несмотря на военные поражения Японии и на то, что после Сталинграда она дала понять Германии, что не может открыть новый антисоветский фронт на Дальнем Востоке, складывалось впечатление, что вопрос о нападении на СССР с повестки дня Япония не снимала. Потоком шли к границам с СССР и Китаем воинские эшелоны. «Что-то будет, неужели и с вами начнется война?» — спрашивали шепотом знакомые корейцы. Словно мы могли это знать.

Как и раньше, каждое утро по сигналу радио каждый житель города и деревни, независимо от того, где он в это время находился, обязан был остановиться, прекратить работу, любое занятие и низко кланяться в сторону императорского дворца. За выполнением этого ритуала полиция строго следила. Случаи уклонения от него разбирались в «патриотических» группах и сурово осуждались. В полдень каждый был обязан произнести про себя молитву, выражавшую благодарность армии и пожелание победы японской империи (это проконтролировать оказывалось труднее).

Продолжались и недели мобилизации национального духа и разные кампании — за развитие экономики, за лучшее выполнение мероприятий властей и т. д.

Администрации удалось вовлечь в эту деятельность и правые группы религиозных организаций. В результате ее сильного нажима в ноябре 1944 г. произошло объединение религиозных сект синто, буддизма и христианства и создано Всекорейское патриотическое общество военного времени. «Его цель, — писали газеты, — укрепление при помощи религии духа корейского населения и веры в победу, всемерная популяризация призыва в армию и трудовой мобилизации»[32]. Приводились данные о числе священнослужителей и верующих в Корее:

Вероисповедание	Священнослужители	Верующие (тыс.)
Синтоисты	700	100
Буддисты	7000	600
Христиане	4000	400

Цифры эти условны. Назывались и другие. Но в целом соотношение объединившихся религиозных организаций в рассматриваемое время представляется верным. Требуются оговорки другого плана. Создание Общества было провозглашено на совещании руководителей религиозных сект, в свое время подобранных властями и послушно выполняющих их волю. Не только прихожане, но и большинство священников не знали о создании такой организации, очень многие из них не разделяли ее целей, даже противились им, рассказывал позднее отец Поликарп[33].

Тем не менее во всех провинциях были созданы отделения корейского религиозного патриотического общества, которые активно поддерживали прояпонскую пропаганду.

В семье Виджорсов, где мы продолжали бывать, осуждали эти акции японцев и очень высоко оценивали деятельность миссионеров, «вливавших живую европейскую струю в традиционный быт и культуру Кореи». При этом Виджорс, специально интересовавшийся вопросами религии, утверждал, что после того как американские миссионеры, создавшие в Сеуле и других городах проповеднические общества, школы, больницы, стали покидать страну, их место заняли последователи протестантов и католиков из Японии, прошедшие выгодную ей школу [34].

Как видим, использовались не только трудовые, военные, идеологические ресурсы, но изыскивались и новые.

Однако идеологическая машина все заметнее буксовала. Японцы, побывавшие в Корее, считают, что верноподданнические чувства развиты у корейцев еще слабо, сетовал заместитель начальника Союза по мобилизации сил нации генерал-лейтенант Амасаку, и что в этом направлении необходимо работать. «В Корее, — признавал он, — еще имеются лица, которые безучастно относятся к великой восточноазиатской войне, есть и уклоняющиеся от трудовой мобилизации, не выполняющие плана поставок риса государству... Некоторые под влиянием пропаганды противника считают, что империя проигрывает войну. Воистину, наличие таких настроений заставляет бить тревогу... Связи корейцев и японцев кровные, родственные. Японцы — потомки великой богини Аматерасу, а корейцы их младшие братья» [35]. Беспокоило власти и их корейских союзников и положение в деревне. Со страниц газет звучали призывы не усиливать нажим на крестьян, ибо это может вызвать волнения.

В целом обстановка вынуждала «верхи» идти и на некоторые реальные акции, на видоизменение форм господства в колонии.

При кабинете министров Японии был создан специальный комитет по изучению вопроса о политических мероприятиях в отношении «японских собратьев» в Корее и на Формозе (Тайвань) и разработан закон о предоставлении им политических привилегий.

25 декабря 1944 г. «Кейдзё ниппо» и другие газеты опубликовали его. В чем же состояли эти привилегии или права, как это чаще называлось в печати? Главным образом они касались положения корейцев в Японии, мер, направленных на «спокойную работу и нормальную жизнь во имя максимальной производительности труда», создания условий для обучения корейцев в Японии, возможностей их поступления в высшие учебные заведения метрополии.

Особая группа привилегий была связана с полицейскими правами в отношении «собратьев полуострова». Речь шла о ко-

ренном, всестороннем пересмотре обращения с ними полицейских органов, о некоем единодушном сближении японской полиции и корейского народа.

Закон предусматривал систему мер по использованию корейцев, окончивших учебные заведения и имеющих диплом, во всех правительственных учреждениях, в том числе и в тех, куда их раньше не допускали, оказанию содействия при поступлении на работу в неправительственные учреждения, а также в продвижении по службе с учетом способностей и образования.

В Корее и на Формозе, говорилось в документе, наряду с усилением всех мер, направленных на решительное привитие корейским и формозским собратьям верноподданнических чувств, улучшить существующие системы с целью укрепления лозунга «Япония и Корея, Япония и Формоза — одно целое».

Абэ, комментируя закон, заявил: «Очищаясь от дурных пережитков, оставшихся в отношениях между корейцами и японцами, лозунг „Корея и Япония — одно целое“ еще глубже войдет в сознание всех слоев населения». Генерал-губернатору вторили все средства массовой информации. Документ зачитывался в «патриотических» группах, преподносился как высочайший акт любви и почитания «корейских собратьев».

На следующий день после его опубликования Кан Сонрю и другие руководители Союза по мобилизации сил нации преподнесли Абэ благодарственный адрес. Их примеру последовали все крупные прояпонские общества Кореи. Они заверяли, что будут служить Японии еще более усердно.

Особенно запомнился день 30 декабря. В столице и по всей стране проходили благодарственные молебны во славу императора и правительства «старшего брата Кореи». В сеульских дворцах проводились своеобразные митинги под знаком единства и благодарности. Усердствовала сэйнендановская молодежь, истошно выкрикивающая шовинистические лозунги и заклинания.

Все вокруг клокотало. Корейцам приказано было выражать радость, но на лицах многих участников сборищ ее трудно было обнаружить. «Увидим, во что выльется все это на деле», — осторожно, но не скрывая скептицизма, заметил знакомый часовщик.

С еще большей помпезностью было обставлено провозглашение Японией закона о предоставлении корейцам избирательных прав. Не говоря уже о том, что закон распространялся лишь на помещичье-буржуазные слои корейского общества, он не был полностью осуществлен. Не успели. Только в верхнюю палату парламента император назначил корейцев, которых ему в качестве «верных слуг империи» рекомендовал Абэ.

Виджорс, поддерживавший контакты со многими корейскими интеллигентами, рассказывал, что они воспринимают акции японского руководства как хорошую мину при плохой игре. Корейцы говорили: не от любви к нам все это предпринимается,

просто дела идут у Японии все хуже и хуже. Виджорс неоднократно подчеркивал, что его буквально засыпают вопросами о событиях на советско-германском фронте. «Очень много надежд возлагают мои корейские знакомые, как и я, на вашу страну», — неоднократно повторял он.

Японские «верхи» хотя оставались сильными, по-старому управлять Кореей уже не могли. Свидетельство тому их политика и действия в первой половине 1945 г.

В печати и по японскому радио все чаще муссировался тезис о единстве, охватывающем уже и армию, и чиновничество, и народ. Эта формулировка выглядела одним из новых компонентов девиза «Корея и Япония — одно целое». Одновременно газеты настойчиво утверждали, что война всегда сопровождается опасностью и страданием, особенно современная «священная» война, подчинившая всю жизнь народа задачам фронта. При этом, вещали газеты, все слои населения — армия, чиновничество, народ — стали «совершенно однородными». Их единство, мол, нерушимо. И по-прежнему власти требовали больше бодрости. «Сложность современного военного положения заключается в опасностях, страданиях и трудностях. Стойко их переносите. Если не хватает продовольствия, хлебайте жидкую кашицу, ешьте корни трав и почки деревьев, проявляйте терпение и мужество. Если нет обуви, обертывайте ноги тряпьем, но не теряйте бодрости, ибо превыше всего осознание высокой миссии Кореи в священной войне».

По рассказам Юна, Суни, других знакомых корейцев, о том же велись беседы в «патриотических» группах. Комментарии их были злобными. «И так все, что имеем, отдали войне, даже детей (дочь Суни забрали по трудовой мобилизации и направили в одну из северных провинций Кореи). Недоедаем, ходим в тряпье, что еще мы можем делать?» Отчаянием звучали рассказы корейцев, с которыми удавалось поговорить в те редкие минуты, когда рядом не было полицейских.

О ходе войны против фашистской Германии, об успехах сил антифашистской коалиции, о подвиге советского народа японская печать по-прежнему почти не писала. Хотя по нелегальным каналам вести эти доходили до населения.

Но заявление Советского правительства 5 апреля 1945 г. относительно денонсации советско-японского пакта о нейтралитете сеульские газеты опубликовали. Город заметно оживился. Главный вопрос, который волновал людей: будет ли война между Японией и Советским Союзом. Даже жандармский чиновник Маямото, вновь ставший частым гостем в нашем парке, заискивающе улыбающийся, пытался выяснить хотя бы мнение консульских работников на этот счет. Этот вопрос задавали почти все, забыв об осторожности. «Если будет, — размышлял, в частности, Мартэлл, — Японии ведь несдобровать. Такого зверя, как немецкий фашизм, одолели». О том, что близится конец войны, в Европе догадывались...

Паника и тревога царили в японских правящих кругах. Это тоже не составляло секрета и находило отражение на страницах газет. Они стали больше помещать материалов о делах на европейском фронте. Что касается «священной» войны, которую ведет Япония, то накал шовинизма и фанатизма сохранялся. «До победного конца, до последнего солдата», — истошно вопили радиоприемники. Но было ясно, что Япония готовится к войне на своей собственной территории, к ее обороне.

9 мая 1945 г. радио сообщило о капитуляции Германии. Рассказать о том, что пережил в эти минуты наш небольшой коллектив, я не в состоянии. Слов не найти. Невольно вспоминали тяжелые годы отступления, когда некоторым все казалось безнадежным.

Помянули, по русскому обычаю, наших близких, погибших на фронте. Жили надеждой, что вот-вот отправимся домой. Но не тут-то было. Всем оставаться на месте и продолжать работу — распорядилась Москва.

Условия нашей жизни резко изменились, как и отношение к нам чиновников генерал-губернаторства, полиции. Мы, конечно, понимали, что лишь внешне. Консульство посетили официальные представители генерал-губернаторства. Забеспокоились по поводу того, что получаем несъедобную пищу, и действительно приняли меры.

Главное, мы обрели некоторую свободу. Смогли общаться с корейцами, с японскими знакомыми, от нас не шарахались в магазинах, мастерских. Больше того, некоторые с неподдельной радостью поздравляли.

Хотя в Корее, как и в метрополии, не прекращалось нагнетание военного психоза [36], все очевиднее становилось, что «верхи» основательно надломлены. Вместе с тем бросались в глаза изменения в настроениях «низов».

Нежелание, точнее, невозможность народа колонии жить по-старому обрела после поражения немецкого фашизма — союзника Японии новое качество. Оно было связано с надеждой, сменившей безысходность.

Впрочем, не буду здесь касаться этого вопроса. Он неизбежен в разделе книги «Борьба».

Раздел второй

БОРЬБА. РАССКАЗЫ ЕЕ УЧАСТНИКОВ

Глава 5

ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИЙ МАРТ

1. Обстановка в Корее

И снова, нарушая хронологию, возвращаюсь на многие годы назад, чтобы попытаться проследить созревание субъективного фактора корейской революции. Если раньше речь шла об увиденном непосредственно в стране, то в этой части книги опираюсь на прочитанное и услышанное от участников корейской освободительной борьбы.

Воспоминаний у нас с мужем записано много. Но использую я лишь те, которые в главном подтверждаются источниками и литературой.

В наше кризисное для социалистического мира время история революционной борьбы народов стала в советской литературе как-то замалчиваться. Зато громко звучат сенсационные заявления некоторых историков и публицистов, фактически отрицающих прогрессивность и гуманность целей этой борьбы, утверждающих, что идеи социализма — утопия, миф, что социализм не состоялся, что революция 1917 г. была роковой ошибкой. При этом основной огонь направляется против коммунистов. Словно идеи виноваты в том, что их извратили люди, а революция в ответе за то, что от ее имени творились беззаконие и даже преступления. Словно допустимо отождествлять миллионы честных, убежденных коммунистов с разложенцами и тиранами, узурпировавшими власть. Может быть, именно поэтому у меня особое отношение к разделу книги «Борьба». Хочется на примере Кореи показать гуманизм идеалов Октября, освободительную роль созданного им государства в судьбах народов Востока. Вскрыть справедливость их борьбы за независимость и прогресс, в первых рядах которой шли коммунисты.

Долгое время корейское коммунистическое движение было для советских исследователей закрытой зоной. Ныне появилась возможность ее открыть. Новые материалы, с которыми я сверяю свои записи, позволяют рассказать о деятельности корейских коммунистов, благородстве их целей и помыслов. И одно-

временно — об ошибках, просчетах, утопических чертах их революционной романтики.

Прежде всего о влиянии на Корею Великой Октябрьской социалистической революции. Оно было огромно, и многие причины тому способствовали. Были и серьезные помехи. В числе последних прямая и полная зависимость страны от Японии, которая безжалостно грабила и угнетала свою колонию. И не только силой полицейского террора. Являясь первой и единственной в Азии империалистической страной, она широко использовала расовый момент, создавала изощренную, тщательно продуманную систему идеологической диверсии, разобщения и разложения национальных сил.

Все это оказалось в конечном счете преодоленным в революционной борьбе, ибо одновременно действовали обратные факторы, существенно благоприятствующие этому. К ним относятся соседство с Советской Россией и предшествующая история общения национально-демократической эмиграции Кореи с российскими революционерами. Напомню лишь, что мощное сопротивление корейского народа захвату страны Японией совпало по времени с пробуждением Азии, с первой русской революцией. Это ощутимо сказалось и в последующем. Весьма существенным было наличие в России в период Октябрьской революции и после нее большого числа корейских эмигрантов, отходников, сезонных рабочих. При этом следует выделить такой важный рычаг влияния Октября на Корею, как участие многих корейцев в борьбе против интервентов и белогвардейцев. Побудительными мотивами этого участия были, конечно, и свои национальные интересы. Но борьба вместе с российским пролетариатом под руководством большевиков стала для них школой интернационального воспитания и революционной закалки. Они, участники и очевидцы событий в России, возвращаясь на родину, несли ей правду об Октябре, о действиях Советского государства, которое с первых же дней стало проводить политику мира, независимости и свободы народов.

Внутренние условия в Корее благоприятствовали восприятию идей Октября. Почву для этого подготовил сам японский империализм.

В условиях, характерных для начала новейшего периода истории, когда и рабочий класс и буржуазия были слабы, не имели своих политических партий, значительную роль в общественной жизни Кореи играли религиозные организации и проповедуемые ими учения, и среди них наиболее влиятельное общество Чхондогё, последователями которого в рассматриваемое время был трудовой народ. Руководящая верхушка Общества состояла из помещичье-буржуазных деятелей. Наряду с патриотами-националистами она включала и дельцов-политиканов. Ориентировалось большинство руководителей на принципы американского президента Вильсона.

Широкое распространение приобрела в то время деятельность миссионеров, особенно американских. По мере обострения японо-американских противоречий в ней усиливалась антияпонская направленность, что вызывало сопротивление колониальных властей и поддержку сил антияпонской освободительной борьбы.

В целом в стране назревал народный протест. В приграничных районах активизировалась борьба партизан. Горячо, хотя и неоднозначно, воспринимала вести о событиях в России буржуазная интеллигенция. Оживилась деятельность националистических организаций, руководство которых пыталось использовать, с одной стороны, японо-американские противоречия, с другой — нарастающий подъем народного движения с целью создания независимой буржуазной Кореи. Складывавшиеся в стране две ориентации — одна на союз со Страной Советов, другая на заступничество и помощь США — нередко переплетались, что проявилось в движении 1919 г.

На нем позволю себе остановиться подробнее. Потому, что это одно из самых первых и мощных восстаний на Востоке в послеоктябрьские годы и самое крупное общенациональное выступление в колониальной Корее, открывшее новую страницу его развития. Без хотя бы краткого анализа событий 1919 г. трудно понять процесс формирования субъективного фактора корейской революции. Все это так. Но есть и причины личного характера. Дело в том, что после освобождения Кореи некоторые участники восстания 1919 г., ставшие добрыми друзьями автора, настоятельно рекомендовали написать о нем специальную работу. Снабдили многими материалами (не говорю уже об их интереснейших личных воспоминаниях). В Тихоокеанском институте, где я после возвращения из Кореи работала, идею эту одобрили.

В 1952 г. книга вышла. Но один сверхбдительный читатель возмутился тем, что автор написал «не то» о Пак Хенене, одном из крупных деятелей корейского революционного движения, репрессированном в КНДР, сигнализировал об этом в инстанции, и монографию изъяли [1]. Только незначительную часть тиража успели продать, остальную сожгли (это было поручено студентам). Характерно, что в КНДР не отреагировали на несовпадение характеристики автора с их официальными оценками.

Пережила неудачу тяжело, однако друзья поддержали.

Сейчас мы часто шутим, что лучшая книга — это первая, когда автор *еще* не знает, как писать и, главное, чего не писать, и последняя, когда он *уже* этого не знает. Не убеждена что та, первая, была удачной, но неискушенный автор оказался в ней «смелее», чем тогда полагалось.

В данном случае, говоря о событиях 1919 г., опираюсь на воспоминания их участников (а также на представляющие интерес для корееведов материалы, ранее не публиковав-

шиеся или приводимые лишь частично). К сожалению, далеко не все услышанное удалось записать и не все записанное сохранить.

Да и вопросы задавались бессистемно, а ответы иногда не совпадали, были разноречивы. Не только в оценках, но и фактах. По возможности сверяла их с источниками. Рассказчики тоже были разными. Кроме профессионалов-революционеров, знакомивших с достоверными, весьма ценными материалами, беседовала с деятелями других ориентаций, другого уровня. От них тоже узнала много интересного о ходе событий на местах, о новых именах, о любопытных деталях. Особо следует выделить нашего учителя корейского языка Кима, много знающего, но крайне националистически настроенного. Рассказывая о событиях 1919 г. (как и других), он неизменно подчеркивал исключительность, самобытность, уникальность корейской нации. Он забрасывал цифрами, деталями, давал столь много информации, что за нею терялась общая картина событий. (Ким участвовал в демонстрациях 1919 г. в Сеуле.) Постараюсь сделать из услышанного от самых разных собеседников краткую вытяжку по условной схеме: что вызывало выступление 1919 г.? Какие внутренние и внешние условия?

Все говорили о гнете, бесправии, нищете. Разумеется, каждый со своими акцентами. Например, учащиеся, педагоги, врачи, вообще интеллигенты,— о подавлении национальной культуры, языка. Трудящиеся — о социальном гнете, торговцы, предприниматели — о засилье японского капитала. И все — о потере страной независимости. «Нарыв созрел до таких размеров, что не мог не прорваться»,— завершил свой рассказ участник восстания, зубной врач Ким. Он познакомил нас (все это было после освобождения) со своими друзьями, тоже участвовавшими в движении.

Хотелось подробнее узнать, как влияла при этом на разные слои населения Октябрьская революция, вся международная обстановка. В этом вопросе полного единства у наших собеседников не было, хотя все без исключения говорили об огромном значении Октября для Кореи. Многие из среды интеллигенции и городских буржуа отмечали влияние вильсоновских принципов и роль США, в помощь которых верили. Тогда это воспринималось революционерами как измена идеям независимости. «Или—или» — ставился вопрос в ряде интересных коминтерновских и советских изданий, посвященных тому периоду. Схематизма, прямолинейности не избежал в своих работах и автор настоящей книги. Если ты ориентировался на союз с Советским государством, — ты интернационалист-патриот, если на мирную конференцию, на вильсоновские принципы, — ты в стане враждебном. Время внесло коррективы в такие подходы. Нечего и говорить, что общественное сознание корейцев, особенно массовое, не смогло учесть всей сложности международной ситуации. В частности, того, что принципы Вильсона были также

одной из реакций на мощное влияние Октября, но при этом отражали притязания США на мировое господство. Понимание этого пришло много позже и далеко не ко всем, как и то, что Америка хочет вырвать у Японии «корейский лакомый кусок» (ленинское выражение), а не стремится помочь достижению независимости страны.

Все это сказалось на движении 1919 г. и принятых тогда националистами документах. Причудливо переплеталась, часто диктуемая инстинктом, вера в то, что в мире произошла великая революция, с которой связана и судьба Кореи, и одновременно надежда на помощь Америки, тяга к союзу с нею. Это относится не только к буржуазно-националистическим деятелям, но и к идущим за ними трудящимся, которых было немало.

Беседы с радикально настроенными интеллигентами, с профессионалами-революционерами свидетельствовали и о другом, тогда мною, в частности, недопонимаемом, что наложило свой отпечаток на некоторые трактовки. Я имею в виду нетерпение, проявляемое этими группами, их стремление ускорять корейскую революцию, копируя опыт России. Эти мотивы звучали в их рассказах-воспоминаниях. Как и многие у нас и в других странах, они верили в быструю победу мировой социалистической революции, в том числе и в Корее, не видя первоочередности национального освобождения. Не раз приходилось слышать размышления — почему так затянулся мировой революционный процесс. Они склонны были во всем винить происки империализма, соглашательство буржуазии, слабость и недостаточную сплоченность революционных сил. Особенно относили они это к Корее. Национальная буржуазия, которая была готова стать одним из участников национально-освободительного движения, оценивалась, как правило, силой контрреволюционной. Подчеркивалось, что в Корее она особенно склонна к компромиссам с колонизаторами, к соглашательству. Некоторая доля правды в этом есть, но лишь доля. А большая правда заключалась в непонимании всего противоречивого хода исторического развития, задач освободительной борьбы в колониальных странах и многих других проблем, к исследованию которых приступают историки лишь в последнее время. Так можно ли обвинять корейских революционеров, фактически их первую когорту, в незнании этого. Они ли одни забегали вперед?

Память, записи бесед, литература свидетельствуют, что в мощной и стихийной тяге масс к союзу с Советским государством, в стремлении следовать по пути России было много утопического, связанного с устойчивыми традициями, морально-этическими нормами, вошедшими в плоть и кровь корейцев. Сильный налет упрощенчества, примитивизма был присущ их воззрениям. Они знали, чего не хотят, и не представляли, чего хотят, не представляли характера того общества, в котором увидели свой идеал. Что касается передовой интеллигенции, при-

званной вносить научное сознание в стихийное восприятие идеалов социализма массами, то сама она не была свободна от утопических традиций, умозрительных идей. Ей тоже были присущи абстрактные понятия справедливости, свободы, прогресса без учета реалий страны и объективного хода истории. В конечном счете ведь утопией была ориентация на безоговорочное повторение опыта Октября в условиях Кореи.

Следует отметить особенно сильное воздействие идей чхондо на общественное сознание.

У чхондо и социализма много общего, утверждал преподаватель колледжа Мун, впоследствии активный деятель левого лагеря Южной Кореи. Ведь согласно учению чхондо, один раз в 1000 лет происходит одно крупное событие, в 100 лет — среднее, в 10 лет — малое. Октябрьскую революцию и освобождение Кореи большинство корейцев относят к первой шкале. Думается, что сам Мун был в их числе.

Забегание вперед революционеров, пытавшихся механически копировать опыт России, абсолютизировавших военный фактор, переплетение ориентаций на Советскую Россию и на помощь США, тесная связь популярности идей Октября с утопиями, религиозно-этическими воззрениями, народными традициями — все это компоненты идеологической ситуации в корейском освободительном движении, сложившиеся накануне событий 1919 г.

Каналы, по которым шли в Корею вести о Стране Советов, были широки. Наши многие собеседники были тому и свидетелями и свидетельством. Отходники, сезонные рабочие, возвращаясь на родину, рассказывали много такого, чему с трудом верилось, — вспоминал Мун. Сохранились записи бесед с участниками гражданской войны, несколько раз переходившими из Кореи на русский Дальний Восток и обратно.

К примеру Нам. Познакомились с ним на одном из митингов в 1945 г., и он стал частым гостем в нашем консульском парке. Свободно, хотя с сильным акцентом, говорил по-русски. В отличие от многих других знакомых, о себе рассказывать не любил. Жил с декабря 1917 г. в Благовещенске. Как и многие корейцы, участвовал в борьбе против интервентов, понимая, что это важно не только для России, но и для Кореи. Много размышлял. При этом просил извинить его за «нелепые вопросы и мысли». Извинять было не за что — умный, думающий и очень скромный человек. Догадывались, что он коммунист и пытается это скрыть. Где работает, не говорил. Беседовали мы с ним вместе с Ольгой Захаровной и договорились с ней проявлять сдержанность, не касаться щекотливых вопросов.

О чем же размышлял Нам? В данном случае привожу лишь те его суждения, которые характеризуют восприятие в Корее Октября. «Главную правду о нем, о том, что создано государство, выступающее за справедливость, независимость народов, мы знали, — говорил Нам. — Радовались, надеялись, верили, что

недалеко и освобождение Кореи. Когда же на Советскую Россию напали интервенты и белогвардейцы, мы сочли своим долгом защищать и ваши завоевания, и наши надежды, наше будущее». На вопрос, все ли осознавали связь судеб Кореи с существованием Страны Советов, Нам ответил, что далеко не все. И корейцы, жившие на русском Дальнем Востоке, имущественное положение которых было различным, по-разному отнеслись и к Октябрю, и к участию корейцев в борьбе с контрреволюцией. Да и в самой Корее было немало людей, не понимавших, зачем идти проливать кровь за другую страну, за чужие дела. Вы бы, мол, больше заботились о независимости Кореи, говорили они. Мы, как могли, разъясняли, что это не чужая страна, а опора всех угнетенных народов, что мало ей сочувствовать, ей нужно помогать защищаться, что мы сознательно и добровольно пошли на это и ради справедливости на земле, и ради нашей национальной независимости. Привожу почти дословно эти выдержки. О том же говорили и другие наши собеседники. Они рассказывали, что большевики Дальнего Востока вели большую политико-воспитательную работу среди корейцев, которая давала свои плоды и непосредственно в Корее. Играли свою роль те же каналы общения.

«Мы ждали тогда очень скорого освобождения страны и победы революции. Получилось иначе. Но ведь в конечном счете получилось. А дальше все будет лучше, быстрее». Тут Нам ошибся. Все оказалось много сложнее и противоречивее. (Последний раз виделись с ним летом 1946 г., а как хотелось бы узнать о его, да и не только его, дальнейшей судьбе.)

Об участии корейцев в борьбе против интервентов и белогвардейцев советские ученые написали немало интересных работ [2]. В данном случае следует лишь подчеркнуть, что важнейшая черта этого участия — органическая связь защиты Страны Советов с задачами борьбы за независимость Кореи. Двуединая, нераздельная задача. Это подчеркивали неизменно наши собеседники. Об этом же убедительно, документально свидетельствует вышедшая в 1979 г. книга Матвея Тимофеевича Кима «Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке (1918—1922)» (М., 1979). О ней необходимо сказать особо. Поиску материалов о славной плеяде первых корейских интернационалистов Матвей Тимофеевич посвятил два десятилетия своей жизни. Лаконичные биографические очерки ценны не только для науки, для воссоздания правды о навязанной нам жестокой борьбе за спасение государства, о развернувшемся в мире движении солидарности, но они воздают должное светлой памяти корейских интернационалистов, возвращают истории многие их имена.

Не могу не сказать о самом Матвее Тимофеевиче. Когда он появился в Институте востоковедения, ему было далеко за 70 лет. Стройный, подтянутый, оживленный, с неизменным огоньком в глазах, он казался много моложе. Особенно когда

делился своими замыслами, когда рассказывал о своих товарищах, многие из которых в сталинские времена были репрессированы и погибли. Благородная задача написать о них книгу, видимо, и делала Матвея Тимофеевича молодым, помогала преодолевать тяжелую болезнь. Мы в Отделе неизменно восхищались неуемной энергией, одержимостью этого замечательного большевика. Поучительна и его биография. Родился в 1901 г. в Ольгинском уезде Приморской области. Свою первую политическую учебу проходил на зеленой лужайке в школьном саду, где инспектор школы А. Н. Ярошенко (большевик с 1912 г.) собирал старшеклассников и рассказывал им о делах Страны Советов, о Ленине. Летом 1919 г. М. Т. Ким стал членом подпольной партийной организации Владивостока и по заданию ее связался с Сучанским комитетом партии, распространял среди корейской молодежи революционные листовки, брошюры, тщательно пряча их под одеждой. Осторожность требовалась высочайшая. Население с жадностью набрасывалось на эту литературу, засыпало вопросами, в частности о том, как и чем помочь Советам. Многие включались в партизанскую борьбу, участвовал в ней и Матвей Тимофеевич. В июне 1920 г. Владивостокский комитет большевиков направил его и еще нескольких товарищей в освобожденные районы Советской России для изучения социальных наук. Затем М. Т. Ким в корейском партизанском отряде, где командиром был О Хамук, а военкомом Цой Корё (Чхве Корё), вел комсомольскую работу. Одновременно занимался в учительской семинарии. Выполнял задания Дальневосточного секретариата Коминтерна в качестве уполномоченного по вербовке добровольцев в партизанские отряды. Побывал во многих городах. Наконец добрался до Москвы. Представил отчет в Восточный отдел Коминтерна Войтинскому, и был направлен на лекторские курсы КУТВа. Параллельно учился в Московском университете, являлся делегатом съезда народов Дальнего Востока. Затем вел научную работу, преподавал, участвовал в переводе с русского на корейский язык «Капитала» К. Маркса. На это ушло около двух лет. Перевод был размножен на стеклографе, и значительную часть тиража удалось распространить в северной части Кореи и в Северо-Восточном Китае. Затем снова партийная работа, журналистская. Но был большой перерыв в деятельности Матвея Тимофеевича, мучительный, несправедливый. Он стал одной из многих жертв репрессий. Об этом старался не говорить. Эмоциональный, импульсивный, он, когда заходил разговор о том страшном времени, как бы выключался, затухал. А однажды сказал, что этот трагический отрезок жизни он старается оценивать, не давая воли чувствам: «Это было несчастье в нашем доме, в нашей семье».

Когда готовили книгу М. Т. Кима к изданию (мы с Валентином Константиновичем Паком были ее редакторами и авторами предисловия), возникло осложнение: биографии многих

чудесные цветы, которые, преодолевая все преграды, ветры и бури, принесут Корее свободу и независимость. Умираю за свободу трудящихся земли».

В разные времена разные формы приобретает интернациональная солидарность. И к ее характеристикам, к оценкам целесообразности и оправданности той или иной из ее форм необходимо подходить с научными критериями, конкретно-исторически. Бесспорно одно: забывать о солидарности людей безнравственно, недопустимо.

Из уст в уста передавались шепотом рассказы (часто обраставшие легендами и мифами) вернувшихся на родину корейцев о том, что происходит в России. Наряду с этим оттуда корейскими коммунистами направлялись в страну листовки, брошюры, журналы. Но в целом идейное влияние Октября пока было стихийным. Оно шло и из разбуженного им Китая, где находилась весьма значительная корейская эмиграция.

Власти пытались всемерно препятствовать этому влиянию. Но можно ли установить заслон идеям?

Весной 1918 г. на конференции в Хабаровске, где были представлены различные по своей направленности корейские организации, произошел раскол политических сил. Из представителей левого течения образовался Союз корейских социалистов, программа которого отражала курс на поддержку Советского государства. В него вошли Ли Донхви, О Сонмук, Пак Э, Ким Нип, О Хамук, Ли Инсоб и др. Союз издал в 1918 г. несколько номеров журнала «Чон» («Колокол») на корейском языке. По рассказам наших собеседников, часть экземпляров попала в Корею. Из них узнавали, что Советы (IV Хабаровский краевой съезд советов) приняли постановление о том, что все иностранное население, в том числе корейцы, имеют право на землю и получают наделы в сельских местностях. «Представляете, какое впечатление оставляло все рассказанное и прочитанное?»— неоднократно подчеркивали они.

Шло влияние и из Японии. Особенно сильным было воздействие «рисовых бунтов», начавшихся в августе 1918 г. и охвативших до $^2/_3$ территории и около 10 млн. человек. Хотя, как следует из вышесказанного, почва для общенационального выступления 1919 г. в стране была готова, первые его зарницы вспыхнули в Японии.

В конце 1918 г. нелегальное антияпонское общество обучавшихся там корейских студентов провело собрание, на котором присутствовало более 500 человек. В целях конспирации оно именовалось диспутом об ораторском искусстве.

Было решено начать активную борьбу за независимость, связавшись с патриотическими силами непосредственно в Корее и с корейскими эмигрантами в других странах. Полиция, которой стало известно о характере диспута, разогнала его, арестовав зачинщиков. Но 12 февраля 1919 г. снова состоялся митинг студентов, принявший решение послать японскому правительст-

ву декларацию с требованием независимости. Хотя полиция снова произвела аресты, остановить волнения она не смогла. «Молодежная организация независимости Кореи (так назвали себя собравшиеся) от имени 20-миллионного корейского народа заявляет всем государствам мира, добившимся свободы и справедливости, о своем стремлении получить независимость»,— говорилось в декларации. Этот документ, одним из основных авторов которого являлся Ли Гвансу[3], напоминает о методах порабощения Кореи Японией, о терроре, чинимом угнетателями, о мужественной борьбе народа за освобождение; обращает на себя внимание оценка декларацией студентов роли США и Англии в этом. «Главные руководители переустройства мира,— говорится в ней,— Америка и Англия, которые первыми признали протекторат и аннексию, должны сейчас нести ответственность за свои старые поступки».

Декларация студентов отражает и влияние Октября на прогрессивную корейскую интеллигенцию: «Если исходить из интересов мира, то Россия, которая представляла угрозу этому миру, ликвидировала милитаризм и строит новое государство на основе справедливости и свободы». Одновременно авторы ее оставались в плену иллюзий относительно мирной конференции империалистических держав и вильсоновских принципов.

В это же время активизировали свою деятельность корейские эмигрантские организации в Китае и США. В феврале в Шанхае создается Корейская молодежная партия (Тэхан чхоннёндан), крайне разнородная по составу, не имевшая ни программы, ни четких международных ориентаций, но провозгласившая задачу борьбы за независимость.

В Америке, в Сан-Франциско, в феврале 1919 г. был основан руководящий центр Корейской национальной ассамблеи (Тэхан кукминхве) с целью организации движения за независимость. В состав его вошли Ли Сын Ман и другие деятели проамериканского толка. В обращении, направленном Вильсону, говорилось, что великие державы должны оказать Корее помощь в освобождении от японского ига и обеспечении в будущем независимости.

Создавались и действовали в США и другие корейские организации. Стоит несколько подробнее остановиться на Обществе передовых борцов (Хынсадан). Основателем его в 1913—1914 гг. был Ан Чханхо. Своей задачей Общество провозгласило объединение всех лояльных корейцев, готовых отдать свои силы и способности выполнению долга (какого именно, не говорилось), воспитание товарищеских чувств, культивирование коллективной морали и разума, воспитание людей здоровыми физически и духовно, создание «священной организации», которая должна заложить основы для великих дел нации в будущем. Как мы видим, задачи культурно-просветительские и весьма абстрактные, туманные. Руководители Хынсадан жили в Лос-Анджелесе. Позднее в Шанхае был создан его Дальневосточный комитет.

корейских интернационалистов обрывались в 1937—1938 гг. Писать всю правду о массовых репрессиях тогда не полагалось. И хотя Главная редакция восточной литературы, к чести ее руководства, во все времена старалась проводить принципиальную политику, придерживаться объективности, не поддаваться конъюнктурщине, не все было ей подвластно. Помню наш разговор с Матвеем Тимофеевичем на эту тему. Как быть? Не отказываться же от издания столь нужной, благородной книги из-за того, что не все можем в ней сказать. Главное, ведь можем вспомнить имена корейских революционеров, их славные дела. А биографии придется без пояснений обрывать на 1937—1938 гг., как оборвались и их жизни. Так и сделали. Верили, что читатели поймут.

В 1983 г. М. Т. Ким умер.

Он собрал много дополнительного материала о корейцах— участниках борьбы за власть Советов. Думается, что долг молодых советских корееведов подготовить эти материалы к изданию. Рассказать всю правду о людях, достойных славы и подражания, но в трагические времена преданных анафеме и забвению.

Иногда приходится слышать: участвовавшие в борьбе против интервентов и белогвардейцев корейцы и трудящиеся других национальностей были ведь советскими людьми. Многие из них родились в России. Упрощенная механическая постановка вопроса, игнорирующая национальный момент. Не забывали ни корейцы, ни другие инонациональные участники борьбы за сохранение Советского государства и своих национальных интересов.

В этой связи напомню лишь одну из приведенных в книге М. Т. Кима биографий — Александры Петровны Ким (Станкевич).

Она родилась недалеко от Уссурийска в семье интеллигента, окончила гимназию, учительствовала. В начале 1917 г. вступила в партию большевиков. Затем на Дальнем Востоке вела агитационно-политическую работу, особенно среди китайского и корейского населения. Была избрана секретарем Хабаровской организации большевиков, назначена комиссаром по иностранным делам. Участвовала в формировании интернациональных отрядов из военнопленных, а также китайских и корейских подразделений. В начале 1918 г. при ее участии был создан корейский красногвардейский отряд. Являлась автором листовок, пламенных, страстных воззваний, проникнутых глубоким интернационализмом. В августе 1918 г. в числе других большевиков Александра Петровна попала в руки белогвардейцев и была помещена в «вагон смерти». На допросе ее спросили, почему она, кореянка, участвует в войне, которую ведет Россия. «Я прежде всего большевичка»,— ответила Александра Петровна.

Корейский поэт переложил на стихи ее слова, сказанные перед казнью: «Пусть всюду взойдут семена коммунизма и дадут

10 Зак. 532

Для работы в нем из США прибыло около 50 человек. В их числе Ким О, с которым мы познакомились и который много интересного рассказал о деятельности Хынсадан и биографии его лидера Ан Чханхо[4]. Наслышаны мы были о нем и от других. Говорили о его неуемной энергии, неустанной активности, патриотизме. Родился он в 1878 г. в уезде Тэдон пров. Южная Пхёнан. Когда ему исполнилось 20 лет, уехал в Америку. Создал там культурно-просветительское общество и начал издавать газету «Синхан синбо». В 1907 г. он вернулся в Корею и стал одним из основателей Нового народного общества (Синминхве). Создал в 1908 г. школу и книжное издательство. После аннексии страны снова эмигрировал в США.

В 1920 г. Ан Чханхо стал членом временного корейского правительства. Он продолжал создавать и возглавлять националистические организации культурно-просветительской направленности. С временным же правительством отношения у него и в целом у Хынсадан не сложились. Больше того, между ними развернулась борьба. Временное правительство обвинило Хынсадан в том, что это не просветительская организация, а милитаристская группа.

Представляется, что деятельность Общества и образ ее лидера характерны для эмигрантского националистического движения накануне событий 1919 г.

2. *Демонстрации. Восстание*

А что происходило в самой Корее?

По рассказам Ким Гюмёна, после того как стало известно о собрании корейских студентов в Токио, состоялось тайное собрание (в одной из школ Сеула). В нем участвовали Сон Джину, Цой Рин, Цой Намсон, а также наш рассказчик Ким и др. Решено было связаться с руководителями религиозных организаций: Чхондогё — Сон Бёнхи, Квон Тонджином, О Сэджаном; христиан — Ли Сынхуном, Пак Хидо, Хам Тхэйоном; буддистов — Хан Ёнуном, Пак Енсоном. Вместе проводили совещания. Создали штаб, центр движения. Сон Бёнхи стал его фактическим руководителем. Декларацию независимости и другие документы готовил главным образом Цой Намсон. Отпечатаны они были в типографии Чхондогё в нескольких десятках тысяч экземпляров. Все это было в феврале.

Но 22 января 1919 г. умер экс-император Кореи Коджон. О нем Ким Гюмён отзывался как о патриоте, вокруг которого группировались антияпонские силы. За это он вызвал гнев колонизаторов, утверждал Ким. Хотя газеты в экстренном выпуске сообщали, что смерть Коджона произошла от кровоизлияния в мозг, в народе утвердилось убеждение, что экс-императора умертвили.

Много позднее на собрании в одной из школ Сеула, посвя-

щенном 27-й годовщине мартовских событий, по рассказам присутствовавших там знакомых студентов, разгорелись споры об экс-императоре. Одни утверждали, что, когда японское правительство решило послать делегацию своих корейских союзников на Парижскую мирную конференцию, чтобы подтвердить «благодетельную» роль Японии и «благополучие» корейского народа, Коджон этому воспротивился и пытался направить петицию противоположного характера, требующую восстановления независимости Кореи, за что и поплатился жизнью. Другие участники собрания с такими утверждениями не соглашались. О том, как протекали события в Корее, тоже единого мнения на собрании не было. Уточняя и перебивая друг друга, выступавшие даже запутывали картину, говорили наши собеседники-студенты.

Меня тогда больше всего интересовало участие молодежи в движении. И абсолютно все, с кем удавалось на эту тему беседовать, утверждали: самое активное. «Мы, учащиеся, оповещали народ, что в парке „Пагода“ произойдет важное событие,— рассказывал учитель школы Хан Юн.— Трудно передать, с каким энтузиазмом мы это делали. Ходили из дома в дом и, забывая об опасности, разъясняли населению о необходимости выступить за независимость страны. Мы были связаны с корейскими студентами в Японии, некоторые из них тайно приехали в Сеул. Несмотря на зимние каникулы, учащиеся мужских и женских школ и колледжей не разъезжались. В совещаниях участвовали также лица, прибывшие из Шанхая и Кандо (Цзяндао). Шел сбор средств. Намечалась программа выступления... Мы знали, что для этой работы отбираются наиболее надежные учащиеся. Как мы гордились тем, что попали в их число»,— рассказывал Хан. «Да и наши учителя были тогда молоды, их тоже можно отнести к молодежи,— вмешался другой собеседник Мин,— они были в то время большими патриотами». Его реплика вызвала бурю и одобрения и протестов. Ведь в 1946 г. некоторые из этих «больших патриотов» вели себя не лучшим образом.

Рассказывали, что именно учащаяся молодежь развешивала возле императорского дворца, на зданиях учреждений и фирм, на жилых домах листовки, гласившие, что власти умертвили экс-императора Кореи.

В столицу потянулись люди из разных мест, чтобы поклониться его праху. Меры полиции, в частности запрет на проезд по железной дороге, не помогли. Шли пешком. Располагались на площадях, улицах, в переулках. Казалось, большой Сеул не сможет вместить их. «Мы приглашали иногородних к себе домой,— рассказывали собеседники,— устраивали их на ночлег, а главное, разъясняли, что дело не в почестях праху бывшему императору, а в необходимости сообща добиваться независимости Кореи».

На заседании штаба было решено воспользоваться большим

скоплением народа и провести демонстрацию, но не в день похорон, 3 марта, а на два дня раньше. Об этом снова весь день и всю ночь 28 февраля учащиеся оповещали сеульцев.

В назначенное время в парк «Пагода» собралось несколько тысяч человек. Была зачитана Декларация независимости. Над собравшимися взвился корейский национальный флаг. Множество флажков появилось в руках демонстрантов. Их тоже изготовили учащиеся. У некоторых они были и ранее, хранимые в глубоких тайниках.

«Что такое корейская демонстрация, вы представляете?» — спросили нас. «После 15 августа 1945 г. стали представлять в полную силу». — «Нет, то происходило иначе», — отпарировал Мун[5]. И время и события были иными. Белобородые старики в белых одеждах открывали шествие. Да и все демонстранты были в белом, словно символизируя чистоту нации, Страны утренней свежести. Некоторые рабочие шли с инструментами в руках. Учащиеся в одной руке несли книгу, в другой — национальный флажок. Шли учителя, адвокаты, врачи, торговцы, предприниматели, ремесленники, крестьяне окрестных деревень. Буквально вся столица вышли на улицы. Вначале власти и полиция как бы растерялись, рассказывал Мун. Но быстро оправились, вызвали жандармов, которые стали зверски расправляться с мирными демонстрантами. Многие улицы обагрились кровью. (Впоследствии журнал «Соннёндан» писал, что в результате репрессий национальные флаги приобрели красный цвет. Обагренные кровью патриотов, пролитой за освобождение нации, эти флаги были революционны[6].)

Своеобразно вели себя так называемые представители нации, организаторы петиционного шествия. Испугавшись активности масс, они решили не оглашать Декларацию независимости в парке «Пагода», хотя помешать этому уже не могли. Они собрались в одном из сеульских ресторанов, провозгласили тост за независимость Кореи, осушив бокалы, позвонили в полицейское управление, вручили прибывшим полицейским текст Декларации, и тут же были арестованы.

Волнения быстро охватили столицу и стали перекидываться в другие города, куда штаб направил своих доверенных, главным образом учащихся. Демонстрация превращалась в общенациональное движение.

Массовые шествия состоялись в этот день и в Пхеньяне. Тысячи людей собрались в храме и прилегающих к нему районах, чтобы отслужить панихиду по умершему экс-императору. После панихиды собравшиеся подняли большой национальный флаг. Как и в Сеуле, была зачитана Декларация независимости, и с лозунгами «Да здравствует независимость Кореи!» народ вышел на улицы. На требование начальника полиции разойтись ответом было мощное «Тоннип мансэ» (да здравствует независимость). Никто не ушел, ряды демонстрантов пополнялись учащимися, служащими, крестьянами близлежащих деревень. Были

закрыты магазины, учебные заведения, мастерские. Полиция арестовала несколько сот человек. Были убитые и раненые, вспоминал один из активистов выступления в Пхеньяне.

Хотя события развивались в основном однотипно, они на местах обретали и некоторые своеобразные черты. Вот что, например, рассказал участник демонстрации в Чинджу (пров. Южная Кёнсан) Ли Дын. 1 марта несколько тысяч горожан собрались на площади возле здания суда по звону колокола. В городе в это время начал действовать так называемый союз независимости, пытавшийся направлять растущие волнения. Такие местные, временные, стихийно возникающие организации не в состоянии были оказывать существенного влияния на ход событий, но они возникали. Сразу же после оглашения Декларации полиция и пожарные части стали разгонять народ. Было много изувеченных. На следующий день собрались снова. Христианская молодежная организация вышла первой на улицы, за нею участники рабочего и тут же созданного крестьянского союзов независимости. Полиция чинила расправу. Но народ держался стойко. Лишь арестовав активистов выступления, главным образом входивших в названные организации, ей удалось установить спокойствие. Ли Дын был в числе арестованных, его брат и сестра ранены.

В городе Синыйджу (пров. Северная Пхёнан) организаторами демонстрации были христиане, рассказывал Юн Тхэк. Возглавляли их Ли Воник, Ан Чанын, Ким Чансу и др. Пастор Ю Ёдэ, один из подписавших Декларацию независимости, зачитал ее собравшимся и направил городским властям. Десятки школьников разбрасывали по городу текст Декларации, закидывали его в окна домов. Затем все вышли на улицы. Полиции и жандармам лишь к вечеру удалось разогнать демонстрацию. Им помогали пожарные части. Но на следующий день народ снова собрался на площади. Начался тысячный митинг. Выступали деятели Чхондогё — Цой Доно и Цой Ангук. Полицейские окружили и арестовали группу, шедшую впереди. 3 марта повторилось то же. Преподаватели сельскохозяйственной школы Чан Чихён и Ли Ханён собрали учащихся и разъяснили им содержание Декларации независимости. Полиция буквально озверела. Было запрещено вообще хождение по улицам. Многих арестовали. Но смельчаки не сдавались. Школьники с удивительной изворотливостью умудрялись распространять листовки. На некоторых была написана всего одна фраза: «Да здравствует независимость!». Рабочие проводили забастовки, устраивали саботаж.

Некоторые из участников выступления — Чан Чихён, Ли Ханён, Ли Ёнпхиль, Ко Ильчон и другие — бежали в Шанхай, а Ли Мёнхак и Пак Сынгём были арестованы и расстреляны. Христианскую церковь сожгли. Ким Согвон и Ли Мок тайно переправились через Китай на русский Дальний Восток. На родину они вернулись в начале 20-х годов (сведений о дальнейшей судь-

бе этих людей не сохранилось). Наш собеседник упорно связывал события в Синыйджу с деятельностью миссионеров. Вряд ли это так, но немалую роль они здесь, как и в других районах, играли.

Массовые демонстрации проходили в первые мартовские дни и во многих других районах страны.

3 марта похоронная церемония была нарушена выкрикиванием лозунгов в честь независимости и превратилась в демонстрацию. Рассказывали, что даже корейцы, входившие в полицейскую охрану, скандировали «тоннип мансэ». Многие из них, а также корейцы — помощники жандармов отказались от работы в полиции. Объясняли это тем, что у них «заговорили национальная совесть и страх перед народом».

Интересные воспоминания о 1919 г. прислал участник движения Пак Чонлим, живший во Владивостоке (мы с ним продолжали переписку до его кончины в 1988 г.). В них раскрывается судьба корейского борца-патриота. Пак — уроженец уезда Чхорвон пров. Канвон. «Весть о сеульской демонстрации докатилась до нас,— пишет он,— 2 марта. Под руководством учителей истории, литературы и физкультуры старшеклассники (Пак в их числе) изготовили национальные флажки, транспарант с лозунгом „Да здравствует независимость!“ и 3 марта вышли на демонстрацию. Улицы города с утра заполнились людьми. Вскоре к нам примкнули жители окрестных деревень, и почти у каждого из них тоже был флажок, а на голове — саккат (соломенная шляпа), крестьянский головной убор, который обычно носят во время дождя или под палящим солнцем. Шествия продолжались три дня. Число участников, в первый день составлявшее пять-шесть тысяч человек, удвоилось. Из города демонстрация перекинулась в деревни. Первое время полиция не предпринимала никаких действий. Похоже было, что она растерялась, а затем началась расправа» [7]. Пак Чонлим пишет далее, что он, его товарищи Пак Вонгын и Пак Янгун, Ко Санчхор, Ким Хварён скрывались от преследований в горах, на кладбище предков, а затем пробрались в Вонсан, оттуда в Чхонджин и в Цзяндао. Связались с представителем Армии независимости (Тоннипкун) и перешли на русскую территорию. (Четверо друзей Пака погибли в боях против интервентов и белогвардейцев.) Пак пишет, что, когда в Корее начались массовые репрессии, «очень важна была твердая рука и воля руководителя восстания, пресекающая панику и растерянность». На местах такие лидеры были, и один из них в районе Чхорвона — учитель Хан. Он вывел людей в лес, где было множество ручейков и оврагов. Укрывались там. Пробыли в лесу до середины апреля. Питались каштанами, затем и их не стало. Иногда селяне приносили еду, а с нею и газеты, из которых узнавали о жестоком подавлении восстания. Пак рассказывает, что большая группа патриотов обосновалась в районе Кымгансана, в одном из буддистских храмов. Сам он с другой группой

пробрался к Чхонджину. В пути часто встречались с «домашними монахами-буддистами», поддерживавшими и помогавшими повстанцам. Интересные детали приводит Пак. «„Домашние монахи“ утверждали, что они соблюдают все правила буддизма, как и обитающие в храмах, но не мыслят себе жизни без семьи. Один из них, пригласив к себе домой, накормил, обогрел, расспросил о происходящих событиях, а затем рассказал о своей жизни: „Раньше я был монахом в буддистском храме. Вся власть там в руках его главы, а мы были обязаны ему подчиняться. К тому же, и это главное, был молод, хотелось любви, семьи. Вот и удрал из монастыря, добрался до мест, где живут „домашние монахи“. Имею большую хорошую семью“. На следующий день переправил нас,— пишет Пак,— на своей лодке на другой берег, хотя это было небезопасно. Сказал на прощание, что всей душой с нами, что тоже стремится к независимости страны, молится за это. Тепло встретили и китайцы,— продолжает Пак.— Один из них привел нас в корейское селение. „Догадываюсь, кто вы,— сказал пожилой кореец.— Мы знаем о восстании в Корее. Здесь оно тоже развернулось, но в этой деревушке некому было повести нас, поддержать восставших братьев. Так и оказались мы должниками перед своим народом“. Подробно рассказали ему о том, что происходит в Корее, что пробираемся мы к партизанам. С помощью жителей деревни добрались до места, где располагался партизанский отряд. Нас встретил его начальник Цой. „Откуда вы и зачем вы здесь?“— строго спросил он. Мы ответили, что хотим вступить в отряд и не подведем. Он подробно выяснил биографию каждого из нас, а главное, просил рассказать, что происходит в Корее. Затем собрал отряд, торжественно представил нас, сказав: „Это молодые участники мартовского восстания. Они пришли к нам, чтобы бороться в защиту Советской России и за независимость Кореи“. Вечером к нам пришли командиры других отрядов и воинских подразделений,— продолжает Пак Чонлим.— Со многими из них мы вместе воевали. Особенно запали мне в душу слова Сергея Лазо, обращенные к нашим патриотам весной 1920 г. во Владивостоке: „Вы не получите свободы, пока не объединитесь с нами“. Об этом мы помнили во время боев с белогвардейско-самурайскими ордами, это мы, корейские интернационалисты, постоянно разъясняли нашему народу».

Сохранились и другие воспоминания участников восстания в 1919 г.[8].

Но вернемся в Корею. Жестокие репрессии, которые обрушили власти против мирных демонстрантов, вызывали нарастающее негодование. Повсеместно проводились аресты, обыски, избиения. Сеул был объявлен на военном положении. Однако 5 марта там снова началась массовая демонстрация. Когда шествие, значительную часть которого составляли учащиеся, с красными знаменами и национальными флажками направи-

лось к дворцу, их встретили ружейными выстрелами. Многие были убиты, ранены. Японские власти сами нарушили мирный характер выступления. Демонстрации в Сеуле, Пхеньяне и других городах переросли в мощное народное восстание. Оно распространилось на всю страну, охватив в марте 211 из 218 уездов.

Демонстрации и вооруженные схватки происходили и в апреле. Отголоски их звучали до конца декабря. (За первые две недели апреля произошло более 100 демонстраций, переросших в схватки с полицией и военщиной.)

После освобождения многое с гордостью вспоминалось о героизме корейских патриотов в дни восстания 1919 г. Неоднократно называлось имя Мун Енги. В начале апреля он выступал на митинге в городе Ири. В правой руке он держал национальный флаг и, потрясая им, призывал собравшихся не прекращать борьбы за независимость. Мун продолжал свое выступление и после того, как жандармы открыли стрельбу по собравшимся. Тогда жандармы отрубили ему правую руку, он схватил флаг в левую и продолжал выкрикивать «мансэ». Жандарм отрубил ему левую руку, он как-то сумел схватить флаг в зубы. Падая от сильного удара в грудь, Мун громко прокричал: «Моя кровь послужит народу новой Кореи».

Со второй половины апреля начался спад движения. Неравной была борьба. Участникам восстания на глазах у всех отрезали шашками губы, языки, шомполами уродовали тела. Выжигали раскаленным железом кресты на груди у школьников. Пожарами были охвачены многие города и села. В деревне Теамни уезда Сувон пров. Кёнги жители по приказанию властей явились в церковь якобы на проповедь. Облив церковь керосином, солдаты подожгли ее. Тех, кто пытался выбежать, расстреливали. Кроме трех человек, погибли все.

Жертвы восстания были огромны. Число убитых и раненых достигало почти 24 тыс. человек, арестованных — 52 770. Как отмечали наши собеседники, эти данные неполны. Искалеченных людей было гораздо больше. Многих приговаривали к смертной казни или длительному тюремному заключению.

Обращает на себя внимание многообразие методов борьбы в общенациональном выступлении 1919 г. Они переплетались, хотя у каждой социальной прослойки были свои главенствующие. На этапе восстания для большого числа его участников было характерно использование опыта российских трудящихся.

Основной формой выступления учащейся молодежи являлись политическая демонстрация, бойкот занятий, организация митингов, распространение воззваний, прокламаций. Значительная часть их участвовала и в схватках с полицейскими и жандармами. Другая часть интеллигенции, и особенно помещичье-буржуазные группы, пытались свести движение лишь к петициям. Предприниматели мелкой и средней руки, торговцы выражали свой протест кроме участия в манифестациях и митингах за-

крытием магазинов, мастерских. Служащие — прекращением работы, саботажем, иногда коллективной подачей в отставку. Широко распространен был в это время бойкот японских товаров.

Крестьяне нападали на полицейские и жандармские участки, на здания волостных управлений, колониальных обществ, на усадьбы наиболее жестоких помещиков, сжигали кабальные арендные договоры, участвовали в демонстрациях. Но их борьба в апреле резко пошла на убыль. Антифеодальную струю крестьянских выступлений помещичьей верхушке удалось быстро размыть.

О рабочем классе, в то время крайне малочисленном, следует сказать особо. Он последовательно боролся за общенациональные интересы и социальные права. При этом рабочие составляли лишь около 10% участников движения (крестьяне — 50—60%, учащиеся и другие слои интеллигенции — примерно 20%, остальные — ремесленники, торговцы, предприниматели. Общее число участников превышало 2 млн. человек).

Представляется, что точнее и объективнее, чем это ранее делал, в частности, автор книги, следует сказать об организаторах демонстрации, о штабе выступления. Служителей религиозного культа в нем было 64% (из них от Чхондогё 30%, христиан — 30%, буддистов — 4%). Большинство одновременно являлись помещиками, предпринимателями. Педагоги, директора школ, писатели, другие группы интеллигенции составляли в штабе 28%, остальные 8% — помещики, фабриканты и пр. По оценкам многих участников движения, что вошло и в литературу, штаб как бы противостоял поднявшемуся на борьбу народу, а не японскому колониализму. Несомненно, в его составе были политические авантюристы, преследующие узкокорыстные цели, были элементы, склонявшиеся к соглашательству с японскими империалистами[9]. Многие же верили в заступничество США и вильсоновские принципы. Но в основном его составляли патриоты, стремившиеся к независимости родины. И в этот вопрос следует внести уточнения.

Кто же все-таки руководил движением 1919 г., или оно было абсолютно стихийным, неуправляемым, «бунтом на коленях», как его иногда называют в литературе? Представляется и то и другое неверным. Попытки внесения в борьбу организованного начала предпринимались наиболее зрелыми ее участниками. Создавались союзы, объединения. Среди советских корееведов порой возникают споры — а существовала ли в действительности та или иная организация, о которой пишут историки КНДР. Ведь, мол, раньше о ней не упоминалось. Но нельзя же не учитывать того, что информация пополняется новыми данными. Ссылаясь на рассказы участников событий 1919 г., на свойственную корейскому освободительному движению множественность организаций, допускаю, что разного рода общества создавались и их было немало. «Собирались небольшими группами, часто это

были родственники или соседи, по пять-шесть человек и договаривались называть себя союзом мансэ, или справедливости,— рассказывал Нам,— сочиняли листовки, призывы, распространяли их. Но то были местные и временные объединения, нежизнеспособные. А настоящей организации, которая бы возглавила движение, не было».

В процессе движения стали стихийно создаваться общества, которые в ряде случаев называли себя советами. Снова вспомним время. Ведь многие революционеры, патриоты Кореи, рассчитывали на быструю победу мировой революции, стремились ускорить ее, копировали опыт России, не учитывая особенностей и первоочередных задач движения, преувеличивая фактор вооруженной борьбы. При этом определяющими в восстании 1919 г. были требования национальной независимости.

Хотелось бы назвать имена наиболее активных его участников, хотя бы частично восполнить ту безликость, которая, к сожалению, сложилась в историографии.

Движение 1919 г. не имело крупного лидера-идеолога. Но материалы позволяют назвать некоторых из наиболее видных участников. Это Ким Дубон — тогда студент Сеульского университета, впоследствии продолжал революционную деятельность в Китае. В дни восстания Ким Дубон составлял и распространял листовки, бесстрашно вступал в схватку с полицией. Ли Бэкчо — юрист, он тоже писал воззвания, революционные стихи, участвовал в борьбе. Преследуемый властями Ли бежал в Маньчжурию, а оттуда на русский Дальний Восток, где боролся с интервентами и белогвардейцами. Был участником восстания 1919 г. Ким Гюмён (Ким Бэкчу). Начал он свою патриотическую деятельность после окончания школы в одной из христианских сект. Эмигрировав в апреле 1919 г. в Приморье, сражался в партизанских отрядах. В 1921 г. он — председатель Военного совета корейских партизанских отрядов в Дальнереченске.

Такой же путь избрал и Ким Чхольчун. Преследуемый властями за участие в народном восстании, он бежал через Маньчжурию в Никольск-Уссурийск и стал разведчиком в партизанском отряде.

Ли Чонним, Ли Син, Хан Ундон, много других революционеров в дни восстания, не сдаваясь, не отступая, вели бои с японцами, воодушевляли народ призывами к борьбе. Она была неравной. Многие погибли, оставшиеся в живых эмигрировали или уходили в корейское глубокое подполье.

Не могу не сказать особо об участнице восстания, выпускнице гимназии Ким Техе. Вместе с подругами она писала и распространяла листовки, создав для этого законспирированную группу. В дальнейшем Ким Техе — одна из активных коммунисток-подпольщиц. Самоотверженным борцом проявил себя в дни восстания и Пак Хенен, впоследствии один из виднейших руководителей корейского комдвижения.

Вообще же революционное крыло восстания было значительным, но лидировать оно не могло.

Новые материалы свидетельствуют, что в процессе борьбы 1919 г. в Корее возникла первая коммунистическая группа [10]. Она существовала недолго, но показателен факт ее создания, как и то, что немало участников, эмигрировавших на русский Дальний Восток и в Китай, стали там коммунистами.

Многие из тех, к кому мы обращались с вопросом, кто же являлся фактическим руководителем движения 1919 г., отвечали — Чхондогё. Роль его, конечно, была значительной, но неоднозначной. И дело не только в позициях руководящей верхушки секты.

Форма, в которой проводились идеи чхондо, гласящие, что мольба искренне верующих достигнет небес и тогда они получат милости и будут счастливы, язык религии, мистики и суеверий был доходчив, легко воспринимался массами, особенно крестьянством. Руководство же Чхондогё, его помещичье-буржуазные верхи, в свою очередь, устраивал тезис о недопустимости активных методов борьбы. Импонировал он и колонизаторам. Не случайно существование Чхондогё было разрешено японскими властями.

Многие, вышедшие на мартовско-апрельские демонстрации, связывали идеи независимости Кореи, установления справедливости с проповедями чхондо [11], что вынуждало руководство секты присоединяться к массовой освободительной борьбе и даже войти в центр, в штаб движения.

В дальнейшем Общество значительно эволюционировало, расслаивалось. В 1919 г. от него откололась прогрессивная оппозиция, образовавшая Партию молодых друзей (Чхонудан), сыгравшую немалую роль в корейском освободительном движении.

Необходимо остановиться и на роли в движении 1919 г. христианских миссионеров, в первую очередь американских, их проповедях и связях с эмигрантскими организациями США.

Выше уже шла речь о том, что они старались создавать друг другу авторитет в массах. Эмигрантов-корейцев миссионеры изображали самыми надежными борцами за независимость страны, а те со своей стороны именовали миссионеров верными помощниками и заступниками Кореи в этой борьбе.

Память сохранила некоторые беседы с христианскими миссионерами в Сеуле о движении 1919 г. Одни утверждали, что воодушевляли народ на антияпонскую борьбу принципы Вильсона, но что толпа под воздействием «темных» личностей, вооружившись камнями и палками, стала нападать на полицию, вынуждая ее принять ответные меры. Примерно так трактовал события мистер Андерс.

А старый Мартэлл рассуждал иначе. Американцы подстрекали народ к выступлениям против Японии, но, когда дело зашло далеко и начались беспорядки, они испугались и стали

помогать властям подавить движение. Нужна ли Америке корейская независимость? Корея нужна Америке. Вот и все объяснение. Тут он был реалистом. «А народ? Выступал же он, почему вы его не упоминаете?»— спросил муж. «А народ,— ответил Мартэлл,— это толпа. Она, как магнит, потянулась на слово „независимость“». О влиянии нашей революции на корейцев высказывался осторожно. Тут он был дипломатом. А вообще Мартэлл знал много больше, чем говорил.

С презрением отзывались о событиях 1919 г. некоторые русские, ранее работавшие в царской мисоии. «Мы видели этот бунт разбушевавшейся толпы,— вспоминал один из них,— почему вы придаете ему такое значение? Не потому ли, что дирижером была Москва?» Спорить не хотелось.

С нескрываемым высокомерием отзывался о восстании долгожитель Сеула, как он себя называл, немецкий служащий Колль. «Интересуетесь банзайскими событиями?— насмешливо спрашивал он.— Не советую, обычный бунт толпы. Имел возможность его наблюдать; конечно, издали». Это было, как мне кажется, мнение меньшинства миссионеров и тех, кто причислял себя к ним. Большинство заметно сочувствовало мужественному народу. Мисс Питерсон и другие рассказывали, что протестантские священнослужители собирали сведения о бесчинствах колонизаторов и публиковали их за рубежом, чем вызывали сильное недовольство японских властей. Полицейские отбирали у миссионеров фотоаппараты, производили налеты на их дома, устраивали обыски без разрешения консулов соответствующих стран.

Старожилы, являвшиеся свидетелями кровавого подавления восстания, с неподдельным ужасом рассказывали об изощренных пытках, вандализме полиции и с уважением отзывались о стойкости народа.

3. Некоторые итоги и уроки

Останавливаюсь лишь на тех вопросах, связанных с движением 1919 г., которые, по-моему, требуют уточнений и некоторого изменения в оценках.

К ним относится и такой вопрос общего характера: правомерно ли считать, что подавление восстания силой оружия означало его поражение. Представляется неточным такое определение. Ведь значительны и его результаты. И дело не только в том, что Япония была вынуждена пойти на некоторые реформы, пусть временные, урезанные, но вызвавшие определенную либерализацию обстановки. Основной положительный итог — это поучительный опыт, обогативший последующий освободительный процесс, засвидетельствовавший высокий патриотизм народных масс, проверивший степень надежности и последовательности разных социальных слоев. При этом движение раскрыло не только внутреннюю ситуацию в колонии, расстановку и потен-

циал ее политических сил, но наглядно показало, кто истинный международный союзник корейского народа в его борьбе за независимость. «Таким союзником являлось и является Советское государство»,— говорили в своих выступлениях на митингах в Сеуле 1 марта 1946 г. многие корейские патриоты. «Начали мы это понимать во время восстания 27 лет назад. Убедились в этом сейчас, когда при решающей роли Советского Союза Корея обрела независимость»,— заявил на городском митинге Пак.

Многое удалось в этот день услышать и записать. Американские оккупационные власти, демонстрируя свое уважение к истории корейского народа, объявили 1 марта национальным праздником: знайте, мол, как мы поддерживаем ваше стремление к независимости. С самого утра народ заполонил улицы города. Особенно многолюдным было шествие на улице Чонно. Снова, как когда-то, идущие впереди старики несли большой национальный флаг, в руках демонстрантов было множество национальных флажков и транспарантов. Было торжественно. Казалось, календарь истории перевернулся почти на три десятилетия назад. Но вот возле парка «Пагода», где в 1919 г. зачитывалась Декларация независимости (мы с мужем стояли неподалеку, в переулке), что-то произошло. Раздались крики, кого-то тащили. Лишь на следующий день узнали о случившемся от завсегдатаев консульского парка и кратко из газет («Хэбан ильбо», «Чосон инминбо», а также «Чунан синмун»). Произошло обычное в то время столкновение правых и левых сил. Каждая из них пыталась взять историю себе в союзницы. Спорили много, и не столько о прошлом, сколько о будущем. Куда идти Корее? Чему учит опыт 1919 г.? Многие отвечали на эти вопросы однозначно: идти к созданию независимого демократического государства, где господствовали бы идеи справедливости, идти в союзе с освободителем Кореи — Советским государством. Правые резко возражали. Вместе с американскими оккупационными властями они усиливали в это время наступление на демократический фронт Юга, изыскивали меры, предотвращающие создание революционного подполья. А оно снова постепенно набирало силу. В Южной Корее вновь обнажились разные внешнеполитические ориентации. Об этом говорилось и в распространявшихся 1 марта 1946 г. листовках. Обращаясь к правым, они гласили: «Много среди вас тех, кто 27 лет назад трусливо отошел от борьбы за независимость, смирился с японским господством, а теперь готов служить новым хозяевам — американцам». Это краткая выдержка из большой прокламации «Обращение к народу», подготовленной и распространенной по городу студентами одного из колледжей. Но среди учащихся тоже не было единодушия. Листовки другого содержания подготовили и правые группы колледжа. Спор перешел в драку. Американские солдаты взирали на происходящее 1 марта 1946 г. молча, выжидающе.

А в Пхеньяне в тот день сотни тысяч корейцев вышли на улицы, чтобы отметить 27-ю годовщину мартовского выступления. Неожиданно из толпы вырвалась и полетела в трибуну граната, брошенная чьей-то преступной рукой. Беда казалась неминуемой. Однако стоявший на нижней площадке трибуны младший лейтенант Советской Армии Я. Т. Новиченко перехватил гранату, заслоняя людей своим телом. Он лишился руки, но люди были спасены [12].

Это стало известно в Южной Корее. Обросло легендами. Поэт Лим Хва написал стихи «Символический март», посвященные происшедшему в Пхеньяне. Читал их нам. К сожалению, текста не записала. Смысл их был таков: подвиг советского воина — символ подвига советского народа, освободившего Корею. Будем же следовать его идеям! Навеки сохраним, передавая из поколения в поколение, нашу благодарность и верную дружбу!

Говорили, что стихотворение Лим Хва напечатала одна из левых газет Сеула.

Но вернемся в 1919 г. В то время иллюзии в отношении Америки были сильны у многих националистов. Это наглядно проявилось в деятельности созданного в апреле того же года на территории Шанхая временного корейского правительства. Характеризуя его роль, хотелось бы снять налеты догматизма, содержавшиеся в прежних работах. Ранее автор исходил из того, во что превратилось правительство, кем стали многие его руководители. Иными словами, нарушался принцип историзма, конкретно-исторического подхода. Фактически был обойден анализ того, что представляло собой правительство в период создания, как отразило соотношение сил корейского общества, национальное и социальное самосознание масс, во что призвано было превратиться, но не смогло. Все эти вопросы связаны с задачами единого фронта антиколониальных сил. Не исключено, что терпеливое проведение революционерами тактики такого фронта, совместные освободительные выступления, а не отсечение правительства от лагеря революции, не ярлык антинародного были способны удержать от политического падения многих его деятелей, повлиять на политику правительства.

После освобождения Кореи о временном правительстве говорили разное. Одни с радостью воспринимали его приезд в Южную Корею, другие — клеймили, называли предательским. Казалось, что приводится убедительная аргументация и теми и другими. Видимо, следует подробнее остановиться на документах, в первую очередь на конституции, принятой правительством. Она гласила, что корейское народное государство «Тэхан мингук» является демократической республикой, управляется временным правительством на основе решений временного парламента, что люди, населяющие народное государство «Тэхан мингук», мужчины и женщины, независимо от сословия и классов, богатые и бедные — все равны, что они обладают свобода-

ми: вероисповедания, слова, авторского права, печати, организаций, собраний, совести, места жительства, передвижения, личности и собственности. Конституция фиксировала их право выбирать и быть избранными, обязанности — вносить налоги, отбывать воинскую повинность и учиться. «Народное государство „Тэхан мингук“,— говорилось в документе,— создается по божьему велению и вступает в Лигу Наций для того, чтобы внести свой вклад в мировую сокровищницу культуры и служить делу мира»[13].

Особой статьей отмечалось, что «Тэхан мингук» великодушно относится к старой корейской императорской фамилии, что полностью отменяется система смертной казни, телесного наказания, что временное правительство после возрождения государства (т. е. освобождения страны) в течение года созывает национальное собрание.

Далее стоит дата: 11 апреля 1919 г.— год основания народного государства «Тэхан мингук»— и следуют подписи: председатель временного парламента Ли Доннён, премьер-министр временного правительства Ли Сын Ман, министр внутренних дел Ан Чханхо, министр иностранных дел Ким Гюсик, министр юстиции Ли Сиён, министр финансов Цой Джэхён, военный министр Ли Донхви, министр связи Мун Чанбом.

В главе I конституции говорилось, что народное государство «Тэхан мингук» создано корейским народом и власть в нем принадлежит народу, что законодательные функции возложены на парламент, исполнительные — на государственный совет, судебные — на суд. Далее конкретизируются права и обязанности временного президента; говорится, что им может быть каждый кореец, не ограниченный в гражданских правах, в возрасте свыше 40 лет. Членом временного парламента каждый в возрасте от 25 лет, обязательно имеющий среднее образование[14].

Документ содержит и текст клятвы, которую дает временный президент при избрании его на этот пост. «Я даю настоящую присягу (клятву) всему народу в том, что буду честно выполнять обязанности... добиваться полной независимости народного государства... действовать во имя прогресса „Тэхан мингук“». Еще раз подчеркивалось, что конституция будет действовать и после освобождения от колониализма.

О чем же говорит этот документ? Почему его необходимо знать и объективно оценивать? Это важно для понимания освободительного движения в Корее, а в определенной мере, с поправками на время и местные условия, для анализа ситуации и в других странах, где существуют эмигрантские правительства.

В первую очередь, как уже говорилось, такой анализ нужен для установления правдивой картины событий 1919 г., его результатов и для исследования проблемы единого фронта в антиимпериалистической освободительной борьбе. «Создание эмигрантского правительства было воспринято нами как победа

народа, с радостью и ликованием,— говорили после освобождения участники восстания 1919 г.,— мы ведь не знали, куда придут впоследствии многие его деятели».

Для своего времени это была победа. Конституция, которая быстро стала известна в стране, привлекала своим демократическим содержанием. Она базировалась на буржуазной демократии, но ведь и задачи, стоящие перед народом, были в первую очередь национально-освободительными, общедемократическими. Документ декларировал их и объединял интересы разноклассовых сил. В этом смысле можно говорить о зачатках в нем идей единого фронта, к созданию которого стремились и первые корейские коммунисты, и патриоты-националисты. Не случайно коммунист Ли Донхви был избран на пост министра, не случайно он согласился им стать и прибыл в Шанхай. Но временное правительство не смогло превратиться в центр единого общенационального фронта и из-за недостаточной зрелости и опытности революционеров, и из-за позиций буржуазных националистов. Их разделяли в то время не столько внутренние противоречия, сколько международные ориентации (хотя они и взаимосвязаны). Вопрос, на кого опираться, кто может стать надежным союзником корейского народа в его борьбе за независимость, стал главным барьером, отделяющим революционеров от буржуазно-националистических деятелей.

На судьбы несостоявшегося единого фронта серьезно воздействовали тенденции левизны в международном революционном движении. От левизны, забегания вперед не было свободно и левое крыло во временном правительстве, что снижало возможности его влияния в среде патриотов-националистов. «В эмиграции, как и в стране, наиболее дальновидные деятели понимали или интуитивно, каждой клеткой, каждым нервом ощущали, что нашей опорой может быть Советская Россия. Но мы не смогли противодействовать большинству в правительстве и группировавшимся вокруг него силам, которые ориентировались на вильсоновские принципы, на Парижскую мирную конференцию»,— рассказывали позднее работавшие в Шанхае коммунисты. Материалы такую оценку подтверждают. В этой связи уместно привести обращение к Парижской мирной конференции. Его направили в Версаль Молодежная партия Кореи и временное правительство. Подписал обращение Ким Гюсик. Называлось оно длинно: Петиция корейского народа и государства об уничтожении мирной конференцией договора 1910 г. об аннексии Японией Кореи и об освобождении Кореи от японского господства и воссоздании независимого корейского государства.

В обращении говорилось, что существование Кореи как самостоятельного государства признавалось Японией, США, Великобританией и другими державами в соответствующих мирных и торговых договорах, заключенных с корейским правительством. Называются эти договоры, подчеркивается, что они устанавливали корейскую независимость на основе международных

законов и официального признания, которые ни одна держава не могла нарушить... Но Япония, действуя обманом и силой, заставила в 1910 г. корейского императора подписать договор о передаче Японии всех прав суверенитета Кореи. В обращении подчеркивалось, что корейский народ энергично протестовал и протестует против превращения его страны в японскую колонию, что этот протест с каждым днем усиливается из-за безжалостных методов, применяемых Японией, которая пытается уничтожить «великие корни патриотизма — любовь к земле, язык народа, историю нации, взять под свой контроль образование, богатства страны», превратить ее в японскую провинцию. Особо отмечалось, что Япония всячески пытается помешать христианской миссионерской деятельности. «Японцы управляют Кореей методами нации-хозяина или, точнее, нации-ростовщика. ...О домашнем скоте и рабах, как известно, заботятся, чтобы извлечь из них пользу для хозяев, жизнь же корейского народа не тревожит Японию»,— говорилось в обращении. Оно отмечало, что интересы других держав на Тихом океане требуют ликвидации аннексии Кореи, что Япония постепенно вытесняет западного коммерсанта и купца, усиленно применяет попытки исключить западное влияние в Азии. При этом обращалось особое внимание на жизненные интересы Франции, Великобритании и США, на усиливающееся подчинение Японией Китая с его неисчислимыми ресурсами.

Большая часть обращения посвящена движению за независимость корейского народа, демонстрации 1 марта 1919 г. Приводятся сведения, полученные корейской делегацией от Молодежной партии, Корейского союза национальной независимости и других организаций, возникших в процессе провозглашения независимости, о ходе национального движения, о составе временного правительства. Документ раскрывает картину жестоких репрессий Японии в отношении корейских патриотов. Сведения эти подкрепляются сообщениями прессы.

Заканчивается обращение требованием аннулировать незаконный договор об аннексии Кореи, существовавшей в качестве самостоятельного суверенного государства в течение более четырех тысяч лет.

Настоящая мирная конференция, говорится в нем, собирается для того, чтобы обеспечить урегулирование дел наций согласно принципам, выраженным в 14 пунктах президента Вильсона. «Принципы эти определены президентом в его послании Конгрессу 8 января 1918 г., и как принципы справедливости по отношению ко всем народам и национальностям устанавливают их право жить в равных условиях свободы и безопасности друг с другом, независимо от того, являются ли они сильными или слабыми... Япония приняла четырнадцать пунктов с их основными принципами справедливости. Поскольку эти принципы явно нарушаются ею, право и долг мирной конференции объявить об аннулировании договора об аннексии»[15].

Как известно, когда корейские посланцы с трудом добрались до Версаля, им было заявлено, что принципы самоопределения народов, провозглашенные Вильсоном, относятся лишь к угнетенным нациям Европы, что державы не могут обсуждать корейский вопрос.

Не касаясь целей вильсоновских принципов, хотелось бы обратить внимание на суть обращения корейских посланцев к Парижской конференции. Вряд ли можно из-за их слепой, неоправданной веры в спасительную роль Версаля и помощь США отрицать патриотический характер этого документа. И вряд ли различия внешнеполитических ориентаций исключали возможность единства действий корейских национальных сил в защиту независимости.

Опускаю многие вопросы, связанные с восстанием 1919 г., в частности такой важный, как движение солидарности с борьбой корейского народа, развернувшееся в Советской России. Об этом написано немало и советскими авторами, и в свое время учеными КНДР.

Хотелось бы отметить лишь трактовку событий 1919 г. некоторыми корейскими историками сразу после освобождения, которые утверждали, что в стране в то время сложилась революционная ситуация, но не созрел субъективный фактор и поэтому восстание захлебнулось в крови[16]. Если иметь в виду национальное освобождение страны, то возможности, конечно, были неравны: Япония сильна, Корея безоружна и помощи ей ждать тогда было неоткуда. Тем более не было условий для социальной революции. Созреванию этих условий, как и субъективного фактора, предстоял долгий и мучительный путь. Бесспорно лишь то, что Октябрь открывал ему будущее.

Рассуждения корейских коллег (вероятно, они отказались от своего тезиса) были связаны с недооценкой реалий, с забеганием вперед.

Глава 6

КОММУНИСТЫ КОРЕИ И НАРОДНЫЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ

1. Корейское коммунистическое движение в зарубежных центрах и в стране. Создание Компартии Кореи

Живя в Сеуле, больше всего хотелось узнать о коммунистах Кореи. Кто они? Как удается им в жесточайших условиях колониальной Кореи хоть как-то действовать? В коминтерновских изданиях и советской периодике 20-х годов о них много писали. На первый взгляд складывалось впечатление, что их нет, они истреблены. А видеть приходилось, и довольно часто, лишь боль-

шие группы арестованных в корзинообразных колпаках на голове и полосатых рубищах, которых мимо посольства стража вела в тюрьму. Думалось, что именно тогда, и только тогда я видела коммунистов. О глубоком подполье, где они продолжали действовать, не знала. О том, что коммунистами были часовщик и портной, весьма холодно и недружелюбно нас встречавшие, фотограф, продавцы книжных магазинов, демонстративно отказывавшиеся показывать лежащую на прилавке книгу, а то и открыто выпроваживавшие нас, узнали после освобождения. Тогда довелось мне увидеть коммунистов не только живых, но и полуживых: их выводили или выносили из тюрьмы Содэмун (17 августа 1945 г.). Об этом писала в книге «Южная Корея. 1945—1946».

Выступления коммунистов не раз слушали на митингах и собраниях, особенно в августе—сентябре 1945 г. (позднее их работа усложнилась). С некоторыми посчастливилось познакомиться, и их воспоминания записала. Говоря о процессе формирования субъективного фактора корейской революции, часто прибегаю к этим записям.

Коммунистическое движение в Корее, его развитие, успехи, просчеты, потери и уроки стараюсь оценивать современными мерками, но с учетом того времени, принципов историзма. Конечно, опыт коммунистов послеоктябрьских лет не может механически сопоставляться с коммунистическим движением после войны и после крушения колониальной системы империализма или тем более на современном этапе мировой истории. Но при всем огромном различии временны́х и иных условий представляется, что процессу этому на Востоке, в колониальных и зависимых странах присуща общая специфика, подтвержденная и опытом Кореи. Там основной социальной базой коммунистического движения, возникшего в недрах национально-освободительной борьбы, особенно на его начальном этапе, являлся не рабочий класс, а национал-революционная интеллигенция. И первые шаги коммунистов предшествовали превращению малочисленного и слабого пролетариата колониальной Кореи в «класс для себя», его выступлению на политической арене в качестве организованной самостоятельной силы. Сначала происходило соединение идей социализма не с рабочей, а с национально-освободительной борьбой. Лишь с 30-х годов постепенно создавалась адекватная коммунистическому движению социальная база. Процесс этот происходил очень трудно, отягощаясь устойчивым национализмом в идеологии, революционаризмом, левизной в стратегии и тактике, групповой борьбой в коммунистических рядах, другими недугами.

Чисто корейскую специфику порождала также прямая и полная зависимость страны от Японии, которая не только силой полицейского террора порабощала и грабила ее, но, как уже говорилось, интенсивно использовала изощренную систему разложения и разобщения национальных сил.

Свой отпечаток наложила на зарождение и развитие корейского коммунистического движения предшествующая борьба патриотов против установления японского господства, вылившаяся в действия Армии справедливости (Ыйбён) и культурно-просветительское движение. Коротко напомню лишь о том, что левое радикальное крыло этих двух потоков борьбы, тянувшееся к идеям социализма, искало в них путь спасения независимости своей родины. Пока только этого. Что касается его социальной программы, то в ней преобладали чисто утопические черты. И тем не менее предмарксистская стадия играла свою роль в приближении к социалистическим идеалам корейских революционеров. Характерен даже самый факт провозглашения в 1907 г. Корейской социалистической партии (Хансалим)[1]. При этом общенародный характер сопротивления захвату страны способствовал интенсивному росту национального самосознания, а оно, в свою очередь, подготовке почвы для формирования социального самосознания трудящихся и приобщения наиболее передовых групп корейской демократии к социальной программе марксизма. То был важный шаг к ней предмарксистского поколения революционеров. Вместе с тем, рождая первую плеяду корейских коммунистов, это поколение оставило им в наследство немало «родимых пятен», проявившихся в дальнейшем ощутимо и болезненно.

После народного восстания 1919 г. почва в Корее для коммунистического движения становилась все более благоприятной (хотя «сорняков» в ней было немало). Вместе с тем первые организации коммунистов возникли за рубежом[2]. Почему? Только ли из-за условий террора? Факты свидетельствуют, что террор был главной, но не единственной причиной эмигрантского периода корейского коммунистического движения. Социально-экономическая и культурная отсталость страны, низкий уровень сознания, отягощенного традиционалистскими чертами,— все это рождало многие трудности и необходимость промежуточного, как бы подготовительного этапа, задачи которого могли решаться лишь за пределами досягаемости колониальных властей. Разумеется, в современных условиях вопрос о таких зарубежных базах стоит по-иному.

Российская база в послеоктябрьские годы приобрела принципиально новый характер для революционеров других стран. Важнейшей стала она и для первых корейских коммунистов, которые получали помощь со стороны большевистской партии, в первую очередь в области формирования кадров, вооруженных знаниями основ марксизма-ленинизма, опытом революции. Главное — большевики учили их пониманию неделимости национальных и интернациональных задач, притом не только теоретически, но и на практике — совместной борьбой против японских и иных интервентов. С образованием Коминтерна партия большевиков — его ведущая секция — продолжала оставаться главной опорой корейского коммунистического движения.

Вместе с тем зарубежному центру в России, при его огромной и приоритетной роли, были присущи и серьезные негативные черты. Корейские коммунисты, члены РКП(б), нередко механически переносили на корейскую почву стратегию и программу большевиков, недоучитывали различие условий в предреволюционной России и Корее. Вместе с тем они, как и коммунисты России, допускали левачество, догматизм, выдвигали задачи немедленной социалистической революции. Эти перекосы были связаны с веяниями времени, и преодолевались они коммунистами разных стран с помощью предостережений Ленина, который, подчеркивая важность творческого овладения опытом большевиков, предупреждал о недопустимости его абсолютизации, шаблонного применения, как и об опасности забегания вперед.

Иным был зарубежный центр корейских коммунистов в Шанхае. Его формированию также способствовали традиции предшествующей освободительной борьбы, наличие в Китае значительной корейской эмиграции, ряды которой заметно пополнились после восстания 1919 г. Приехавшие из России корейские коммунисты (Ли Донхви и др.) составили небольшое ядро шанхайского центра, который оказался социально пестрым и неустойчивым, организационно рыхлым, хотя численно довольно значительным. Характерная особенность этого центра, с одной стороны,— сильное влияние китайского революционного движения, с другой — тесное сплетение коммунистических и буржуазно-националистических сил и их идеологических воззрений. Шанхайская компартия содержала в потенции черты организации единого фронта, что могло бы считаться оправданным, если бы коммунисты обеспечили в ней свою авангардную роль. На деле же не всегда сохранялась даже их самостоятельность.

Складывался численно небольшой, но весьма динамичный, оперативный зарубежный центр корейского коммунистического движения и в Японии. Его составляли обучавшиеся там студенты-корейцы. Тесно связанные со страной, они вели пропаганду революционных идей и вместе с тем переносили в корейское коммунистическое движение многие ошибки японских коммунистов.

Создание нескольких зарубежных «операционных баз», вызванное объективными условиями, породило немалое своеобразие в развитии корейского коммунистического движения и негативно повлияло на сплоченность его рядов.

В 1921 г. корейские коммунистические организации в Советской России (Иркутск) и Китае (Шанхай) укрупняются. Создание иркутской Компартии как раз и воплотило в себе принципиально новые, неизведанные ранее характер и возможности зарубежной «операционной базы», действующей в Советском государстве.

Основавший Компартию Иркутский учредительный съезд стал значительным событием в корейском коммунистическом

движении, хотя в его документах содержались сектантско-левацкие черты и догматизм.

Партия строилась на ленинских организационных принципах. Корейские коммунисты имели возможность широко использовать опыт построения и деятельности РКП(б), не говоря уже о повседневной помощи, которую они получали от Коминтерна и организаций Российской коммунистической партии, членами которой являлись. Хотя по своему значению и составу представителей Иркутский съезд правомерно считать общекорейским, партия, которую он создал, общекорейской стать не смогла. В первую очередь этому мешала борьба между нею и социалистической, а затем шанхайской партией.

Несмотря на усилия Коминтерна и его органов преодолеть групповую борьбу, последняя после укрупнения эмигрантских центров еще более обострилась. Этому способствовали претензии партий на лидерство, соображения финансового характера; продолжали играть свою роль традиционные истоки групповщины. Но действовали и иные факторы: корейские коммунисты в России, идейное формирование которых проходило в горниле классовых сражений, недостаточно учитывали сложность ситуации в шанхайской партии [3].

Вместо помощи, остро необходимой «шанхайцам», «иркутяне» развернули против них борьбу.

Одновременно «шанхайцы», тесно связанные с национальным движением в стране, с националистическими силами, видели в «иркутянах» главным образом российских, а не корейских коммунистов, не понимая роли их пребывания в РКП(б), как и вообще значения российского центра для корейской революционной борьбы.

При этом борющиеся между собой зарубежные корейские организации в России, Китае, Японии выступали за генеральную линию Коминтерна, мирового коммунистического движения, пропагандировали в массах его принципы и решения.

Зарубежные центры стимулировали освободительное движение в Корее, помогали формированию предпосылок для создания в стране коммунистических групп.

И с начала 20-х годов они стали возникать, складываясь внутри национально-патриотических организаций. Это происходило в период реформ, так называемой эры культурного управления, отразившейся и на позициях национальных сил, и на условиях освободительного движения. Если правое крыло формировавшегося национал-реформистского лагеря и частично средние буржуа восприняли реформы как путь к независимости через автономию, как изменение существа колониальной политики Японии, то левые радикальные группы, состоявшие преимущественно из мелкобуржуазных интеллигентов, все настойчивее тянулись к коммунистам. Условия некоторой, хотя и временной, либерализации режима этому содействовали.

Но «перелив» сил из буржуазно-патриотического лагеря в

революционный и появлявшиеся легальные издания о теории и практике социализма, свидетельствуя о сдвигах в общественном сознании, имели и отрицательные последствия, вели к усилению националистических веяний в зарождающемся коммунистическом движении.

Вместе с тем социальный состав коммунистических групп и кружков, их разобщенность, неспособность руководства обеспечить дисциплину создавали почву для борьбы между ними. Следует отметить и такое обстоятельство: развернувшийся в стране процесс создания многочисленных объединений, выражавший тягу масс к организованности, но неуправляемый, облегчал, с одной стороны, приход к руководству этими объединениями правых сил, а с другой — разжигал распри между коммунистическими группами, каждая из которых пыталась установить в этих организациях свое влияние.

Колониальные власти, кровно заинтересованные в том, чтобы между коммунистами не было единства, поощряли и активно инспирировали групповую борьбу.

Продолжая уделять большое внимание оздоровлению обстановки в корейском коммунистическом движении, ИККИ принял ряд мер (создание временного ЦК, созыв объединенного съезда партии и др.). Но, как можно судить по доступным нам материалам, то были преимущественно организационные меры. Порожденная же глубинными социальными, психологическими, историческими причинами борьба требовала многосторонней, терпеливой повседневной работы, установления диагноза и лечения болезней. Как мы видели, последние корнями уходили в традиционное местничество, в разделение на региональные, родственные, приятельские и иные кланы. Особенно это касалось движения непосредственно в Корее. Информация, поступавшая в ИККИ о реальном положении дел там, была неполной, нерегулярной и не всегда объективной. Одновременно коммунисты в Корее, куда постепенно перемещался центр их деятельности, недостаточно знали мировую ситуацию, а общие установки ИККИ, которые до них доходили, они далеко не всегда были способны творчески применять к конкретным местным условиям.

При всем этом создание коммунистических организаций в самой Корее имело большое значение для ее освободительного движения. Конечно, нельзя абстрагироваться от того, что на все его течения негативно влияла борьба зарубежных центров между собой и с комгруппами в стране. Эта борьба серьезно осложняла процесс развития корейского коммунистического движения, наносила ему существенный вред. Однако факты говорят, что именовать эту борьбу фракционной неправомерно.

Применительно к корейскому коммунистическому движению в рассматриваемое время, не имеющему единого центра, речь может идти об отношении его организаций к общей линии Коминтерна. Материалы свидетельствуют, что и зарубежные партии и внутрикорейские группы поддерживали линию Комин-

терна, не выступали против нее. Подавляющее большинство участников групповой борьбы были честными, преданными революционерами и в основном единомышленниками.

В целом 1918—1921 годы были кружковым и эмигрантским периодом, а 1921—1925-е — временем деятельности крупных эмигрантских партий и развития деятельности кружков в Корее. Вместе они составили этап зарождения корейского коммунистического движения. Подготовил ли он предпосылки для создания Компартии непосредственно в стране, имелись ли для этого там необходимые условия, не было ли ее появление преждевременным?

Рассматривать эти вопросы, так же как и другие, можно лишь с учетом тех существенных особенностей специфики, которые присущи коммунистическому движению в отсталых колониальных странах, и его неразрывного единства с интернациональными факторами. С последними связано и выяснение такого вопроса: почему корейская буржуазия, обладавшая несравненно большими возможностями, чем рабочий класс, не смогла создать своей партии. Ответ, как нам кажется, состоит в том, что у корейских революционных сил имелась международная опора, а у буржуазии ее не было. США, претендовавшие на эту роль, смогли создать свою агентуру, но не опору.

Немного фактов. В начале 20-х годов в Корее создаются коммунистические группы. В их числе самая влиятельная — Хваёхве («общество вторника»). Считается, что она так названа в честь дня рождения Карла Маркса. Тогда же корейские студенты в Токио основали Пукихунхве («общество северного ветра»). Действовала сеульская коммунистическая группа и некоторые другие. Вместе с тем революционеры-интеллигенты создали марксистские кружки. Как рассказывали наши собеседники, происходило это так: собиралось несколько человек, главным образом родственники, друзья или соседи; обсуждали вопросы о национальных отношениях в Советской России, о положении там корейцев, о задачах корейского освободительного движения. Возглавляли кружки наиболее образованные или старшие по возрасту участники. Читали вслух литературу, газетные и журнальные статьи, проникавшие в страну из России, Китая, Японии.

Немалая роль в распространении марксистской литературы, как и в организации кружков, принадлежала посланцам Коминтерна. «Особенно сильно нас взволновала,— вспоминал подпольщик-революционер Хан Вон,— беседа В. И. Ленина с Ли Донхви, та глубокая заинтересованность, которую проявил Ленин к нашему освободительному движению, к народу, к условиям деятельности корейских революционеров. Нас воодушевляла ленинская забота, его замечание, что, преследуемые империалистами, мы вынуждены скитаться по сопкам и лесам, что для нас нужно организовать международную помощь». Хан рассказывал о том, сколько усилий прилагали коммунисты, что-

бы беседа В. И. Ленина с Ли Донхви стала известна трудящимся, учащимся, разным группам патриотов. В ряде случаев она обрастала домыслами[4]. До Кореи дошла с большим опозданием.

В кружках читали отрывки из брошюр «Кто такой коммунист», «О партийной дисциплине и обязанностях членов партии», опубликованных на корейском языке в Иркутске. Оттуда же получали разными путями газеты «Восточная коммуна», «Красное знамя», из Благовещенска — «Новый мир», из Омска — «Утренний звон», из Токио — журналы «Свет Кореи», «Вперед», «Вестник масс», «Авангард». Все эти издания выходили нерегулярно, тем более не всегда попадали в Корею. Но роль их, как и литературы, поступавшей из Японии и Китая, в идейном росте первых коммунистов страны нельзя недооценивать.

В рассматриваемое время и легальная корейская печать, появившаяся в результате реформ 1919 г., публиковала статьи о социализме, об Октябрьской революции, о событиях в Советской России и особенно о жизни, учении и деятельности В. И. Ленина. Большое внимание и интерес широкой корейской общественности вызвала опубликованная в 52 номерах газеты «Тона ильбо» (3 июня — 31 августа 1921 г.) статья «Кто такой Николай Ленин», на основе которой в 1922 г. вышла книга «История русской революции и Ленин». Немало в ней было искажений, вульгаризации, но характеристика Октябрьской революции как великого обновления «по своей грандиозности неспособной уместиться в человеческом воображении», роль Ленина «в свершении и в спасении» революции, политика Советского правительства по национальному и крестьянскому вопросам — все это дано сильно, ярко, в ореоле революционного романтизма. Образ Ленина рисуется в статье (и книге) в преломлении сквозь призму корейского отношения к великим личностям, к вождям. Подчеркивалось, что он — отец народа, что он живет, мыслит и работает ради народа, болеет за его интересы, и поэтому миллионы людей готовы отдать за Ленина жизнь.

Публиковала легальная печать в те годы и другие статьи, выражавшие не просто интерес к социалистическому учению, но и явное стремление к нему[5]. Рубрика газеты «Тона ильбо» «О российском государстве» хотя и не всегда давала верную информацию, в целом играла позитивную роль. Часто и сильно искажались в легальных изданиях теоретические вопросы. Не говоря уже о том, что основное место отводилось статьям правых националистов, сторонников автономистского движения, создававших свои довольно многочисленные организации.

Материалы свидетельствуют, что на работу в «Тона ильбо», другие корейские газеты проникали революционеры, определенно влияя на их направленность. При этом особенно выделялась газета «Сидэ ильбо», возглавлявшаяся писателем-демократом Хон Мёнхи.

Левое крыло творческих работников активно участвовало в распространении социалистических идей, в создании союзов прогрессивной интеллигенции.

Вообще для первой половины 20-х годов было характерно возникновение множества организаций как общекорейских, так и местных. Напомню лишь о Корейском обществе рабочей взаимопомощи, Рабочем союзе Кореи, Рабоче-крестьянской федерации, Федерации корейской молодежи. С ними было в той или иной мере связано и массовое движение в стране, выступления трудящихся. В стачечной борьбе пролетариата в начале 20-х годов произошел временный спад. Число забастовок в 1921 г. более чем вдвое сократилось по сравнению с 1920 г. Но затем оно снова начало расти.

Одной из самых значительных в рассматриваемое время была всеобщая забастовка пусанских рабочих осенью 1921 г. с участием 5 тыс. человек (характерно, что учителя вечерней школы помогали формулировать их требования и входили в число организаторов забастовки). В 1923 г. прекратили работу более тысячи работниц чулочных фабрик Пхеньяна, 1700 текстильщиц Пусана, рабочие рисоочистительных фабрик Инчхона. В 1924 г. бастовали поддержанные портовиками пролетарии 20 рисоочистительных заводов Кунсана, сеульские печатники и железнодорожники. В начале 1925 г. прекратили работу трамвайщики Сеула, создав подпольный стачечный комитет, более тысячи работниц чулочных фабрик, печатники 20 типографий Пхеньяна. В их требованиях звучали наряду с основными экономическими и политические мотивы (о свободе слова и организаций и др.), росла солидарность, намечались и другие положительные сдвиги. Все это влияло на крестьянские выступления.

Около тысячи делегатов участвовали в съезде арендаторов в пров. Южная Кёнсан, созванном по инициативе Рабочего союза. Подобные съезды прошли и в других районах страны. С ними были связаны наиболее значительные выступления: в конце 1922 г. в уезде Синчхон (пров. Южная Хванхе), в 1923 г. в уезде Муан пров. Южная Чолла. В разных районах происходили арендные конфликты.

Продолжалась и борьба партизан[6]. Отряд Хон Бомдо и другие вели бои с японскими войсками. Вынужденные из-за преследований властей перебазироваться в Маньчжурию, Приморье, партизаны совершали оттуда рейды в страну. (В Южной и Северной Маньчжурии корейские националистические деятели создавали военные школы и пытались организовать объединенное командование. Но заметных успехов в этом не достигли.) Вообще же боевая деятельность националистических отрядов в нашей литературе освещена явно недостаточно.

Как мы видим, первая половина 20-х годов ознаменовалась в Корее существенными сдвигами в общественном сознании и освободительной борьбе революционных сил, что способствовало образованию Компартии в стране.

17 апреля 1925 г. на конспиративном собрании (часто именуемом съездом) руководителей коммунистических групп в составе 19 человек (кроме сеульской группировки, отказавшейся от объединения) было провозглашено создание Компартии Кореи (КПК). Обсуждался вопрос о задачах корейской революции. Ее охарактеризовали как национально-освободительную, антиимпериалистическую на ближайшем этапе. При этом подчеркивалась необходимость блокироваться со всеми патриотическими силами страны и добиваться авангардной роли коммунистов в борьбе. Был избран Центральный исполнительный комитет КПК. Секретарем его стал Ким Джэбон.

Как свидетельствуют факты, возможность создания Компартии непосредственно в стране была обусловлена массовым рабочим и крестьянским движением, антиимпериалистической деятельностью интеллигенции, в процессе которой крепло ее левое крыло. Немалую роль при этом сыграл эмигрантский период, особенно работа корейских коммунистов в российском зарубежном центре.

На начальном этапе партия насчитывала около 170—200 членов.

2. Июньская демонстрация. Зарницы единого фронта

Сказанное — лишь штрихи особой и сложной проблемы, касающейся возникновения и первых шагов корейского коммунистического движения. Не ставя своей задачей ее анализ, ограничусь воспоминаниями участников наиболее крупных выступлений, связанных с деятельностью КПК. В первую очередь к ним следует отнести знаменитую июньскую демонстрацию 1926 г. Мне повезло. В 1946 г. сеульские патриоты отмечали ее 20-летие довольно широко. Проводились собрания, митинги, на которых удавалось бывать. Готовили и проводили их как левые, так и правые, со своими подходами, трактовками и увязкой с современностью. Центром подготовки празднования стали главным образом учебные заведения.

То ли насыщенность острыми схватками между разными политическими группами Южной Кореи, каждая из которых пыталась использовать в своих целях события прошлого, то ли несовпадение сведений, содержащихся в многочисленных воспоминаниях участников, скорее и то и другое вместе, не позволили тогда понять суть и значение июньских событий. Подошла к этому позднее на базе новых данных. Из записей использовала в основном рассказы Ким Сикхана и Ли Сонока, наиболее полно изложивших ход демонстрации (многое отражено в советской корееведческой литературе).

Как же все было? Компартия Кореи в 1926 г. готовилась к проведению 1 Мая. Связалась с рабоче-крестьянскими органи-

зациями, провела несколько совещаний с их руководителями. Генерал-губернаторство дало разрешение провести маевку. Хотя период временной либерализации режима кончился, власти пока еще вели себя осторожно. Как раз в это время, 26 апреля 1926 г., умер бывший корейский император Ли Чхок, сын упоминавшегося Коджона, и под предлогом того, что нельзя отмечать праздники в дни траура, разрешение генерал-губернаторством было отменено. А чтобы подсластить пилюлю и предотвратить недовольство организаторов маевки и вообще возможные волнения, власти решили торжественно и пышно обставить похороны экс-императора Кореи. Руководство КПК разгадало этот маневр и перенесло демонстрацию на 10 июня — день похорон. В типографиях Чхондогё и других были отпечатаны прокламации и листовки, которые учащиеся (в их числе Ким Сикхан и Ли Сонок) разносили по домам.

По их рассказам, подкрепленным материалами и литературой, готовя демонстрацию, КПК вошла в соглашение с прогрессивными группами националистов, прежде всего с руководством Чхондогё, в то время представленным его левым крылом. Был создан по образцу движения 1919 г. объединенный центр, так называемый комитет действия. В нем активно участвовал комсомол. К блоку КПК, КСМК и Чхондогё примкнули и другие национальные организации. Религиозные общества объявили общественный траур и, используя его традиционные формы, образовали «лигу плача» и «лигу высокой печали». Перед дворцом, где лежало тело умершего экс-императора, как бы символизировавшего независимую Корею, ежедневно начиналась процедура общественного плача. В то время в Сеуле было много иногородних, приехавших на промышленную выставку, так что в этой процедуре участвовало около 400 тыс. человек (называются и другие цифры). «Конечно, и мы и японская полиция понимали, что люди оплакивают не умершего экс-императора, а свою тяжелую, подневольную жизнь,— говорил Ли.— Мы усиливали разъяснительную работу среди населения, а администрация вызвала из провинций дополнительные полицейские и воинские части».

В порту Инчхона стояли наготове четыре крейсера (якобы для отдачи почестей усопшему).

Подготовительная работа патриотов сильно осложнялась многими обстоятельствами. Во-первых, разногласиями в коммунистических рядах. Сеульская комгруппа выступала против проведения демонстрации, мотивируя это тем, что участие в похоронах императора, в какой бы форме оно ни проводилось,— проявление правого оппортунизма. Не было единства и у националистов. Часть из них выступала против блока с коммунистами. Давало о себе знать и отсутствие необходимой конспирации. Из-за этого полиции стало заранее известно о готовящемся выступлении. Она конфисковала множество воззваний, прокламаций, другой литературы. Была арестована большая груп-

па активистов «комитета действия», а также некоторые руководители массовых патриотических организаций. И все же коммунисты, комсомольцы и члены Чхондогё вместе с другими национальными объединениями сумели превратить похороны в крупное антиимпериалистическое выступление. Когда процессия в глубоком молчании двинулась по улицам Сеула, в разных местах тишину нарушили громкие лозунги: «Да здравствует независимость Кореи!», «Корея принадлежит корейцам!», «Долой японский империализм!». По рядам пошли листовки, их содержание было разноречивым. «Не с помощью Версаля или американского империализма, а собственными руками вместе с мировым пролетариатом добьется освобождения революционная Корея»,— говорилось в одних прокламациях. «Корея сама похоронит своего императора»,— гласили другие. Многие листовки призывали к развитию культурно-просветительского движения как важнейшего пути достижения независимости, пропагандировались идеи и догмы общества Чхондогё. Но в целом литература, распространявшаяся на демонстрации, по рассказам ее участников, призывала к усилению освободительной борьбы[7].

Одним из лозунгов демонстрантов был призыв к поддержке китайской революции, которая существенно влияла на общественную мысль и освободительную борьбу корейцев.

В стране знали, что немало корейских эмигрантов участвовали в революционных выступлениях китайского народа.

Ким Сикхан и другие рассказывали, что листовки и воззвания распространялись от имени не только организаций, но и отдельных деятелей, например Цой Рина, Ким Сонсу, других представителей национал-реформизма, от религиозных проповедников.

Во время митингов, которые вспыхивали 10 июня в разных районах Сеула, коммунисты, другие патриоты разъясняли собравшимся политику Советского государства, рассказывали о его помощи корейскому народу, о китайской революции, о необходимости объединения всех патриотических сил Кореи для достижения независимости. Полиция пыталась выявить коммунистов, других организаторов выступления, но народ их не выдавал, взяв под свою защиту. Тогда она применила оружие. И похоронная процессия, с самого начала превратившаяся в демонстрацию, стала перерастать в кровавую схватку патриотов с полицией и солдатами. Были арестованы многие коммунисты, комсомольцы, активисты Чхондогё. Потери оказались весьма ощутимыми. Но и успехи июньской демонстрации были значительными. Главный из них состоит в том, что она стала шагом на пути создания единого национального фронта, поворотом от разрозненности к единству действий патриотических сил.

В вопросе о том, почему КПК, взяв курс на блокирование с национал-патриотическими организациями, обратилась к Чхондогё, наши собеседники были единодушны: «Это общество пользовалось популярностью в самых широких слоях населе-

ния». Приводились такие данные: в 185—187 уездах Кореи активно действуют комитеты Чхондогё, число их членов (в 1926 г.) — более 300 тыс., а вместе с сочувствующими назывались и 2 и 3 млн. человек. Преобладали среди них крестьяне. Вместе с «неприкасаемыми» они составляли 90% членов Общества (в литературе материалы о численности Чхондогё тоже разноречивы).

Центром его левого крыла была Чхонудан (первоначально она именовалась Чхонендан). В ее уставе говорилось, что партия борется за царство небесное на земле, за духовное, национальное и социальное возрождение (по рассказам, возраст ее участников 17—19 лет). Ли, работавший в журнале «Синминган» («Новый человек»), издававшемся Чхонудан, утверждал, что издание придерживалось марксистских взглядов и старалось, насколько это было возможно, их пропагандировать.

Высоко отзывались наши собеседники о руководителе Чхонудан — Ким Дальхёне, преподавателе средней школы, участнике движения 1919 г. и других антиколониальных выступлений[8].

В рассматриваемое время внутри Общества происходил интенсивный процесс расслоения. Правые группы либо проводили раскольническую политику, либо откалывались от него. Но не их роль была определяющей. Лидировало левое крыло. И не без оснований утверждалось на сеульских собраниях 1946 г., что фактически все крупные освободительные выступления второй половины 20-х годов в той или иной мере связаны с Чхондогё, а также его контактами с коммунистами. Подчеркивалось при этом, что сам приход к руководству Обществом левых сил — результат активной деятельности в нем коммунистов, политики КПК.

Рассказывали, что тогдашние руководители Чхондогё поддерживали связи с Крестьянским интернационалом через Ли Хонсоля (Чон Иль), что некоторые из руководящих деятелей Общества обучались в КУТВе, что Компартия Кореи, опираясь на левых, стремилась сотрудничать с другими патриотическими группами Общества, с умеренными. Учитывалось их влияние в массах, хотя часть коммунистов возражала против этого. Политика КПК в отношении умеренных оказалась оправданной. Отсечение их вместо приобщения к борьбе было бы чревато потерями.

Характерно, что в Сеуле в дни празднования 20-летия июньской демонстрации развернулась жаркая полемика по вопросам курса КПК на единый фронт национальных сил. Уроки прошлого учат, что он необходим и в новых условиях, утверждала часть наиболее дальновидных деятелей. Другие яростно возражали. В том числе и некоторые коммунисты. К современности это неприменимо, заявляли они. Что касается демонстрации 1926 г., то большинство коммунистов считало: работа КПК в Чхондогё не только способствовала приходу к руководству им прогрессивных сил, но усилила влияние Компартии в широких массах,

сделала возможной проведение в качестве крупной акции единого антияпонского фронта июньскую демонстрацию. Она же, в свою очередь, показала массам, что в лице коммунистов они имеют надежную силу в освободительной борьбе.

Говорилось и о том, что демонстрация 1926 г. не распространилась за пределы столицы, что крестьянство в нее не включилось, несмотря на то что оно составляло основную социальную базу Чхондогё.

Правда, рассказывали об отголосках июньских событий в других районах страны. Даже на страницы газет проникали сообщения об этом. Так, «Чосон ильбо» 29 сентября 1926 г. писала: «В июле 1926 г. в уезде Аннак пров. Хванхэ арестованы учителя за то, что на шляпах учеников были прикреплены значки в виде ученического пера с обозначением по обеим сторонам серпа и молота. На вопрос, что обозначают эти значки, они ответили: выражение сочувствия Советской республике».

Происходили в 1926 г. отдельные выступления в колледжах и школах ряда городов.

Став одной из крупных вех в недолгой деятельности Компартии, демонстрация вместе с тем повлекла за собой немало новых жертв. Полиция применила карательные меры в первую очередь против коммунистов. Арестам подверглись и активисты Чхондогё, а также члены христианских и буддийских общин. Связывая выступления патриотов «с рукой Москвы», власти, как рассказывали наши собеседники и сообщала печать, усилили наблюдение за советским консульством. К зданию его стало опасно приближаться.

За событиями 1926 г. последовали судебные процессы.

13 сентября 1927 г. начался так называемый «процесс 101», официально именуемый «Дела корейских Компартии и комсомола». К ним были отнесены и коммунисты, арестованные в конце 1925 г. в Синыйджу.

И раньше читала в советской печати об этом и других процессах в Корее. Позднее познакомилась с некоторыми из тех, кого судили. «Несмотря на неслыханные пытки, которым нас подвергали,— рассказывал Пак Хенен,— мы старались держаться стойко и спокойно. Ведь на нас смотрела, нас слушала Корея. Мы это помнили все время и выдерживали невыносимое. Я был счастлив, несмотря на физические страдания, что получил право громко, во всеуслышание сказать, кто мы такие, коммунисты. И хотя на процесс власти допускали лишь избранных, мы не сомневались, что наши товарищи найдут способ ознакомить людей с тем, что на нем происходило»[9].

Печать опубликовала лишь небольшой фрагмент выступления Пака, рассказывающий, что суд фактически проходил закрыто. Говорил же Пак гораздо больше и о многом другом: «Не обращая внимания на окрики, предупреждения, требования замолчать, я сумел сказать, что наша цель — освобождение Кореи и установление справедливости, что нас не уничтожить, что

все больше корейцев начинают понимать необходимость борьбы за свободу и что они придут нам на смену».

В Сеуле и других городах проходили митинги с требованиями: «Открыть двери судебного помещения», «Предоставить свободу слова и организаций». В адрес японского правительства были направлены протесты.

Горячую солидарность с корейскими патриотами выразили советские люди, китайские и японские революционеры. В результате судебный процесс над коммунистами превратился в суд над колонизаторами, в одну из форм освободительной борьбы[10].

Несмотря на массовые аресты, Компартия продолжала действовать. Вскоре после июньской демонстрации она приняла свой первый программный документ — Манифест КПК, опубликованный в нелегальной печати[11]. В нем наряду с анализом ситуации в стране, расстановки социальных сил, ближайших политических задач, конкретных требований, касающихся рабочего класса, крестьянства, особое место отводилось проблеме единого фронта. Июньская демонстрация оценивалась как пробный камень на пути его создания. «Своей основной задачей в данный момент,— гласит документ,— коммунисты считают полное национальное освобождение Кореи, а для решения этой задачи необходимы создание из всех антиимпериалистических сил страны единого национально-революционного фронта и организация штурма вражеской крепости». Отмечая, что основной силой освободительной борьбы является рабочий класс и крестьянство, а затем городская мелкая буржуазия и интеллигенция, Манифест записал, что туземная буржуазия не может выступать в качестве гегемона революции, но что в своем большинстве она сохранила еще революционные потенции и потому может быть прямым союзником революционного авангарда.

Следует отметить, что в Манифесте, как и в других документах партии, обходились вопросы неразрывности национально-освободительной и антифеодальной борьбы, столь важные в условиях Кореи.

Аресты коммунистов и других патриотов продолжались, нанося удар по основному костяку партии. Им подверглись и руководители так называемого 2-го ЦК КПК, созданного после арестов в Синыйджу (в конце 1925 г.). Летом 1926 г. был создан 3-й ЦК (партия в это время насчитывала около 240 человек).

В конце 1926 г. в КПК влилась большая часть сеульской группы, которая учла, что в условиях ужесточившихся репрессий необходимо сплочение. Тогда же состоялся второй съезд КПК. Он обсудил вопрос о задачах освободительного движения, о создании национально-революционной партии в качестве организации единого фронта. Принято было решение реорганизовать Рабоче-крестьянскую федерацию, разделив ее на Рабочую и Крестьянскую (что и было в 1927 г. осуществлено).

Если численный состав партии сократился незначительно,

то существенные перемены произошли в руководстве. В него вошли деятели бывшей группы «Эмэль», возникшей в Японии. Секретарем ЦК стал Ан Гванчхон. Были заимствованы присущие в то время КПЯ ошибки. Проявлено непонимание корейских условий, неумение правильно сочетать первоочередные национально-освободительные задачи с социальными, что вело к просчетам и в других вопросах. Между группами, образовавшими партию, продолжалась борьба.

Исполком Коминтерна принимал меры к нормализации обстановки в корейском коммунистическом движении. Принята была (в апреле 1927 г.) резолюция Политсекретариата ИККИ по корейскому вопросу, где основное внимание уделялось двум аспектам: единому фронту в антиимпериалистической борьбе и единству в коммунистических рядах. Резолюция содержала конкретные предложения. Рассказывали, что с нею удалось ознакомить, главным образом индивидуально, многих коммунистов и сочувствующих им.

В мае 1927 г. по инициативе КПК было организовано Общество обновления (Синганхве), строившееся по типу общенациональной политической партии. В него вошли в порядке индивидуального членства участники различных патриотических организаций. При этом последние либо сворачивали свою деятельность, либо во имя единого фронта вовсе самораспускались. Это оказалось выгодно правым группам националистов, утверждавшим, что вообще следует распустить революционные организации, включая Компартию. Ослабленное руководство КПК не смогло ни противодействовать правым силам, ни обеспечить в Синганхве своей самостоятельности. Да и программа Общества была абстрактной, неопределенной. Она провозглашала скорейшее экономическое и политическое пробуждение народа, укрепление солидарности, отказ от всех видов оппортунизма [12].

Следует отметить, что после освобождения среди корейских патриотов и в корееведческой литературе не было, да и сейчас нет единства в оценке деятельности и значения Синганхве. Некоторые считают, что его роль была значительна и КПК представляла в нем самостоятельную политическую силу, что здоровым кадрам КПК и их союзникам (особо отмечалась роль Хо Хона и Хон Мёнхи) удалось немало сделать для того, чтобы донести до масс осознание необходимости единого фронта всех патриотических сил. До сих пор предметом полемики является вопрос о правомерности роспуска Синганхве в 1931 г., но об этом речь пойдет дальше.

В данном случае хотелось бы очень коротко напомнить о выступлениях пролетариев, крестьян, интеллигенции после июньской демонстрации.

Набирала силу борьба рабочих. В 1927 г. бастовали семь лесопильных предприятий Хамхына, рисоочистительной фабрики Кунсана, вермишелевой в Пхеньяне, 1300 грузчиков Вонсана, 300 строителей железной дороги Пхеньян—Вонсан, 700 текс-

тильщиков Тэгу. С 26 октября до 7 декабря длилась забастовка рабочих свинцовых рудников Ёнхына (пров. Южная Хамгён), возглавленная профсоюзом и вызвавшая движение солидарности на других предприятиях. Характерно, что к демонстрации, проведенной забастовщиками, присоединились учащиеся. Они же организовали материальную помощь семьям бастующих. Крупными были стачки металлистов в уезде Ёнхын, печатников и рабочих рисоочистительных предприятий Ири.

Важно отметить, что наряду с некоторым ростом числа выступлений постепенно усиливалась их организованность и целенаправленность. Реорганизация Рабоче-крестьянской федерации этому способствовала.

Притом и из печати, и из рассказов следует, что и вне федерации действовали рабочие союзы, исчисляемые сотнями.

В крестьянском движении также отмечались определенные сдвиги. В 1927 г. произошло 275 выступлений крестьян, из них 22 крупных, в том числе в уездах Пхочхон (пров. Кёнги), в Кимхе (пров. Южная Кёнсан), в Иксан (пров. Северная Чолла). Закончились они в уезде Окку (пров. Северная Чолла) нападением на полицейские посты в ответ на арест организаторов выступлений.

В целом представляется, что июньская демонстрация стимулировала массовую борьбу. Хотя требования трудящихся были преимущественно экономическими, в них пробивались антиколониальные черты. Репрессии, которыми сопровождалась демонстрация, вызвав отход части патриотов от движения, не запугали, а, наоборот, активизировали других. Немалая роль в этом принадлежала Компартии.

Заметно сказалась она в движении интеллигенции, в частности учащейся молодежи.

3. Молодежь в борьбе

После освобождения нам чаще всего приходилось беседовать со студентами. Тому было несколько причин: их коммуникабельность, заинтересованность происходящим, прилив радости, гордости, желание выговориться, а также знание ими английского, японского, а некоторыми и русского языка. Последние на митингах, собраниях часто и охотно выступали нашими переводчиками, порой друг друга перебивая, мешая слушать и записывать.

Образовалась группа студентов, регулярно приходивших на волейбольную площадку в консульский парк, «не поиграть в волейбол, а поговорить»,— поясняли они. Расспрашивали и сами рассказывали о событиях в Южной Корее, о прогнозах на будущее. Много и с интересом говорили об истории и культуре Кореи, о роли молодежи в освободительной борьбе. Казалось, они сильно завышают эту роль. Большинство были левыми, называли себя нашими друзьями (уверена, что искренне).

Мне важно было выяснить, как развивалось молодежное движение.

Более или менее ясная картина этого процесса раскрылась позднее из документов. Но и рассказы молодых друзей, о многом наслышанных от отцов и дедов, помогли ее представить.

В сентябре 1919 г. был организован Сеульский союз молодежи, программа которого провозглашала освобождение корейского народа и создание нового общества. Он насчитывал более 100 человек и положил начало сеульской коммунистической группе.

В тесной связи с эмигрантскими комсомольскими организациями России, Китая и Японии в стране возникало множество молодежных союзов. В начале 20-х годов они объединились в Федерацию корейской молодежи, очень разнородную по составу и политической направленности. Ее руководство проповедовало гармонию труда и капитала. Оно состояло из правых национал-реформистов, и в 1924 г. под нажимом рядовых членов организация была распущена. Вместо нее образовалась Общекорейская федерация, объединившая около 600 разных молодежных обществ. Рассказывали, что почти половина их находилась под влиянием комсомола. Его центральное бюро было создано еще в октябре 1921 г. (состав — Пак Хенен, Ли Гвар, Ким Хосин, от КИМа — Чо Хун).

Неясным оказался вопрос о времени создания комсомола Кореи (КСМК). Раньше в корееведческой литературе назывался 1925 г. Представляется возможным уточнить эту дату. Еще с начала 1924 г. ИККИМ развернул подготовку к созыву учредительного съезда КСМК. Была создана специальная Корейская комиссия КИМа (Далин — председатель, Цитович, Ким, Сагун, Тен У, Чо Хун и Цой Шену), и в марте 1924 г. состоялся первый учредительный съезд корейского комсомола. Таким образом, КСМК образовался раньше, чем Компартия Кореи, и действовал под непосредственным руководством КИМа.

Состоявшийся на следующий день после образования КПК в 1925 г. съезд КСМК был фактически вторым съездом. На нем присутствовали делегаты от 28 ячеек.

То обстоятельство, что комсомол в Корее возник раньше Компартии, а также весьма активное участие молодежи в освободительной борьбе укрепили авангардистские настроения в ее среде. Содействовали тому и организационная рыхлость коммунистических организаций, и молодежный возраст их состава. Нередко одни и те же лица выступали как руководители и КПК и комсомола. Следует сказать, что многие наши собеседники-студенты весьма темпераментно и категорично говорили о решающей роли корейской молодежи в освободительной борьбе. При этом неизменно назывались события в Кванджу в конце 20-х годов. Они освещены в работах историков КНДР, СССР, других стран. Попытаюсь, несколько нарушая хронологию повествования, передать рассказы непосредственных участ-

ников происшедшего. Неоднократно упоминавшийся Ким Гюён, Пак, Лим, преподаватели сеульских колледжей Ван, Чхве, Нам — всех не перечислить,— а также студенты, которые приводили воспоминания дедов, отцов, учителей, рисовали такую картину. После движения 1919 г. в среде студентов и старшеклассников, как и во всем корейском обществе, усилился процесс дифференциации сил. Часть молодежи пошла за национал-реформистами, выступая за автономию, за культурно-просветительскую деятельность как основной путь достижения независимости. Другая же часть (собеседники утверждали, что бóльшая) со всем задором молодости и нетерпения включалась в революционную борьбу. «Мы искали ответа на вопрос, как сделать нашу родину независимой и свободной, читали литературу, разъясняющую учение Маркса и Ленина, всем сердцем и помыслами тянулись к вашей стране»,— говорил Лим Хва.

В памяти отложились воспоминания Вана, преподавателя одного из сеульских колледжей. Я их тогда довольно подробно записала. Раньше он жил и учился в Кванджу. Студенческие забастовки, в частности в Сеуле в 1927 и 1928 гг., Ван связывал с непосредственным влиянием коммунистов. Учащиеся протестовали главным образом против ассимиляторской политики Японии. Они требовали восстановления законных прав корейского языка, национальной истории, замены преподавателей-японцев корейцами, отстранения полиции от дел образования. Выступление в Кванчжу отразило острое недовольство учащейся молодежи. Оно было особым, утверждал Ван, как и сам город, административный центр пров. Южная Чолла, ставший одним из культурных и революционных центров Кореи. Там в конце 20-х годов функционировали колледж, педагогический техникум, христианские школы, одна из них женская. Во всех этих учебных заведениях обучались корейцы. Кроме того, были сельскохозяйственное училище, в котором учились и японцы, и средняя женская японская школа.

Учащиеся жили как в городе, так и в окрестностях (от двух до пяти часов езды специальным поездом), на пути находилась станция Наджу.

И вот на этой станции в поезде, следовавшем в Кванджу, 30 октября 1929 г. учащиеся-японцы оскорбили корейскую девушку, рассказывал присутствовавший при этом Ван. Брат девушки, который сидел с нею рядом, возмутился и потребовал от обидчиков извинения. Пассажиры-учащиеся его дружно поддержали. Но вместо извинения японцы закричали: «Наглые корейские глаза!» (вы, мол, не смеéте видеть, чего не надо). Началась перебранка. «Корейцы не люди, а скоты,— вопили хулиганы,— они обязаны покорно служить нашей нации, а не обижаться». «Ругань переросла в драку, во время которой,— говорил Ван,— мы доказали, что корейцы — не скоты, а люди, причем умеющие за себя постоять». После драки в Наджу, а также на станции Сонджон крупные волнения начались 3 ноября

в Кванджу. В них участвовали и девушки, и многие взрослые местные жители. Прибыла полиция, задержавшая участников драки. Но японцы тут же были освобождены, а корейских школьников, в том числе и девушек, связали, как скотину, и отправили в тюрьму. Тогда группа учащихся собралась перед полицейским управлением Кванджу и потребовала освобождения арестованных. Но их самих тут же бросили в тюрьму, рассказывал Ван[13]. А в городе движение молодежи приобретало политический характер. С лозунгами «Долой японский империализм, освободим корейскую нацию» шли колонны по городу. Кто-то предложил, и его тут же поддержали, потребовать от редакции газеты «Косю ниппо», неправильно осветившей события и изобразившей виновниками скандала корейцев, извинения. В редакции ответили грубым отказом. Тогда несколько возмущенных ребят вывели из строя ротационные машины. Полиция неистовствовала. В городе было введено чрезвычайное положение. Власти, не довольствуясь тем, что в помощь ей послали японских резервистов и пожарные части, ввели в город войска. Арестовывали даже учеников начальных классов[14]. Но не успокаивалась и молодежь. Весть о волнениях в Кванджу распространилась по стране и вызвала движение солидарности. В нем участвовали многие родители школьников. 12 ноября молодые патриоты Кванджу снова провели демонстрацию. Такие же шествия состоялись и в других городах. Иногда они перерастали в схватки с полицией.

4 и 5 декабря около 10 тыс. молодых сеульцев, преимущественно студентов и старшеклассников, вышли на улицу не только с национальными флажками, но и с красными знаменами. «Мы тем самым,— говорил Ван,— заявляли о своей приверженности революционным идеям».

В январе 1930 г. провели демонстрации учащиеся Пхеньяна, Синыйджу, Кэсона, Хамхына, Пусана, других городов. Состоялись митинги, во время которых молодежь требовала освободить арестованных, наказать виновников насилия, радикально преобразовать систему образования. Но главным было требование национальной независимости страны. Важно отметить, что в этом выступлении активно участвовали многие педагоги, адвокаты, врачи, другие представители интеллигенции, ремесленники, торговцы, а также значительное число трудящихся.

О размахе движения солидарности с молодыми патриотами Кванджу говорят цифры: с ноября 1929 по апрель 1930 г. в нем участвовало около 60 тыс. учащихся из 200 колледжей и школ. Более 17 тыс. человек было арестовано. Состоялось 100 судебных процессов по делам «идеологических преступлений учащихся и педагогов»[15]. Власти стали проявлять особое внимание к студентам, рассказывал Ван, всяческими поблажками и посулами приближая к себе наименее устойчивые слои. В определенной мере это сработало. Часть учащихся отошла от освободительной борьбы.

Следя ныне в той мере, в какой это возможно, за событиями в политической жизни Южной Кореи, и особенно в ее традиционно «горячей точке» — Кванджу, за всплесками там демократизма, я сопоставляю их с прошлым. С тем, что сама видела в Сеуле после освобождения, что слышала от участников студенческих волнений конца 20-х — начала 30-х годов. Невольно думается: не сказывается ли сегодня наглядно преемственность поколений и их прогрессивных демократических начал, не от отцов ли и дедов передалась студентам эта страстная, благородная «драчливость», эта тяга к демократизации жизни, к свободе. В Корее, где так устойчивы традиции, прошлое не могло умереть.

4. Оружием слова

Серьезные процессы происходили со второй половины 20-х годов в среде творческой интеллигенции.

В 1925 г. была основана Корейская ассоциация пролетарского искусства (чаще она именуется в литературе ассоциацией пролетарских писателей — КАПИ)[16]. В нее входили такие крупные деятели культуры, как Ли Гиен, Хан Серья, Со Ен, Цой Сохе, Ким Сокчин, Ли Санхва, Ли Иксан, Лим Хва. Ассоциация издавала журналы: «Литературное творчество», «Коллектив», «Театр». При их издании использовался корейский алфавит (кунмун), более доступный для населения, чем иероглифическое письмо (ханмун) или смешанное.

Мне посчастливилось познакомиться с некоторыми деятелями КАПИ и частично записать их рассказы, точнее, размышления.

В 1927 г. съезд федерации, реорганизовав ее, принял новую программу, в основу которой положил статью В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература». В программе указывалось, что федерация ставит своей задачей борьбу за создание сознательного авангарда пролетариата, против феодальной и буржуазной идеологии и против варварского режима и деспотизма[17]. Филиалы организации были созданы в ряде городов Кореи и в Токио. В корейских нелегальных, а иногда и легальных изданиях публиковались произведения М. Горького.

Студенческие кружки под руководством пролетарской театральной группы «Искра» (филиал федерации) вопреки запрету властей поставили спектакли «Мать» и «На дне» Горького. Зрителей собиралось много, рассказывал в 1945 г. наш добрый знакомый Цой (Чхве), руководитель театральной труппы. Учащаяся молодежь буквально осаждала здание колледжа, где ставились спектакли. Цой вспоминал, как много усилий прилагали актеры-патриоты к сохранению своего национального театра. «Мы неизменно в своей работе ориентировались на искусство Страны Советов», — подчеркивал он.

В 1945 г. труппа «Искра» готовила в Сеуле постановку «Ревизора» Гоголя. По просьбе Цоя мы вместе с вице-консулом И. М. Константиновым бывали на репетициях. Спектакль состоялся 20 ноября 1945 г., зрителей было много. Воодушевленные успехом, актеры поставили «Мать» Горького. То было в декабре, когда обстановка в Южной Корее сильно накалилась. Представление сорвали американские военные. На следующий день сеульское радио сообщило, что коммунисты воспользовались спектаклем для распространения среди зрителей «вредной» литературы и портретов Ленина, Сталина и Горького. О том же писали и правые газеты.

В феврале 1946 г. мне удалось присутствовать на съезде корейских литераторов, состоявшемся в Сеуле.

Сохранила подробные записи, частично использованные в книге «Южная Корея. 1945—1946». В данном случае хотелось бы напомнить не о самом съезде, весьма неоднородном по составу и ориентациям участников, а о последующих встречах с некоторыми из них. Преимущественно то были революционно настроенные писатели, незабываемы их рассказы о положении творческой интеллигенции в колониальные годы. Преследования властей, рассматривавших КАПИ как филиал Компартии, боль за истребляемую национальную культуру, травля, нужда и при всем этом самоотверженная, неутомимая деятельность. Можно ли это переоценить? Вместе с тем обращают на себя внимание левацкие, сектантские черты, содержавшиеся в программном курсе федерации и во многих произведениях. В них выражались революционный романтизм и нетерпение творческой интеллигенции, желание быстрее, обходя обязательные этапы революции, ее первоочередные национально-освободительные задачи, строить новое, социалистическое общество. Раздумьями на этот счет делился впоследствии Лим Хва.

5. Недолгая жизнь Компартии

Как известно, в 1927—1928 гг. происходили постепенные, сопровождавшиеся борьбой мнений перемены в тактике мирового коммунистического движения, в том числе и по вопросам освободительной борьбы в угнетенных странах. Это отразилось и на III съезде Коммунистической партии Кореи в конце 1927 г. Его решения были неоднозначны. В них подчеркивалась необходимость активизации работы коммунистов на промышленных предприятиях, указывалось, что борьба с японским империализмом сможет усилиться лишь в том случае, если она будет направлена и против пережитков феодализма. Вместе с тем съезд предупреждал, что буржуазия и буржуазная интеллигенция ненадежные союзники и в решающий момент они изменят революции. При этом приводился печальный и поучительный пример гоминьдана Утверждая, что буржуазных националистов

следует использовать и при этом следить за всеми их маневрами, что на нынешнем этапе движения буржуазия ему еще не изменит, съезд записал в своих решениях: очередной фазой будет аграрная революция и тогда буржуазия и буржуазная интеллигенция совершат свой роковой поворот, переметнутся в лагерь империализма. Такой категоричный в отношении всей национальной буржуазии и интеллигенции прогноз отражал сектантские черты. И хотя съезд записал в своих решениях задачу консолидации всех национальных сил, она была обречена на провал, ибо левацкие, архиреволюционные веяния в корейском коммунистическом движении нарастали. Особенно после VI конгресса Коминтерна (1928 г.). В принятых по докладу О. В. Куусинена тезисах говорилось, что национальная буржуазия не имеет значения силы, борющейся против империализма. (В дальнейшем, на XX съезде КПСС, О. В. Куусинен признал, что такая оценка «носила определенный налет сектантства» [18].)

В разделе тезисов VI конгресса о Корее содержалось немало ценных рекомендаций, в частности: о теснейшем сочетании борьбы за национальную независимость с требованиями аграрной революции; о необходимости вести терпеливую работу среди трудящихся, охватываемых крупными религиозно-национальными организациями (Чхондогё и др.), но тезисы отражали и явную левизну. Коммунисты нацеливались на создание блока революционных элементов лишь под пролетарским коммунистическим руководством, критикуя при этом половинчатость и колебания мелкобуржуазных националистов и постоянно разоблачая их перед массами [19]. Это были нереальные задачи и фактический отход от политики единого антиимпериалистического фронта.

Вместе с тем на VI конгрессе КИ Компартия Кореи была одновременно и утверждена как его секция, и фактически распущена. Учитывая групповую борьбу в рядах корейских коммунистов, проявившуюся и в поведении прибывших на конгресс делегатов, конгресс решил не признавать ни одного из них. В декабре 1928 г. Политсекретариат ИККИ специально обсудил корейский вопрос и принял развернутые тезисы. Они отражали общие установки VI конгресса, утверждали, что национально-освободительное движение в Корее, как и в большинстве колоний, является не только антиимпериалистическим и антифеодальным, но в то же время теснейшим образом связывается с классовой борьбой пролетариата как против империалистов и феодалов, так и против национальной буржуазии. Основная ее масса оценивалась (особенно с учетом опыта китайской революции) в лучшем случае как национал-реформистская оппозиция японскому империализму. При этом отмечалась особая опасность ее мелкобуржуазной агентуры.

Это были не только дань сектантству, левизне, но и полное игнорирование корейских реалий. Ведь именно в это время усиливалось расслоение сил в лагере национал-реформизма, со-

провождаемое революционизированием многих мелкобуржуазных деятелей. Выдвинутый курс вел к потере коммунистами не только потенциальных союзников, но и попутчиков. В тезисах недоучитывались и процессы дифференциации в среде интеллигенции, и уроки июня.

Главной линией корейского коммунистического движения документ определял, с одной стороны, укрепление пролетарской революционной борьбы, ее полной самостоятельности. С другой стороны, утверждался курс на ее отмежевание от буржуазно-демократического движения и противоборство с ним.

Остановилась несколько подробнее на этом вопросе, так как в своих предыдущих работах я, как, впрочем, и другие советские корееведы, недооценивала ошибочность курса в отношении единого фронта.

Одновременно декабрьские тезисы давали ориентиры, организационную основу дальнейшей деятельности Компартии Кореи, точнее, ее воссоздания, ибо после VI конгресса Коминтерна КПК фактически прекратила свое существование в качестве единой организованной политической силы.

Советские исследователи в устных беседах неоднократно обращаются к вопросу, правомерен ли был фактический (юридического не было) роспуск КПК.

Представляется, что недолгая, всего трехлетняя, жизнь партии, ознаменованная определенными успехами освободительной борьбы в Корее, и вся последующая деятельность коммунистов отвечают на этот вопрос однозначно нет: не правомерен, не оправдан. Несмотря на сильную групповую борьбу, явившуюся главной причиной решения VI конгресса КИ о КПК, нет оснований именовать эту борьбу фракционной в период существования партии, как и ранее. То были распри групп, образовавших ее, но органически еще не слившихся, не овладевших принципами единой организации. Нельзя не учитывать специфику коммунистического движения в такой стране, как Корея, с его социальными изъянами и многими другими трудностями и особенностями. По принципиальным вопросам линия руководства КПК, в целом ориентирующаяся на курс Коминтерна, поддерживалась коммунистами. Элементы идейных разногласий, проявлявшиеся в групповой борьбе, правомерно отнести к неизбежной полемике. Они касались методов осуществления генеральной линии (понимаю, что исхожу из подходов сегодняшнего дня, а не того далекого времени). Каждая из групп именовала другие фракционными. Но в отношении кого и чего? Ведь у понятия «фракционность» есть научная нагрузка. Факты свидетельствуют, что КПК в целом следовала линии Коминтерна (далеко, правда, не безошибочной), стараясь применить ее к корейской действительности. Не все получалось, много было ошибок, просчетов, потерь. КПК остро нуждалась в помощи. И тут нельзя не согласиться с мнением О. В. Куусинена, что со стороны ИККИ она была недостаточной, что там слабо знали

о ситуации в стране[20]. Материалы это подтверждают. Групповщина, крайне болезненно отражавшаяся на коммунистическом движении, обнажила одновременно многие другие болевые точки его развития в отсталой, зажатой в полицейские тиски Корее, где власти не только использовали и поощряли, но и инспирировали разногласия между коммунистами. Групповщина нуждалась не только в суровом осуждении, но и в хорошо продуманных средствах ее ликвидации. Ведь подверженными ей оказались в массе своей честные, самоотверженные патриоты. Многие из них пришли в движение из национального лагеря, мелкобуржуазной среды, и их происхождение давало себя чувствовать. Это тоже диктовало необходимость и учета, и тщательного отбора форм помощи. Следует отметить и такой факт: по воспоминаниям корейских коммунистов, подтверждаемым другими материалами, в период существования КПК групповая борьба шла на убыль. Так правомерно ли было обрывать ее существование?

Убедительно отвечает на этот вопрос вся последующая деятельность коммунистов, проходившая в условиях отсутствия единой партии. Активная, мужественная. На смену бросаемым в тюрьмы приходили новые кадры. В стране образовалось немногочисленное, но мобильное революционное подполье.

Так, если смоделировать вариант сохранения единой организованной партии, напрашивается вывод: коммунистам легче было бы проводить свою архисложную работу, особенно в период войны. Сохранение партии способствовало бы и дальнейшему ослаблению групповщины.

Представляется, что фактический роспуск VI конгрессом Коминтерна КПК является данью левизне, революционной нетерпимости, сектантству. Одновременно он незаслуженно опорочил славную когорту во многом ошибавшихся, но преданных революции борцов. На них легло клеймо фракционеров, которое, помоему, обязательно должно быть смыто.

Как свидетельствуют, в частности, события в Кванджу, о которых речь шла выше, и после роспуска КПК влияние коммунистов продолжало сказываться на борьбе студенческой молодежи, других слоев интеллигенции. Проявлялось оно и в выступлениях рабочего класса и крестьянства. Но важно в этом влиянии, в отличие от наших прежних трактовок, вычленить и некоторые негативные черты. Это нужно и для восстановления исторической правды, и для того чтобы подобные негативные явления никогда и нигде не повторялись.

В 20-х — первой половине 30-х годов национально-освободительное движение и классовая борьба трудящихся, весь процесс формирования субъективного фактора корейской революции претерпевают существенные изменения, что было связано с разными причинами. Среди них — мировой экономический кризис, усилившаяся милитаризация Японии, захват ею Маньчжурии. Изменился между VI и VII конгрессами Коминтерна и

курс мирового коммунистического движения, в частности, по вопросам национально-освободительной борьбы в колониальных и зависимых странах и единого антиимпериалистического фронта национальных сил. Серьезные дополнительные трудности вызвала деятельность корейских коммунистов в условиях отсутствия единой, централизованной партии и растущего террора властей. Действовали и другие факторы.

В первую очередь хотелось бы остановиться на роли рабочего класса Кореи, который в конце 20-х годов заявил о себе как самостоятельная политическая сила. И хотя, как и в других колониальных странах, социалистические идеи здесь первоначально соединялись не с пролетарским, а с национально-освободительным движением, положение постепенно менялось. Ведь в разных странах такие изменения происходят по-разному. Тут схематизм тоже недопустим.

Военное строительство, развернутое японским милитаризмом в колонии, вызвало существенный рост рядов пролетариата. В крупный промышленный центр стал со временем превращаться Север страны.

В 1928 г. началась знаменитая вонсанская забастовка, ставшая заметной вехой в истории рабочего движения. О ней в периодических изданиях СССР писалось много. Горячим сочувствием и интересом отозвались советские люди на выступление пролетариев Кореи. Обстоятельно исследовались вонсанские события в монографиях ученых Советского Союза, КНДР. В числе наиболее значительных трудов, глубоко и творчески рассматривающих их, как и другие вопросы корейского рабочего движения, следует назвать исследования Г. Ф. Кима.

6. Бастующий Вонсан

Не ставя задачей анализ причин и уроков вонсанской забастовки, ограничусь лишь воспоминаниями ее участников. С одним из них, Хваном, мы с приятельницей познакомились при любопытных обстоятельствах. В конце 1945 г. во время демонстрации, закончившейся потасовкой, нас с силой оттолкнули, основательно потрепав одежду. Необходимо было привести себя в порядок. (Дома мне уже не раз доставалось за ежедневные походы в город, не всегда благополучно кончавшиеся.) Мы зашли в мастерскую, где производилась реставрация, художественная штопка и другой ремонт одежды. Мастер, он же хозяин мастерской, говоривший по-русски, когда узнал, что мы из советского консульства, радушно принял нас, успокоил: легко, мол, отделались, могло быть хуже. А затем, как обычно в те дни, начались расспросы и рассказы. Когда-то Хван жил на русском Дальнем Востоке. В 1921 г. перебрался в пригород Вонсана. Участвовал в освободительной борьбе, но отошел от нее. Пояснил примерно так: сочувствую, материально помогаю,

но в драку не ввязываюсь. Трудно разобраться во всем, что происходит. Главная забота — сохранить мастерскую и прокормить семью.

Охотно отозвался на просьбу рассказать, где и когда участвовал в борьбе. Воспоминания получились несвязными, так как одновременно он старательно латал наши костюмы. Пригласил зайти специально для беседы. Обещал с помощью сына некоторые воспоминания изложить письменно. Свое слово Хван сдержал. Больше того, он познакомил нас со своими друзьями, тоже участвовавшими в вонсанской забастовке. Сверив сохранившиеся записи этих воспоминаний с материалами, опубликованными в КНДР и СССР, коротко их воспроизведу[21].

Юношей Хван поступил на американский нефтеперегонный завод. «Узнал от соседа, работавшего там, что существует Вонсанское рабочее общество, которое защищает интересы трудящихся. Каким образом? Этого сосед не знал. Но вскоре он позвал меня пойти с ним на сходку. Там собралось порядочно народа. Выступавшие говорили, что нужно вступать в Общество и активно там работать, если мы хотим добиться лучших условий труда. Конечно, мы хотели. И вступили в организацию. Нам даже выдали специальные значки,— рассказывал Хван.— 8 сентября 1928 г. по заводу разнеслась весть, что японский надсмотрщик избил корейского рабочего. Все были возмущены, хотя такое и раньше неоднократно бывало. Но ведь терпению тоже приходит конец.

Завод забастовал. Профсоюз нефтеперегонщиков, входивший в Вонсанскую федерацию труда, предъявил администрации требования: уволить надсмотрщика, а также тех, кто его поддерживал; улучшить обращение с рабочими; производить прием на работу и увольнение только с согласия профсоюза; выплачивать пособие за увечья на производстве. Администрация ответила отказом, и мы продолжали бастовать. В октябре работа возобновилась на таких условиях: надсмотрщик будет уволен, забастовщики остаются на заводе и им выплатят 20% зарплаты: в течение трех месяцев решится вопрос о пособиях при увольнении и увечьях и о минимуме заработной платы. Однако хозяева и не собирались выполнять договоренности. Тогда Вонсанская федерация труда внесла дополнительные требования. Они гласили, что минимум дневной зарплаты квалифицированного рабочего должен составить 1 иену 20 сен, а неквалифицированного — 80 сен, женщины — 60 сен. Уточнен был и минимум пособий при увольнении и увечьях.

Но администрация заявила, что вообще не признает нашу организацию представительной и не желает продолжать обсуждение. Это вызвало сильное возмущение. Группа рабочих даже избила директора завода, что федерацией было осуждено. Ее руководство призвало нас действовать организованно и осмотрительно.

14 января 1929 г. нефтеперегонка снова прекратила работу.

Вонсанская федерация призвала своих членов и других корейских пролетариев поддержать нефтяников всеобщей забастовкой. Были отпечатаны воззвания и прокламации. Мы их распространяли главным образом среди докеров,— продолжал Хван.— В это время прибыли лесоматериалы для нашего завода. Но докеры порта отказались их выгружать, объявив 18 января забастовку солидарности. Хозяева с помощью властей пытались привлечь рабочих из других предприятий Вонсана, а также резервистов, пожарников. Привлекали и иногородних. Возлагались надежды на использование в качестве штрейкбрехеров китайцев и японцев. Однако эти планы сорвались. В частности, хозяева направили вербовщиков в Инчхон, Пусан, другие города. Оттуда приехала группа китайцев, но стачечный комитет, созданный в первые дни забастовки, убедил их вернуться. В Вонсане мы разносили по домам текст обращения к жителям города, в котором призывали их поддержать, чем возможно, бастующих. Нас встречали в большинстве случаев хорошо. Женщины спрашивали, в чем больше всего нуждаются наши семьи. Делились скудными запасами продовольствия». О том же с некоторыми отклонениями и уточнениями говорили и другие участники вонсанских событий, с которыми нас познакомил Хван.

23 января забастовка стала всеобщей. В ней приняли участие все союзы, объединенные федерацией труда. (Хван утверждал, что таких союзов насчитывалось 24, каждый из которых выдвигал свои требования соответственно местным условиям.) Велась усиленная разъяснительная работа среди разных слоев населения. Важно было, чтобы оно поняло справедливость требований бастующих и по возможности им помогало. Но не дремали и власти. 22 января в городе было объявлено чрезвычайное положение. Из других районов в помощь вонсанской полиции прибыли подкрепления. Создавались отряды террористов из числа уголовников. Но мы держались стойко, с нескрываемой гордостью говорили Хван и его товарищи. Предприятия, транспорт, порт не работали.

В стране развернулось широкое движение солидарности с пролетариями Вонсана. В Сеуле, Пхеньяне, Чхонджине, Синыйджу, Сонджине и других промышленных центрах были созданы комитеты солидарности, собиравшие средства для бастующих, препятствующие вербовке штрейкбрехеров. Там же и еще во многих городах проводились забастовки солидарности. Крестьянские союзы организовали сбор и отправку в Вонсан продуктов питания.

Хван в своих воспоминаниях приводит данные об активной помощи со стороны международного союза портовых рабочих, к которому 18 января 1929 г. обратилась Вонсанская федерация труда.

Особо отмечает он активность печатников. Хотя ежедневно значительные группы их в знак солидарности бастовали и это вело к сокращению выпуска газет, но на страницах выходящих

изданий все более широко сообщалось о забастовке и ее поддержке другими, в том числе и японскими рабочими. Так, сообщалось, что 2 февраля прекратили работу японские плотники и столяры, что многие из тех, кого администрация сумела завербовать на работу в порт, вскоре примкнули к забастовщикам, что их поддержали даже бывшие длительное время безработными.

Очень важной оказалась материальная помощь бастующим. «Ведь почти у каждого была семья, которую нужно кормить,— говорили собеседники.— Члены стачечного комитета регулярно выдавали, а иногда приносили домой бастующим еду. Она казалась вдвойне, втройне вкусной, потому что напоминала: о нас заботятся, от себя урывают, а нам дают, даже на дом приносят. Когда 19 февраля для забастовщиков прибыло 800 мешков продовольствия, мы вышли на демонстрацию, назвав ее шествием благодарности. Руководство федерации призвало нас быть очень экономными, приобретать только самое необходимое (по утверждению Хвана, в фонде стачечного комитета насчитывалось 12—13 тыс. иен.— *Авт.*). 4 марта прибыла еще одна партия продовольственной помощи, затем еще».

На вопрос о роли коммунистов в забастовках Хван отвечал сдержанно, но уважительно. Они немало поработали со стачечниками, как правило, были впереди. То, что стали выдвигаться лозунги национального освобождения и выступление приобретало политические черты, явилось одним из следствий деятельности коммунистов и довольно высокой для того времени степени организованности рабочих. Эта мысль звучала в воспоминаниях большинства наших вонсанских собеседников. Она представляется бесспорной. Но снова и снова приходится повторять: силы были неравны. Генерал-губернатор дал указание руководству пров. Южная Хамгён решительно и немедленно подавить забастовку, приобретающую опасный характер. Вонсан опоясало кольцо полицейских отрядов, отрезав его от других городов.

Немаловажную роль власти отводили составу руководства федерации, пытаясь разложить ее изнутри, дезорганизовать, изолировать наиболее зрелые кадры. Старый, излюбленный колонизаторский прием.

4 февраля была арестована наиболее активная часть руководителей федерации. В марте (в некоторых материалах называется февраль) ее возглавили соглашательские элементы (нового главу федерации — Ким Тхэена Хван называл «отпетым реакционером»).

Власти и предприниматели создали так называемое Рабочее общество пров. Южная Хамгён, состоявшее в основном, как он считал, из отбросов общества, хулиганов и уголовников [22], которые 8 марта произвели налет на бастующих. В ответ последние напали на здание, где расположилась эта организация, и разгромили его.

2 апреля полиция произвела массовые аресты участников вонсанского выступления. Оставшиеся на свободе снова ответили на это нападением на организации Рабочего общества. 3 апреля прибыли новые полицейские подкрепления из близлежащих районов. Аресты продолжались.

6 апреля исполком Вонсанской федерации принял решение возобновить работу, прекратить забастовку. Большинство на это пошло, согласившись с частичным удовлетворением своих требований.

Нельзя не учитывать, что в воспоминаниях участников вонсанских событий да и в литературе иногда завышалась степень единодушия и организованности выступления. Были и колеблющиеся, и малодушные, и переметнувшиеся к штрейкбрехерам. Немало содержалось в нем стихийности, «инстинкта толпы», легковерия. Не всегда революционеры, являвшие своим поведением пример стойкости, мужества, могли умело направить выступление. Тем более что время было трудным для корейских коммунистов, оставшихся без организованной партии.

Предприниматели же и власти действовали весьма интенсивно и согласованно, чтобы подавить забастовку.

Но бесспорно одно: длившаяся фактически семь месяцев, с сентября 1928 до апреля 1929 г., вонсанская забастовка — крупный этап в рабочем движении Кореи. Неоднократно наши собеседники подчеркивали, что его новый уровень, проявившийся в Вонсане, был в значительной степени связан с деятельностью коммунистов. Вонсанская же забастовка, в свою очередь, вызвала прилив сил и новые волны борьбы не только трудящихся, но и других патриотических сил Кореи.

Возвращаюсь к рассказам и к личности Хвана. Несомненно он был одним из активных участников вонсанского выступления. Сведения, которыми Хван располагал, указывали на это. Да и размышления его о прошлом и происходящем на Юге страны говорили, что это думающий, глубоко заинтересованный судьбами родины патриот. Так почему и когда он отошел от освободительного движения? Не совсем верилось, что решил просто больше не ввязываться в драку и рисковать семьей. Были, казалось тогда, и другие причины. Понять их помогли последующие события. И это важно, ибо таких, как Хван, оказалось немало.

Из выступлений рабочего класса, новую главу которых открыл Вонсан, назову лишь главные: в апреле 1929 г. произошла забастовка 450 пролетариев прядильной фабрики в Тэджоне, в мае — 200 рабочих рыбного промысла в Чиннампхо, в июле — объединенная стачка рабочих пяти предприятий резиновой промышленности Пусана, в январе 1930 г. там же произошло крупное выступление текстильщиков, в котором участвовала группа японских рабочих[23]. По опыту Вонсана в разных районах страны развернулось движение солидарности с бастующими.

Особо отмечена в летописи рабочих выступлений начала

30-х годов борьба шахтеров Синхына (пров. Северная Хамгён). Был создан стачечный комитет. Он организовал рабочие пикеты, продовольственный фонд для бастующих. Коммунистическая группа и марксистский кружок, действовавшие на шахте, проводили разъяснительную работу среди шахтеров, призывали стойко держаться. Когда же администрация отказалась выполнить требования рабочих, хотя обещала это сделать, и они, поверив, приступили к работе, часть горняков напала на шахтоуправление, вывела из строя электростанцию и машинное оборудование. Более 100 человек были арестованы. Характерно, что в Хамхыне, Вонсане и других промышленных городах развернулось движение солидарности с бастующим Синхыном. Крестьяне направляли туда продовольствие. Это было в мае 1930 г. А в августе этого же года произошла 20-дневная стачка 2 тыс. рабочих 13 обувных предприятий Пхеньяна, как и в Синхыне, обманутых администрацией, обещавшей рассмотреть их требования; рабочие изгнали с фабрик штрейкбрехеров, вывели из строя машины и оборудование.

В том же году бастовало около 3 тыс. строителей Вонсана.

В числе наиболее крупных рабочих выступлений 1931 г. следует назвать забастовку около 1 тыс. портовиков Чхонджина, текстильщиц фабрики, принадлежавшей Ким Сонсу в Сеуле, работниц обувной фабрики в Пхеньяне, где забастовка продолжалась два месяца и сопровождалась митингами. Когда одну из ее организаторов, Кан Джурен, полиция попыталась арестовать, она взобралась на крышу фабрики и оттуда продолжала призывать работниц не прекращать борьбы. Но забастовка была подавлена, а Кан Джурен погибла в тюрьме.

Характерным для рассматриваемого времени было выступление по инициативе коммунистов 400 пролетариев рисоочистительной фабрики Инчхона. Его поддержали около 2000 других рабочих и безработные. Забастовщики временно захватили предприятие, создав для охраны его отряды самообороны.

В целом же послевонсанское рабочее движение в Корее было неоднозначным. С одной стороны, как уже говорилось, Вонсан открыл его новую главу. Наблюдались рост пролетарской солидарности, усиление политической направленности, вовлечение в активную борьбу женщин. С другой стороны, все более ощутимо и негативно проявлялись левацкие черты нового курса революционного движения. Сказывалось и отсутствие в стране единой партии. Это отразилось и на борьбе крестьян. В период мирового экономического кризиса их непосредственные связи с рабочими усилились, так как многие из последних, потеряв работу, возвращались в деревню.

Крупное крестьянское выступление, переросшее в восстание, произошло в июне 1930 г. в уезде Танчхон (пров. Южная Хамгён). Поводом его послужило избиение лесником-японцем беременной кореянки. Во главе с членами крестьянского союза восставшие разгромили волостное управление и полицейский

участок. При участии многих жителей всех волостей Танчхонского уезда проводились демонстрации и митинги. Помимо требований уволить лесника, освободить арестованных крестьян выдвигались лозунги общеполитического характера. Так, одна из многочисленных листовок, написанная кровью, гласила: «Да здравствует освобождение угнетенных мира!», «Долой империализм!». Войска подавили восстание, но борьба вспыхивала там и позднее. В декабре 1930 г. волнения произошли в уезде Ёндон (этой же провинции). Было арестовано 217 человек, в том числе их руководитель Ко Сучоль. В 1931 г. в Хонвоне крестьяне напали на дома богатеев, захватили долговые обязательства и сожгли их. Было арестовано 238 человек во главе с руководителем Чон Ёнсу.

Нападения крестьян на полицейские участки произошли в уездах Чансон (пров. Южная Чолла), в Намхэ (пров. Южная Кёнсан), в других районах.

В 1931 г. в пров. Северная Чолла более 500 крестьян разрушили оросительные плотины. В борьбу все активнее включались батраки, а также часть крестьян-собственников.

В 1932 г. волнения охватили уезды Кымчхон (пров. Северная Кёнсан), Хванджу (пров. Хванхэ), Коксон (пров. Южная Чолла).

Происходили так называемые ирригационные бунты. Частыми стали совместные рабоче-крестьянские выступления, особенно в дни революционных праздников — 1 Мая и в годовщины Октябрьской революции[24]. Накал массового движения усиливался. Коммунисты активно в нем участвовали, выступая авангардной силой. Но их влияние становилось все более двойственным, противоречивым. Положительно проявлялась ставка на концентрацию деятельности в промышленных районах и вовлечение в коммунистические ряды пролетариев. Вместе с тем ощутимее и болезненнее сказывались сектантские, левацкие черты нового курса, явное забегание вперед. Они возобладали не сразу. В идейной области конца 20-х — начала 30-х годов, подчеркивали наши собеседники, было много поисков, метаний, жарких споров, перераставших в групповые схватки. Полемика велась по вопросам роли пролетариата в корейском освободительном движении. Некоторые завышали эту роль, утверждали наличие пролетарской гегемонии или необходимость ее немедленного установления. При этом выступали против единого фронта и блокирования с буржуазными патриотами, призывали бороться не только с японским империализмом, но и с национальной буржуазией. Другие же коммунисты, наоборот, отстаивали тезис о руководящей роли буржуазии в корейской революции, отрицали растущее влияние в ней пролетариата.

Одновременно в организационной области изыскивались пути восстановления единой Компартии[25]. Создавались подготовительные комитеты, подпольные коммунистические группы, ставившие эту задачу, другие организации.

Большой материал о деятельности коммунистов, как и вообще об освободительной борьбе рассматриваемого времени, содержат секретные архивы японской полиции, жандармерии, суда и прокуратуры. Их критическое использование наряду с другими материалами, с воспоминаниями участников раскрывает интенсивную, мужественную и неравную борьбу коммунистов Кореи, сопровождаемую неисчислимыми жертвами. И вместе с тем все они свидетельствуют об их крупных стратегических и тактических ошибках и перекосах. В это время одной из главных задач выдвигалось построение коммунистического общества. Она ставилась и комгруппами, и «красными» рабочими, и крестьянскими союзниками ультралевой направленности. Именно на их деятельности концентрировали коммунисты свое внимание в ущерб работе среди масс, входивших в организации, руководимые национал-реформистами. Конечно, позиции последних, значительная часть которых правéла, приобщенная Японией к военно-промышленному строительству, содействовали левацкому курсу революционеров. Но действовала и обратная тенденция: такой курс отталкивал многих патриотов. Потери были ощутимыми. И людские и политические. Фактический отказ от блокирования с буржуазно-патриотическими силами привел к тому, что Синганхве, созданное по инициативе коммунистов, по их же инициативе было в мае 1931 г. распущено.

На основе новых материалов и подходов приходится признать, что прежнее утверждение автора, как и других корееведов, о правомерности роспуска Синганхве требует переосмысления. Ему была альтернатива: сохранение Общества, терпеливая, хотя и крайне сложная работа с трудящимися, входящими в него, блокирование с буржуазными патриотами, с умеренными группами национал-реформистской верхушки, совместные с ними антиимпериалистические, а затем и антивоенные выступления. Роспуск Синганхве углубил разобщенность национальных сил, явился следствием левачества и вместе с тем стимулировал его, в частности организацию «красных» союзов. Их создавали не только рабочие и крестьяне, но и радикально настроенные интеллигенты[26]. Конечно, степень левизны была в этих организациях различной.

Не имея возможности в данном случае даже назвать основные из них, хотела бы высказать несколько общих замечаний.

Притом что сектантская линия, явное забегание вперед стали большой ошибкой и бедой корейских коммунистов (только ли их? Вспомним общий курс Коминтерна), во время проведения этого курса, а также несмотря на отсутствие единой партии, набирало силу немногочисленное, но боевое революционное подполье. Полиция громила, казалось, стирала с лица земли как опасные или особо опасные революционные организации, а они через некоторое время возникали вновь. Часто под иными названиями, но с теми же задачами. Многие тысячи патриотов, в первую очередь коммунистов и сочувствующих им, были

брошены в тюрьмы «за идеологические преступления», а воссозданные группы, союзы пополнялись новыми членами. Об этом свидетельствуют не только воспоминания участников революционного подполья, но и материалы архивов. Вывод этот важен для всей концепции корейского коммунистического движения, и в том числе для обоснования неоправданности роспуска КПК.

Из-за усилившихся репрессий после захвата Японией Маньчжурии, а в определенной мере из-за обстановки в самом корейском коммунистическом движении[27], начался процесс перенесения деятельности части коммунистов за пределы страны. Однако если до создания партии (КПК) их важнейшим зарубежным коммунистическим центром была Советская Россия, то теперь им становится Китай. Это было связано с рядом причин, особенно с общностью задач корейского и китайского народов в борьбе против японской агрессии. Но бесспорным представляется сейчас одно: центром корейского коммунистического и всего национально-освободительного движения в первой половине 30-х годов (и позднее) продолжала оставаться сама Корея. Это засвидетельствовала и разработанная в 1934 г. инициативной группой коммунистов Платформа действия Компартии Кореи. Она отражала и нарастание новой ориентации в мировом коммунистическом движении, направленной на пересмотр линии VI конгресса, и борьбу по этим вопросам, и в целом ситуацию, когда еще оставались в силе многие догматические представления. Последние прежде всего касались антиимпериалистических потенций буржуазии и единого национального фронта. Пункт о необходимости его создания в Платформе есть. Но одновременно в ней говорилось о нежелании и неспособности корейской буржуазии, без учета ее неоднородности и расслоения, вести антиимпериалистическую борьбу[28].

Вместе с тем документ этот оценивал первоочередные и конечные цели революции, тесно увязывал национально-освободительные требования с антифеодальными. Важное место в Платформе отводилось созданию «централизованной, дисциплинированной, идейно единой, массовой подпольной коммунистической партии». Но реализовать эту задачу, несмотря на большую и самоотверженную деятельность, коммунисты оказались не в силах. В первую очередь из-за террора. Десятки тысяч патриотов томились в тюрьмах[29]. Вместе с тем в условиях его разгула и постоянного страха проповедь правыми националистами безопасных форм борьбы за независимость «в рамках японской империи» привлекала в их ряды наименее устойчивых корейцев. Они не хотели полностью отказаться от участия в патриотическом движении и пытались хоть как-то ему содействовать, но не ввязываясь в неравные схватки с полицией.

Играла свою роль и групповая борьба в среде коммунистов, по-прежнему именуемая фракционной. Так, в обращении инициативной группы ко всем фабрично-заводским и деревенским комгруппам Кореи основной призыв был бороться против фрак-

ционеров. Это дезориентировало и тянувшихся к коммунистам патриотов. У некоторых, рассказывал Пак, создавалось представление, будто коммунисты борются не столько с японскими колонизаторами, сколько друг с другом.

7. Корейские партизаны в Маньчжурии и Корее

С начала 30-х годов освободительное движение в Корее неразрывно связывается в советских корееведческих исследованиях с борьбой партизан в Маньчжурии. Некоторые, в том числе и автор, называли действия корейских партизан основным участком освободительной борьбы, ибо возглавляли их коммунисты. В историографии КНДР она вообще абсолютизируется, выглядит чуть ли не единственным фронтом корейского революционного движения в 30-х годах.

Ныне вопрос этот вызывает оживленную полемику корееведов СССР. Реакцией на гипертрофирование стали отдельные попытки отрицания или принижения роли деятельности корейских партизан в Маньчжурии. Как всегда крайности порождают крайности.

О чем свидетельствуют источники, материалы тех лет, воспоминания корейских товарищей? Начнем с того, что в статьях, опубликованных советской печатью в 30-е годы, говорится о вооруженных действиях корейских партизан в Маньчжурии, о их рейдах в Корею, о создании народно-революционной армии.

Маньчжурия стала базой таких действий по ряду причин. В их числе ужесточение террора в Корее в связи с милитаристскими акциями Японии, что до предела затрудняло возможности активной освободительной борьбы. Вместе с тем горные массивы Маньчжурии, занимающие почти $^4/_5$ ее территории, на которой проживало в рассматриваемое время более 1 млн. корейцев, благоприятствовали партизанским действиям. Сказывались и традиции предшествующей борьбы — Армии справедливости (Ыйбён) и Армии независимости (Тонниипкун).

Важно отметить и другое: в Маньчжурии к тому времени сложилось сравнительно крепкое коммунистическое ядро [30]. После создания Компартии Кореи коммунисты района Кандо в отличие от всех эмигрантских корейских комгрупп, которым надлежало войти в состав местных организаций коммунистов, российских, китайских и других, оставались составной частью Компартии Кореи с комитетом, работающим под ее руководством, согласующим свою деятельность с ЦК Компартии Китая. После того как Компартия Кореи перестала существовать в качестве единой силы, ее маньчжурский комитет усилил ориентацию на китайское комдвижение. Захват Японией Маньчжурии укреплял общность задач китайских и корейских революционеров. Но, как свидетельствуют материалы, еще ранее, в 1930 г., корей-

ские коммунистические группы на маньчжурской территории влились в Компартию Китая.

Создание в 1932 г. Ким Ир Сеном партизанского отряда нередко трактуется как начало нового этапа освободительной борьбы. Условно сохраняя такую оценку, важно добавить, что аналогичные отряды организовались под руководством Ким Чхака, Цой Ёнгена и других корейских революционеров, а также что ранее, в самом начале 30-х годов, в этих районах имела место вооруженная борьба, которой руководили националисты. О них писала корейская печать, в частности «Тона ильбо» 2 и 13 июня 1930 г. и другие газеты.

По свидетельству наших сеульских собеседников, корейские коммунисты в Маньчжурии старались разъяснять населению Кандо и по возможности Кореи важность интернациональной солидарности с китайским народом в борьбе против империализма и войны, необходимость организованного отпора японским милитаристам.

В 1933 г. были установлены контакты между отрядами, руководимыми Ким Ир Сеном, Ким Чхаком и Цой Ёнгеном, а также другими коммунистами.

Продолжали участвовать в вооруженной борьбе и буржуазные националисты, создававшие свои отряды. Наиболее крупным их соединением была так называемая Южно-Маньчжурская корейская революционная армия, возглавляемая Ян Себоном[31], который поддерживал связь с Компартией Китая.

Японские власти предпринимали немало акций в экономической и политической сферах, направляемых на подрыв корейско-китайской солидарности, на разжигание розни между двумя братскими народами. И порой небезуспешно.

Вместе с тем корейские коммунисты-партизаны, члены Компартии Китая, заимствуя опыт китайских товарищей, в ряде случаев повторяли и их левацкие ошибки.

Это проявилось главным образом в деятельности партизанских баз на территории Маньчжурии[32], где были попытки ввести власть советов как органов пролетарской диктатуры и начать социалистическое строительство.

Снова и снова вспомним время...

Связи коммунистов-партизан с Кореей развернулись со второй половины 30-х годов. Пока же, как можно судить по материалам, они оставались эпизодическими.

VII конгресс Коминтерна, открывшийся 25 июля 1935 г., знаменовал начало нового этапа в развитии мирового коммунистического движения. Он зафиксировал новую ориентацию — политику единого рабочего и широкого народного фронта для борьбы против фашизма, войны, для решения общедемократических задач, диктуемых временем. Конгресс осудил левачество, недооценку первоочередных антиимпериалистических требований в колониальных странах, подчеркивал необходимость создания там единого фронта, который объединил бы все силы

национального освобождения. Конгресс осудил взгляд на национальную буржуазию этих стран как на силу сплошь проимпериалистическую, против организаций которой якобы следует бороться.

Не сразу дошли решения VII конгресса до корейских революционеров. Ведь их контакты с органами Коминтерна были резко сокращены. А когда дошли, то не сразу и не всеми они были в Корее поняты. Позиция значительных групп буржуазии, все теснее блокировавшихся с японским империализмом, негативно влияла и на подход многих коммунистов к политике единого фронта, и на ее реализацию. Даже в выступлении корейского представителя Ким Ирсу на Конгрессе проявилась непоследовательность.

С одной стороны, он утверждал, что во имя борьбы за национальное освобождение Кореи необходимо изжить сектантство, осуждал практику создания сектантских организаций, отказ от работы в реформистских организациях, где сосредоточены были основные массы; с другой стороны, рассматривал буржуазию как одноликую силу, утверждал, что она одобрительно отнеслась к войне Японии против Китая, игнорировал процесс ее продолжавшегося расслоения.

Постепенно, в борьбе и спорах, новый курс стал проявляться в деятельности корейского революционного подполья. Немалая роль в его осознании и разъяснении принадлежала коммунистам, прошедшим учебу в КУТВе, в ленинской школе, в других учебных заведениях Москвы, а также проникавшим разными путями в страну из Китая и Японии. Сказывалось и перемещение центра деятельности подпольных организаций в промышленные центры (в первую очередь имеющие военно-стратегическое значение). Как уже говорилось, часто это были восстановленные оставшимися на свободе коммунистами комитеты, союзы. Например, в Наджине несколько раз возобновляла работу комгруппа, именуемая лигой (в 1935 и 1936 гг.), или так называемый подготовительный комитет в Нанане, распространявший свою деятельность на Чхонджин, Хамхын и Наджин. Несколько раз создавались, казалось полностью ликвидированные полицией, подпольные комитеты в Сеуле, а также в других городах.

Материалы указывают, что пополнялись они в основном рабочими. Острие их деятельности было направлено на организацию антиколониальной, антивоенной борьбы. Постепенно менялось отношение коммунистов к использованию легальных возможностей, к организациям, которые возглавлялись реформистами. Они совместно создавали вечерние школы, спортивные общества, курсы. Но отзвуки левачества сохранялись, особенно в деревне. Некоторые крестьянские союзы продолжали выдвигать ультрареволюционные требования. Так было в пров. Южная и Северная Хамгён, где участники союзов проявляли большую самоотверженность. Арестам и репрессиям подвергались сотни

крестьян. В японских закрытых архивах об этом содержатся красноречивые данные. Вместе с тем, выражая удивление и негодование по поводу того, что, несмотря на аресты, коммунистическое движение в городе и деревне продолжается, авторы полицейских изданий не скрывали, что их больше всего тревожит новый курс коммунистов. К решениям VII конгресса Коминтерна японские власти проявили значительный интерес. Тревожила их и общая антивоенная платформа деятельности национальных сил. В книге для служебного пользования «Состояние общественного спокойствия в Корее» говорится, что «по мере обострения японо-советских отношений корейские революционеры, предвидя неизбежность войны между Японией и СССР, поставили с августа 1935 г. своей задачей борьбу за поражение Японии в войне, борьбу против фашизма»[33].

Идея единого антиимпериалистического антивоенного фронта шаг за шагом пробивала себе дорогу в общественном сознании патриотических слоев населения.

Прежде всего антимилитаристские черты нарастали в рабочем движении. Это проявлялось в срыве военных заказов, в саботаже и диверсиях на промышленных предприятиях военного значения, на железных дорогах и в портах. Учитывая роль Кореи как важного стратегического плацдарма, предприниматели стали внимательнее относиться к требованиям рабочих, выдвигаемым ими в стачечной борьбе. Во многих случаях, гораздо чаще, чем раньше, они удовлетворялись. При этом общее число забастовок сокращалось. В 1937 г. их произошло 95 с участием более 9 тыс. человек, в 1938 г.— 83 с 6,5 тыс. Наиболее крупной была мартовская забастовка 5 тыс. горняков (1937 г.), 850 шахтеров в пров. Северная Чхунчхон (1938 г.), горняков пров. Южная Кёнсан, работниц прядильной фабрики в пров. Северная Чхунчхон.

В деревнях вспыхивали волнения, связанные с деятельностью подпольных крестьянских союзов. Увеличивалось число арендных конфликтов. Обращает на себя внимание усилившееся сближение левых групп интеллигенции с рабочим и крестьянским движением, особенно после начала войны Японии против Китая.

Со второй половины 30-х годов заметно активизируется корейское партизанское движение в Маньчжурии, руководимое коммунистами. Возрастают его связи с Кореей, усиливается воздействие на освободительную борьбу в стране. На совещаниях в Ляонгоу и Дунгуане (соответственно в феврале и мае 1936 г.) обсуждался вопрос о создании единого антияпонского фронта. Было решено образовать в качестве организации единого фронта Общество возрождения отечества (Чогук кванбокхве). В программе Общества, состоящей из 10 пунктов, предусматривалось решение первоочередных общедемократических требований революции. Основанная на тех же принципах, что и политическая платформа единого фронта Компартии Китая, програм-

ма Общества учитывала национальные, корейские задачи. Руководители Чогук кванбокхве Ким Ир Сен, Ким Чхэк, Цой Енген и другие развернули работу по созданию его ячеек и разъяснению программы. Характерно, что японские власти с пристальным вниманием относились к созданной организации. Об этом свидетельствуют их секретные издания. Так, в книге «Состояние общественного спокойствия» говорится: «С осени 1936 г. под руководством командира 6-й дивизии 2-й армии Объединенной антияпонской армии Ким Ир Сена, ее комиссара и других лиц, которые следовали указаниям VII конгресса Коминтерна об использовании тактики народного фронта и мобилизации широких народных масс на создание антияпонского фронта, с целью пробуждения национального самосознания корейцев были созданы корейское Общество возрождения отечества и Союз освобождения корейской нации. Эти организации стали распространять свое влияние из пограничных районов в глубь страны. С началом китайских событий они поставили своей задачей дезорганизацию тыла, вооруженное восстание и большевизацию Кореи»[34]. Отмечалось, что в районах действий 6-й дивизии эта деятельность велась наиболее активно.

Материалы свидетельствуют, что политработники, направляемые в Корею партизанским руководством, вели там работу часто совместно с подпольными группами и союзами по сплочению патриотических национальных сил. В конце 1936— начале 1937 г. при активном участии Пак Таля и Пак Кымчхора, функционировавших в районе Капсана с 1935 г., Комитет действия был преобразован в Союз освобождения корейской нации с ячейками преимущественно в сельских районах.

Руководство партизан уделяло промышленным центрам особое внимание, направляя туда своих представителей. В названной книге, а также в «Вестнике идеологии» и в других «секретных и строго секретных» японских изданиях подчеркивается, что после начала японо-китайской войны коммунистическое руководство партизан при участии китайских коммунистов разработало меры по усилению вооруженной борьбы и расширению политической работы среди населения Маньчжурии и Кореи, что новые группы видных членов партии, корейцев, были направлены в военно-промышленные центры Кореи для антияпонской деятельности. В книге «Состояние общественного спокойствия» приводится текст воззвания к корейскому народу.

Выражая уверенность в том, что в войне победит Китай, оно призывало действовать решительно: послать политработников на военные базы на территории Кореи, где они должны установить связь с ранее посланными туда деятелями, расширить и укрепить антияпонские организации. «Особенно важным представляется создание рабочих штурмовых отрядов, которые явятся авангардными исполнительными органами по осуществлению вооруженных восстаний и диверсий в тылу»[35],— гласило воззвание. В нем задачи корейского национально-освободительного

движения тесно связывались с борьбой китайского народа и с поддержкой со стороны СССР. Солидарность с Советским государством была для партизан, как и для других корейских революционеров, неизменным и важным компонентом их курса и деятельности, что, в частности, проявилось, как отмечают ученые КНДР, во время провокации японской военщины у озера Хасан (1938 г.) и в Монгольской Народной Республике, у реки Халхин-Гол (1939 г.).

Осуществляя линию VII конгресса Коминтерна, корейские коммунисты в Маньчжурии расширяли контакты с националистическими организациями. Это отражало общий процесс консолидации антияпонских сил в Китае, лежало в русле укрепления единого корейско-китайского фронта.

Следует отметить, что в 1937 г. в Китае оформилась Лига корейского национального фронта (руководитель Ким Ятсен) путем объединения находившейся там Национально-революционной партии с Лигой освобождения Кореи и Революционной лигой Кореи [36]. В программном документе вновь созданной организации говорилось: «Единственный выход для корейской нации — в объединении всех национальных сил для свержения японского господства, для борьбы за национальную независимость Кореи... Мы должны объединиться с китайской нацией для усиления антияпонского фронта... Мы должны поддержать фронт демократии и мира, противостоящий агрессивному фронту» [37].

Немало корейцев участвовали в обороне Уханя, сражались в рядах 8-й и 4-й китайских армий, обучались в академиях и других учебных заведениях Китая, а затем некоторые там же преподавали. Наши собеседники рассказывали, что почти в каждой китайской части были корейцы.

Необходимо напомнить и о борьбе корейских партизанских отрядов в Китае, руководимых буржуазными националистами. Они тоже внесли свой вклад в освободительное движение корейского народа. (Вообще же, материалы не всегда позволяют провести четкую грань между ними и отрядами, возглавляемыми революционерами.) В данном случае хотелось бы вернуться к вопросу о месте и роли в этом движении маньчжурских партизан-корейцев. Все, что приходилось о них читать в многочисленных изданиях КНДР, в советской периодике и монографической литературе, слышать в Сеуле от участников революционного движения, видеть в музеях Пхеньяна, Вонсана, Хамхына, Гирина, узнавать из материалов японских закрытых изданий,— все это позволяет сформулировать свое мнение о роли партизан: она значительна. Стараюсь быть максимально объективной, не оглядываться на официальные трактовки. Ведь это только мое мнение. Думаю, что значительность их роли обусловлена не масштабами, не ущербом, который партизаны наносили японским войскам, хотя и держали в напряжении их тылы в Корее, особенно приграничные. А тем, что этот один из самых

боеспособных отрядов движения возглавлялся коммунистами, стимулировавшими антиимпериалистическую борьбу масс и классовые выступления трудящихся. Не могу согласиться с сомнениями некоторых корееведов, например, по поводу того, можно ли считать армией соединения партизан или называть официальными совещаниями командования эпизодические обсуждения тех или иных вопросов. Полагаю, это тоже дань схеме, догматике. Ведь речь идет о небольшой стране, о деятельности, центр которой находился на территории Китая, чей опыт не только учитывался, но иногда и копировался, а связи непосредственно с Кореей были крайне осложнены жестоким террором. Не говорю о других, более частных особенностях. Как известно, со второй половины 30-х годов контакты революционеров, действовавших в Корее, с Коминтерном и другими международными организациями резко сократились. Корейские же партизаны в Маньчжурии были в большей мере осведомлены о решениях ИККИ и о курсе мирового революционного движения, особенно по вопросам создания единого фронта борьбы против империализма и войны. Тайно проникая в Корею из Северо-Восточного Китая, посланцы партизан связывались с комгруппами, распространяли листовки, брошюры и, что немаловажно, вносили в работу этих групп элементы дисциплинированности, бдительности, организованности.

В этой связи не могу не вспомнить материалы музея в Гирине (Северо-Восточный Китай), где мы с мужем были в начале 1961 г.

Расположенный в одной, правда большой, комнате, он вместил довольно много материалов: схем, диаграмм, таблиц, революционной литературы — прокламаций, воззваний,— журналов, газет, рукописных тетрадей, содержащих сведения о международных событиях и положении в Корее. Большой раздел был посвящен рейдам партизан. На стенде висел текст их воззвания, обращенный к народу Кореи во время рейда в Почонбо в июне 1937 г., другие аналогичные листовки. Тут же находились издававшиеся Обществом возрождения отечества экземпляры журнала «Самиль» и газеты «Хваджонмин».

Китайские товарищи с пониманием относились к нашей заинтересованности партизанскими делами. Познакомили с одним из участников комсомольской организации Гирина в 20-е годы. Тот повел нас к зданию, в подвале которого собиралась комсомольская ячейка, созданная Ким Ир Сеном. Показал школу, где он учился, тюрьму, где юношей отбывал наказание. Много говорил о партизанах, в борьбе которых тоже участвовал. Мэр города Гирин более сдержанно, но тоже высоко оценивал их деятельность, подчеркивая при этом влияние партизан на корейское освободительное движение. Он позаботился о том, чтобы нас снабдили некоторыми копиями экспонатов музея (к сожалению, не все из них удалось сохранить).

Материалы музея, в частности, свидетельствовали, что Ким

Ир Сен, подлинное имя которого Ким Сонджу, неоднократно менял его[38].

В период японо-китайской войны не только усилились действия партизан непосредственно в Корее и влияние Общества возрождения отечества, но еще более возросли и ужесточились репрессии властей. В сентябре 1937 г. по делу Союза освобождения корейской нации было арестовано 224 его члена во главе с Пак Кымчхором. Они обвинялись в связях с партизанами, в организации вооруженного сопротивления Японии и диверсий в тылу. В 1937—1938 гг. состоялись процессы над 3 тыс. участников Союза.

8. Революционное подполье в стране и освободительная борьба

В стране продолжали действовать и организации, непосредственно не связанные с партизанами.

Назову лишь некоторые из них. В Сеуле проводил интенсивную подпольную работу так называемый Комитет по созданию рабочего союза. Из рассказов его участников следует, что они проникали на предприятия, создавали там ячейки. Иногда удавалось пробираться в Инчхон и другие близлежащие районы. Фактически это была коммунистическая группа. Одной из своих главных задач она ставила дезорганизацию японского тыла. В листовках и воззваниях, распространяемых ею, говорилось о необходимости добиваться поражения Японии в войне. Полиция напала на след организации и разгромила ее.

В уезде Мёнчхон пров. Северная Хамгён действовал левый союз рыбаков, имевший 37 отделений. Полиция бросила в тюрьмы 130 членов союза. Но организации эти через некоторое время были восстановлены.

В рассматриваемый период коммунисты стремились к тесному контакту с организациями интеллигенции, проникали в религиозные общества и секты, особенно тонхаковского направления (Чхондогё и др.).

Один из результатов блокирования с ними — создание и деятельность так называемой Авангардной лиги. В полицейских изданиях указывается, что Лига вела прокоммунистическую пропаганду и пыталась организовать подпольный крестьянский союз.

На ряде сеульских предприятий и в религиозных сектах, в частности буддистских, проводило работу Общество по изучению социологии.

Судя по материалам японских секретных изданий, эти и другие подобные организации возобновили свою деятельность после разгрома ранее действующих, и направлялись они коммунистами[39]. Они выражали и курс на единый антиколониальный, антивоенный фронт.

Менялось социальное лицо подпольных коммунистических групп. В них увеличивалась пролетарская прослойка. И это существенно сказалось в будущем.

На вопросы о том, как могли работать революционеры в ужесточившихся условиях японо-китайской войны, наши южнокорейские собеседники отвечали, что приходилось использовать самые разные формы, особенно индивидуальные беседы, по цепочке передавали друг другу услышанное.

Рассказывали, что немало было провалов, что среди революционеров оказывались предатели. Они использовали в прояпонских целях блокирование коммунистов с националистическими силами, политику единого фронта.

Как известно, реализация установок VII конгресса Коминтерна, как и все мировое коммунистическое движение, столкнулась с большими трудностями, а вскоре эти установки надолго были преданы забвению. Оживились сектантские веяния. Особо тяжелый урон нанес мировым коммунистическим силам сталинизм. Репрессии 1937—1938 гг. вырвали из их рядов много крупных деятелей. Были репрессированы почти все корейские коммунисты[40], работавшие в органах Коминтерна, других международных революционных организациях. Связи корейского подполья с ними фактически прекратились. Арестам подверглись многие корейцы — публицисты, преподаватели, другие работники.

С произволом времен культа Сталина было связано и насильственное переселение в 1937 г. корейцев из Дальневосточного края в Среднюю Азию и Казахстан. Болью и недоумением отозвалось оно в Корее, где об этом вскоре стало известно. После освобождения страны нас неоднократно спрашивали: почему? за что? как они будут осваивать новые места? Что мы могли ответить? Что мы сами знали?

В сложившихся с конца 30-х годов условиях возрастала роль в корейском революционном движении корейцев, действовавших в Китае и являвшихся членами китайской Компартии. Как известно, ИККИ продолжал большую работу по укреплению международной солидарности с борьбой китайского народа. Огромную помощь оказывал ему Советский Союз[41].

Нужно ли доказывать, что весомый вклад Советского Союза в борьбу китайского народа против агрессии Японии служил также поддержкой корейского освободительного движения. Неоднократно это подчеркивали наши сеульские собеседники и выступавшие на митингах и собраниях корейские товарищи.

После начала второй мировой войны освободительная борьба в Корее все глубже уходила в подполье. Процесс созревания субъективного фактора революции обретал новые черты. Большую часть этого времени я уже жила в Корее. Но внешне трудно было заметить какие-либо проявления активной народной борьбы. Она казалась невозможной.

Вспоминается, как во время пребывания в Москве в 1942 г.

меня пригласили на неофициальную беседу секретари ИККИМа (с одним из них, Н. Слуцкером, была знакома, и он знал, что я приехала из Кореи). Меня расспрашивали о положении молодежи. Рассказать смогла очень немного, передала только самое общее впечатление. Секретарей же интересовало настроение молодежи, ее отношение к войне, заметны ли в молодежной среде волнения. Засыпали вопросами. И стыдно вспомнить, как мало я знала и видела. Правда, и секретари не представляли, в каких условиях находились в Сеуле мы, советские люди, степень нашей изоляции. Так что же, там все абсолютно задушено? Ведь молодежь Кореи славилась своей боевитостью, активностью? Неужели не заметно никаких признаков ее сопротивления?— допытывались они. Ничего не могла им тогда ответить. Лишь позднее научилась видеть сквозь густую завесу, отделявшую нас от происходившего в стране. Но основное, касающееся освободительного движения в годы второй мировой войны, мы узнали позднее, как уже упоминалось, от его непосредственных участников, и главным образом от южнокорейских коммунистов. «Свои задачи,— рассказывали они,— мы видели в следующем: сплачивать собственные ряды, преодолевать в них настроения неверия, упадочничества, ликвидаторства. Таких настроений было много, а стойких коммунистов мало. Это делало нашу работу по консолидации сил крайне сложной. Важно было воздействовать на дезориентированное японской пропагандой общественное мнение, доносить до масс правду о политике Японии, ее агрессии, о событиях в мире, и в первую очередь о военных действиях на Тихом океане и на фронтах Великой Отечественной войны советского народа, о задачах корейского освободительного движения. На нас ложилась и задача, несмотря на архисложные условия, не только участвовать в антияпонских и антивоенных выступлениях, но и по возможности направлять их, координировать свои действия с другими патриотическими организациями, включая буржуазные. Опорными базами работы коммунистов при этом оставались промышленные центры». Наши собеседники отмечали, что с пополнением коммунистических групп рабочими связывалась возможность воссоздания Компартии. Вопрос этот с повестки дня не снимался. Но условия войны отодвигали его, требовали серьезной и особой подготовительной работы. В первую очередь было необходимо поддержать, подбодрить надломившихся, упавших духом, но искренних патриотов, временно отошедших от борьбы,— вспоминали собеседники. Это было непросто. «Мы сами мало знали о том, что происходит в мире. Одним из источников были спрятанные в тайниках радиоприемники. Слушали их в глубоком подполье. Сообщения радио размножали, передавали из рук в руки. Старались соблюдать строжайшую конспирацию, но далеко не всегда это удавалось. Напуганные, измученные люди, случалось, выдавали нас полиции, рассказывали о запрещенных разговорах руководителям „патриотических" групп.

Ведь ловля опасномыслящих была организована широчайшая, как и идеологическое оболванивание людей. Было немало и искренне веривших японской пропаганде, зараженных шовинистическим психозом, фанатичным угаром. Общественное сознание оставалось еще очень низким. Отход к японскому лагерю, сближение с колонизаторами ряда известных, просвещенных деятелей, которых привыкли высоко чтить, тоже сыграли свою роль. Вот в таких условиях приходилось революционерам работать»,— рассказывал Пак Хенен и его товарищи.

Следует учесть, что корейские коммунисты, руководители партизанской борьбы в Маньчжурии, осенью 1940 г. перебазировались в СССР. Об этом раньше неоднократно упоминалось в литературе КНДР. В Пхеньянском государственном музее освободительной борьбы, где довелось быть в 1958 г., я подробно ознакомилась с большим разделом, посвященным их пребыванию в СССР.

Решение о переходе партизан к новой тактике борьбы приняло состоявшееся в августе 1940 г. совещание их руководства. Предусматривалось проведение мелких боев, внезапных ударов небольшими группами в тылу врага. Одновременно перед коммунистами-партизанами ставилась задача помогать подпольным группам и союзам в Корее, участвовать в антияпонских, антивоенных выступлениях. Новый курс призван был содействовать сохранению революционных кадров в условиях разгула военно-полицейского террора.

Как свидетельствуют материалы, мелкие отряды партизан продолжали действовать. Весной 1941 г. была создана временная опорная база в округе Ванцин. Продолжалось проникновение в Корею из Северо-Восточного Китая посланцев партизан, которые связывались по возможности с местными подпольными организациями. Рисковали жизнью, ибо провалы были очень частыми. Но люди на это шли.

В целом же в годы второй мировой войны освободительная, антивоенная борьба все в большей мере концентрировалась непосредственно в Корее. Крепло строго законспирированное революционное подполье. Повторяюсь потому, что раньше о нем явно недостаточно писала и знала. Действовали комгруппы, поразному именуемые. Их громили, но через некоторое время возникали новые, пополняемые главным образом рабочими.

Наиболее крупные из таких организаций — сеульская, издававшая журнал «Коммунист» и проводившая работу и за пределами столицы, а также комгруппы в Хынаме и Вонсане, созданные по линии Тихоокеанского секретариата Коминтерна (ТОС), и в других промышленных центрах. «Попытки объединить наши усилия,— рассказывал Ким,— кончались провалом. Трудно было проводить даже эпизодические встречи отдельных работников. Однако иногда встречаться удавалось, обменивались сведениями, которые проникали по разным каналам из СССР, Китая, Японии. На ротаторах печатали обращения, ин-

формационные листки, брошюры, другую нелегальную литературу и старались ее распространять среди рабочих, учащихся, крестьян. Пять раз в годы войны полиция, напав на след сеульской организации (она именовалась по-прежнему Подготовительным комитетом по воссозданию Компартии), арестовывала всех (так полиции казалось) ее участников. Но на деле не всех. Единицы, оставшиеся на свободе, продолжая работу, создавали новые группы, главным образом на промышленных предприятиях, из нескольких надежных рабочих. Проникали и на заводы Инчхона и Чхонджина. И там удавалось организовывать небольшие ячейки».

По записям и литературе разных лет восстанавливаются имена корейских подпольщиков. Но не полностью. Многие пока остались безвестными. Думается, что долг историков восстановить эти славные имена, подробнее рассказать об их делах, которые в условиях Кореи, особенно в военное время, иначе, чем подвигом, назвать нельзя. Об этих делах мы расспрашивали корейских товарищей, что называется, без зазрения совести. Но они отвечали охотно и подробно [42].

Вот что рассказывал один из профессионалов-революционеров — Пак Хенен. Более 10 лет провел в тюрьмах. В годы второй мировой войны устроился работать на кирпичный завод в Кванджу. Установил связи с местными товарищами. Писал листовки, воззвания, информационные листки, сообщающие о том, что происходит в мире (о чем с огромным трудом удавалось самому узнать). Долго на одном месте не засиживался, было опасно. Странствовал под видом сезонного рабочего. Но старался в местах пребывания сколачивать хоть небольшие группы (иногда по два-четыре человека). Позднее узнал, что полиция напала на их след и они оказались в тюремных застенках.

Примерно о том же рассказывали и другие подпольщики. Под видом коробейников, шаманов, строителей-сезонников переходили с места на место и вели главным образом индивидуальную пропаганду. Старались рассеять ложь и дезинформацию о войне Японии и ее подлинных захватнических целях, разъясняли, что корейцам нужна не победа японской империи, а независимость родины, что ее нужно добиваться. Рассказывали все, что удавалось узнать из радиопередач, которые тайно сами слушали, а чаще со слов «надежных людей» о том, что происходит на фронтах тихоокеанской войны и войны СССР и его союзников против фашистов. Связывали с победой СССР, веря в нее, и надежды на освобождение Кореи.

Когда об этом говорили в дни после освобождения страны, думалось, что несколько преувеличивается такая уверенность. Тем более немало было и весьма драматических моментов у советских людей в годы войны. Но вся предшествующая история корейского освободительного движения опровергает такие сомнения. Истинные революционеры твердо и неизменно ориен-

тировались на солидарность с Советским Союзом и его поддержку[43].

Большинство наших собеседников рассказывали и о том, как в годы войны революционеры с нарастающим упорством пытались установить связи с националистами, главным образом с левым крылом. Их объединяла не только антиимпериалистическая, но и антивоенная платформа. (Такие связи поддерживали революционеров и материально, хотя под строгий контроль полиции были взяты расходы состоятельных буржуазно-националистических деятелей.)

Одним из результатов блокирования коммунистов с националистами явилось создание в августе 1944 г. под руководством Ё Унхёна Союза возрождения государства — организации социально пестрой, но симптоматичной. В программе ее говорилось: «Сплотив и объединив всех людей и все группировки, следует во имя возрождения государства изгнать все силы японского империализма, восстановить свободу и независимость корейской нации. В сотрудничестве с государствами, выступающими против стран оси, создать объединенный антияпонский фронт и устранить все реакционные силы, препятствующие полной независимости Кореи»[44]. Союз существовал недолго. Однако коммунисты высоко ценили его как организацию, выражавшую стремление националистической интеллигенции сотрудничать с ними. Оставшиеся на свободе члены Союза продолжали контакты между собой. Один из них, Ли, бывавший в консульском парке, считал, что Союз мог бы стать важным очагом антияпонского, антивоенного движения, но слишком различными были взгляды его участников на будущее Кореи. По этому вопросу велись жаркие споры, некоторые выбывали из организации. Да и полиции стало о ней известно.

В период второй мировой войны активизировалась деятельность корейской эмиграции в Китае. В 1942 г. Ким Дубон, Цой Чханик и другие революционеры создали там Лигу независимости Кореи, выдвинувшую своей задачей построение независимой Корейской демократической республики. Лига, по рассказам некоторых ее участников, приехавших после освобождения в Сеул, стремилась привлечь в свои ряды патриотов разных политических направлений, стать организацией единого фронта, и это ей в значительной степени удалось. Они утверждали, что она оказывала большое влияние не только на корейскую эмиграцию, но и на определенные силы в стране.

Следует отметить и оживление деятельности правых групп корейской эмиграции в Китае.

После начала военных действий на Тихом океане чанкайшистские власти стали уделять повышенное внимание корейскому временному правительству, влачившему довольно жалкое существование. Напомню, что оно было неоднородным. После многих поисков, шатаний часть его приобщилась к демократическому лагерю. Некоторые из оставшихся в правительстве продол-

жали метаться. В том числе его лидер Ким Гу[45]. Но в рассматриваемое время, будучи премьер-министром, он уделял большое внимание укреплению вооруженных сил и старался упрочить связи с правыми элементами гоминьдана. В печати появилось сообщение, что правительство заключило с чанкайшистами договор, предусматривающий передачу прав по внешним сношениям и управлению корейской промышленностью гоминьдановцам. Последние же обязались оказывать ему материальную помощь и содействовать приходу к власти.

Корейские эмигрантские организации в США тоже заметно усиливали свою деятельность. Наиболее крупной среди них была так называемая Корейская комиссия, возглавляемая Ли Сын Маном. Она обосновалась в Вашингтоне в качестве агента временного шанхайского правительства. Кроме того, в США функционировали еще 10 обществ, ассоциаций, федераций, комитетов и других объединений корейских эмигрантов. Все они имели свои печатные издания (на английском и корейском языках), которые пропагандировали ориентацию на США и разными способами распространялись в Корее.

Как же развивалось в период второй мировой войны освободительное движение в Корее? Я уже писала: на поверхности можно было обнаружить лишь эпизодические вспышки недовольства. Много позднее на основе материалов, опубликованных в КНДР и, надо сказать, содержащих в ряде случаев противоречивую информацию и трактовки, многочисленных воспоминаний южнокорейских собеседников, а также извлекаемых из памяти впечатлений тех лет, которым раньше значения не придавала, вырисовывается подлинная картина освободительной борьбы в военное время. Она подтверждает вывод, что субъективный фактор корейской революции продолжал развиваться, создавая возможность для последующего перерастания национального освобождения в социальную демократическую революцию.

Напомню основные контуры этой картины. Возросла роль промышленного Севера, где, несмотря на законы чрезвычайного военного времени, продолжались забастовки, в ряде случаев перераставшие в схватки с полицией. С 1942 г. на промышленных предприятиях Пхеньяна, Чхонджина, Хыннама, Вонсана и других городов стачечная борьба содержала ярко выраженные антивоенные черты. Увеличивалось число диверсий на заводах, особенно военного значения, на шахтах. В 1943 г. были взорваны угольные копи в уезде Хверен, военные склады в уезде Ынсан, сожжен военный завод в Чонджу. Нередкими стали взрывы на аэродромах, железных дорогах, в портах. Разбиралось железнодорожное полотно, учащались крушения воинских поездов.

Широко практиковался в качестве одной из форм рабочего сопротивления милитаристам саботаж на заводах, шахтах, железных дорогах, в портах.

Обо всем этом власти запрещали не только писать в газетах, но и вести разговоры. «В „патриотических“ группах,— осторожно, шепотом рассказывала Суни,— нас строго предупредили, что будут наказывать за упоминания о стачках, крушениях и других недозволенных действиях смутьянов». И тут же добавила, что их предупреждали о растущем числе пожаров (их называют политическими пожарами). И это тоже была одна из форм борьбы. Не раз мы видели в Сеуле полыхающие здания учреждений, компаний.

Выступления рабочих происходили не только на Севере, но и в других районах страны. Так, в 1942 г. восстало около 400 рабочих военно-воздушной базы Японии на острове Чеджудо.

Несмотря на запреты властей, иногда на страницы легальных газет проникали сведения о растущем брожении в стране, в частности среди пролетарских слоев.

Из наших бесед с корейскими товарищами следовало, что коммунисты в листовках, распространяемых на заводах, в портах, разъясняли рабочим, какую большую роль отводит Япония колонии в обслуживании своей агрессивной войны и как важно ее планы срывать. Отмечалась особенно активная деятельность комгруппы в Чхонджине, имевшей ячейки в цехах заводов.

Что касается крестьянства, то его протест против войны выражался в невыполнении планов рисопоставок, различных обложений (хотя сбор их сопровождался прямым полицейским нажимом), в продолжавшихся арендных конфликтах. Там, где сохранялись подпольные крестьянские союзы, вспыхивали и открытые волнения. Но они быстро подавлялись полицией.

В своеобразный фронт освободительной борьбы превратился протест против трудовой мобилизации. Не раз приходилось видеть проводы уезжающих. Мы с приятельницей достаточно часто отправлялись в город, чтобы посмотреть эту довольно грустную процедуру.

Обычно она состоялась возле генерал-губернаторства, а иногда на улице Чонно и в других районах. С трудом пробивались мы сквозь толпы людей. На вопрос, что здесь происходит, нам отвечали неохотно и кратко: отправляем мобилизованных. Куда, не говорили. Невеселыми были эти проводы, хотя звучала музыка и произносили напутственные речи представители властей или, чаще, их корейские союзники, которые говорили на корейском языке. Администрация разрешала это, видимо рассчитывая тем самым успокоить собравшихся. Но, несмотря на такие меры, на известные в народе имена выступавших корейцев, пропагандировавших «блага» трудовой мобилизации, как и на то, что место сбора окружала полиция, родственники уезжающих громко причитали, словно прощаясь навсегда. Особенно страшно было видеть проводы детей 12—13 лет. Матери бились в истерике, прижимали их к себе, полицейские (чаще переодетые в гражданскую одежду) оттаскивали детей в здание для отъез-

жающих. Крики и плач заглушали музыку и речи. Не раз видели, как мобилизованных увозили к месту назначения, а провожающих в полицейских машинах отправляли в тюрьмы. (Газеты, вынужденные об этом упоминать, объясняли эти аресты непатриотическим поведением корейцев, нарушением закона об общественном спокойствии.)

О том, что многие из мобилизованных бежали обратно, говорилось выше. А из тюрем возвращались далеко не все. Особенно участники проводов, которые превращались в крупные антияпонские выступления.

Одно из них произошло летом 1944 г. на привокзальной площади Сеула. Рассказал о нем садовник консульства, провожавший соседа. «Чудом остался на свободе, многих забрали,— говорил он.— Сильно шумели женщины, не отдавали детишек, лезли в драку. Ничего они, конечно, не добились. Увезли малышей. И многим взрослым не поздоровилось».

Напомню, что в это время японские власти старались вести себя осторожнее с населением колонии. И тем не менее...

Из периферийной печати, которая поступала в консульство, хотя и нерегулярно, следовало, что и там трудовая мобилизация вызывает недовольство. Иногда открыто и остро выражается не только отказ покидать родные места, но и протест против политики Японии, против войны.

Это же отражали и так называемые рисовые волнения. Они происходили и в Сеуле, и во многих других городах. Участниками их были рабочие, мелкие торговцы и предприниматели, ремесленники, кустари, служащие. Сведения об этом просачивались в печать, чаще в периферийную. Наиболее активную роль в них играли женщины. Не раз оказывались мы свидетелями рисовых волнений. Однажды по дороге из зоологического парка мы увидели возле одной лавчонки длинную очередь. Она состояла преимущественно из женщин с детьми (подвешенными за спиной или цепляющимися за юбки матерей). Стояла необычайная и какая-то тревожная тишина. Вдруг раздался громкий крик: «Откройте же магазин, мы стоим тут с раннего утра». Очередь загудела, ринулась к двери, застучала в стены лавки. Детишки ревели. Появившиеся полицейские стали разгонять собравшихся, но безуспешно. Многих вместе с детьми отправили в тюрьму, приговаривая: «Там вас накормят». Знакомый торговец, другие корейцы, которым мы рассказывали об увиденном, пояснили, что такое случается часто и можно ли удивляться, ведь люди хотят есть. Удивительно другое, говорили они,— почему эти волнения называют рисовыми. Вкус риса мы уже давно забыли. Снабжают заменителями, да и то с перебоями.

Позднее нам рассказывали, что сеульские коммунисты активно использовали скопления народа во время проводов уезжающих по трудовой мобилизации, «рисовых» беспорядков — вели разъяснительную работу, распространяли листовки, проявляя при этом большую оперативность.

Продолжались в рассматриваемое время и выступления интеллигенции, особенно студенчества.

Отказ многих студентов, обучавшихся в стране и в Японии, идти добровольцами в армию расценивался национальными силами как крупная антивоенная, патриотическая акция.

Население знало о ней, не могло не догадываться по той массированной пропаганде, которая развернулась в печати, по настойчивым призывам корейских «лидеров» общественной мысли, переметнувшихся в прояпонский лагерь. По натаскиванию людей в «патриотических» группах, где угрозы сочетались с заверениями о важности для Кореи победы Японии в войне, о необходимости корейской молодежи участвовать в боевых действиях, сначала в порядке добровольчества, затем в порядке воинской повинности.

«Позор родителям, чьи сыновья отказываются от добровольной службы в армии, неоднократно кричал руководитель „патриотической" группы и приходившие на ее собрания агитаторы из полиции,— рассказывал Сай-сан.— Хвалили и даже награждали значками (и, главное, дополнительными талонами на паек) и тех, кто согласился стать добровольцем, и их родителей».

Задабривали, заигрывали, запугивали и наказывали. Все средства использовались властями.

Из нелегально распространяемых революционерами листовок, да и из подтекста газетных сообщений населению становилось известно об арестах учащихся и поддерживавших их преподавателей, обвиненных в «идеологических преступлениях», к которым относился отказ от добровольчества. Узнавало население и о том, что многие из отказавшихся служить в армии уходили в горы, создавали там партизанские отряды или вливались в существовавшие. Иногда они вместе с мелкими отрядами, переходившими в Корею из Маньчжурии, пускали под откос японские воинские эшелоны, разбирали железнодорожное полотно, подрывая японский тыл.

Многое об этом позднее рассказывали знакомые сеульские студенты.

Силюсь вспомнить то очень далекое, что удавалось увидеть и услышать. По законам памяти именно очень далекое в старости помнится лучше. Хочется как можно правдивее, объективнее ответить на вопрос, были ли в Корее силы, способные возглавить демократическую революцию. Не допускаю ли я натяжки, положительно отвечая на этот вопрос. Ведь знаю, что иногда допускала завышенные оценки, принимала желаемое за действительное.

Несомненно, отношение учащейся молодежи, и не только ее, к призыву в японскую армию не было единым и однозначным. Некоторые ее группы оказались в плену шовинистической пропаганды и искренне считали, что победа Японии принесет корейскому народу если не освобождение, то значительное облегчение, верили лозунгам единства метрополии и колонии. При

этом, как уже говорилось, немалую роль играли проповеди их высокочтимых учителей. Попытки коммунистов разъяснять молодежи правду оказывались часто безуспешными. В вопросах призыва в армию полиция была особенно бдительна.

Часть интеллигенции, в том числе студенчества, продолжала ориентироваться на помощь США, тянулась к проамериканским организациям корейских эмигрантов. Рассеивать их надежды революционерам тоже было нелегко. Ведь приходилось учитывать, что речь идет о союзнике СССР по антигитлеровской коалиции, о стране, воюющей с Японией.

Сильный проамериканский настрой значительных групп интеллигенции и буржуазии проявился впоследствии в Южной Корее. Правда, он столкнулся с национальным самосознанием.

Возвращаясь к вопросу об освободительном движении, о деятельности революционных сил накануне освобождения, думаю, что на основе всего сказанного можно утверждать: они были значительными [46]. Не размахом, не численностью, а боеспособностью, стойкостью, высоким накалом патриотизма и тягой к демократии.

Революционное подполье оказывало немалое воздействие на антиколониальные, антивоенные выступления масс, по объективным причинам крайне ограниченные, внешне малозаметные, глубинные. Несмотря на отсутствие единой партии, осложнявшее деятельность коммунистов, они сумели осуществить курс опоры на промышленные центры, на рабочее движение, влиять на другие патриотические слои. Им удалось установить некоторые контакты с прогрессивными националистическими силами. Процесс расширения последних был связан и с деятельностью в их среде революционеров, и с политикой правой верхушки национал-реформистского лагеря, полностью сомкнувшейся в годы войны с японским империализмом. Входившие в этот лагерь трудящиеся, а также часть мелкобуржуазной интеллигенции переходили на левый фланг. Для некоторых этот путь был трудным, сопровождался ошибками, поисками, но то был путь в революцию.

* * *

Снова, перелистывая страницы корейской истории, обращаюсь к 8 августа 1945 г., и снова возникает страшное слово «война». Узнали о ней из сообщений радио. Консульский парк наводнили полицейские и солдаты. Нас всех буквально согнали в белый зал. Объявили, что выход за ворота консульства запрещен. Предложили немедленно сдать радиоприемники. Угрожали грубо и нагло, что с ослушавшимися церемониться не станут. Начались обыски в квартирах. Ломали стены, швыряли при этом кирпичи и балки, стараясь попасть в ребятишек. За них тревожились больше всего. С ужасом вспоминаю такой случай: курьер охраны Русин попросил моего сына Игоря предупредить жену, чтобы поскорее принесла радиоприемник. Сы-

нишка побежал. Смотрю, за ним с пистолетом в вытянутой руке мчится полицейский, готовый в любую минуту выстрелить, я обомлела. Потом дико закричала. (Позднее этот полицейский извинялся. Он-де не знал, с каким поручением сын бежал в глубь парка.) Угрозы пристрелить, расправиться звучали то и дело.

Конечно, недоедали и почти не спали. Наш старый недобрый знакомый Маямото, как и в 1941 г., с откровенной издевкой говорил нам, собирая всех вместе или поодиночке, что в ближайшие дни сотрудников консульства и их семьи отправят на этот раз в Токио, но добраться туда не удастся, так как море кишит советскими минами, на которых мы и подорвемся. С собой разрешат взять по чемоданчику, так что не стоит утруждать себя сбором вещей, предупреждал он и весело смеялся. Он регулярно информировал о победах японской армии, о том, как умело расправляется она с советскими «агрессорами». А мы, полностью изолированные от внешнего мира, ничего не знали. Не верили этому садисту, но были в полном неведении. При этом все до единого консульские работники, жены и даже дети не показывали вида, как им тяжело. Это больше всего злило полицейских. Кроме Маямото в консульстве расположились и другие знающие русский язык, которые тоже всеми силами пытались запугать, надломить. Было и страшно и очень обидно: после такой победы над фашизмом, стольких дней ликования погибнуть от рук самураев. Но не давали воли ни страху, ни обиде. Даже дети заметно повзрослели.

15 августа Маямото неожиданно серьезным и официальным тоном оповестил нас, что приехали представители генерал-губернаторства, и подчеркнул: большие чины, сделают важное сообщение. Мы сразу решили, что нас хотят отправить в Токио «подрываться на минах». Собрались в белом зале консульства. Приехали чиновники генерал-губернаторства. Вид их поразил. Кланяясь, угодливо улыбаясь, они извинялись за то, что были вынуждены содержать нас в трудных условиях, но компенсируют это радостным известием.

Главный из приехавших на ломаном русском языке сообщил, что по велению микадо Япония пошла на великодушный акт капитуляции. На всякий случай, опасаясь, что мы не поняли оратора, его заявление перевел Маямото, добавив: «Приводите в порядок ваши квартиры, забирайте приемники, включайте радио». При этом он заискивающе и отвратительно улыбался, обнажая большие неровные зубы.

Снова бессильна найти слова, чтобы рассказать о пережитом в эти минуты. Снова главное, что сверлило мысль: как дома, в Союзе. Что произошло на советско-японских фронтах. Включили приемники. О ходе и исходе войны написано много и в исторической литературе, и в мемуарных изданиях. О том, как встретило население Сеула весть о капитуляции Японии, писала в книге «Южная Корея. 1945—1946». Не стану повторяться. Хотелось бы высказать лишь несколько общих сообра-

жений. Сейчас по разным вопросам истории, в том числе о второй мировой войне, предпринимаются попытки пересмотреть некоторые устоявшиеся положения, восстановить истину. Это обязательно и неизбежно. Но лишь при условии документированных доказательств и научного конкретно-исторического подхода, что порой нарушается. Некоторые авторы не учитывают время, реалии, конкретику местных условий. В данном случае я имею в виду освобождение от колониализма Кореи при решающей роли Советского государства. Можно ли забывать его подвиг? Кровь, пролитую советскими воинами за свободу Кореи? Ведь у истории есть не только правда, память, но и совесть. Когда порой сталкиваешься с забвением или даже принижением роли СССР в осуществлении национально-освободительных задач корейской революции, во имя чего многие годы самоотверженно боролись корейские патриоты, выражая свой выбор — быть независимыми, то протестуют не только разум, но и сердце. И вспоминаются дни освобождения. Тогда казалось, что эти дни стали для Кореи святыней. Мы ясно видели, как подъем национальных чувств, национального достоинства и гордости корейцев органически сливался со столь же мощным взрывом интернациональных чувств, признательности своему освободителю — советскому народу. «Никогда не забудем подвига, который совершила Советская Армия, освободив нас от колониального гнета. Никогда»,— говорили тогда корейцы разных сословий на собраниях, митингах, в личных беседах. Запомнилась приводимая часто поговорка: «Благодарный друг — дважды друг: тебе и себе. Он ценит твое благородство и высоко поднимает свое». Понимали: не могла Корея только своими силами сокрушить японский империализм. Это было сделано Советской Армией в конкретно-исторических условиях второй мировой войны. Именно в таких формах осуществлялись тогда принципы интернационализма. И это был не экспорт революции, а самая гуманная, благородная помощь в избавлении от колониального гнета.

Но выбрать путь социального развития после освобождения мог только сам корейский народ.

Вся совокупность факторов свидетельствует, что не «рука Москвы», а политика и дела первого на планете социалистического государства (при всех деформациях, о которых стало известно позже) подсказывали выбор, приобщали прогрессивных людей Кореи к идеалам социализма. Они вынашивались мучительно долго, отягощаемые грузом утопических, вульгарных, упрощенных воззрений, ультрареволюционного романтизма, для которых в стране была благоприятная почва. Марксистская мысль пробивала себе дорогу с трудом. Но пробивала. Вынашивалась сначала инстинктивно, затем сознательно вера в демократическое будущее, в общество социальной справедливости, без эксплуатации и угнетения. Еще раз опытом истории рассеивается миф об экспорте революции. Подавляющее боль-

шинство населения Кореи хотело демократии и социальных прав. Высказывалось за это мощным народным движением. И на Юге тоже[47]. Видела это своими глазами. (Не могу в данном случае не повториться.)

Конечно, в Северной Корее — индустриальном центре страны, сосредоточившем основные кадры промышленного пролетариата, условия создались особенно благоприятные для осуществления выбора народа, его волеизъявления. Советская Армия, освободившая с боями Северную Корею и оставшаяся там, оказывала непосредственную помощь в строительстве новой жизни. На Юге же сконцентрировалась корейская реакция: яростные противники революции, а также не понявшие, испугавшиеся ее буржуазные патриоты. И главное: вступление 7 сентября 1945 г. американских войск, объединивших все реакционные, антипатриотические силы, прервало демократическое развитие Юга. Факты свидетельствуют, что внутренние условия для такого развития были. Но если невозможно экспортировать революцию, то ее подавление, экспорт контрреволюции относится к нередким печальным реалиям.

Развитие двух частей страны, однонациональной, прочно скрепленной устойчивыми традициями, пошло разными путями. Искусственно раскололась нация: общество, семьи, культура, вековые устои.

Поскольку делается попытка критически оценить некоторые свои прошлые трактовки, следует сказать, что, объективно и высоко характеризуя роль СССР в освобождении Кореи, помощь советских людей строительству новой жизни на Севере страны, автор, как и другие корееведы, был вынужден замалчивать некоторые негативные аспекты этой помощи. Они связаны с механическим перенесением опыта СССР на корейскую почву и с ошибками и просчетами, содержавшимися в самом нашем опыте. Особенно болезненно сказались на развитии Северной Кореи (и вообще на подходе к решению корейского вопроса) культ личности Сталина. Его волею, по образцу тех времен готовились, расставлялись кадры, принимались многие принципиальные решения. В качестве примера приведу один, как мне кажется, весьма показательный случай. Тогда мы его считали большим событием, которым, признаюсь, гордились.

В июле 1946 г. мужа срочно и неожиданно вызвал Терентий Фомич Штыков в Пхеньян, откуда они вместе с корейскими руководителями вылетели в Москву на встречу со Сталиным. Возможно, в архивах сохранились следы таких встреч. В данном случае опиралась на рассказы и сделанные после встречи записи Анатолия Ивановича. Он сильно волновался от возможности близко видеть, слушать Сталина. Даже растерялся, когда один из корейских товарищей заговорил на родном языке и нужно было переводить (они знали русский, но, видимо, произошло это тоже от волнения)[48]. Беседа шла о многом: о ближайших и перспективных задачах, о том, целесообразно ли объявлять, что

все заводы и фабрики становятся в Северной Корее собственностью корейцев, как к этому отнесутся на Юге. Сталин спрашивал, как называлась страна до аннексии — не хотят ли корейцы, чтобы у них снова был король. Республики хотят они, ответили корейские товарищи. Сталин выяснил, в чьих руках железные дороги, кто руководит заводами, работают ли они и каким образом.

На его замечание, что Советская Армия скоро уйдет из Кореи, что ее трудно содержать, корейские представители отреагировали с тревогой: «Кто же тогда нам будет помогать?». Сталин ответил довольно общо: «Нужно учиться, пусть едут учиться в Россию. Если вы не станете образованнее, вас акула проглотит».

Говорили об экономическом положении страны, о ее сырьевых запасах, о необходимости иметь национальную валюту.

Наиболее интересная часть беседы, рассказывал Анатолий Иванович, касалась политико-партийных вопросов. Сталин больше спрашивал. Сам был немногословен, но каждая фраза казалась открытием, пророчеством, каждое слово вещало. Тогда это воспринималось как должное. Корейские товарищи говорили, что особенно нужна помощь в подготовке кадров, в издании газет, журналов, в медицинской области. Сталин молча ходил по кабинету, потом остановился, сказав: «У вас для всего этого есть база». Поняли, что под базой имеется в виду Советский Союз. На замечание корейских друзей об отсутствии у партии платформы действий он ответил: «Можно помочь».

Зашел разговор о фракционерах в партии, о левых, не понимающих обстановки, о фразерах. К последним относили и тех, кто выступает за немедленные социалистические преобразования, и тех, кто отстаивал возможность контактов с умеренными буржуазными националистами Юга. «Гроша медного они не стоят,— заявил Сталин.— Демагогов мы знаем хорошо. Думают, что фокусами можно решить большие вопросы».

Нет, не все они были демагогами. И ярлык фракционеров немало помешал и северокорейским революционерам обрести союзников на Юге. О положении там тоже шел разговор. «Пока американцы не помогают, а борются (видимо, против демократических сил.— *Авт.*),— заметил Сталин и добавил:— Нужно уметь защищаться силой, если не удается словом». Что он имел в виду, тоже было неясно. Но спрашивать никто не решился, говорил муж.

Больше всего поразила его и нас, кому он доверительно поведал о беседе, та ее часть, где речь шла о создании Трудовой партии Кореи. Вопрос был поставлен Сталиным так: нельзя ли, чтобы Компартия объявила себя социал-демократической или трудовой и ставила перед собой ближайшие задачи. Корейские руководители, видимо не подготовленные к обсуждению такого вопроса, ответили: это возможно, но нужно посоветоваться с народом (имелись в виду в первую очередь коммунисты).

И Сталин бросил (это было, как ясно сейчас, чисто по-сталински): народ что, народ землю пашет, решать нужно нам.

Засела эта фраза в голове, как заноза. Думалось тогда, что не так понято, записано в набросках: но все было так. И пренебрежение к тому, что думают массы, и уверенность в праве решать внутренние дела другой, хотя и очень близкой нам страны.

Один небольшой штрих. Но как он характерен.

Мог ли подход Сталина к мнению народа в данном частном случае, как и во многих других, не оказать своего влияния на корейских коммунистов, вставших у руководства, на весь стиль и методы их работы? Ведь все было нацелено на то, чтобы ломать старое и созидать новое общество, строить, возглавлять массы «по образу и подобию» нашего опыта, который абсолютизировался, фетишизировался. Собственно, тогда он был и первым и единственным.

Хотя призывы против левизны на словах звучали, забегание вперед было значительным и в то время, и позднее. Оно в определенной мере коснулось и взаимоотношений с Южной Кореей.

Поскольку воспоминания мои связаны с Югом, с Сеулом, позволю себе высказать на этот счет лишь одно соображение. Советские историки обстоятельно и глубоко исследуют истоки корейской проблемы. При этом представляется, что дальнейшего изучения требует такой вопрос, как потенции и концепции единого фронта демократических сил Севера и Юга. Этот срез корейской проблемы ныне особенно важен в свете новых подходов и извлечения уроков истории. Напомню, что южнокорейские коммунисты, выступавшие после освобождения за блокирование и единый фронт с патриотами-националистами, обвинялись в предательстве. Вообще же одним из следствий периода культа Сталина явились не только трудности в реализации курса VII конгресса Коминтерна, но и его фактическое забвение. Это наложило свой отпечаток и на последующий ход событий, и на их оценки корееведами.

И в заключение несколько последних слов о ставшей для меня такой близкой Корее. Своеобразное объяснение в любви. Какая же это ослепительно красивая страна, какой духовно богатый народ! Сколько тяжелых испытаний выпало на его долю! Не надломился.

И благородна задача ученых исследовать его историю, взглянуть сегодняшними глазами в его прошлое, современность и грядущее.

Раздел третий
ПОСЛЕ КОРЕИ В КОРЕЕВЕДЕНИИ

1. Высокая миссия востоковеда

Летом 1946 г. советское генконсульство в Сеуле было закрыто.

Когда мы с сыном уезжали в Москву, знали, что муж, улетевший туда вместе со Штыковым и корейскими руководителями, будет ждать нас дома. Но получилось иначе. Мы встретились в городе Ворошилове (Уссурийске). Оказывается, ему в наркоминделе было предписано ехать в Пхеньян заместителем политического советника СССР. Обещали, что ненадолго (оказалось, на полтора года). Конечно, это омрачило радость возвращения домой. Однако возражать было не принято.

В Москве стала думать о своей дальнейшей работе. Чувствовала, что от начатого в Корее ее изучения отойти будет трудно. Прикипела сердцем.

У многих моих друзей было не совсем правильное представление о научной деятельности. Успеешь заняться наукой, говорили они. Пока есть силы, нужно работать. Не учитывали, что это тоже работа, и очень, очень нелегкая[1]. Колебалась.

Сомнения мои рассеялись после того, как по совету одного из товарищей стала бывать в Тихоокеанском институте АН СССР. Помещался он на Кропоткинской улице, занимал одну большую комнату, где проводились научные заседания. Она же служила кабинетом директора, его заместителя и ученого секретаря. В другой комнате размещалась библиотека. Неофициальные встречи, беседы велись в маленьком «предбаннике». Там радушная, неизменно улыбающаяся Р. М. Ленская каждого обогревала теплым, добрым словом. Коснусь немного ее биографии.

Вместе с родителями девочкой эмигрировала в 1913 г. в США. Там в 1920 г. вступила в Компартию Америки. В 1921 г., вернувшись в Россию, она стала активным членом РКП(б).

В институте насчитывалось менее 20 сотрудников и аспирантов. Возглавлял его тогда Е. М. Жуков, а ученым секретарем был Б. К. Рубцов. Им в первую очередь я обязана своим переходом после Кореи в корееведение. (Что представляет собой институт Академии наук, я, конечно, не знала.)

Пожалуй, главное, что уяснила из разговоров с ними, с другими институтскими учеными, это — сколь интересна и благородна профессия востоковеда. А говоря высоким слогом, как почетна и гуманна его миссия. Ведь ориенталист восстанавливает правду о народах, большинство которых недоброй волею истории задержались в своем развитии, отбрасывались от мирового прогресса. Он делает общим достоянием богатую, самобытную культуру Востока, долгие годы терзаемую и истребляемую, их интереснейшую историю — неотъемлемую часть мировой цивилизации. Он раскрывает летопись самоотверженной, неравной, часто трагической борьбы народов Востока за независимость и социальные права. Ему выпало на долю разгадывать многочисленные тайны этого огромного своеобразного региона, расшифровывать его загадочные кроссворды с причудливыми, очень цепкими традициями, поднимать глубинные пласты прошлого. А настоящее? Сколько в нем неожиданного, непредсказуемого... Так, для народов, взявших курс на переход к социализму,— это задача перелета через века...

Не в таких выражениях, а буднично, просто, без пафоса, но часто говорилось именно об этом. Позднее все больше убеждалась в справедливости таких суждений. Какую бы область востоковедной науки мы ни взяли, она несет в себе большой заряд гуманизма. Так, к примеру, филологи. Они помогают своим восточным коллегам создавать, развивать национальную письменность, исследовать пленительный восточный фольклор. Или этнографы, которые вводят нас в мир своеобразных традиций, обычаев, жизненных устоев, раскрывают экзотику Востока.

Думается, что часто применяемое в отношении ориенталистов определение «редкая профессия» имеет основания. Не проста она. Нужно не только знать своеобразие, традиции, этические нормы восточных народов, но и неизменно учитывать их реакцию на прошлое. Много подводных рифов у востоковеда. Иногда приходится, например, сталкиваться с попытками исследователей изучаемых стран, знания и труды которых неоценимы, «улучшить», возвеличить свою историю, культуру, утверждать свою исключительность. Это объяснимая реакция на длительное унижение. Но она мешает восстанавливать, объяснять и обобщать историческую правду.

Высокая роль востоковеда означает не только умение находить и анализировать достоверные данные, но и правильно оценивать происходившее и происходящее во всей их порой недиалектической противоречивости и крайней сложности. Иными словами, быть во всеоружии научной методологии.

Несколько слов о зарубежной историографии по Корее. Обширная и интересная, особенно в США и Японии, она содержит богатый материал. Этому способствует высокая культура исследований, доступность материалов. Но основное внимание в ней уделяется факту в ущерб обобщению. Не задей-

ствованы ключевые звенья, потенциал научной методологии, и в результате открытыми или перекошенными оказываются многие проблемы. Сужается, ограничивается возможность дать правдивую картину целого, сделать теоретический вывод.

Знаю, упрек этот в адрес зарубежных коллег вызовет возражения некоторых моих товарищей. Это-де старо, пропаганда... Но стара и я. И сейчас, как и раньше, считаю, что пропаганда должна быть научной, а общественные науки неизбежно содержат мощный заряд пропаганды. Что касается научной методологии, то многие изъяны общественных наук, в том числе и востоковедения, связаны, по-моему, с нарушением ее принципов и застоем в их творческой разработке применительно к новым условиям [2].

Понятие высокой роли востоковеда наряду с умением видеть, знать правду о Востоке, располагать необходимыми материалами, владеть научной методологией включает в себя и нравственный компонент, масштабный, со своей спецификой [3]. Ныне вопрос этот приобретает особую остроту.

Ограничусь лишь одним соображением. Чтобы быть во всеоружии редкой профессии ориенталиста, Восток нужно любить и обязательно быть искренним и убежденным интернационалистом.

Любить народ, историю, культуру которого изучаешь, разумеется, не означает только бездумно восторгаться его духовными ценностями, замалчивая при этом теневые стороны исторического опыта. Наоборот. Объективное вскрытие их — одна из гуманных задач коллективной интернациональной мысли востоковедов. Гуманизм советских ориенталистов, разумеется, тесно связан с огромной прогрессивной ролью нашей страны в пробуждении и освобождении Востока. При всех ошибках и просчетах, которые мы допускали и тоже не смеем замалчивать. Чтобы их не повторять. И во имя правды.

Все это лишь беглые замечания, предваряющие тему корееведения (и в определенной мере вопросы изучения социализма в Азии, которыми я одновременно занимаюсь).

Но возвращаюсь в Тихоокеанский институт. В нем исследовались вопросы экономики, политики, международных отношений в тихоокеанском регионе. Будучи малочисленным, он вместе с тем был заметным центром ориенталистики. Каждое научное заседание (а они происходили еженедельно) собирало столько востоковедов из разных научных учреждений и учебных заведений, что комната не могла всех вместить. Устраивались в коридоре. Эти заседания обогащали, были источником знаний и творчества. Подкупала и атмосфера доброжелательности, уважительности. «Здесь я учусь и отдыхаю,— делился своими впечатлениями (впоследствии известный монголист) Илья Яковлевич Златкин.— Это подлинный оазис науки». Жаркие споры участников заседаний не превращались в ссоры, не обижали, а заряжали, стимулировали активность, поиск.

Корееведов в институте не было. Лишь в аспирантуру приняли молоденькую Галочку Тягай, как ее все называли. Ныне она доктор наук.

На первых порах поручили мне сделать доклад о положении в стране. Затем еще один — о своеобразном укладе жизни на острове Чеджудо (привезла о нем материалы). Отвечать пришлось на многочисленные вопросы, на некоторые не смогла ответить. Я тогда поняла, как мало я знаю, точнее, сколь слабо умею анализировать и обобщать.

Предложили работать в институте младшим научным сотрудником. Мои колебания кончились, и я согласилась. Но неожиданно произошла осечка. Тогда существовала практика, что кандидатуру каждого принимаемого в штат сотрудника необходимо согласовывать с райкомом партии. И инструктор, курировавший наш институт, поставил условие: зачислить лишь в том случае, если будет уволен кто-либо из сотрудников еврейской национальности, ибо их процент там слишком высок[4]. Об этом мне со свойственной ему прямотой сказал Б. К. Рубцов. Кандидатура на увольнение есть, добавил он. Я, естественно, отказалась, но была обескуражена. С «национальным вопросом» столкнулась впервые непосредственно в Томске. Об этом писала выше. Но то были малограмотные люди, к тому же обозленные. А тут в райкоме партии «официальный» антисемитизм, «процентная национальная норма»?

Евгений Михайлович Жуков, понимая, что согласиться на условия райкома я не могла, предложил работать первое время на договорных началах. Убедил, что это ничего не изменит, буду на учете в парторганизации института и работать, как все. Так я и сделала. Одновременно стала внештатным комментатором на радио. Многие в институте, а также друзья и не знали, что я «заштатная» и по какой причине. (Выдавало только то, что карточки не получала, и хлеб приходилось покупать на рынке).

В январе 1948 г. вернулся из Пхеньяна муж. Наконец-то наша семья воссоединилась.

Многое мне мешало начинать научную работу. Сказывалось отсутствие навыков, школы.

Но неодолимой была тяга к изучению полюбившейся мне Кореи и неоценимой помощь ученых, с которыми меня свела судьба. Об этих людях сейчас особенно важно знать молодому поколению. Многому следует у них поучиться, хотя они тоже были подвержены болезням своего времени.

В подавляющем большинстве эти ученые воплощали не только талант, обширные знания, но и мощный нравственный потенциал. Осознавали высокую роль ориенталиста. Они принадлежали к первому поколению востоковедов-марксистов, унаследовавших и развивавших богатую школу дореволюционной классической ориенталистики[5]. Не на пустом месте родилось марксистское востоковедение. Оно вобрало и вбирает все прогрес-

сивное, что было создано российскими и зарубежными исследователями Востока.

Немного о тех, с кем мне посчастливилось вместе работать.

2. Штрихи к портретам

Недавно (в 1988 г.) вышла в свет книга «Слово об учителях»[6]. Благородная, благодарная, очень нужная книга, особенно в наше время, когда стало довольно обычным явлением забывать об учителях, о предшественниках, о первопроходцах или выискивать у них главным образом ошибки и слабости.

В изданной книге речь идет о подлинных подвижниках ориенталистики, которых уже нет в живых (и почему-то только о докторах наук). Ярко, аналитически раскрыты их весомый вклад в науку, характеры, нравственный потенциал, отношение к молодежи, показан климат, царивший в ориенталистике в первую очередь благодаря свету, который излучали эти ученые. С любовью, по-доброму написаны воспоминания об учителях.

С большинством из тех, о ком идет речь в книге, я работала и, хотя официально не числюсь их ученицей, не писала диссертаций и по возрасту близка к их поколению, так как поздно пришла в науку, считаю их своими наставниками.

Попробую дополнить штрихами воспоминаний портреты некоторых ученых, о которых говорится в книге, и немного сказать о тех, кто в ней не упоминается. И вообще о стиле работы в Тихоокеанском институте (затем востоковедения). Только штрихами.

1946—1947 годы. Готовилась первая коллективная монография института «Кризис колониальной системы». Мне поручили написать главу о Корее. Согласилась, в очень сжатые сроки выполнила задание и сдала главу Евгению Михайловичу. Прочитал быстро. И состоялась беседа примерно такого характера. Конечно, сказал он, бывает, что и такие работы публикуются (первый ушат ледяной воды). Но, не сомневаюсь, вы можете поднять ее научный уровень. В течение 20—30 минут, не больше, он высказал свои соображения по поводу того, что следовало бы сделать. Форма была избрана такая: что бы он на моем месте изменил, подправил. Речь же шла о серьезной переработке. Но сказано все было так деликатно и уважительно к автору первой научной работы, что я не только не расстроилась, но буквально с радостью глотала каждое его слово. Размышлял, словно вместе со мной, как сделать, чтобы глава вписывалась в структуру книги, чтобы внутренние и международные факторы давались во взаимосвязи, с соблюдением историчности и т. п. Это был настоящий урок методологии. Но не только. Я поняла, как непросто писать, даже имея первоклассные материалы.

Не со всеми положениями главы Евгений Михайлович согласился, но тут же предупредил: не торопитесь от них отка-

зываться. Взвесьте все еще и еще раз. Хотя этого делать я не собиралась, постаралась, чтобы совет и урок пошли впрок. Переделала главу на одном дыхании[7]. Принесла Евгению Михайловичу и уже с тревогой и трепетом ждала приговора. На следующий день он позвонил, сказал, что считает главу готовой и поставит на обсуждение авторского и институтского коллективов. Все обошлось хорошо и, главное, было очень полезно, разумеется, для автора.

Неоценимой оказалась для меня помощь Евгения Михайловича. Спокойный, на первый взгляд даже холодный, он много хорошего, доброго делал людям, скрывая это под маской сдержанности. Не знаю, почему так мало написано об этом большом ученом и замечательном человеке, высокоинтеллигентном, многознающем, талантливом, столько сделавшем для исторической науки.

Совсем другой характер был у Александра Андреевича Губера (впоследствии заместителя директора, а затем директора Института востоковедения).

Если тонкий юмор Е. М. Жукова только угадывался, то Александр Андреевич им просто ослеплял и оглушал. Пикироваться с ним было невозможно[8]. Столь же безграничны были его доброта, желание помочь.

Судьба его в то время была очень сурова. Страшное горе произошло в семье — утонул сын. Арестован был брат. Свои переживания он старался скрывать. Поддерживали его всеобщая любовь и уважение.

О нем говорили, что в рецензируемые книги, диссертации он не вчитывается, иногда только листает, но суть, слабые и сильные их стороны улавливает безошибочно[9]. Убедилась в этом на личном примере. Александр Андреевич был моим оппонентом на защите и кандидатской и докторской диссертаций (книг). Свои критические замечания по докторской он высказал мне за несколько минут до начала защиты. «Пустячок. Речь в них пойдет о роли национальной буржуазии»,— бросил он вскользь. Хорош «пустячок»!

По существу, он изложил правильное мнение о том, что мы занижаем эту роль в национально-освободительном движении. После защиты, извинившись, что не успел предварительно оформить отзыв, он в качестве компенсации сказал, что был уверен в соискателе и его возможностях. Но все это было много позднее.

А в то время, в 1946 г., когда обсуждали тему и предварительный план моей книги «Народное восстание 1919 г. в Корее», Е. М. Жуков, А. А. Губер и Б. К. Рубцов преподали мне запомнившийся на всю жизнь урок — как подготовиться к написанию монографии. Помню совет: наряду с отбором и систематизацией фактов ведите тетрадь, в которую заносите разные, в том числе самые несуразные мысли, возможные контраргументы вашей концепции, парадоксы и аномалии, связанные с

темой. У мыслей есть особенность, пояснял Борис Константинович, теряться и забываться. Привел при этом ходячую поговорку: мысль, проникнув в голову ученого и никого там не застав, уходит.

Не знаю, вели ли такую тетрадь сами мои наставники. Я завела и часто к ней обращалась. Делаю это и сейчас. Сверяйте, сопоставляйте материалы, советовали они, у вас ведь клад источников. Но нелегко мне было владеть этим кладом.

Каждый месяц сдавала часть монографии, по договору получая зарплату за принятую продукцию. Ее прочитывали: директор, ученый секретарь, другие рецензенты. Законченные разделы обсуждали на институтских заседаниях. После того как в 1952 г. книга была издана, вызвав положительный отзыв, рекомендована к защите (в газете, как тогда было положено, сообщалось о ее дне), а потом изъята и защита отменена (о причинах писала выше), Е. М. Жуков, А. А. Губер, Б. К. Рубцов организовали закрытую защиту, о чем я не просила и даже не знала, что такое возможно. Поддержали меня и другие ученые института.

Сейчас, вспоминая их, думаю, они понимали, что с общественными науками неблагополучно. Но, во-первых, ориенталистику меньше других отраслей обществоведения затронуло это неблагополучие. Во-вторых, были ли у них возможности изменить положение? Работали одержимо, жили трудно, мужественно переносили невзгоды. Сталкиваясь с откровенной конъюнктурщиной, с фальсификацией, они по мере сил отстаивали по изучаемым вопросам свою точку зрения. Но были вынуждены идти на конъюнктурные издержки, стараясь в главном оставаться объективными. Особенно трудно было с вопросами современности. Но что они могли предпринять? А если бы попытались? Стало бы меньше талантливых ученых... И только.

О том, как нужно овладевать не только навыками научной работы, но и искусством идти на издержки в частностях, сохраняя объективность в главном, я убедилась, участвуя в коллективных монографиях и сборниках. Выше уже говорилось о книге «Кризис колониальной системы империализма» (ее авторами были Е. М. Жуков, Г. В. Астафьев, А. М. Дьяков, С. В. Покровский, А. А. Губер, В. Я. Васильева, Г. Л. Бондаревский, О. И. Забозлаева).

Концепция этого труда, его содержание (сохранила записи по обсуждению моей главы) рассматривались не только в свете того, что нового они вносят в науку, какая будет польза практике, но гораздо больше говорилось о том, чего не следует писать, что не пройдет.

Запомнилось и участие в двухтомнике. «Первая русская революция и международное революционное движение» (издание 1956 г.) под руководством академика А. М. Панкратовой. В числе авторов были А. Ф. Миллер, Ли Шу, Л. В. Симоновская, И. М. Рейснер, В. Б. Луцкий, И. Я. Златкин, Х. Т. Эйдус.

Каждое заседание авторского коллектива стало для меня уже не школой, а университетом. Проходили они бурно, но очень корректно. Неоднократно вставали вопросы, стоит ли писать о том или ином факте, событии, бесспорном, но политически уязвимом [10]. Обсуждались концепции, характеристики, выводы. Все авторы были обязаны внимательно прочитывать всю рукопись книги, а не только свой раздел.

Не забуду обсуждения моей главы. Игорь Михайлович Рейснер, которого я очень уважала и немного побаивалась за его критичность и меткую ироничность, Анатолий Филиппович Миллер (с ним позднее сталкивалась по работе во «Всемирной истории», о чем с удовлетворением вспоминаю), X. Т. Эйдус высказали сомнение, не завышаю ли я размах корейского освободительного движения в 1905—1907 гг. За меня отвечали источники. Принесла огромную уникальную книгу «Записки о подавлении восстаний в Корее» (закрытое японское издание, основной текст ее с помощью Анатолия Ивановича и корейских товарищей ранее удалось перевести).

«Сомневаться не смею, могу только завидовать»,— резюмировал X. Т. Эйдус (книгу он дал кому-то на рецензию).

Помню, горячо обсуждался вопрос о «двух Россиях» — царской, буржуазно-помещичьей, «тюрьме народов», и России демократической, прогрессивной, «заре народов», как ее кто-то из авторов назвал. Ведь по этому вопросу и тогда и позднее наблюдалось немало шараханий! Их корень — конъюнктурщина, а порой неумение исторично, творчески оценивать сложные явления. Остро стоит эта проблема и сейчас. Находятся люди, забывающие прогрессивную роль России, русского народа в судьбах всего нашего многонационального государства и многих зарубежных стран.

Из этих и многих других обсуждений постаралась извлекать уроки. Пожалуй, основными назвала бы: вырабатывать свое мнение, уметь его аргументировать, обосновывать, овладевать искусством обходить не разрешенное официальной цензурой, сохраняя основы своей концепции.

Видела, что так делали и мои фактические учителя, и высокочтимые коллеги.

К ним отношу и Бориса Константиновича Рубцова (он был и секретарем партийной организации института).

Активный участник партизанского движения на Востоке в годы интервенции, затем Великой Отечественной войны, он удивительно сочетал, казалось бы, несовместимое: жесткость, суровую непримиримость, особенно к угодничеству, приспособленчеству, к случайным людям в науке, известную прямолинейность с добротой и отзывчивостью, с внутренней деликатностью. Работал он самозабвенно. Много помогая другим, сам так и не написал даже кандидатской диссертации. Объяснял это тем, что некогда, да и слишком к себе придирчив. То была правда.

Вместе с тем часами мог говорить с молодежью о том, как

увлекательна работа востоковеда. Все, что писали сотрудники по близким ему сюжетам, он внимательно читал (даже мои комментарии для радио).

После одного из докладов, «О крестьянском движении в Корее», с которым мне поручили выступить на большом научном заседании, Борис Константинович, одновременно работавший в журнале «Вопросы истории», предложил написать туда на эту же тему статью. В 1949 г. ее опубликовали. Она была головной. «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах,— с долей тревоги шутил он.— Ко всему будьте готовы»... Не было ни крестов, ни кустов. Ошеломил автора лишь огромный по тем временам гонорар.

У Б. К. Рубцова скопился значительный архив по Дальнему Востоку, гражданской войне. Многие копии архивных материалов он мне передал. Рано его не стало. Но никогда не забуду эту яркую, незаурядную личность, его доброго отношения.

Не могу не сказать того же об очень непохожем на Б. К. Рубцова Александре Львовиче Гальперине. В книге «Слово об учителях» помещены интересные воспоминания о нем докторов наук Г. И. Подпаловой, Г. Д. Тягай, В. Б. Воронцова. Добавить могу мало.

Александр Львович никаких постов не занимал, по-моему, даже избегал их. Но он был лидером. Всегда в окружении молодежи, которая тянулась к нему не случайно. Ему были присущи черты глубокого аналитика, внимательного педагога-просветителя в самом широком смысле этого слова. Когда на заседаниях Ученого совета и других научных форумах он медленно шел к трибуне, зал затихал. Знали, что скажет умно, продуманно, выношенное в процессе огромного творческого труда.

Имела возможность наблюдать стиль его работы с аспирантами, сочетавший и умение и желание помочь, направить, вывести на дорогу науки.

Александр Львович был японоведом, но география и проблематика его исследований и интересов выходили далеко за пределы японоведения. Корейские сюжеты тоже были ему близки. Первое время он преимущественно расспрашивал о том, что я видела в стране. Неоценимыми стали для меня эти вопросы. Они вели в глубь изучаемых тем, заставляли напрягать мысль. Познакомились семьями. Неоднократно бывали дома у Александра Львовича, где царила атмосфера высокой духовности, интеллигентности [11].

Муж сразу вписался в эту «атмосферу». Часами длились их беседы. Возвращаясь домой, не раз повторял: «Вот это востоковед-ученый. Побольше бы таких».

Когда в институте нужно было сколачивать авторские коллективы для монографий, сборников, справочников, это поручали Александру Львовичу. Используя свой авторитет лидера дальневосточников-историков, он умел уговорить самого капризного автора включиться в работу. Умел и требовать. Не прощал

поверхностности, особенно недобросовестности. Деликатно, но решительно отвергал компиляцию.

Встречали у него Константина Михайловича Попова, одного из родоначальников советской школы экономического японоведения. Они были связаны большой и длительной дружбой, хотя на первый взгляд казались очень разными. Роднила их не только профессия и общий объект исследования, совместная работа, но полная самоотдача науке, бескорыстие, душевная щедрость, широта интересов [12].

С К. М. Поповым мы неоднократно встречались и в семье наших друзей Ануровых. Там я узнала неожиданное. Оказывается, профессор, как его называли у Ануровых, еще и талантливый музыкант. И не просто любитель, а профессионал. С 30-х годов он — художественный руководитель экспериментального ансамбля советской оперы Всероссийского театрального общества, которое пропагандировало и апробировало произведения советских композиторов. (В институте об этом долго было неизвестно. Узнать смогли лишь недавно из написанной с любовью и блеском статьи его ученика, крупного ученого А. И. Динкевича, в книге «Слово об учителях».)

У Ануровых Константин Михайлович первое время тоже избегал музыкальных тем. Потом не скрывал, что музыка его страсть, что очень дружен с А. Хачатуряном, как и со многими другими композиторами.

Беседовать с Константином Михайловичем было интересно, поучительно и не просто. Засыпал вопросами. Любил вызывать на спор.

Помню, как въедливо выяснял, что я думаю об отличительных чертах Японии как колониального хищника. Задавал самые неожиданные вопросы, над которыми я раньше не очень задумывалась.

При этом неизменно оставался тактичным и доброжелательным.

Когда он писал отзыв на книги, которые я защищала в качестве докторской диссертации, устроил настоящий экзамен (называл его докторский минимум). Придирался. Требовал расшифровки ряда выводов, доказательств. Это несмотря на то, что мы были в самых дружеских отношениях. Вот бы сейчас так.

После того как Ануровых не стало (слишком рано, молодыми ушли), видела Константина Михайловича только в институте. Но однажды мы вместе отдыхали в академическом санатории «Узкое». Как раз в это время проходили выборы академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Значительная часть съехавшихся со всех концов страны членов Академии наук обосновалась в «Узком». Было многолюдно, необычно и непонятно. Константин Михайлович посвятил меня в тайны выборов. «Увидите здесь,— говорил он,— немало претендентов, которые приедут заручиться голосами». Так оно и было. К счастью, не встретила никого из знакомых востоковедов.

Выборы закончились. И с огромной радостью я узнала, что членом-корреспондентом АН СССР стал Георгий Федорович Ким. Константин Михайлович тоже бурно выражал свои чувства. «Есть все же правда»,— повторял он, потирая руки. В это же время в «Узком» отдыхал и академик М. А. Коростовцев, работавший в институте, тоже глубоко уважавший Г. Ф. Кима.

Мы сообща решили пригласить Георгия Федоровича в санаторий отпраздновать его избрание. Он приехал. Какими же незабываемыми были несколько часов, проведенных у М. А. Коростовцева.

Справедливость рано или поздно торжествует, повторял Константин Михайлович. Увы, слишком поздно. Г. Ф. Ким уже давно работал на уровне академика, но так им и не стал. Не умел, не хотел любой ценой добиваться постов и званий. Другие умели и добиваться, и отстранять таланты...

Никого, кроме меня, не осталось в живых из тех, кто был на той встрече. Жива только память.

Со времен Тихоокеанского института работала с Алексеем Михайловичем Дьяковым. Удивительна его биография. Врач. Активный участник установления советской власти на Памире. Первый нарком здравоохранения Таджикистана, затем партийный работник в Средней Азии. Там он узнал и полюбил Восток, стал одним из корифеев советской индологии. О себе он не любил рассказывать. Но случилось так, что нам одновременно в 1968 г. вручали грамоты Заслуженного деятеля науки РСФСР. Алексей Михайлович плохо себя чувствовал, но, растроганный теплыми речами и самим событием, после торжественной церемонии, где мы были предельно скованны, предложил посидеть на скамейке и «свободно поболтать». Я была, конечно, взволнована еще больше и призналась: «Понимаю, что не совсем заслужила это высокое звание, так как пришла в науку поздно, необходимой научной школы нет. Тем более неловко получать его вместе с таким большим ученым, как вы». Вообще оправдывалась я не только перед Алексеем Михайловичем. Связывала получение звания с 8 марта (Указ Президиума Верховного Совета был подписан накануне). Алексей Михайлович улыбнулся своей лучистой улыбкой и сказал: «А вы знаете, я ведь тоже стал востоковедом на Востоке, только на советском. Полюбил его на всю жизнь».

Сейчас, когда у нас в стране накалены национальные страсти и кое-кто выступает с антирусскими лозунгами, называют русских оккупантами, я вспоминаю в числе многих других своих коллег и знакомых Алексея Михайловича. Сколько сделал этот русский интеллигент, большевик, ученый-просветитель для народов Средней Азии! И сколько таких, как он, отдали им свои талант, сердца, а порой и жизни. Снова хочется повторить то, что писала выше о муже: подлинные интернационалисты с широко распахнутыми русскими душами.

Научная деятельность А. М. Дьякова, при том что все его

считали одним из крупнейших индологов, оказалась далеко не безоблачной. Немало было нападок на его концепции, дискуссий, собраний, во время которых оппоненты, не вооруженные доводами и знаниями, компенсировали свое научное бессилие навешиванием ярлыков, обвинениями в ревизионизме.

«Отбиваться» от них помогали коллеги, ученики, а главное, труды А. М. Дьякова, выходящие, в частности по национальному вопросу, далеко за пределы страноведения, имеющие теоретическое значение.

В своей яркой, глубоко аналитической статье об Алексее Михайловиче как революционере и ученом Л. Р. Полонская, подлинная «звезда» следующего поколения ориенталистов, правильно отмечает, что он «творчески развил применительно к Индии тезис В. И. Ленина о том, что марксисты, признавая право всех народов на самоопределение вплоть до отделения, всегда должны учитывать, в каких условиях осуществление этого права способствует революционному процессу, в каких может быть использовано реакцией»[13].

Уместно это помнить и учитывать некоторым и сегодня, и применительно к нашему государству.

Когда мы с Георгием Федоровичем Кимом писали монографию «Пролетарский интернационализм и революции в странах Азии», то неоднократно обращались за советами к А. М. Дьякову по общим вопросам. И он охотно, обстоятельно, долго обсуждал некоторые спорные тезисы, деликатно возражая. Старался делать это незаметно, в отличие от некоторых, шумно афиширующих свою весьма незначительную помощь.

Вообще же вдоволь наговориться с Алексеем Михайловичем бывало непросто. Всегда в окружении товарищей, главным образом молодых, возвышалась его высокая, чуть сутулая фигура.

На вечерах, которые часто бывали в Тихоокеанском, а затем в Институте востоковедения, Алексей Михайлович любил рассказывать... о птицах. С упоением, увлеченно перечислял он населявшие его квартиру редкие экземпляры. Насвистывал, умело подражая их пению.

«Он был удивительным человеком,— пишет Л. Р. Полонская,— сумевшим пронести через всю свою жизнь чувство прекрасного, способность увидеть это прекрасное в необозримых просторах России, горах Памира, среднеазиатских пустынях, в природе сказочной Индии... Его отличало глубокое уважение и любовь к людям: в отношениях с ними он был предельно корректен и искренне интересовался судьбой каждого, с кем ему приходилось встречаться,— будь то неоперившийся студент, памирский горец, индийский революционер или маститый ученый»[14].

Не случайно индологический центр в Институте востоковедения оказался на должной высоте, и в дальнейшем выдвинул немало новых выдающихся ученых. Когорта «стариков»—

А. М. Дьяков, И. М. Рейснер, В. В. Балабушевич, С. М. Мельман умели не только учить и воспитывать, готовить кадры, заражать своим примером, но и строго, тщательно подбирать таланты, способных молодых индологов, искать и находить свою будущую смену.

Не могу не напомнить и о видном представителе академического востоковедения Борисе Николаевиче Заходере. Впервые услышала о нем на московском совещании востоковедов, где его осуждали за «космополитизм».

Медиевист, занимающийся проблемами Ближнего и Среднего Востока, он стал вместе с тем незаурядным организатором науки. Круг его интересов был обширен. Эмоциональный, увлеченный и увлекающий, Борис Николаевич вызывал различное к себе отношение.

Во второй половине 50-х годов он был председателем исторической секции Ученого совета, я — ученым секретарем. И мы, можно сказать, подружились. С удовольствием вспоминаю часы, проведенные в его крохотном кабинете, где намечали планы работы секции — исследовательские, как подчеркивал он. В этих беседах часто принимала участие Анна Степановна Тверетинова, а иногда и работавший в институте Юрий Николаевич Рерих. Создали проблемные группы (при всем их несовершенстве стоило бы использовать и этот забытый опыт), обсуждали на заседаниях групп и секции научные доклады, часто интересные, новаторские.

Подкупали в Борисе Николаевиче не только увлеченность наукой, но и интерес к литературе, искусству, его эмоциональные оценки прочитанного, увиденного.

Частенько заходил он в наш отдел что-либо сообщить, порою самое неожиданное, поделиться впечатлениями. Однажды забежал с телеграммой от Крачковского, приглашавшего «на пироги». «Лечу,— сказал он,— в Ленинград. Представляете, какими вкусными будут и пироги и разговоры?»

Борису Николаевичу была присуща воспламеняемость, непредсказуемость[15]. Любил не только много рассказывать о себе, о своей родословной, но и расспрашивать. Неожиданно попросил рассказать, когда и почему я стала коммунисткой. Перебивал вопросами. Придирался. Затем, помолчав слишком долго для него, сказал: «А знаете, моя самая большая мечта — вступить в партию. Недавно говорил с ... (назвал фамилию известного историка), который признался, что хотел бы умереть коммунистом. Ответил ему: а я хочу хоть немного пожить коммунистом. Но это невозможно».

Вероятно, осуществилось бы это желание, но пожить-то оставалось ему очень недолго.

При нем историческая секция начала устанавливать контакты с читателями, интересующимися Востоком, устраивала обсуждения книг на предприятиях. Одно из первых таких обсуждений провели на заводе «Серп и Молот», и объектом стала

книга «Корейская Народно-Демократическая Республика». Совпадение, конечно, не случайное. Но кроме личных мотивов, в которых меня не без оснований заподозрит читатель, были и другие. Ведь многие специалисты завода помогали металлургам Северной Кореи, работали в стране. Да и вообще советские люди все больше интересовались судьбой своего друга и соседа — КНДР.

Передо мною заметка о заседании исторической секции Ученого совета Института востоковедения совместно с читательским активом завода «Серп и Молот»[16]. Заметка была опубликована в журнале «Советское востоковедение». В ней говорилось, что многие металлурги завода связаны крепкими узами с металлургами Корейской Народно-Демократической Республики и с большим вниманием относятся ко всему, что там происходит. Выступавшие благодарили институт за помощь, оказываемую коллективу «Серпа и Молота» в разъяснении международных вопросов, особенно событий на Востоке. Затем сообщалось о выступлении директора института А. А. Губера, в котором он подчеркнул, что обсуждение является «свидетельством и огромного интереса, проявляемого советским народом к проблемам Востока, в частности Кореи, и вместе с тем показателем высокого культурного уровня советских читателей, для которых труды Академии наук становятся настольными книгами».

«Серповец» И. С. Бугров, недавно вернувшийся из КНДР, правильно отметил, что в обсуждаемой книге недостаточно приведено материалов, раскрывающих «особенности страны и национальный характер ее талантливого народа». Отмечались и другие просчеты, в частности в экономических разделах. Но в целом отзывы были положительными.

«Сборник помогает нам, пропагандистам, нести в массы правду о Корее»,— говорил в своем выступлении бывший завуч учебного комбината И. И. Зайцев. Да-да, тот самый Иван Иванович Зайцев, из-за которого меня в 1938 г. изгнали с любимого «Серпа» (он дважды выступал по книгам о Корее и у нас в институте).

От имени авторского коллектива выступавшим отвечали Г. Ф. Ким и В. В. Лезин[17].

О многих, рядом с которыми посчастливилось работать, хотела бы рассказать, добавить штрихи к написанным о них портретам. Но это невозможно.

Теперь расскажу о тех, кто стал не только моими коллегами, но и большими друзьями.

Есть люди, возле которых становится теплее и светлее, отступают горечь, слабость, смягчаются ожесточение, обиды. Эти люди, как правило, не помнят, сколько доброго они сделали другим, но никогда не забывают самой малости, сделанной для них. Щедро делятся своими знаниями, духовными ценностями, очень богатыми, и материальными, часто весьма скудными. Именно такими были Ольга Ивановна Забозлаева и ее муж

Николай Кононович Вайнцвайг. С Ольгой Ивановной мы сблизились сразу. Высокая, статная, совершенно седая, она привлекала своим внешним обликом. Но он отступил на второй план, когда я узнала внутренний мир этой незаурядной женщины, большого ученого. Она не написала ни одной монографии. Но много добротных и значительных книг благодаря ей было издано ее учениками, часто неофициальными, и коллегами. Кандидатскую диссертацию защитила она лишь в 1951 г., да и то под сильным давлением руководства и друзей, хотя много лет уже проработала научным сотрудником.

Перед защитой произошел казус: Ольга Ивановна решила сбежать. Догадываясь об этом, заранее установили «посты по перехвату». И действительно перехватили в вестибюле, заставив выйти на трибуну и произнести коротенькое вступительное слово. Ученый совет хорошо знал цену ее научной значимости; помнится, даже не обсуждали. Были счастливы, что удалось заставить защищаться, что «операция по захвату» удалась.

Своих работ у Ольги Ивановны было меньше, чем позволяли ее научные данные и талант. Но не критиковали за это, зная, что ее небольшие статьи сто́ят монографий.

В то время (в 50-е годы) получить должность и звание старшего научного сотрудника было очень сложно. В отличие от последующих времен тогда считалось неэтичным самому ставить этот вопрос. Конечно, это должно быть заботой руководства. И вот в 1955 г. кто-то из членов Ученого совета, критикуя дирекцию за недостаточное внимание, уделяемое росту кадров, назвал Ольгу Ивановну и меня в качестве кандидатов в «старшие». Предложили сдать соответствующие документы[18].

Мы стали сомневаться, пройдем ли. Защитили диссертации недавно. У Ольги Ивановны монографии нет. Моя изъята. Другая книга валяется в Госполитиздате и вряд ли увидит свет. А в «младших» ходят авторы солидных изданных работ. Решили отказаться. Пошли к директору — А. А. Губеру. У него сидел и ученый секретарь института Петр Павлович Бушев. Вдруг внезапно Ольга Ивановна выпалила: мы решили, что рано переводить нас в старшие научные сотрудники, подождем.

На мгновение воцарилась тишина. Александр Андреевич как-то озорно окинул взором седую как лунь Ольгу Ивановну и ее не первой молодости приятельницу и оглушительно захохотал. Смеяться он умел. Его поддержал Бушев. Больше всего их развеселило слово «рано». Мы, растерянные, вышли, а из кабинета долго доносился громкий хохот, прерываемый словом «рано» с неясными к нему комментариями. Много раз впоследствии Александр Андреевич в лицах воспроизводил эту сцену.

Свои работы Ольга Ивановна, как правило, выполняла в срок, но сдавала с большим опозданием. Несколько раз переписывала каждую страницу, выискивала новые источники. Все ей казалось недостаточно обоснованным. Того же требовала от своих подопечных; а когда они не прислушивались, делала мно-

гое за них. Да, и подбирала материалы, а порой просто заново переписывала. Много часов тратила она на каждого из своих учеников в ущерб своей научной работе. Вникала и в условия их весьма нелегкой аспирантской жизни. С нею делились, советовались, ее любили. Увы, не все ученики оказались благодарными и благородными. В последние годы жизни, когда она болела, была уже на пенсии, «не нужна», некоторые забыли о ней. С горечью признавалась Ольга Ивановна в этом, хотя старалась в каждом случае найти оправдание. «Что ж, это брак в моей работе,— говорила она.— Книги, диссертации делать, может быть, и помогала, помочь стать настоящими людьми не смогла... Не повторяйте моих ошибок»,— советовала она. Но я их повторила.

Неоднократно с ней и Николаем Кононовичем, который, как и она, щедро делился с молодежью своими многочисленными идеями — он был ими буквально начинен,— мы обсуждали вопрос, как правильно выполнять функции научного руководителя: делать для него (подопечного), за него или делать его (условно говоря, вносить свою лепту в его формирование как ученого и человека). Все сходились, конечно, на последнем, но часто поступали наоборот. А потом друг над другом посмеивались. Результаты-то говорили, что в первую очередь нужно переделать себя, обратить внимание на свою собственную дурь.

С Николаем Кононовичем меня и мужа связывали кроме личной дружбы и симпатии профессиональные интересы. Будучи востоковедом широкого плана, он в конце 40-х годов переключился на исследование корейской современности. Его научная судьба была нелегкой. То и дело на него сыпались шишки, но он не унывал, не сдавался. Ищущий, смело мыслящий, увлекающийся, он был очень драчливым. Любил спорить. Скандалил. Часто по телефону мы часами на таких высоких тонах обсуждали вопросы, что мои домочадцы предупреждали: телефон накалился, взорвется от вашей ругани.

Посмеивались над нами и более сдержанные Ольга Ивановна и Анатолий Иванович. Какие это были добрые и полезные для меня споры и скандалы!

Давно нет в живых Ольги Ивановны, Николая Кононовича. Ушел из жизни и его любимый ученик — Георгий Федорович Ким, о котором он с большой гордостью впоследствии говорил: «Я был его научным руководителем».

Его не стало в ночь на 29 апреля 1989 г. Ушел в расцвете творчества и таланта. Когда-нибудь будет достигнута социальная справедливость. А биологическая?

Иногда думаешь: какое несчастье, что его нет, но какое счастье, что он был. Сколько успел сделать!

Почти 40 лет нас связывала большая творческая дружба. Она началась, когда Георгий Федорович еще был аспирантом Тихоокеанского института. А потом вместе писали книги, главы коллективных монографий, статьи. Мне кажется, мы с полу-

слова понимали друг друга. Не всегда совпадали мнения (лишь по отдельным вопросам, в главном оставались единомышленниками), но это не разобщало, а заставляло еще и еще раз продумывать спорное. И всегда в таких случаях он бывал тактичен, осторожен.

Большой ученый, большой человек, буквально одержимый желанием помочь, поддержать товарища. Для этого тоже нужен талант. У Георгия Федоровича он был в избытке. Ведь некоторые эксплуатируют доброту и гуманность. Сам болезненно ранимый, хотя и старался это скрывать, он очень боялся ранить других.

В науке Г. Ф. Ким стал подлинным светилом нового поколения востоковедов, генератором идей, одним из основоположников исследования общих проблем Востока. И вместе с тем выдающимся организатором и руководителем советской ориенталистики, одним из лидеров. Любимцем института, и не только его. К Г. Ф. Киму тянулись ученые других институтов. Высок был его международный авторитет. Я не преувеличиваю. Все это так.

Принято считать, что незаменимых нет. Это неправда. Они есть. С уходом Георгия Федоровича особенно остро ощущается его незаменимость. Конечно, она со временем восполнится его же многочисленными учениками. Но пока невосполнима.

Любил и глубоко уважал Г. Ф. Кима Анатолий Иванович. «Это талантище»,— не однажды повторял он. Знали это все, кто с ним сталкивался. Но много несправедливости было проявлено к «талантищу»[19].

Давно работавший на уровне академика, он так и не стал им. Причина? Помимо того что не умел и не хотел любыми способами пробираться наверх, кое-кого там не устраивала его национальность. Приведу некоторые детали биографии Георгия Федоровича.

Окончив в 1947 г. исторический факультет Омского пединститута заочно и затем начав преподавать там, в 1949 г. поступил в аспирантуру Тихоокеанского института. Сразу заявил о себе как об одаренном исследователе. Но немало испытал, особенно из-за национальной дискриминации, из-за фактически существовавшей в то время черты оседлости. Прописать в Москве как корейца отказывали. Вместе с тем широко использовали в качестве лектора ЦК КПСС в Москве и на периферии.

Написал об этом Суслову. Тот был вынужден вмешаться, нельзя было терять такого лектора. После окончания аспирантуры оставили в Москве.

Стал одним из основателей современного советского корееведения. Постепенно выходил за его пределы и формировался как крупномасштабный ученый-политолог. Был в науке и жизни принципиален, хотя не всегда имел возможность открыто излагать свои мысли. И ошибался и не все знал.

Об этом красивом человеке, о его интеллектуальном и ду-

ховном богатстве, вкладе в ориенталистику и подготовку научной молодежи, о стиле его руководства, уверена, будут написаны книги, что очень нужно для следующих поколений ориенталистов.

Таким он остался в памяти и в сердце. Писать о нем в прошедшем времени мне трудно.

По возрасту самым старым из моих умерших друзей-коллег был Илья Яковлевич Златкин. Он родился в конце прошлого века. В 1915 г. вступил в партию большевиков. Был арестован царскими властями и освобожден из тюрьмы после Февральской революции. Участник Октября, гражданской и Великой Отечественной войн. И всюду он бывал в передних рядах. Знаю об этом не от него, как и о том, что не раз приходилось ему отвечать за свою прямоту и принципиальность. Илья Яковлевич был интересен не только своей легендарной биографией. Глубокое уважение вызывали его высоконравственные человеческие качества, ум, обогащенный жизненным опытом, образованность, широта и глубина знаний, которые он повседневно стремился наращивать. Причем не только в области науки. Он любил литературу, особенно поэзию. Иногда в разговорах, спорах, а спорить он умел, Илья Яковлевич обрывал собеседника неожиданным вопросом: читал ли тот новое стихотворение Евтушенко или другого современного поэта, и тут же наизусть, не сбиваясь, с чувством его декламировал. Свои многочисленные лекции, выступления он, как правило, сопровождал экскурсами в литературу.

Ему была присуща завидная четкость, организованность, логичность мысли, слова. В полной мере это характерно для научных трудов Ильи Яковлевича.

В востоковедение он пришел, работая на дипломатических должностях в Китае и Монголии. И впоследствии стал одним из ведущих историков-монголоведов. Много времени и сил он уделял молодежи. Был с нею уважителен, чуток, но требователен. Этот мудрый наставник подготовил немало отличных монголоведов.

Мы встречались семьями. Особенно летом на родине мужа, в деревне, где иногда отдыхали, а Златкины снимали дачу. Как же бывало интересно с ним общаться, ярким представителем нашей новой интеллигенции, человеком высокого интеллекта и большой души.

Самый молодой из моих друзей-коллег, которых не стало,— Владимир Дмитриевич Тихомиров. Он тоже пришел в науку с практической работы. Не по своей воле сменил сферу деятельности. Но нашел себя на новом поприще сразу. Именно наука была его призванием. Страновед-кореевед, он начал исследовать наиболее актуальные проблемы корейской современности. Помогали ему опыт и накопленные на предыдущей работе материалы, незаурядные способности и высокая эрудиция. Достаточно сказать, что кандидатскую диссертацию он написал ме-

нее чем за год, хотя приходилось заниматься и другим. Но дело не в сроках, а в том, что получился интересный, во многом новаторский труд. Свои основные научные интересы Владимир Дмитриевич концентрировал на вопросах, связанных с расчленением Кореи. Обосновывая тезис, что корейская проблема выходит за рамки страны, он сам выходил за пределы корееведения и вскоре стал одним из ведущих экспертов-ученых по широкому кругу внешнеполитических проблем.

Далеко не все научные труды В. Д. Тихомирова, включая кандидатскую и докторскую диссертации, стали доступны читателю. Почему? А потому, что у него была своя точка зрения по ряду вопросов, не совпадающая с официальной. В частности, о характеристике южнокорейского режима и акций СССР, способных снизить взрывоопасность «корейского узла». Само время подтвердило его правоту. Но потребовалось для этого более 15 лет.

Значительный вклад внес Владимир Дмитриевич в установление контактов ученых-корееведов, и не только их, с зарубежными коллегами.

В нем подкупали трезвость, взвешенность, самостоятельность суждений, умение видеть события во всей их противоречивости. Широкой, неброской была его эрудиция, никак не рассчитанная на эффект. Привлекала и достойная подражания культура полемики. Не помню случая, чтобы он превращал ее в «ярлыковую», чтобы обижал оппонента. Иногда лишь в очень деликатной форме использовал присущий ему юмор, тонкий, но столь же острый.

Характер Владимира Дмитриевича был сложным.

Высокая культура общения уживалась в нем с настороженностью, легкой ранимостью, что было в немалой степени связано с пережитым на его прежней работе. Но главным в его характере была высокая интеллигентность, благородство, духовность, доброта.

16 декабря 1989 г. в расцвете творчества, полный замыслов и надежд, он скончался.

Не стало и моего друга, замечательного человека, крупного ученого-лингвиста Лидии Николаевны Киселевой.

Как говорят в народе, пусть им всем земля будет пухом.

Снова нарушила хронологию.

Самым родным для меня уголком Москвы (наряду с заставой Ильича) стал Армянский переулок. Сюда в 1953 г. Институт востоковедения переехал с Кропоткинской, из здания, где ныне находится Государственный музей А. С. Пушкина.

ИВАН обосновался в помещении бывшего Лазаревского института восточных языков — архитектурного и исторического памятника. Оно было построено в 1815 г. на средства прогрессивных армянских деятелей Лазаревых по проекту крепостных архитекторов Т. Г. Простакова и И. М. Подъячева. Каменная ограда. Ворота со львами.

Посреди уютного зеленого садика перед входом в здание возвышается обелиск — памятник с надписью на его передней грани: «Действительному статскому советнику и командору Ивану Лазаревичу Лазареву, основателю института.

...От древля племени Армении рожденный, Россией-матерью благой усыновленный...»[20].

Памятник, как и Лазаревский институт,— одно из свидетельств дружбы армянского и русского народов.

Богата история ИВАНа[21], его традиции[22].

В первую очередь необходимо сказать, что это институт-интернационалист. В нем работали и работают ученые многих национальностей. Тесные связи установил он, особенно в последние годы, с народами Востока, с ориенталистами многих стран. В разное время руководили институтом и русские — Е. М. Жуков, А. А. Губер, В. И. Авдиев, С. П. Толстов, Е. М. Примаков, М. С. Капица, более 20 лет возглавлял его таджик Б. Г. Гафуров. Как уже говорилось, одним из выдающихся руководителей института был кореец Г. Ф. Ким.

Высокая интеллигентность и гуманизм, не говоря уже об идейной убежденности, не позволяли ученым ИВАНа проявлять шовинизм, национализм.

Конечно, и сотрудники и руководители встречались разные. Как различной была и ситуация в мире и у нас в стране.

Второе дыхание ИВАН обрел после XX съезда КПСС. (Там, кстати, было сказано, что Восток проснулся, а востоковедение спит.)

Перестраивались все подразделения института, большого, шумного. Закипела научная жизнь со своими приливами и отливами. Приоритетным направлением стала современность. Но комплексность, внимание к традиционному циклу не ослабевали. Институт становился подлинным флагманом ориенталистики.

Засверкали «звезды» ее нового поколения. О тех, кто здравствует, не буду писать. Пожелаю лишь им сил и творческого долголетия. Ядро их одержимо, подвижнически трудится, некоторые порой ошибаются (правильно говорится, что наука может какое-то время прожить без побед, но не может обойтись без поражений). Оно унаследовало, взяло на вооружение все лучшее, что было у учителей, отбрасывая отжившее, устаревшее.

Это ядро института уже немолодо. Но его нужно беречь. Чтобы, уходя со штатных должностей, ученые оставались в науке.

К этому вопросу вернусь. Сейчас же попытаюсь кратко воспроизвести контуры развития нашего корееведения, где я оказалась уже не только очевидцем, но и участником. И если, рассказывая о колониальной Корее, опираюсь главным образом на память, то в данном случае мои основные источники — документ и опыт.

3. Советское корееведение сегодня

В самостоятельную отрасль ориенталистики советское корееведение начало превращаться после освобождения страны. Но не с нуля начинался этот процесс. Вспомним литературу 20—30-х годов, заложившую фундамент марксистского корееведения. Правда, монографических исследований о стране не было, только множество статей и несколько брошюр. Авторами их являлись преимущественно работники международных революционных организаций — Коминтерна, КИМа, Профинтерна, Крестинтерна — и преподаватели высших учебных заведений[23]. То были яркие люди, внушавшие уважение и доверие.

И когда стало известно, что многих из них в 1937—1938 гг. репрессировали, мы переживали это очень болезненно. Но, как уже не раз повторяла, правды не знали.

Основная проблематика статей сводилась к положению народных масс Кореи, их национально-освободительной борьбе и акциям колонизаторов, направленным на подавление этой борьбы. Предпринимался анализ расстановки классовых, политических сил, деятельности различных организаций[24].

Эта литература содержала обширный материал, но порой разноречивый, что немудрено: ведь черпался он наряду с японской и корейской периодикой из донесений, отчетов, обзоров работников международных организаций, лишь эпизодически бывавших в стране и в условиях колониальной Кореи не имевших возможности получить полностью достоверные сведения, источниками служили и рассказы корейцев-отходников, сезонных рабочих, политических эмигрантов (в СССР и Китае), так или иначе связанных со страной.

Многие из названных изданий носили на себе печать субъективизма, личностного восприятия.

Но дело не только в материалах. Хотя кореистика 20—30-х годов знаменовала начало марксистского подхода к анализу истории и современности Кореи, она содержала свойственные тому времени тенденции забегания вперед, левизны, надежду (особенно в первое послеоктябрьское время) на скорую мировую революцию, сильные налеты утопизма. Отсюда следовало смещение акцентов с первоочередных национально-освободительных задач на социальные, курс на минование неизбежных этапов революции, нарушение принципов подхода к единому антиимпериалистическому фронту. Об этом говорилось выше. В данном случае необходимо отметить, что издания 20—30-х годов отразили такие перекосы, как отзвуки групповой борьбы в корейском революционном движении. В общем, им были присущи те же болезни, что и всему непростому, противоречивому послеоктябрьскому времени.

Но при всем при том, определяющим в публикациях рассматриваемого начального этапа советского корееведения были высокий пафос, революционная романтика. Заражающая и столь

нужная сегодня убежденность в правоте избранных идеалов, стремление все отдать для их реализации. Необходимо особо выделить в этих работах органическое сочетание патриотизма и интернационализма.

И то, что многие из авторов стали жертвами сталинских репрессий, погибли, обязывает нынешнее поколение советских корееведов вернуть истории их имена. Это долг перед памятью, совестью и наукой [25].

В конце 30-х — первой половине 40-х годов публикации о Корее в СССР были единичны, хотя солидарность советских людей с ее народом не ослабевала.

Новый этап в развитии советского корееведения начался после освобождения Кореи от колониализма. Сначала появились интересная публицистика, статьи в печати по свежим следам событий. Затем стали издаваться монографические исследования [26]. Шла интенсивная подготовка кадров. Открылись корейские отделения на историческом факультете МГУ и восточном факультете ЛГУ, на историческом факультете Московского института философии, литературы, истории (МИФЛИ), Московском институте востоковедения.

Готовились аспиранты по проблемам Кореи, истории, экономики, филологии.

Оказалась я в Тихоокеанском институте, когда корееведение только стало оформляться в самостоятельную отрасль востоковедной науки. Не думала тогда, что стану здесь «долгожителем».

Научные издания и периодика информировали советских читателей о соседней Корее, о процессах, происходящих на Севере и Юге страны, о борьбе по корейскому вопросу, о позициях СССР и США.

Интерес советских людей к событиям в Корее резко возрос в период войны 1950—1953 гг., вызвавшей поток публикаций.

Одновременно все явственнее становилось, что разобраться в туго стянутом узле проблем корейской современности невозможно без глубокого изучения истории, экономики, культуры, без специализации корееведения. Требовали этого не только политика и практика, но и наука, что, впрочем, было неразрывно связано.

И широким фронтом, особенно со второй половины 50-х годов, развернулось исследование этих отраслей. Было нелегко. И из-за ограниченности фактологической базы, и из-за малочисленности кадров. Правда, до 60-х годов мы имели возможность широко использовать издания наших корейских друзей.

Что касается кадров, то с истинным энтузиазмом включилась в изучение корейских проблем небольшая, но сильная группа тогда еще очень молодых, но одаренных, знающих, любящих свое дело сотрудников и аспирантов ИВАНа. Назову некоторых: Ю. В. Ванин, Г. В. Грязнов, Л. Е. Еременко, В. Т. Зайчиков, В. И. Иванова, Г. Ф. Ким, И. С. Казакевич, Л. Р. Концевич, В. Л. Ли, В. М. Мазуров, С. Г. Нам, Л. Б. Никольский,

В. К. Пак, В. П. Пак, Б. В. Синицын, В. Д. Тихомиров, М. Н. Хан, Г. Д. Тягай, В. И. Шипаев и уже очень немолодой Н. К. Вайнцвайг.

Позднее в группу включились Н. Е. Бажанова, С. С. Суслина, затем Л. А. Усова.

Приходили и многие другие[27]. Оставались не все. По разным причинам. В науке ведь можно работать, только любя ее. Не у всех такая любовь была. Переходили на практическую работу и раскрывались там. Некоторые не состоялись как ученые из-за того, что искали легкой жизни, выгодных условий. Корееведческая отрасль в то время ни того, ни другого не сулила. У иных же были веские причины. Они, уходя, оставались тесно связанными с институтом, с корееведением. Некоторые не приживались, вероятно, и по нашей вине.

Компенсировался недостаток кадров за счет тесных контактов со специалистами других научных учреждений и высших учебных заведений. В первую очередь необходимо назвать Михаила Николаевича Пака — видного ученого и педагога. Являясь заведующим кафедрой в ИСАА при МГУ, он интенсивно сотрудничал с Институтом востоковедения, одно время был по совместительству сотрудником ИВАНа. Активно участвовали в наших изданиях В. В. Лезин, Б. В. Щетинин, Н. Г. Лебедев, Б. Д. Пак, Ю. Н. Мазур.

Тесный творческий союз установился с конца 50-х годов с М. Е. Тригубенко и сотрудниками возглавляемого ею в Институте экономики мировой социалистической системы отдела.

Тщательно подбирала для корееведения кадры Н. П. Семенова — ведущий преподаватель, декан МГИМО, многознающий кореевед. Она организовала специальную учебу, нечто вроде неформального семинара, где выступали и специалисты ИВАНа, откуда черпались молодые силы.

Сектор Кореи, возглавляемый Г. Ф. Кимом, понемногу становился центром корееведческой мысли. Организаторский талант, научный авторитет и обаяние личности Георгия Федоровича способствовали приобщению к ИВАНу специалистов не только научных учреждений и вузов, но и практиков, занимающихся Кореей.

Интенсивно, интересно развернули исследовательскую деятельность корееведы Ленинграда. Формировались направления. Корееведение расширялось вширь и вглубь.

После создания в 1961 г. отдела Кореи, Монголии и Вьетнама в нем образовались страноведческие группы. Руководидить корейской группой было поручено мне. Хотя работали дружно, но допускали немало просчетов. Не всегда учитывала различие характеров, способностей членов группы. Не всегда замечала их научный рост. Однажды от имени группы молодой И. С. Казакевич на одном из заседаний со свойственной ему прямотой сказал: «Фаня Исааковна (знала, что за глаза отчества никогда не упоминают, а частенько называют „мать игу-

менья"), учтите, что мы уже выросли из коротких штанишек». Поняла. Постаралась учесть.

Ощутимым стало пополнение группы специалистами, пришедшими в науку с практической работы. Валентин Константинович Пак в течение длительного времени находился в КНДР, посланный туда с 1945 г. для оказания интернациональной помощи братскому народу. Работал сначала в Гражданской администрации 25-й армии в Северной Корее, затем был послом КНДР в ЧССР, в ГДР, заместителем министра иностранных дел Корейской Народно-Демократической Республики. В 1960 г. вернулся на родину. В. К. Пак — знаток Кореи, особенно ее современности.

С большой практической работы пришел в науку В. Д. Тихомиров.

В целом коллектив корееведов был сильным, спаянным. Основное внимание уделялось вопросам новейшей истории.

Характерно, что один из старейших представителей классической ориенталистики, Н. В. Кюнер, также уделял внимание актуальным вопросам современной Кореи.

Пульс научной корееведческой, как и всей востоковедной мысли, бился в унисон жизни.

Происходил двуединый процесс: с одной стороны, развивалась его специализация, с другой — от страноведения отпочковывалась область общих проблем развития социалистических стран Азии, куда входила и КНДР. Была создана специальная проблемная общеотдельская группа. Руководить ею доверили мне.

Годы застоя, как и предшествующие смутные времена, естественно, сказались на содержании страноведения и на трактовках общих проблем социализма в Азии.

Писала об этом выше, пересматривая некоторые свои оценки. В определенной мере, как мне кажется, такого же пересмотра требуют и другие толкования корейской истории и современности.

Повторю лишь одно: по принципиальным, коренным вопросам советское корееведение исходит из научно обоснованных позиций. Это не только не исключает, но и предполагает, что его дальнейшее развитие может и должно происходить, освобождаясь от штампов, догматизма, конъюнктурщины, от других перекосов и применительно к огромным новым задачам, диктуемым временем.

С конца 50-х до конца 80-х годов создана обширная советская историография по Корее. Как и всю нашу ориенталистику, ее отличает комплексность, связь традиционных циклов с современностью.

Позволю себе назвать наиболее крупные труды, посвященные разным аспектам изучения Кореи и изданные в разные годы.

Начну с истории[28]. Немало внимания уделено разным ее

периодам и аспектам: экономическому, идеологическому, этнографии, переводу памятников и др.

Особо следует выделить издание в СССР «Самгук саги» («Исторические записи трех государств») Ким Бусика с вступительной статьей и комментариями М. Н. Пака. Значение этого памятника XII в. для исследования корейской истории трудно переоценить [29].

Обобщением изданных трудов по древней, средневековой и новой истории Кореи явился том 1 фундаментального двухтомного издания «История Кореи с древнейших времен до наших дней» (М., 1974).

Во многих трудах отражено новейшее время до освобождения страны и последующий период [30].

В самостоятельную отрасль корееведения превратились литература и искусство [31]. (При этом основное внимание уделено периоду до новейшего времени.)

Издавались переводы корейской художественной литературы и фольклора. Был, в частности, опубликован сборник корейской поэзии в переводе А. Ахматовой с предисловием и комментариями А. А. Холодовича.

Широко развернулась деятельность лингвистов. Изданные в разные годы корейско-русские и русско-корейские словари не только обогатили науку, но и играют немалую роль в укреплении дружеских контактов с КНДР, а ныне в установлении связей с Южной Кореей, в подготовке специалистов по стране [32]. Исследуются разные аспекты корейского языка [33].

Следует выделить труды, касающиеся развития Кореи после освобождения от колониализма. Хотя с тех пор прошло лишь четыре с половиной десятилетия, а вся предшествующая ее история насчитывает свыше четырех тысячелетий, наибольшее число исследований посвящено постколониальному периоду. При этом почти сразу образовались продиктованные спецификой страны, реалиями расчлененной нации темы изучения. Это — Корейская Народно-Демократическая Республика, Южная Корея и корейский вопрос — проблемы объединения.

Этим вопросам посвящены десятки монографий, кандидатских и докторских диссертаций, сотни научных и публицистических статей. Смогу здесь назвать лишь наиболее крупные монографии и тематические сборники, начав с посвященных КНДР [34]. Ее социально-экономическое развитие исследуется и корееведами ИЭМСС (Института экономики мировой социалистической системы) [35]. Крупные монографические работы опубликованы и по Южной Корее [36]. Изданы сборники и справочники, посвященные обеим частям страны.

Предприняты были и попытки сравнительного анализа развития Севера и Юга до 60-х годов [37]. Исследуются разные аспекты не только внутреннего развития, но и международных отношений КНДР, Южной Кореи и страны в целом до освобождения [38].

Основное место в этих изданиях принадлежит корейско-советским отношениям. Тщательно подбирались и публиковались документальные материалы.

На их основе создан капитальный, обобщающий труд «СССР и Корея»[39], раскрывающий революционные связи наших народов, дружбу и сотрудничество после освобождения страны.

Незаменима — не знаю, куда ее отнести, к источникам или к литературе,— мемуарная серия. Вышли четыре ее сборника[40]. Их авторы, непосредственные участники освобождения Кореи, и специалисты, помогавшие корейским друзьям развивать экономику, культуру, строить новую жизнь в КНДР, не только дают обширную информацию о стране, они раскрывают интернационализм советских людей в действии, его огромную созидательную силу.

Обобщением всех названных тем и аспектов новейшей истории Кореи стал том 2 «Истории Кореи с древнейших времен до наших дней»[41].

Изданы историографические и библиографические работы[42]. Но сводная советская историография Кореи еще ждет своего исследователя (попутно заметим, что в США еще в 1974 г. вышла книга профессора Гинзбургса о корееведении в СССР).

Неизменный интерес у советских людей вызывает корейский вопрос. Вряд ли есть необходимость напоминать об актуальности этой проблемы, с которой связана и обстановка в АТР, обеспечение мира в регионе и наша национальная безопасность.

Советские ученые посвятили немало аналитических работ, преимущественно статей и глав в коллективных монографиях этому вопросу. (В первую очередь следует назвать труды В. Д. Тихомирова, Г. Ф. Кима, В. В. Лезина, Г. Е. Самсонова и др., исследующие проблему объединения, ее разные аспекты, эволюцию, перспективы.)

Были названы лишь наиболее крупные монографии и сборники[43]. Однако картина была бы неполной, если не упомянуть о сотнях статей в разных научных изданиях, часть которых по глубине анализа, новизне выводов стоят книг. Да и дело не в количестве, не в «вале» научной продукции. Главное — что дает она науке, политике, практике. Вынуждена повториться. Самое придирчивое ее рассмотрение свидетельствует, что советское корееведение, как и ориенталистика в целом, меньше других отраслей общественных наук пострадали от сталинских и застойных времен. Принципиальные вопросы исследователи небезуспешно стремились освещать объективно, опираясь на научную методологию, используя все ценное, что было накоплено предшественниками-энциклопедистами, в числе других стран Востока занимавшимися и Кореей, и публицистами 20—30-х годов.

Напомню и о том, что по многим вопросам корееведы направляли в вышестоящие организации спецбюллетени, инициативные записки, материалы ситуационных анализов, рекомендации, в которых высказывали свое неофициальное мнение. Тем

самым была создана особая «отрасль» корееведения, не увидевшая света, а часто и не встретившая понимания. Иными словами, из любой ситуации пытались найти выход. Для этого, конечно, необходима была высокая степень заинтересованности, бойцовские качества. У ядра исследователей они были.

Очень боюсь оказаться похожей на тех, кто выискивает свои заслуги в трудные прошлые времена. Не о заслугах речь. Но истина, так полная. К сожалению, о том, что происходило у нас в стране, знали меньше, чем о процессах в Корее. Это тоже правда.

Годы застоя особенно болезненно сказались на пополнении кадров. Молодые старели. Образовался своего рода «обрыв» поколений, вакуум, последствия которого ощущаются и сейчас, когда основное корееведческое ядро приближается к пенсионному возрасту. Черпать же свежие силы неоткуда. На вузах, готовящих корееведов, тоже сказался застой.

Выход, конечно, есть. Он в тесной координации всех ученых, занимающихся Кореей, в усилении творческих контактов со специалистами практических учреждений. И в расширении подготовки молодежи.

В еще большей степени это относится к изучению общих проблем развития социалистических стран Азии.

Многочисленные исследования по Корее, Монголии, Вьетнаму, охватившие разные сферы их развития, позволили приступить к обобщениям, к выявлению некоторых специфических черт азиатской модели социализма. Первые работы на эту тему появились в конце 60-х годов[44].

Особо важно выделить написанную международным коллективом ученых — Болгарии, Венгрии, ГДР, Монголии, Польши, Советского Союза и Чехословакии — монографию «Пролетарский интернационализм и развитие социалистических стран Азии» (М., 1983).

Задачи исследования и переосмысления многих общих проблем социализма в Азии — тема особо актуальная и очень сложная. Представляется, решение ее вполне посильно для опытных и теоретических зрелых кадров монголистов, корееведов, вьетнамистов Отдела, доказавших это своими многочисленными трудами.

На глазах идет становление ученых, в одном лице сочетающих (в той мере, в какой это возможно) страноведа и проблемника. Сила их в хорошем знании изучаемых стран, сложной конкретики социалистического Востока. Пока идет поиск. Но нельзя забывать, что это первопроходцы, открывающие наряду с китаистами новую страницу в советской ориенталистике — изучение проблем социализма в странах Азии.

В связи со сказанным позволю себе изложить некоторые соображения о ближайших задачах советского корееведения, касающихся современности. Многочисленные исследования специалистов дают ему возможность подняться на качественно новую

ступень, соответствующую нашему времени, расширить фронт изучаемых проблем [45].

К ним в первую очередь стоило бы отнести строго документированный анализ и обобщение опыта развития двух разнотипных государств, образовавшихся на Севере и Юге Кореи.

Для этого сначала важно разобраться в том, что составило белые пятна, не раскрытые до конца вопросы новейшей корейской истории. В частности, каковы подлинные причины, приведшие к расчленению страны, была ли ему альтернатива? Такая проблема включает в себя множество вопросов-компонентов, касающихся международных условий, всей послевоенной ситуации в мире, и особенно обстановки в самой Корее после ее освобождения от колониализма. Кроме того, ждет дальнейшего изучения сложнейший комплекс проблем крайнего своеобразия революционной ситуации, предпосылки которой созревали в недрах корейского общества в колониальные годы, степени зрелости и роли субъективного фактора в перерастании национально-освободительной в народно-демократическую революцию. При этом заслуживает внимания такая проблема, как ее мирный, ненасильственный характер в Северной Корее. Он стал возможным при благоприятных условиях пребывания там советских войск, которые отдали немало жизней за национальное освобождение страны. Своя непростая диалектика.

Казалось бы, ненасильственный характер социальной революции на Севере Кореи открывал возможности для такого же мирного ее развития после победы. Однако история, как мы знаем, распорядилась иначе.

Комплекс вопросов связан с анализом корейских политических сил, помогавших США подавить в Южной Корее развернувшуюся и там сразу после освобождения народно-демократическую революцию.

Названные проблемы, как уже упоминалось, затрагиваются в работах советских ученых. Но, хотя их выводы и оценки, в частности, характера, ближайших и перспективных задач народно-демократических революций в восточных странах даются в советской ориенталистике (не только в корееведении), как мне кажется, убедительно, изучение этих вопросов находится лишь на самой начальной стадии. Серьезно тормозит его то обстоятельство, что фундаментальное обществоведение недоучитывает опыт Востока и вообще мало внимания уделяет такому виду революций, как народно-демократическая.

Все это как бы прелюдия к большому научному направлению в корееведении, которое можно бы назвать так: сравнительный анализ развития КНДР и Южной Кореи на путях социализма и капитализма. Предвижу возражения и вопросы: уместна ли, мол, такая тема ныне, когда Южная Корея переживает экономический и научно-технический подъем, а многие социалистические государства оказались в состоянии кризиса. Но именно поэтому предлагаю такую тему в качестве одной из первооче-

редных. И начать ее исследование, думается, нужно с методологии, с выявления основных критериев сравнительного анализа.

Обыденное сознание, и, увы, не только оно, нередко сводит эти критерии лишь к материальным условиям жизни, к тому, чем насыщены полки магазинов, в данном случае в КНДР и Южной Корее, каковы там жизненный уровень населения, зарплата. Иные идут дальше, сопоставляя общие показатели экономического, научно-технического, культурного развития. Можно ли возражать против того, сколь все это существенно и необходимо? Но правильно ли ограничиваться таким набором критериев? Не отдавая должного духовно-идейной сфере, конечным целям, комплексному анализу всех компонентов развития? И правомерно ли сравнивать лишь итоги внутренние, страновые, абстрагируясь от нынешнего состояния двух разнотипных социальных систем?

Да, капитализм шагнул далеко вперед. При сохранении глубоких внутренних противоречий он смог эффективно использовать достижения НТР, «оседлать» ее, сделать источником развития, укрепления своей жизнеспособности (правда, далеко не везде). Социализм же переживает трудное, а в отдельных странах острокризисное время.

Но снова и снова следует вспомнить, что капиталистическая система прошла путь веков, накопила огромный опыт, который облегчил ей возможность адаптироваться к высотам НТР и развивать ее.

Уместно напомнить, что и капитализм неоднократно переживал серьезные кризисные удары, потрясения и откаты, притом весьма чувствительные.

А социализму всего 70 лет с небольшим. На корейской же земле — лишь около 40 лет. Он в самом начале пути. Перед ним множество неизведанных вопросов, задач.

Такая постановка вопроса, естественно, никак не оправдывает допущенных у нас и в других братских странах деформаций, приведших к трагедиям и даже преступлениям. Но недопустимо, как то делают иные авторы, отождествлять извращения и деформации социализма с его сутью, принципами, идеями.

Касаюсь этих вопросов, так как они имеют прямое отношение к предлагаемой теме. Невозможно изучать Север и Юг Кореи, отвлекаясь от основ и целей социальных систем, к которым они принадлежат. Отвлекаясь от того, что социализм — закономерная фаза в истории человечества. Его истинные идеалы отвечают коренным потребностям общественного развития. Ведь цель его — свобода, демократия, народовластие, всестороннее развитие личности, высочайший гуманизм. Другое дело, что часто эти цели осуществлялись антигуманными методами. И это тоже трагическая деформация, которую недопустимо выдавать за суть социализма. Повторяю, что затрагиваю такие общие вопросы лишь в русле темы: для сравнительного анали-

за путей Севера и Юга Кореи, для ответа тем, кто протаскивает тезис: сегодня, мол, Южная Корея обгоняет КНДР, следовательно, путь капитализма перспективнее социалистического, кто не задумывается о том, что может стать завтра, когда, очистившись от деформаций, обновившись, социализм шагнет на новую ступень развития, соответствующую концу второго тысячелетия, новым виткам НТР, когда раскроет свой могучий внутренний потенциал.

Но дело не только в «возрасте» систем. Уместно напомнить, что капитализмом немало заимствовано у социализма, например такие его черты, как планирование и регулирование экономики, создание социальной инфраструктуры и многое другое. Печальный исторический парадокс заключается в том, что далеко не все социалистические страны сами сумели использовать эти заложенные в системе рычаги развития.

Намечая критерии сравнительного анализа Севера и Юга Кореи, необходимо подчеркнуть незыблемость такого методологического требования, как историзм, без учета которого не может быть ни правдивой картины событий, ни их научного обобщения. Одно дело два корейских государственных образования в конце 40-х годов, другое — ныне, когда изменились не только они, но и мировая ситуация. Когда иным стало прежнее понимание основного противоречия нашей эпохи как противоречия между двумя системами и на смену понятиям «борьба», «противостояние», «конфронтация» приходят категории взаимодействия, соревнования и сотрудничества. Когда мирное сосуществование социально разнотипных государств не рассматривается как особая форма классовой борьбы. Все это, как известно, диктуется временем, ходом исторического развития, проблемой выживания человечества, едиными для всех систем целями спасения жизни на земле.

Понять и обобщить правду о двух путях развития корейской нации возможно, лишь памятуя обо всем этом. О сложной диалектике, не допускающей прямолинейности, упрощенчества и примитивизма. О необходимости широкомасштабного, формационного подхода к анализу явлений и учета того, что становление новой формации — процесс архисложный. Что путь к социализму тернист и долог. И важно, чтобы люди это знали и не считали чуть ли не вершиной его первые ступени (как это ранее выдавалось у нас и в некоторых других братских странах).

Социализм не догма, не миф. Беда и вина наша в том, что мы собирались овладеть его высотами в мифически короткие сроки. Забегали вперед. Это в полной мере относится и к бытовавшим в советском корееведении оценкам этапов развития Северной Кореи.

С учетом сказанного видится возможность научного осмысления проблемы: КНДР на путях социализма как составная часть предлагаемого направления.

Реализую при этом свое право на личное, неофициальное

мнение, стараясь обосновать его без предвзятости и оглядки.

В целом представляется несомненным, что за время своего существования КНДР накопила немалый и поучительный опыт в разных сферах общественной жизни. Но северокорейская модель во многом необъяснима, крайне своеобразна, как и условия, в которых развивается там общество. Нагляднее всего это раскрывается в проявлении в республике общих принципов, закономерностей социалистического строительства. В последнее время в публикациях советских авторов об этих категориях упоминается очень редко[46]. Образовалась некая новая зона умолчания, обхода, новое «неприкасаемое» понятие. Но закономерности формационного развития — реальность, они не схема, не догма, а объективная необходимость. И каждой формации свойственна своя. Вопрос в другом: прошли ли проверку жизнью, опытом масс ранее разработанные и ужесточенно сверху внедряемые общие принципы социалистического строительства? Учитывались ли при их теоретических характеристиках различные ступени, фазы, уровни общественного развития? Осуществлялась ли на практике декларируемая в документах и трудах обществоведов о странах социализма, в том числе о КНДР, обязательность творческого применения общего к специфике каждой страны, историчного и диалектического подхода к их анализу.

Эти требования нарушались, что, как известно, весьма негативно отражалось на развитии социалистических стран, в частности КНДР. Сначала там абсолютизировался опыт СССР, включая его теневые и драматические черты. По нему сверяла и наука верность республики идеям марксизма-ленинизма. Затем в КНДР был провозглашен курс «чучхе» — опора на свои силы (впрочем, главным образом в качестве политического лозунга). Но все это отдаляло республику от мирового сообщества, ограничивало возможности приобщения к научно-технической революции, к общечеловеческим ценностям. Затронула этот вопрос лишь попутно. Главное, хотелось бы подчеркнуть, что выделение общего и особенного в развитии КНДР возможно лишь на базе исследования всего комплекса своеобразия, присущего восточным странам, их общей специфики. Советская ориенталистика этим занимается, но с определенным смещением акцентов и явным упором на закономерности. А фундаментальное обществоведение, отказываясь от бытовавшего ранее тезиса, будто социализм не может зародиться в недрах предшествующей формации, вообще обходит вопрос о странах, некапиталистическим путем идущих к социализму, полностью или частично минуя предшествующую формацию. КНДР миновала ее частично. Там был капитализм «колониальный», интенсивно развивавшийся, особенно в военные годы. Но она не прошла полного цикла капиталистического развития, не знала демократических институтов. У республики наряду с закономерностями, присущими всем государствам социализма, немало общего с

однотипными странами Востока не только на стартовом этапе, но и позднее. И все это преломляется сквозь призму местного, национального своеобразия, страновых особенностей. Их множество — порожденных конкретно-историческими условиями, и прежде всего расчленением некогда единой Кореи. Сколько же испытаний и трудностей становления новой формации в КНДР породил раскол страны! В разных областях жизни общества и каждого человека. На различных мирных и немирных этапах.

Вопросы эти ждут своего углубленного и объективного исследования.

Попробую обозначить лишь отдельные аспекты общего и особенного в КНДР.

В сфере политики, вероятно, стоило бы в первую очередь исследовать проблемы народовластия, демократии, вскрыть большую северокорейскую специфику, характерную для этих обязательных сущностных черт социализма.

Незыблемой закономерностью социалистического строительства мы привыкли считать ведущую роль рабочего класса и его марксистско-ленинского авангарда.

Ныне, как известно, некоторые авторы, в том числе обществоведы, такую роль партии (остановлюсь лишь на этой части вопроса) отрицают. Что же, у каждого есть право на свою точку зрения. Были бы основания и доказательства. А их-то у «отрицателей» как раз и нет. Командный стиль отождествляют они с ведущей ролью партии. Между тем представляется бесспорным, что созидание социалистического общества невозможно без научного авангарда, без стратега, идеолога. Ведь это не стихийный процесс. И авангардное положение марксистско-ленинской партии — объективная закономерность. Дело лишь в методах, в путях ее реализации. Чтобы то был не авторитарный, командно-административный, казарменный стиль, опорочивший себя в нашей партии, не диктат, не культ личности, приведшие к глубоким деформациям и преступлениям, к искажению социалистической идеи, а подлинная роль идеологического лидера. Чтобы авторитет партии был не декретирован, не декларирован, а завоеван делами.

Сказанное имеет прямое отношение к исследованию общих принципов и особенностей развития других социалистических стран, в том числе КНДР. Интересен, в частности, ее опыт многопартийности, идея которой перспективна. Но на каких основах она строится в КНДР? Чему учит?

В целом коллективная научная мысль обществоведов может и призвана обосновать ту, по-моему бесспорную, истину, что социалистическое общество созидается не стихийно. Что процессу этому необходим политический авангард, консолидирующая, ведущая сила.

Большой самостоятельный интерес для науки представляют разные аспекты социальной сферы КНДР.

И особо хотелось бы остановиться на тесно связанных с нею культурно-идеологических проблемах. Они разноплановы. В частности, ждет ответа ученых вопрос, как используются там достижения мировой цивилизации, как осуществляются задачи всестороннего развития личности, реализации ее творческих духовных потенций. Пока недостаточно внимания уделяется в советских исследованиях современному общественному сознанию в республике.

Задача задач корееведов — исследование корейских национальных традиций, всего их прогрессивного арсенала, а также реакционного традиционализма. До сих пор мы уделяли этим вопросам явно недостаточно внимания. Без учета традиций нам не разобраться в диалектике общего и национально-особенного, не понять корней своеобразного развития КНДР.

Особо пристального изучения требует вопрос о роли субъективного фактора. Ведь когда мы сравниваем, что было и что стало в той или иной из социалистических стран, включая КНДР, то видим огромные достижения. Когда же ставим вопрос, что стало и что могло стать, если бы не нарушались коренные принципы социализма и использовался в полную силу его потенциал, то выступает множество ошибок, просчетов, драматических ситуаций, связанных в первую очередь с субъективным фактором, с его отступлениями от объективных требований. Ведь именно с ним нередко связаны деформации. И объективные противоречия, источник развития общества, иногда приобретают характер недиалектический, перерастают в антагонизм.

Обозначены лишь контуры некоторых тем по корейской современности. Многие из них весьма деликатны — что называется, на острие ножа. Но демократизация общественных наук, как и всей нашей жизни, позволяет к ним прикоснуться. И главное, что хочется еще раз подчеркнуть, это необходимость подходить к исследуемым вопросам творчески, неизменно помнить, что в марксистско-ленинском учении заложена не только возможность, но и обязанность его развития, обогащения на базе общественного опыта. Не забывая ленинское предупреждение, что нельзя смотреть на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное. Применяя то же к ленинскому наследию. Хотела бы поэтому присоединиться к тем, кто зовет не «назад» к Ленину, а «вперед» к Ленину.

Другой компонент сравнительного анализа — Южная Корея в системе капитализма. Сначала тоже нужна предыстория, нужен ответ на вопросы: был ли капитализм выбором народа, что происходило на Юге после освобождения страны от японского господства. Живя в это время в Сеуле, ясно видела, что подавляющее большинство населения — трудящиеся, прогрессивная интеллигенция — не хотели строя, где царят эксплуатация, неравенство, где человек труда бесправен. Они стремились к полной национальной независимости, к социальной справедливости, к демократии.

Ведь влияние левых сил на массы накануне освобождения от колониализма было, несмотря на террор военного времени, значительным не только на Севере, но и на Юге.

То было в самом начале развернувшейся в Южной Корее социальной революции. Не могу согласиться с теми, кто отрицает экспорт на Юг Кореи контрреволюции. Это исторический факт. Вступление американских войск на Юг страны положило ему начало.

Кстати, вместе с другими сотрудниками советского генерального консульства видела прибытие в Сеул войск США. Без радости, хмуро встречало их население. На вопрос, чем это вызвано, знакомый преподаватель колледжа ответил: «Во-первых, многие знают о неблаговидной роли Америки в период установления японского протектората над Кореей и позднее. Но главное, мы все обескуражены приказами генерала Макартура, которые вчера сбрасывались с самолетов в виде листовок. В них Южная Корея объявляется оккупационной зоной. „Непослушным" корейцам угрожают суровым наказанием, вплоть до смертной казни». Да, эти листовки мы читали.

В союзе с еще оставшейся на Юге японской военщиной войска США начали подавление революции. Образовалось своеобразное короткое троевластие. Ведь в Южной Корее активно действовали народные комитеты. Оккупационные власти успокаивали корейцев: «Мы-де здесь временно. Подготовим вас к самоуправлению и уйдем». Этот начальный отрезок послевоенной корейской истории, как мне кажется, требует определенного, условно говоря, «моделирования» других возможных вариантов развития. (Впрочем, такая задача могла бы стать плодотворной и при изучении многих иных событий прошлого, если бы она решалась с должной компетентностью и осведомленностью. К сожалению, иногда мы сталкиваемся с обратным.)

После выяснения того, как Южная Корея влилась в капиталистическую систему, предстоит исследование динамики ее развития в разных сферах общественной жизни: экономической, политической, культурно-идеологической на разных этапах, весьма неоднозначных. Обобщенно говоря, в каких формах проявлялись и проявляются там закономерности капитализма. Это важно и для фундаментальной науки о смене формаций на докапиталистическом Востоке, и для выяснения причин так называемого южнокорейского чуда — характеристики броской, эффектной, но, по-моему, отдаленной от научных категорий.

Юг прошел через сложные, весьма драматичные для его народа этапы. Ныне он сильно изменился и далеко вырвался вперед в экономическом и научно-техническом отношениях. Он богаче КНДР, других социалистических стран. В Южной Корее произошла заметная политическая эволюция, либерализация режима, на которую «верхи» и их покровители были вынуждены пойти под напором снизу и в связи с мировой ситуацией.

Но можно ли при этом забывать, в чьих руках там богатст-

ва, кто владеет ими, кто управляет страной? Можно ли недоучитывать того, что на Юге сохраняется милитаризм? Позволяет ли все это говорить о «чуде»?

Задача науки состоит в том, чтобы выявить достоверно и непредвзято условия и причины экономического рывка Республики Кореи. Притом самостоятельного внимания заслуживает анализ характера и форм поэтапной помощи ей со стороны США, других высокоразвитых капиталистических стран, помощи, связанной с фактором существования на полуострове двух разнотипных государств. Анализ требуется не только объективный, но и строго историчный, диалектически учитывающий и единство и противоречия между Южной Кореей и этими государствами. И, конечно, важно продолжать выяснение всего комплекса внутренних условий.

При этом снова оглянемся назад. Посмотрим, всегда ли по восходящей шло развитие Юга. В первое 15-летие после освобождения, как известно, несмотря на огромные инъекции извне, Южная Корея находилась в состоянии разрухи. Развивались лишь, да и то медленными темпами, отрасли, созданные в колониальные годы. В упадке было сельское хозяйство. Повсеместно царили нищета, безработица. Положение начало меняться с принятия в начале 60-х годов 20-летней программы индустриализации, развития промышленности, ориентированной главным образом на экспорт. Как мы знаем, не только подъемами, но и откатами характеризовались первые три пятилетки. Зигзагообразно шло развитие и в дальнейшем. Напомню состояние спада на Юге в начале 80-х годов. Пишу об этом для того, чтобы подчеркнуть необходимость широкомасштабного, свободного от упрощенности подхода к анализу южнокорейского взлета.

Заслуживает анализа и опыт Юга в области планирования. Как говорилось выше, развитию Южной Кореи, как и КНДР, советское корееведение уделяет немалое внимание. Созданы крупные научные исследования. Однако и в этой области накапливается новый опыт, появляются новые материалы, совершенствуются подходы к их обобщению.

В частности, имею в виду выяснение особенностей, преимуществ, позитивов и уязвимых черт экспорториентируемой модели развития Юга и в рамках возможного прогноз ее обозримого будущего. В числе вопросов, ждущих своего дальнейшего изучения, особое место, естественно, принадлежит социальной сфере, борьбе трудящихся за свои права, движению ее прогрессивных сил против милитаризма, за восстановление национального единства, за свободу и демократию.

Думается, этим вопросам советские авторы призваны уделить значительно больше внимания. На некоторых из них, особенно публицистов, видимо, воздействует гипноз «корейского чуда», в которое они включают и высокий жизненный уровень трудящихся.

На первый взгляд это может показаться оправданным. Но

посмотрим вглубь и снова вернемся немного назад. Вспомним, что именно крайняя дешевизна рабочей силы, ее жестокая эксплуатация помогли экономическому рывку Юга. Вместе с тем протест рабочих заставил его правящие силы улучшить условия труда и быта трудящихся, предоставить им определенные социальные гарантии. И нельзя исключать при этом воздействия программных целей стран социализма, где одной из основных провозглашается социальная защищенность человека труда.

Никак не преувеличивая масштабы выступлений трудящихся и интеллигенции Юга и ее наиболее динамичной, активной силы — студенчества, думаю, что их следует пристальнее изучать в разных срезах. В частности, могли ли исчезнуть у потомков богатые революционные традиции прошлого? Нет, отвечают факты. Конечно, усилия определенных кругов Юга и их американских покровителей по разжиганию неприязни к социализму и отождествлению его сущности и принципов, с их искажениями и деформациями, не пропадают даром. Углубляются отчуждение, рознь между южнокорейским населением и КНДР. Социальное начало берет верх над национальной общностью.

В психологической сфере нетрудно обнаружить интенсивную и эффективную деятельность этих кругов Юга и США по насаждению культа бизнеса, обнаженного прагматизма, бездуховности, потребительства. Но нельзя не видеть и другого. В глубинах южнокорейского общества усиливается процесс расслоения сил. Растет активность тех, кто стремится к социальной справедливости, к подлинной демократии и, конечно, к национальному единству.

Вообще, проводя сравнительный анализ развития Севера и Юга, мы, как правило, концентрируем внимание на том, что их различает, разобщает. Но ведь как многое их и роднит — история, культура, язык, традиции.

Естественно, в различных условиях разнотипных систем Кореи исторические традиции проявляются неодинаково, обретают новые черты. Но в целом они очень живучи, неистребимы. И это тоже тема для размышления и исследования при сравнительном анализе Севера и Юга Кореи. Роль национального момента трудно переоценить.

Хотелось бы отметить и такой вопрос, как воздействие некоторых отрицательных сторон предшествующей освободительной борьбы на демократические силы Юга. Имеется в виду групповщина, которая в прошлом коснулась даже корейского коммунистического движения.

То особый вопрос. В данном случае хочу подчеркнуть другое: негативные традиции групповщины сказываются и ныне в демократическом движении Юга. Разобщены оппозиция, профсоюзы, выступления. Вместо единства действий, столь необходимого сегодня миролюбивым патриотическим силам, имеют место распри, трения. Но проявляется и стремление к объединению усилий в борьбе за демократию и общность нации.

В целом Южная Корея, особенно за последнее время, сильно изменилась. Перемены произошли в разных областях общественной жизни. Они должны стать объектом глубокого изучения.

И, возвращаясь к общим вопросам сравнительного анализа, еще раз хотела бы повторить, что он не может, не должен ограничиваться только опытом прошлого и настоящего, а призван учитывать и конечные цели и имеющийся для их реализации потенциал. В наши сложные, кризисные для социализма времена это крайне важно. К сожалению, на крутых переходных этапах, как правило, слабые ломаются, не очень стойкие теряются. Сильные же множат свою энергию для преодоления трудностей. Обществоведы-исследователи призваны быть в теоретическом авангарде сильных.

В числе актуальных тем корееведения — проблема объединения страны. Разумеется, это право и дело самого корейского народа. Но не только его. Это проблема и международная. Ведь Корейский полуостров — одна из взрывоопасных точек Азиатско-тихоокеанского региона, где проживает более половины населения планеты, где переплетаются интересы таких стран, как США, Япония, СССР, Китай.

Южная Корея имеет одну из самых крупных армий в Азии, на ее территории находятся войска и ядерное оружие США. Она зона высокого военно-политического напряжения.

В современных условиях, когда рассматриваемый вопрос лежит в русле животрепещущих общечеловеческих интересов, коллективная мысль корееведов призвана его конструктивно изучать, искать и обосновывать наиболее оптимальные пути превращения полуострова в безъядерную зону, перемирия — в прочный мир, снижения напряженности и опасности военного противостояния Севера и Юга.

Думается, что тому может существенно способствовать большая вовлеченность южнокорейского государства в мировое сообщество, в его борьбу за мир и выживание человечества. А такой вовлеченности, в свою очередь, будут содействовать установленные дипломатические отношения Республики Кореи с Советским Союзом.

Такая акция важна по многим причинам. Она отвечает принципам дружбы, солидарности с народом КНДР, поддержки его национальных чаяний, инициатив, она лежит в русле интересов демократических, патриотических сил Юга. И направлена на разрядку напряженности в АТР. Нельзя, конечно, не учитывать при этом и наши национальные интересы.

Корееведческая наука не вправе оставаться в стороне от этих жгучих вопросов современности. Притом представляется важным их совместное исследование учеными СССР, КНДР, Южной Кореи, других стран. Всем вместе легче будет разобраться в сложном клубке разнообразных проблем, составляющих предлагаемую тему.

Еще раз следует подчеркнуть, что реализация названных направлений зависит не только от корееведов. Необходимо, чтобы фундаментальное теоретическое обществоведение органически включило в орбиту своего научного поиска опыт социалистических стран Востока, чтобы этот поиск велся в тесном контакте с коллегами из зарубежных стран, чтобы мы знали историографию, трактовки, концепции друг друга. Наконец, необходимо, чтобы теснее координировали свои усилия корееведы — историки, экономисты, культурологи, философы, этнографы.

Наше время открывает для осуществления упомянутых задач широкие просторы.

* * *

Он уже очень немолод, Институт востоковедения. Ему более 170 лет. К пенсионному возрасту приблизился и основной костяк сотрудников. Многое делают эти ученые для науки и практики.

Пополняется ИВАН и молодежью. Какая она? Как и старшие поколения, разная. В большинстве она образованнее, информированнее предшественников, знает об изучаемых странах и проблемах больше, чем те в их годы. Бывает на Востоке, в других районах (к сожалению, чаще не сотрудники, а начальство).

Но не унаследовали многие от своих учителей одержимости, бескорыстия, веры в идеи, которым добровольно пришли служить. Часто приходится сталкиваться с откровенным цинизмом, с неприкрытой двойной, а то и тройной моралью: одно говорить, другое думать, третье писать. Прагматизм, бездуховность для иных стали нормой.

Как же с этим мирятся учителя, наставники? Увы, под прессом застойного времени изменились и некоторые из них. Потускнели энтузиазм, убежденность, уступив место апатии и равнодушию. Снова вспоминаются слова Д. Гранина: человек стал хуже. Разумеется, речь идет лишь о некоторых, об «усредненном» человеке. Иным стало и отношение к аспиранту, к молодому специалисту. Среди которых немало талантливых, но разбрасывающихся, не умеющих организовать свои мысли, знания. Легко воспламеняющихся и столь же быстро остывающих. А главное, не владеющих умением оценить, обобщить накопленные факты, увидеть картину объемно, в комплексе. Другими словами, не вооруженных научной методологией.

В общественных науках специалисты созревают позднее, чем в других областях. Необходим жизненный опыт. Восполнять пробелы призваны старшие товарищи, в первую очередь те, кого называют учителями[47].

Но... Известно, что старые любят много говорить. А молодежь, как правило, не любит слушать. Она нас не слушает, она на нас смотрит: как поступаем, как работаем, как живем. А мы этого часто не учитываем.

Тут я подхожу к вопросу о нравственном компоненте миссии, предназначении обществоведа, в данном случае ориенталиста. Приведу несколько примеров, будничных, мелких, но показательных.

Специализированный Ученый совет обсуждает докторскую диссертацию. Официальные оппоненты, другие выступающие дают положительный отзыв о работе. Единогласно принимается заключение, тоже высоко оценивающее диссертацию. Но при подсчете голосов оказывается почти половина, а то и больше, «черных шаров».

Аналогичных случаев на моей памяти было лишь несколько. Но чему они учат молодежь? Ведь соискателю не дали возможности защиты, хотя вся процедура так именуется. Не предъявили никаких обвинений — и получилась не защита, а «нападение из-за угла». В ученых советах, где такое происходило, состояли высокоавторитетные ученые, очень уважаемые люди. Тем труднее объяснить молодежи, как такое могло случиться.

Некоторые члены совета утверждали — это демократия, право тайного голосования позволяет использовать его по своему усмотрению. Но ведь речь идет о совете, специально существующем для обсуждения, а не для тайного осуждения работ. Здесь анонимная, безгласная «демократия» особенно аморальна. (К чести ученых, они в большинстве случаев свои ошибки исправляли.)

Следует отметить и то, что некоторые предвзято, с элементами академического снобизма подходят к «остепенению» практических работников. Порой это реакция на прошлое. Да, раньше бытовала порочная практика облегченного подхода к соискателям из вышестоящих инстанций. Но ведь нельзя и наказывать за работу там, «наверху», если соискатель проявляет призвание к исследовательской деятельности, творчески одарен. Ведь очень нужны обществоведению практики с аналитическим умом и теоретики с практической хваткой.

Примерно так же стоит порой вопрос о династийности в науке, именуемой семейственностью, иногда справедливо, иногда неоправданно.

Конечно, если именитые папы толкают в науку за степенями и званиями свое чадо, не обладающее необходимыми данными, это недопустимая семейственность. А если у юноши, девушки, выросших в семье, в частности, того же востоковеда, с детства прививается любовь к этой области и есть способности, талант, так что же — «не пущать»? Наказывать и предков, и потомков, и науку? Почему мы приветствуем династии рабочих, медиков, педагогов и отвергаем научные? Где логика?

Пишу об этом потому, что слишком часто не умеем, да и не пытаемся, отличать династийность как явление прогрессивное от недопустимых семейственности, протекционизма. Нравственному воспитанию молодежи это наносит урон.

Особенно порочной представляется в этом аспекте практика,

когда начинающего специалиста приучают писать на самого себя характеристику, заключение по диссертации, собирать отзывы на нее, иногда соучаствуя в их подготовке. И в сознании молодого человека понятие самообеспечения становится как бы неотъемлемой частью его нравственных позиций. Не всегда они наблюдают достойный пример старших. Видят, что преуспевают больше в получении степеней и званий те, кто умеет за них биться, преследуя при этом свои узкоэгоистические цели, кто думает только о себе. Академическая система роста кадров тому в немалой степени способствует.

Например, в Отделе социалистических стран Азии ИВАНа большая группа ученых уже давно и очень плодотворно работает на уровне докторов наук (то же и в других отделах). Но ими не стала. Почему?

Причины разные, однако есть и общие: они кроются в заформализованной до абсурда процедуре оформления документов, самой диссертации, защиты, требующей массу времени. А его-то у этой группы ученых, работающих на пределе, как раз и нет.

Бывала свидетелем, когда покойный Георгий Федорович Ким отчитывал Ю. В. Ванина, С. К. Рощина, В. И. Шипаева, других, требуя, чтобы наконец оформили свои «докторские дела». «Чем помочь?»— спрашивал он. Но руководство могло лишь идти на предоставление творческих отпусков (да и то не всем), что не всегда помогало. Ведь другая работа не ждет.

Давно пора отменить существующую практику, кроме всего прочего потворствующую тому, чтобы молодежь пробиралась к высотам науки не талантом и трудом, а локтями.

На многих аспектах нравственности ученого хотелось бы остановиться. Сейчас, как мне кажется, это один из самых больных и самых больших вопросов. И речь не только о молодых.

Если они не успели приобрести, то некоторые из старшего поколения порастратили, порастеряли важные духовные ценности. Выдохлись, остыли. Сказывается снижение нравственного начала и во взаимоотношениях ученых, в экологическом климате. Так, например, образовались две сферы обсуждения научных трудов: заочная, коридорная, и очная. Иногда противоположное говорится за глаза и в присутствии автора на официальном обсуждении. А сколько личного, субъективного подчас привносится в критику! Дают себя знать и зависть и сведение личных счетов. Нужно ли говорить о безнравственности таких явлений [48]. Связаны они и с тем, что некоторым научным работникам свойственно завышать степень своей значимости и таланта. (Вспоминаются слова писателя, что человек это дробь, в которой числитель то, что он собою представляет, а знаменатель — что о себе думает. И если знаменатель приближается к бесконечности, то дробь равна нулю.) Увы, не раз приходилось наблюдать такое приближение.

Обо всем этом пишу попутно, кратко. Думается, что о нравственной среде в мире ученых нужно говорить особо.

Когда повторяю: человек стал хуже, конечно, имею в виду и себя. Вместе с другими порой помогала открыть «зеленый свет» в науку недостойным, которые «осветили» ее среду лишь интригами. Как и другие, не ввязываюсь в разоблачение этих людей. Не потому, что стыжусь признать свою ошибку или боюсь их ответных акций. А потому, что вижу бесполезность траты сил и времени, которых мне осталось так мало. Знаю, что с ними не станет связываться и начальство. Уволят, направят на пенсию по возрастному принципу специалистов, которые уйдут достойно и спокойно, не доставляя неприятностей. А «взрывоопасных» склочников оставят.

Мы стали хуже и тем, что ослабили связи друг с другом, теряем умение вместе радоваться успехам (неточна поговорка «человек познается в беде», в радости — тоже).

Главное же, многими утрачены забота, внимание, чуткость.

Не очень давно у нас в Отделе произошел трагический случай. Покончил жизнь самоубийством наш товарищ Анатолий Буданов. То был яркий человек, творческий, ищущий ученый. Но неуравновешенный, импульсивный, неадекватно реагирующий на неудачи и трудности, с которыми приходится сталкиваться всем и довольно часто. На самоубийство он пошел в состоянии крайнего аффекта, психических отклонений, как констатировали врачи. Но ощущение вины многих из нас не покидает.

Не думаю, что кто-либо его сознательно травил. Однако некоторые жизнь отравляли, работать мешали. А мы хотя и ввязывались, защищая его, но явно недостаточно. И недооценивали степень его неуравновешенности, болезненности, переросшей в страшную беду.

Когда все случилось, те, кто портил ему жизнь, попытались даже бросить тень на светлое имя человека: мол, не было ли серьезной вины, толкнувшей его на самоубийство?

Не было вины, была беда, болезнь, которую мы не сумели увидеть. Когда же мы потом о нашей нечуткости заговорили на собраниях, некоторые либо отмалчивались, либо переключали тему на неудачи погибшего в науке.

Да, он принадлежал к типу ученых, обладающих высоким полетом мысли, многознающих, смело мыслящих, но не всегда умеющих реализовать свой богатый интеллектуальный потенциал. Но дело ведь не в этом.

Каким же страшноватым было отношение отдельных, подчеркиваю, отдельных членов в целом здорового коллектива к случившемуся. Неужели не болит их совесть? Мы начали активно бороться за оздоровление окружающей среды, за ее охрану. Не пора ли заняться, наступательно и серьезно, и экологией в научном мире, особенно в обществоведении, учитывая его место и роль в науке и в жизни?

Бегло напомню и о взаимоотношениях сотрудников, общении институтского коллектива вне рабочего времени.

Раньше регулярно проходили встречи с интереснейшими людьми из мира литературы и искусства, «капустники», где блистали юмором и остроумием Шаститко, Чичеров, Ахрамович, Москаленко, Алаев, другие. Незабываемы и «отдельские» вечера с неизменными романсами в исполнении нашего отличного тенора Геннадия Грязнова. Все это разряжало и заражало, сплачивало людей. То была не потеря времени, а подлинные его находки.

Попутно вспомним, что ослаблена, а то и вовсе исчезает традиция общения родных, друзей, столь нужная, скрашивающая жизнь. У нашей семьи, например, сложился обширный дружеский клан с многими ответвлениями и филиалами. Он включал как бы «постоянных членов»— глав филиалов и «временных»— их друзей. Конечно, неизменно бывали и близкие родственники [49].

Какими же увлекательными, содержательными и озорно веселыми бывали эти встречи.

Должна сказать и о другом. Многие из наших друзей оказались на руководящих постах. Сейчас таких, именуя аппаратными работниками, часто причисляют к некой «касте презираемых». О них модно говорить лишь в негативном плане. При этом упор делается на привилегии, которые действительно нарушали нормы социальной справедливости. Но видела, знаю, как и сколько работали наши «высокопоставленные» друзья.

Иногда ночью, в два часа, а то и позднее, раздавался телефонный звонок. Николай Данилов (он был секретарем горкома партии, затем заместителем министра культуры) звонит, чтобы узнать о здоровье, побеседовать... Мы возмущались: «Ты сошел с ума, всех разбудил». Удивлялся: «А что, разве поздно? Я еще на работе». То же бывало и с Борисом Бурковым.

Работали много, одержимо.

Не могу не сказать в этой связи о Надежде Николаевне Андреевой, дружбой с которой я очень дорожу. Это человек-кристалл. Многие годы она тоже была на руководящих должностях в Москве (председатель райисполкома, первый секретарь райкома партии, затем член Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС). Ей выпала на долю благородная задача партийной реабилитации невинно репрессированных. Сколько же доброты, отзывчивости, чуткости проявила она при этом. Заботы об их работе, быте [50].

В разные времена «наверху», как и «внизу», были, есть и, вероятно, будут разные люди. Нельзя всех превращать в безликую массу.

Я коснулась этих вопросов, некоторых мелких деталей, штрихов прежней жизни, противоречивой, аномально сочетающей и самоотверженное созидание, и последствия трагических сталинских времен, и начало застойных явлений, не только для

того, чтобы подтвердить невеселую мысль: человек стал хуже и скучнее. А для того, чтобы еще и еще раз подчеркнуть, что следует взять из прошлого многие его традиции, духовные, этические ценности. Особенно это важно для обществоведа, в том числе и ориенталиста, призванного формировать человеческий фактор, новое мышление.

Неведомо мне, подтвердят ли «Записки очевидца» мысль, что последняя книга бывает самой удачной. Не мне об этом судить. Знаю лишь, что она объективнее и правдивее предыдущих. И заслуга в этом не автора, а Времени, до которого он, к счастью, дожил.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

[1] Справедливости ради следует сказать, что советские корееведы не последовали слепо за историографией КНДР, когда она в 60-е годы изменила многие ее трактовки, а лишь попытались усилить доказательность и документированность своей концепции.

[2] Советским корееведам повезло с кураторами, а главное, с издателями, поддерживавшими стремление писать по возможности правду.

[3] Не скрою и прагматическую причину предпринятого в книге переосмысления автором некоторых своих прежних трактовок: лучше сделать это самой, чем кто-либо потом будет ворошить мои истлевшие кости, когда я уже ответить не смогу.

[4] Эти закрытые издания стали доступны нам при следующих обстоятельствах. После объявления императором Японии рескрипта о капитуляции (15 августа 1945 г.) в генерал-губернаторстве Кореи стали срочно уничтожать секретные документы, материалы, в том числе изданные в виде книг. Часть из них, относящихся к периоду до 40-х годов и включенных в секретный архивный фонд, некоторые служащие генерал-губернаторства припрятали в условиях паники и затем продали букинистам, у которых мы их приобрели. Книги эти сохранились.

[5] Этот востоковедный «семейный подряд» не ограничивается мужем и мною. О японских закрытых изданиях, как об одном из источников изучения корейского освободительного движения, пишет диссертацию моя внучка-японистка Л. Куликова, точнее, жена моего внука-китаиста В. Куликова. Использую в книге разделы и переводы ее диссертации.

Введение

[1] Правда. 5.VIII.1988.

[2] Имя изменено.

[3] Запомнила все, так как не единожды об этом случае впоследствии рассказывала.

[4] Оттуда же часто бегали в Большой, Малый и другие близлежащие театры. Без билетов. Зимой и без пальто, чтобы ввести в заблуждение билетеров: мол, выбежали на минутку. Бывали на этой почве недоразумения...

[5] Мы и сейчас с Паной Голубевой дружны.

[6] Он был основан в 1870 г. приехавшим в Москву из Франции Юлианом Гужоном возле зловонной речушки «Золотой рожок», на пустырях и огородах села Ново-Андроновка у Проломной и Рогожской застав. Сначала завод производил гвозди, а затем стал железопрокатным.

[7] С 1919 г. Владимирка стала именоваться шоссе Энтузиастов. Точное название.

[8] Часто ребята скрывали, что они дети сосланных кулаков или подкулачников. Но рабочие это знали. У многих была в деревне родня. Видели, что при коллективизации допущено много ошибок. О них говорили на занятиях кружков, друг с другом. Но тут же замечали: «Ведь сам Сталин сказал, что произошло головокружение от успехов». А о том, успехи ли это и в головокружении ли дело, мы не задумывались. У нас самих голова кружилась.

[9] Что такое трибунал, мы тогда смутно представляли. Надеялись, что само это грозное слово способно превратить товарищеский суд в эффективное средство налаживания дисциплины.

[10] Впоследствии Н. А. Михайлов был одним из руководящих деятелей (первый секретарь ЦК ВЛКСМ, министр культуры СССР и т. д.).

[11] Свет над заставой. М., 1959, с. 223.

[12] Учебный комбинат завода объединял металлургический институт, техникум, рабфак, ФЗУ, вечернюю рабочую школу, заводское отделение Коммунистического института журналистики, разные курсы.

[13] Сейчас, читая о ПТУ, невольно обращаюсь к прошлому, к началу 30-х годов. Почему забыты традиции и главная из них — забота, внимание заводских коллективов, где выпускникам придется работать? Тогда эта забота была. Лучшие специалисты «Серпа» преподавали в школе. Инструкторами работали квалифицированнейшие мастера. Директор завода П. Ф. Степанов, секретарь парткома А. Филатов, его заместитель А. Горбунов, секретари комитета комсомола М. Лысов, Н. Сирота — все они относились к ФЗУ как к своему детищу. Почему сейчас, как я могу судить по печати, все это потеряно, забыто? Изменилась система подготовки. Может быть, так нужно, но почему не взять из прошлого то ценное, что накоплено опытом поколений, прошло испытание практикой?

[14] Валерий Иванович был тогда заместителем председателя Госплана СССР. Иван Иванович — секретарем Совета труда и обороны.

[15] Критиковали меня за то, что недостаточно вникаю в финансовые дела (я тогда исполняла обязанности директора ФЗУ), а главное, за «гнилую интеллигентность». В общем же все прошло хорошо.

[16] В некоторых организациях и в то драматическое время поступали иначе. Когда муж подал заявление, что его близкий знакомый арестован как враг народа, секретарь сказал ему: «Ну и что? В душу ведь не залезешь. Значит, ловко орудовал». И разорвал заявление.

[17] Свет над заставой, с. 261.

[18] О заводских товарищах писала в книге «Южная Корея. 1945—1946». Не стану повторяться, да и размеры книги не позволяют.

[19] Говоря об этих сложностях, о недостатках, в частности в социальной сфере, все же стоит напомнить, чем сегодня располагает бывшая «гужоновская костоломня». Дворец культуры, клуб «Нептун», Народный драматический театр и балет, музей, две большие библиотеки, стадион. У завода есть свои поликлиника, санаторий, профилакторий, 11 детских садов и яслей, пионерский лагерь, летний детский городок. Есть садово-огородные кооперативы, 8 тыс. квартир (Правда. 7.X.1986). Конечно, многое требует улучшения.

[20] Заседание бюро ЦК ВЛКСМ, когда меня утверждали в этой должности, вел А. Косарев. Он казался подавленным, каким-то отсутствующим. Впрочем, о его странном состоянии шепотом в «Комсомолке» поговаривали, не зная подлинных причин.

[21] Приведу лишь один пример. Направили меня вместе с двумя другими газетчиками на сельскохозяйственную выставку взять интервью о ней у знатных людей. Зайдя в чайхану, я довольно бойко обратилась к одному известному летчику с просьбой поделиться своими впечатлениями о выставке. Рядом с ним за столиком сидела жена. Схватившись за красивую, окаймленную светлой косой голову, она с раздражением сказала: «Как мне надоели эти репортеры. Поесть не дадут». Реакция моя была не самой удачной. Вспыхнула и ответила примерно следующее: обращаюсь не к вам, газету интересует мнение (назвала летчика, поставив его в сложное положение), и выбежала. Мои товарищи стали за меня извиняться, а затем сразу же доложили о случившемся редактору. Михайлов вызвал, не отчитал, но предупредил, что придется сталкиваться и не с такими особами... и терпеть. Сколько раз я в этом убеждалась!

[22] Коротко напомню, как это было. В 1937 г. инструктор ЦК ВЛКСМ Мишакова, будучи на комсомольской конференции в Чувашии, без всяких оснований и доказательств обвинила секретарей обкома ВЛКСМ во вражеской деятельности. К «врагам народа» она причислила и тех, кто за них заступился. Секретарей исключили из партии. Но Чувашский обком ВКП(б) их восстановил. Вопрос о поведении Мишаковой Косарев поставил на бюро ЦК ВЛКСМ. Ее отстранили от командировок. И вообще от ответственной работы.

В 1938 г. она обратилась к Сталину с письмом, в котором просила проверить, почему не приняли меры по ее сигналам и враги народа в Чувашии, которых она выявила еще год назад, продолжают работать и т. п. Ответом Сталина был не только арест многих чувашских руководителей, но и высокое покровительство «разоблачительнице».

На VII пленуме ЦК ВЛКСМ в ноябре 1938 г. Косареву и другим секретарям ЦК ВЛКСМ было выражено политическое недоверие. Их сняли с работы, а затем арестовали. Секретарями ЦК комсомола кроме Михайлова стали О. П. Мишакова, С. Е. Захаров, Г. П. Громов.

[23] Выполняя обязанности дежурного редактора, часто сталкивалась с тем, что в номер предписывалось от имени Мишаковой включать материал, разоблачающий очередного комсомольского руководителя, без всяких подтверждений. Как быть? Не раз приходилось ночью (когда обычно делалась газета) звонить Михайлову. Злился, но просил будить его, если остро необходимо. Некоторые подобные материалы разрешал снимать, отложить. Но не всегда. Его положение было крайне сложным.

[24] Не знаю, сохранилась ли стенограмма заседания бюро ЦК ВЛКСМ. Привожу все по памяти. Точной даты не помню.

[25] Все это привожу не дословно.

[26] Однажды встретила С. Кирсанова после возвращения из Сеула. Пошутил: «Давно бы тебе нужно было туда поехать. Корея раньше бы освободилась». Такой же шумный, неугомонный.

[27] Не сложилась ее судьба. Став (после «Комсомолки», а затем работы в Антифашистском комитете советской молодежи) «свободным художником», Люда выполняла эпизодические задания разных журналов и газет, много ездила по стране, мало писала, ограничиваясь мелкими материалами. Постепенно терялась профессия. Не удалась и личная жизнь. Бывая у нее дома, я встречала там интереснейших людей. Достаточно назвать Твардовского, Сурена Кочаряна, Веронику Тушнову и др. Мнением Люды о своих стихах, выступлениях, картинах интересовались многие, ее нескладной, неудавшейся жизнью — единицы. Недавно Люды не стало.

[28] Михайлов не раз вызывал меня и строго отчитывал за то, что газета не дает рецензии на те или иные новые спектакли, фильмы, произведения. «Разносил» и за неверные оценки. Особенно гневался, когда узнавал, что я не удосужилась посмотреть премьеру или прочитать новую книгу. «Это твоя прямая обязанность,— напоминал он.— Не успеваешь днем, читай ночами. Я, например, сплю не больше четырех часов. Ночью занимаюсь».

Не сомневалась, что это правда. Пробелы в знаниях он восполнял упорнейшим самообразованием. Не понимала, как ему это удается при такой большой работе. Но и он не понимал, что не всем такое посильно. Напоминала ему, что у меня маленький сынишка, что муж в отъезде, что не успеваю. Кстати, перед отъездом в Корею муж заходил к Михайлову, просил снять с меня часть нагрузки. Он обещал, но выполнять не торопился, однако всячески помогал. Михайлов, при его повышенной требовательности и внешней суровости, был добрым человеком. Не раз в этом убеждалась.

Что касается его «разносов» за неверные оценки газетой книг, спектаклей и т. п., то они были несправедливыми. И сам он это знал. Ведь все зависело от того, понравились ли эти вещи Самому и его ближайшему окружению. Мишакова за этим зорко следила. Иногда приходилось на страницах газеты давать противоположные оценки, что выражало отнюдь не плюрализм мнений, а было связано с командой сверху. Так случилось, к примеру, со спектаклем «Моль» в театре Ленинского комсомола.

Не раз приходилось слышать: «Комсомолка» опять сама себя высекла. Да, такое бывало.

[29] Дочь погибшего болгарского революционера, она, сестра и брат вместе с матерью-революционеркой оказались в тюрьме. В 1927 г. друзьям удалось детей переправить в Москву. Лиля воспитывалась в семье Емельяна Ярославского. Работала она вдумчиво, с большим интересом. В редакции полюбила замечательного парня — Сашу Слепьянова. Поженились. О дальнейшей судьбе Лили я узнала позднее. В начале войны Саша ушел на фронт. Рвалась туда и она. Но получала неизменно отказы. Когда же в бою под Калининым

погиб Саша, «моя огромная и единственная любовь», как она неоднократно говорила, Лиля добилась разрешения отправиться в партизанский отряд спецкором газеты. 15 марта 1943 г. в бою на Украине она геройски погибла (см.: *Бурков Б.* «Комсомолка» в шинели. М., 1976, с. 111).

Недавно смотрела по телевидению фильм, одним из ярких персонажей которого была Лиля Коростоянова. Не очень похожая, но такая близкая и родная.

[30] Не раз встречалась с Гришей позднее на разных форумах. В разговорах к прошлому старались не возвращаться. Но однажды он, словно читая мои мысли, сказал: «Все мы болели одной болезнью» — и улыбнулся по-доброму, мягко. Больше я его уже не видела.

[31] Комсомольская правда. 24.V.1990.

[32] *Петухов В. И.* У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М., 1987, с. 54—55.

[33] Там же.

[34] Позднее не раз он попадал в труднейшие, требующие большого мужества ситуации (во время корейской войны 1950—1953 гг. был как специалист по Корее в КНДР и КНР около года).

Сложно ему было работать и в 1960—1961 гг. генконсулом в Северо-Восточном Китае, когда советско-китайские отношения резко ухудшались и Советский Союз отзывал работавших там специалистов.

[35] Родился в Купянске Харьковской губернии в семье железнодорожника-машиниста. «Ребята времен революции,— вспоминает Леонид Дмитриевич,— жили той же бурной жизнью, что и взрослые, а поскольку отцы наши были рабочими, то и мы, воспринимая их отношение к событиям, отдавали свои симпатии, пусть и по-детски, революции, Красной Армии. Хорошо помню, как в феврале 1917 г. разоружали полицию и жандармов, как рабочие вытрясли душу из начальника станции за то, что тот скрыл телеграмму об отречении царя от престола. А какой радостью наполнялись наши ребячьи сердца каждый раз, когда в Купянск входили войска Красной Армии. Помню также, как тяжело переживали временные победы врагов советской власти. А их было немало. Многих из них пришлось повидать: и немцев, и белых, и зеленых, и гетмана Скоропадского, и Петлюру, и Махно, и др. Какой только нечисти не было на Украине в те годы, и каждый чинил расправу над рабочим людом. Мне, мальчишке, приходилось прятать отца то на голубятне, то на кладбище, носить ему по ночам пищу. Не передать радости, которую пережил я, когда однажды отцу пришлось вести в бой бронепоезд „Ленин"» (из воспоминаний Леонида Дмитриевича. Рукопись).

После окончания высшего учебного заведения он был назначен генеральным консулом СССР в Сеуле.

[36] Звание Героя Советского Союза ему было присвоено за успешное выполнение боевых задач, форсирование реки Одер и проявленное при этом личное мужество и героизм.

Ныне он генерал-майор запаса. Ведет большую общественную работу.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

Глава 1

[1] Европейское название Кореи происходит от наименования бывшего королевства «Корё» (в японском чтении «Корай» или «Кома», в китайском «Гаоли»). С 1392 г.— времени основания династии Ли — страна официально стала называться «Чосон» (заимствовано от названия древнейшего государства на Корейском полуострове).

[2] Напомню, что Россия установила дипломатические отношения с Кореей 7 июля 1884 г.

После перерыва, вызванного Октябрем и гражданской войной, Япония, аннексировавшая Корею, восстановила в 1925 г. дипломатические отношения с СССР, и осенью того же года было открыто советское консульство в Сеуле. Здание консульства построено в 1890 г. как дипломатическая миссия Россий-

ской империи. Корейская печать отмечала, что это одно из первых зданий европейского типа в Сеуле, что по размерам оно на втором месте после китайского. Часть здания существует до сих пор.

[3] См.: *Пак Б. Д.* Россия и Корея. М., 1979, с. 122.

[4] В декабре 1895 г. марионеточное корейское правительство начало проводить так называемую «реформу причесок, шляп и трубок», что вызвало протест населения (там же, с. 121).

[5] Записка датируется 21 января 1896 г. В литературе называются иногда другие даты.

[6] Мацуока был в Японии в числе тех, кто настаивал сразу же после этого начать войну против СССР. После капитуляции Японии его предали международному военному суду как одного из главных преступников. Умер до окончания процесса.

[7] Следует напомнить, что СССР с 1926 по 1936 г. не единожды предлагал Японии заключить пакт о ненападении, но встречал отказ.

[8] Согласно заключенному пакту стороны обязались поддерживать мирные и дружественные отношения и неприкосновенность друг друга. В случае если одна из сторон «окажется объектом действия со стороны одной или нескольких третьих держав», другая сторона обязывалась соблюдать нейтралитет на протяжении всего конфликта.

[9] Данные переписи населения Кореи. Изд. генерал-губернаторства Кореи. 1941.

[10] В колониальное время мы не раз днем проходили по Синмати. Узенькие улочки, крохотные красочные домики (их было около трехсот). Днем район спал. Вечером озарялся огнями, гремела музыка. Громко приглашали посетителей «зазывалы».

[11] См.: *Казакевич И. С.* Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны. М., 1958.

[12] Архив внешней политики СССР. Ф. 146а, д. 82, папка 74.

[13] Там же, л. 82.

[14] Там же, л. 84—86.

[15] Там же, л. 89.

[16] Тёсэн сёко симбун. 13.III.1944.

[17] Впоследствии корейские революционеры говорили: как симптоматично, что 15 августа Япония создала здесь антикоминтерновское общество для борьбы против социалистических идей, а через семь лет, тоже 15 августа, именно страна социализма принесла нам освобождение от господства Японии, открыла перед нами возможность социалистического развития.

[18] О своих нелегких обязанностях Сай-сан рассказал нам после освобождения, проклиная себя за то, что вынужден был следить за нами и доносить.

[19] Кейдзё ниппо. 15.IV.1941.

[20] Тёсэн нити симбун. 2.VIII.1941.

[21] Сигото оставался до лета 1946 г. в Сеуле, опекаемый американской военной администрацией.

[22] По сообщению печати, 97,7% иностранцев, проживавших в это время в Корее, составляли китайцы.

[23] Интересные сведения и впечатления о политике и акциях Японии в рассматриваемое время содержит книга М. И. Иванова «Япония в годы войны. Записки очевидца» (М., 1978). М. И. Иванов дважды находился в длительных командировках в Японии, затем в других странах Востока. Знающий ориенталист, кандидат исторических наук, полвека длится наша дружба.

[24] Цит. по: *Иванов М. И.* Япония в годы войны, с. 41.

[25] Из-за разницы поясного времени мы узнали о войне позже.

Глава 2

[1] Нередко в литературе, в публицистике отождествляются понятия национализм и патриотизм, национальное и националистическое. Хочу присоединиться к тем, кто считает, что это разные категории и что требуют они конкретно-исторического подхода. При этом в Корее, как и в других угнетенных

странах, национализм содержал прогрессивные черты, оставаясь в целом идеологией и политикой буржуазной. Другое дело, что борьба за независимость требовала единства действий всех патриотических сил, мобилизации всех прогрессивных черт национализма. Да и время диктует свои требования, выдвигает свои приоритеты, новые качества и формы.

[2] Ли уверял, что его рассказ совпадает, хотя не во всем, с материалом под названием «Корейцы по описанию корейцев», опубликованным в газете «Россия» 2 августа 1907 г. Газеты этой не видела.

[3] Много интересных сведений о нравах, обычаях корейцев содержат труды Ю. В. Ионовой, Р. Ш. Джарылгасиновой.

[4] Посещение музея обернулось для меня таким курьезом. Директор предложил нам зеленого чая и спросил, пила ли я его раньше. Узнав, что впервые пробую этот напиток, спросил, понравился ли он мне. Неосмотрительно сказала ему, что совсем не понравился. Муж переводил. Директор довольно закивал головой и стал наливать мне снова и снова. Недоумевала, но с трудом пила. Потом узнала, что это были не «происки» колонизатора, а просто муж исправил мою бестактность и перевел наоборот. Сколько еще бестактностей допускала... О том, как важно, выезжая в страну, изучить нравы и всю обстановку, поняла позже.

[5] Иногда сталкивались с курьезами. Среди многочисленных суеверий назывались несчастливые дни, когда нельзя, например, начинать лечить зубы: 5, 14 и 24-е числа. Как-то 14-го (месяца не помню, но после освобождения) консульский садовник, узнав, что мы собираемся идти к зубному врачу, настойчиво стал уговаривать не делать этого, так как «плохой день». Но ведь 14-е — это канун освобождения, разве такой день может быть плохим, возразили мы. Да, замялся он, это верно. И все же не ходите...

[6] Обширный материал об обычаях и обрядах содержит монография Ю. В. Ионовой «Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее. Середина XIX — начало XX в.» (М., 1982).

[7] Напомню, что буддизм проник в Корею с конца IV в. н. э. из Китая. С конца XIV в. господствующей религией, точнее, идеологией в Корее стало конфуцианство. Буддийские монастыри, являвшиеся важными культурными центрами, потеряли свое былое значение (как и земельную собственность), но остатки традиций, связанных с буддизмом, остались.

[8] В музеях Сеула видели немало картин, художественных изделий, связанных с шаманизмом, отражающих его влияние на корейцев.

[9] См.: *Тягай Г. Д.* Крестьянское восстание в Корее 1893—1895 гг. М., 1953.

[10] В КНДР Чхонудан (партия, образованная левым крылом Чхондогё) вошла в Единый демократический отечественный фронт.

[11] Французские миссионеры проживали преимущественно на юге страны, англичане — в центральной части, немцы — на севере.

[12] Отвлекаясь и забегая вперед, приведу такую деталь. Когда в 1945 г. в Сеул вступили американские войска (наши занятия с мисс Мартэлл к этому времени прекратились, но сохранялись теплые отношения), стала заметной отчужденность с ее стороны.

Сам Мартэлл старался казаться дружелюбным, но тоже в зависимости от обстоятельств. В сложной южнокорейской обстановке он, такой «всезнающий», не способен был разобраться. Да и он ли один?

[13] Мартэлл рассказывал, что однажды, когда после любительского спектакля в русской дипломатической миссии в Сеуле был банкет, на котором он присутствовал, к главе миссии А. И. Павлову подошел военный атташе и доложил, что «Корейца», направлявшегося из Чемульпо в Дальний, обстреляли японские корабли. Павлов его высмеял. Но трагедия нарастала.

[14] Создание властями в июле 1938 г. (в годовщину китайских событий) Корейской христианской федерации, объединяющей корейских и японских христиан, он рассматривал в русле японизации религии. Администрация расценивала объединение как важный шаг в улучшении натянутых отношений между теми и другими.

В то же время власти потребовали от протестантов в Корее ввести по-

клонение японским синтоистским храмам, утверждая, что поклонение предкам не имеет религиозного характера, его не следует связывать с религией. По этому вопросу развернулась дискуссия. Некоторые миссии начали закрывать свои школы. Власти, опасаясь, что протест против поклонения японским храмам может приобрести политический антияпонский характер, постарались погасить опасность и выступили 19 сентября 1938 г. с заявлением. В нем говорилось, что созданная Корейская христианская федерация будет подчиняться японскому христианскому совету и через него поддерживать связь с международными христианскими организациями. Главная же мысль заявления сводилась к тому, что для реализации духовного и культурного единства японцев и корейцев установлено их сотрудничество и в религиозной сфере.

[15] В печати и беседах отмечалось, что после начала войны многие американские миссионеры стали покидать страну, хотя созданные ими в Сеуле, Пхеньяне, других городах проповеднические общества, школы, больницы продолжали функционировать. Место уехавших заняли последователи протестантов и католиков из Японии.

[16] После того как белогвардейцы были вытеснены из Приморья, большая группа их высадилась в Корее, обосновавшись в Вонсане и окрестностях. Поддержанные японским правительством, они подняли головы и даже создали в Вонсане так называемое правительство автономной Сибири. Готовясь к выступлениям против Страны Советов, они раскололись на враждующие группировки. Дело дошло до вооруженных схваток. Японские власти, учитывая, с одной стороны, ноту протеста Советского правительства, с другой — обстановку в среде белогвардейцев, вывели их основную массу в Китай и в Канаду. Около 300 человек осталось в Корее, рассеявшись по городам. Многие осели в Сеуле.

[17] После прихода в Южную Корею американских войск квартира Белоголового стала своего рода салоном, где бывали офицеры высшего ранга и семьи антисоветски настроенных русских эмигрантов.

[18] О религии, об отношении к церкви в СССР и о ее позициях, особенно в годы Великой Отечественной войны, он много беседовал с приехавшими в Сеул представителями советского военного командования из Пхеньяна. Это было во время работы советско-американской комиссии, в частности в марте—мае 1946 г.

[19] Позднее читала, что с 1942 г. атаман Семенов поддерживал связь с Квантунской армией именно через Дальний.

[20] В Харбине в то время было много русских. Как известно, после начала прокладки правительством России Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) туда ринулись из России рабочие-строители, инженеры, служилый люд. А затем учителя для строящихся школ, священники для воздвигаемых церквей, много различных торговцев.

После революции в Харбин устремились остатки колчаковских банд и их семьи, беженцы типа парикмахерши, о которой говорилось выше, и другие. Положение русской колонии особенно усложнилось, рассказывали харбинцы, с 1935 г., когда СССР был вынужден продать КВЖД властям Маньчжоу-Го. Многие вернувшиеся в СССР подверглись репрессиям.

[21] Местная русская колония на 1 июля 1960 г. насчитывала 5533 человека. Из них детей до 16 лет — 1426 (из архивов Анатолия Ивановича).

[22] Ныне такие доводы кажутся устаревшими, неубедительными. А напрасно. В них тоже есть правда.

[23] В современной публицистике иногда называются миллионы «потерянных мозгов», изгнанных из Советской России. Порой поднимают на пьедестал, взахлеб прославляют независимо от художественной ценности произведения литературы и искусства и их авторов, покинувших родину, как бы только за то, что они уехали. Это стало одной из модных тем. Прославляют иногда не только не понявших революцию, испугавшихся ее, но и тех, кто активно боролся против нее и оружием и словом.

[1] Возле райкома убили инструктора. Ломились ночью в здание, когда мы с сыном там дежурили.

[2] Об одном случае расскажу. Однажды в конце 1941 г. на небольшом лесопильном заводе во время доклада в меня бросили гнилую картофелину, затем еще что-то. Стали кричать: «Хватит обманывать. Ничего уже не осталось от России. Каюк». Некоторых не устраивала и моя национальность. Раздались антисемитские выкрики. Сначала опешила. Но что-то сдержало. Извне поддержки не было. Я стояла, оцепенев, не уходила, что, видимо, сыграло свою роль. Не знаю, откуда взялась выдержка, старалась казаться спокойной. Понемногу утихли. Сказала, кажется, только, почему я не бросаюсь в панику, верю в победу. (Позже мне один из слушателей рассказывал, что привела какие-то примеры из русской истории. Какие именно, не помнили ни он, ни я.) Еще сказала, что не обижаюсь за происшедшее, все мы издерганы, измучены, и, если хотят, я продолжу доклад. Встал старик (почти вся аудитория состояла из пожилых) и как-то очень тепло произнес: «Продолжай, дочка». Расстались по-хорошему. Была на этом заводе еще несколько раз. К докладам стала готовиться тщательнее, в той мере, в какой это было возможно.

[3] Как известно, 7 декабря 1941 г. морские и воздушные силы Японии без объявления войны напали на корабли американского флота в Пёрл-Харборе (военно-морская база США на Гавайских островах). Одновременно Япония развернула операции в районе Южных морей.

[4] Кейдзё ниппо. 27.XII.1941.

[5] Кейдзё ниппо. 17.IV.1942 и 21.IV. 1942.

[6] Кейдзё ниппо. 18.VI.1942 и др.

[7] Кейдзё ниппо. 27.VI.1942.

[8] Кейдзё ниппо. 17.VI.1942.

[9] Тёсэн сёко симбун. 7.V.1942.

[10] Окка ниппо. 5.V.1942.

[11] Кейдзё ниппо. 8.VII.1942.

[12] Кейдзё ниппо. 10.V.1942.

[13] Тёсэн сёко симбун. 10.V. 1942.

[14] Кейдзё ниппо. 1.X.1942.

[15] Кейдзё ниппо. 20.XI.1942.

[16] Асахи симбун. 14.XII.1942.

[17] Кейдзё ниппо. 7.IV.1943.

[18] Рискну привести в качестве примера большой отрывок статьи одного из них — Чо Мансика, опубликованной в газете «Мейль синбо» 16 ноября 1942 г. Она называлась «Всем ученикам».

«Великая азиатская война ежедневно становится острее... Наш народ должен не только душой болеть за императорскую армию, но учащиеся средних и высших школ прежде всего должны идти на фронт и храбро уничтожать армию противника. Скоро будет осуществляться обязательная служба корейской молодежи в императорской армии. Мне сейчас 61 год, по болезни я долго лежал в постели и не имел возможности заботиться об общественных делах. Так что пусть мой клич как клич человека с высшим образованием к ученикам принесет какую-нибудь пользу. Конечно, вы не будете ожидать моего призыва. Я надеюсь, что вы добровольно пойдете на военную службу. Мы должны приветствовать вооружение Кореи. Я не сомневаюсь, что вы, корейская молодежь, для процветания Кореи исполните свой долг до конца.

Сообщаю вам, что у меня есть сын (Ён Чи), который, как и вы, получает прекрасные условия, учится во 2-м классе торговой школы в Сеуле. Я не давал ему указание поступать добровольцем в японскую армию, так как ожидал его собственного решения, и он попросил своего брата передать мне, что он добровольно идет в японскую армию. Я очень рад, что он сам решился на это. Я написал сыну письмо, чтобы он, не жалея своей жизни и не беспокоясь о домашнем положении, отдал свои силы на исполнение долга перед государством.

В настоящее время идет решительный бой с противниками, но есть лю-

ди, которые избегают военной службы, стремятся сохранить только свою жизнь и живут только личными интересами. Эти люди недостойны быть в имперском государстве и не могут считаться народом Восточной Азии, их надо выгнать с территории Восточной Азии, да и этого наказания для них мало.

Я прошу корейскую молодежь идти добровольцами. Почему вы не хотите радостей военной жизни? Все ученики-корейцы должны быть добровольцами.

Одновременно я обращаюсь и ко всем родителям учащихся. На войне не все погибнут, и пусть родители не понимают войну как горе. Тыл в настоящее время тоже фронт... Мы должны жить не личными интересами, а делом войны, делом победы. Наши жизни предопределены богом, жертвуйте их за дело процветания Восточной Азии. Ученики-корейцы, не колеблясь вступайте в императорскую армию добровольцами. Это наш единственный путь».

Думаю, что обращение Чо Мансика весьма показательно. Оно полезно для объективного анализа позиций тех групп национал-реформистов, которые, оставаясь патриотами, поддерживали развязанную Японией войну.

[19] Кейдзё ниппо. 26.III.1942.

[20] Тёсэн сёко симбун. 3.V.1942.

[21] Мейль синбо. 27.IX.1942.

[22] Рис стал уже совершенно недоступным лакомством. Его заменили кукурузой, гаоляном.

[23] По сообщению газеты «Тёсэн сёко симбун» еще от 25 марта 1942 г., подоходный налог увеличился в среднем на 30%, промышленный — на 20%, налог на прибыль с наличного капитала — на 50%. Был введен новый налог на пользование электричеством и газом. В последующем они продолжали расти. Фантастические размеры приобретали принудительные займы. В 1944 г. при покупке товаров, отнесенных к предметам роскоши, сумма займов составляла около 150% их стоимости. К предметам роскоши были отнесены кожаная обувь, обыкновенные гребенки, одежда европейского покроя, многие остро необходимые предметы обихода. Такой порядок власти называли «одним камнем двух зайцев убить». Была установлена ежемесячная норма приобретения займа сбережений для всех слоев населения, включая учащихся начальных классов («Тёсэн сёко симбун». 10.IV.1944).

[24] Тёсэн сёко симбун. 7.IV.1944. А «Кейдзё ниппо» 13 апреля 1944 г. писала, что в текущем году займы сбережений должны увеличиться по сравнению с 1943 г. на 50%.

[25] Об этом сообщали «Кейдзё ниппо», «Тёсэн сёко симбун», другие газеты.

[26] Урожай риса в 1944 г. составил лишь около 70% среднего уровня. Плохим он был и в 1943 г. При среднем урожае, который в Корее считали 23 350 тыс. коку, в 1943 г. было собрано 18 718 440 коку, писала «Кейдзё ниппо» 7 ноября 1944 г. Все внимание уделено заменителям, отмечали газеты.

[27] Система чековых книжек означала, что с крестьян за зерно и другую купленную у них продукцию расплачивались не деньгами, а чековыми книжками — никого ни к чему не обязывающими.

[28] Из выступления преподавателя одного из сеульских колледжей Кима на митинге в октябре 1945 г.

[29] «Асахи симбун» 5 декабря 1944 г. писала, что дополнительно на нужды Союза выделено 1140 тыс. иен.

[30] Для характеристики этого деятеля напомним, что в 1927 г. японский император назначил Кан Сонрю советником Всекорейского тайного совета.

Глава 4

[1] См.: *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 26, с. 218.

[2] Кейдзё ниппо. 10.X.1944.

[3] Кейдзё ниппо. 20.V.1943.

[4] Кейдзё ниппо. 2.V.1943.

[5] В условиях нарастающего недовольства трудящихся был взят курс

и на некоторое улучшение уровня их жизни. Зарплата на предприятиях тяжелой промышленности с ноября 1943 г. повышается на 30%, на остальных — на 10%. Решено улучшить снабжение продовольствием рабочих важнейших предприятий, установить систему премиальных выплат, отмечала «Кейдзё ниппо». Увеличили зарплату и молодым учителям. Разница в зарплате молодых и старых опытных педагогов была значительной. Мужчины после окончания педагогического учебного заведения должны будут получать 65 иен, женщины — 57 иен, писала «Кейдзё ниппо» 6.V.1943 г.

[6] Ким Сонсу активно участвовал и в руководстве прояпонского общества ускорения мобилизации нации, созданном 25 сентября 1944 г. Активистами этого общества были кроме Ким Сонсу Ю Оккём, Чан Доксу, Со Саниль, Ан Джехон, Пак Ынмо, Пак Хынсик, а также Хан Санхун, Пэк Квансу, Чо Бёнок, Ли Сунтэк, Ли Бёнгу и др.

[7] Так, в Демократической партии Южной Кореи верхушку составили следующие руководители прояпонских организаций: Ким Сонсу, Чан Доксу, Хан Санхун, Ю Оккём, Чо Бёнок, Со Саниль, Ку Джеок, Хён Санюн, Юн Чиён, Пэк Накчуюн, Ким Донвон.

[8] В 1943 г. он издал книгу «Обзор деятельности Союза по мобилизации сил нации».

[9] Мейль синбо, 12.XII.1944.

[10] По профессии Пак Чунгым был торговцем женьшенем. Он вывозил «корень жизни» из Кореи, готовил из него различные снадобья, снискав за это покровительство японских властей, пишет автор статьи.

[11] Кейдзё ниппо, 4, 5.I.1944.

[12] Кейдзё ниппо. 27.VIII.1944.

[13] Кейдзё ниппо. 27.IX.1944.

[14] Возраст подлежащих мобилизации в последующем изменился: мужчины до 60 лет, женщины до 50.

[15] Кейдзё ниппо. 4.VI.1944.

[16] Любопытна картина роста общего числа корейцев в Японии. В 1915 г.— около 4 тыс., в 1920 г.— 20 тыс., в 1925 г.— 130 тыс., в 1931 г.— 310 тыс., в 1934 г.— 530 тыс., в 1937 г.— 730 тыс. человек. Первый крупный набор корейских рабочих в Японии был связан с текстильной компанией в Осака. После первой мировой войны он увеличился, а после землетрясения 1923 г. временно был прекращен. Затем снова резко возрос. Колебания были связаны и с безработицей в самой Японии (данные Экономических таблиц по корейской экономике. Сеул, 1944).

[17] Еще ранее, в 1942 г., был издан закон о переходе части предприятий на выполнение военных заказов.

[18] Кейдзё ниппо. 12.X.1944.

[19] Кейдзё ниппо. 13.IV.1944.

[20] Кейдзё ниппо. 16.VI.1944.

[21] Кейдзё ниппо. 3.VII.1944.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] В верхушке генерал-губернаторства, как свидетельствуют материалы, не было полного единства в вопросе управления колонией.

[25] Кейдзё ниппо. 14.X.1944.

[26] Из воспоминаний Пака, работавшего в 40-е годы в газете.

[27] Должна признаться: мне неловко было читать в Архиве МИДа СССР эти материалы. Напечатаны до смешного неровно, неумело. Дело в том, что в 1943—1945 гг. в советском генеральном консульстве не было машинистки и мне было поручено срочно научиться печатать. Выполнила. Но как? Вот за качество и пришлось краснеть в архивных фондах.

[28] Заявление Абэ было опубликовано и в газетах.

[29] Кейдзё ниппо. 27.IX.1944.

[30] После освобождения Кореи в условиях острого накала национальных чувств в отношении Ито, других японцев, приехавших в Корею в поисках работы, сочувствовавших ее народу, была допущена явная несправедливость. Их выдворяли из Сеула, часто насильно.

[31] Домик, в котором мы жили, был расположен на горе парка, и посетители могли легко и незаметно проникать туда.

[32] Кейдзё ниппо. 22.XI.1944.

[33] Забегая вперед, напомню, что после прихода в Южную Корею американских войск отец Поликарп снова стал подвергаться притеснениям. Очень тяжелым было материальное положение его и близких ему обитателей русской православной миссии. Терентий Фомич Штыков, узнав об этом, попросил выяснить, в чем они нуждаются, дабы оказать помощь. Что и было сделано.

Позднее слышали, будто отец Поликарп уехал в СССР. Узнать, так ли это, не удалось.

[34] В конце 1941 г. все миссионеры покинули страну.

[35] Тёсэн сёко симбун. 2.XII.1944.

[36] Власти пытались в это время комплектовать и в Корее отряды смертников-камикадзе, но безуспешно.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Глава 5

[1] В 1958 г. книга «Народное восстание 1919 г. в Корее» была в сокращенном виде переиздана.

[2] Назову лишь некоторые из них: *Ципкин С., Шурыгин А., Булыгин С.* Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке (1917—1922). Хроника событий. М.— Хабаровск, 1933; *Персиц М. А.* Восточные интернационалисты в России.— Коминтерн и Восток. М., 1969; *Ким Сын Хва.* Очерки по истории советских корейцев. А.-А., 1965, и др.

[3] Ли Гвансу (псевдоним Чхунвон) окончил в Японии в 1910 г. среднюю школу при Университете Мэйдзи, учился там на средства секты Чхондогё. В 1915 г. снова приехал в Японию и учился в Университете Васэда.

Много раз я видела и слушала в Сеуле после освобождения этого талантливого писателя, мечущегося, наделавшего немало ошибок политического деятеля. Думаю, что его жизнь, его поиски, его вклад в культуру, в борьбу за независимость требуют специального исследования. Оценивая роль Ли Гвансу в национально-освободительном движении, как, впрочем, и других буржуазных интеллигентов, мы тоже бывали прямолинейны, допускали немало заблуждений.

[4] В 1947 г. в Сеуле была издана книга, посвященная жизни и деятельности Ан Чханхо.

[5] В данном случае стараюсь не повторять приводимые в книге «Народное восстание 1919 г. в Корее» материалы, но некоторые повторения оказались неизбежными.

[6] Соннёндан. 1957, № 3, с. 10—11.

[7] Из воспоминаний Пак Чонлима (рукопись).

[8] Получила письмо от сына одного из руководителей вооруженной борьбы против установления аннексии Кореи, Мин Дынхо, Константина Мина — преподавателя средней школы в Казахстане. Он был участником мартовского движения, как бы олицетворяя преемственность поколений.

[9] Не случайно Сон Бёнхи и еще семь человек были приговорены к трем годам каторжных работ, в то время как истинные патриоты шли на виселицы.

[10] Из истории корейского коммунистического движения. Документы и материалы (рукопись).

[11] В 1919 г. общество Чхондогё насчитывало около 130 тыс. членов. С последователями учения чхондо это число нельзя отождествлять. При этом критерии, отделяющие одних от других, по свидетельству собеседников, были весьма «земными». Так, для доказательства искренней веры каждым едоком при каждом принятии пищи необходимо было оставлять по одной ложке риса. От количества «зерна веры» зависело занесение в низшую, среднюю или высшую категорию «небесного списка», определяющего милости или наказания. Кроме того, полагалось делать приношения и деньгами. Беднякам все

это было недоступно, и они в члены секты не вступали, хотя следовали ее учению. Характерно, что в Южной Корее, где была сосредоточена крестьянская беднота, в Чхондогё состояло лишь около 20% общего числа. Много в нем было представителей состоятельных слоев города и деревни. Благодаря поборам руководство Чхондогё имело возможность основательно обогащаться.

[12] Указом Центрального народного комитета КНДР Я. Т. Новиченко присвоено звание Героя Труда КНДР и вручен орден Государственного знамени первой степени.

[13] Насколько мне известно, полностью документ этот, как и некоторые другие, относящиеся к 1919 г., ранее не приводился. Возможно, он будет полезен корееведам.

[14] Премьер-министр и министры, по конституции, являются членами Государственного совета и помощниками временного президента.

[15] Цит. по: *Пак Хенен*. Значение и уроки первомартовского движения. Сеул, 1947; *он же*. Три великих движения за независимую демократическую Корею. Сеул, 1947.

[16] Сразу после освобождения эти вопросы были предметом оживленной полемики корейских ученых, сопоставлялись с переживаемым моментом.

Глава 6

[1] Из истории корейского коммунистического движения (рукопись).

[2] Как известно, в апреле 1918 г. корейскими революционерами в России был создан Союз корейских социалистов, а в мае 1919 г. на базе его объединения с другой прогрессивной организацией, Союзом новых граждан, была основана Корейская социалистическая партия, заявившая о присоединении к Коминтерну (ее создатели — Ли Донхви, Пак Э и Василий Огай).

[3] Представляется, что это обстоятельство недостаточно учитывалось органами Исполкома Коминтерна.

[4] Речь идет о встрече, состоявшейся в ноябре 1921 г.

[5] В частности, печатались статьи: «О новой экономической политике господина Ленина в крестьянской России», «О принципах сближения народа в Стране Советов», о XI и XII съездах РКП(б), о речи Ленина на IV конгрессе Коминтерна.

[6] С 1920 по 1925 г. партизаны, действовавшие в долинах рек Амноккан и Туманган, провели почти 4 тыс. различных сражений (данные из работ Г. Ф. Кима и других корееведов).

[7] Наши собеседники вспоминали и печать указывала, что воззваний и прокламаций и после их конфискации оставалось множество. Только в типографии некоего Мина (видимо, псевдоним) их напечатали под руководством коммуниста Ким Одика более 100 тыс. экземпляров.

[8] После освобождения Ким Дальхён стал в Северной Корее главой партии Чхонудан, затем заместителем председателя Демократического национального фронта, заместителем председателя Верховного народного собрания КНДР.

[9] Процессы над коммунистами проходили и в конце 1926 г. Защитниками подсудимых выступали Хо Хон и другие известные корейские адвокаты-патриоты, а также японские прогрессивные юристы.

[10] По сообщению «Тона ильбо», Ким Джэбон и двое других руководителей Компартии Кореи были приговорены к 20 годам каторжных работ, остальные к разным срокам тюремного заключения.

[11] Ранее в советской литературе указывалось, что Манифест был принят на Учредительном собрании (съезде) Компартии в апреле 1925 г. Новые материалы позволили это уточнить.

[12] Синганхве объединило около 10 тыс. человек и имело более 100 отделений, в том числе в Токио, Киото, Осака (см.: История Кореи. Т. 2, 1974, с. 86).

[13] Некоторые детали, по-разному рассказанные участниками событий в Кванджу, не совпадают и с отдельными материалами, опубликованными в литературе СССР и КНДР. Но они касаются лишь частностей.

[14] На вопрос, был ли он арестован, Ван ответил, что во время волнений

в Кванджу удалось избежать ареста, но после провел в тюрьмах почти 10 лет. Где, когда и за что, не рассказывал.

[15] В целом с момента создания КПК выступления учащейся молодежи участились. Если в 1925 г. их было 55, то в 1927 г.— 62, в 1928 г.— 83.

[16] Этим вопросам посвящены специальные исследования, см. в частности: *Иванова В. И.* Ли Ги Ен. Жизнь и творчество. М., 1962.

[17] Там же, с. 43.

[18] *Куусинен О. В.* Избранные произведения. М., 1966, с. 509.

[19] Коммунистический Интернационал в документах (1919—1932). М., 1933, с. 864.

[20] *Куусинен О.* О корейском коммунистическом движении.— Революционный Восток. 1931, № 11—12, с. 99—111.

[21] В Вонсане, являвшемся одним из промышленных центров Кореи, был сконцентрирован сравнительно большой отряд пролетариев, в основном портовиков. Там в 1921 г. возникло Вонсанское рабочее общество, но вскоре оно распалось. В 1924 г. было организовано Вонсанское объединенное рабочее общество, имевшее 18 первичных ячеек (союзов). На его базе и создалась Вонсанская федерация труда. В 1928 г. она объединяла 2200 членов.

[22] В Рабочем обществе пров. Южная Хамгён, по утверждению других участников вонсанской забастовки, были и честные, но обманутые рабочие. Они вскоре вышли из этой организации.

[23] Забастовка была подавлена полицией. Этому объективно способствовали действия местного отделения федерации труда, создавшей, например, раздельные стачечные комитеты для мужчин и женщин. По рассказам корейских товарищей, подобные ошибки допускались нередко, как и помощь полиции предпринимателям в подавлении забастовок.

[24] Подробнее об этом см.: История Кореи, с. 96—107.

[25] Часть коммунистов считала, что роспуска КПК не произошло, что на VI конгрессе Коминтерна лишь не признали делегатов, прибывших на Конгресс, и задача заключается не в воссоздании, а в реорганизации КПК. Это утверждали и некоторые товарищи при создании Компартии в сентябре 1945 г.

[26] В частности, на страницы сеульских газет проникли любопытные сведения о том, что одной из баз корейских коммунистов стала казенная квартира сеульского университета, в которой жил японский профессор Мияке Сиконокуке. С ним были связаны комгруппы студентов, рабочих и женщин. Указывалось, что при обыске там был обнаружен план воссоздания Компартии. Одновременно собеседники да и газеты указывали на активную деятельность подпольной студенческой организации Авангардная лига, Общества по изучению социологии и других объединений интеллигенции коммунистической направленности.

[27] Представляется, что именно в это смутное время отошел от активной борьбы Хван, как и немало других патриотов. Не хватало необходимого для революционера терпения, умения разобраться в сложной обстановке. То же можно отнести ко многим.

Уместно напомнить, что первоочередные и перспективные задачи корейской революции стали предметом острых дискуссий в Компартии Кореи, созданной в 1945 г. в Сеуле. Некоторые ее члены продолжали проявлять левачество. Другие боролись за единый фронт всех прогрессивных патриотических сил страны. За это их порой обвиняли в предательстве национальных интересов, во вражеской деятельности.

[28] Коммунистический Интернационал. 1934, № 17, с. 20—26.

[29] «Правда» 27 января 1932 г. писала, что в тюрьмах Кореи, по японским официальным данным, находится 35 тыс. политзаключенных. Архивы полиции свидетельствуют, что число их было большим.

[30] Газета «Тона ильбо» 24 сентября 1933 г. писала, что в Восточной Маньчжурии насчитывалось 587 корейских коммунистов и 1835 комсомольцев, а также 12 067 членов Антиимпериалистического союза и крестьянских комитетов, сочувствовавших коммунистам.

[31] См.: *Мазуров В. М.* Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931—1940). М., 1958, с. 41—51.

[32] Базы были корейско-китайскими. В 1933 г. в Ванцине на совещании представителей корейских партизанских отрядов Восточной Маньчжурии было решено преобразовать созданные там рабоче-крестьянские советы в народно-революционное правительство.

[33] Состояние общественного спокойствия, с. 12.

[34] Там же, с. 405.

[35] Там же, с. 413.

[36] С некоторыми деятелями лиги, приехавшими после освобождения в Сеул, мы познакомились. Неоднократно беседовали. Но должна признаться, что ясности в отношении времени ее образования, объединения, состава беседы не внесли, сведения были разноречивы. В данном случае опираюсь на другие материалы.

[37] Тихий океан. 1938, № 2, с. 173—174.

[38] В этой связи вспоминается версия «о двух Ким Ир Сенах», состряпанная в 1945 г. южнокорейскими реакционерами. Ее стали муссировать правые газеты, утверждая, что Ким Ир Сен якобы революционных заслуг не имеет, что он присвоил себе имя подлинного национального героя, давно погибшего. В качестве доказательства на страницах газет была помещена фотография отрубленной головы «настоящего Ким Ир Сена». Хотя абсурдность этой версии была очевидна (ведь многие хорошо знали Ким Ир Сена, участвовали вместе с ним в партизанском движении), южнокорейские коммунисты собрали документальные материалы, разоблачающие измышления реакции (напомню, что Ким Ир Сен был избран членом ЦК Компартии, созданной в 1945 г. в Сеуле).

[39] См.: *Куликова Л. В.* Японские секретные архивы о корейском революционном движении (рукопись).

[40] Точными данными на этот счет не располагаю.

[41] Как известно, СССР направил на китайские фронты военных советников, несколько добровольческих авиационных отрядов, предоставил кредит для закупки оружия.

[42] После вступления в Сеул американских войск и начавшегося разгула реакции такие встречи стали затруднены.

[43] Частый гость консульства Ким шутил: «Парк ваш тянет, как магнит. Одни идут на „огонек", другие „вкусно" поговорить, а я — поиграть в волейбол». Но и он поговорить любил и знал немало.

[44] См.: История Кореи, с. 143.

[45] Неуравновешенный, способный на смелые поступки и одновременно на беспринципные сделки, Ким Гу постепенно прозревал. Он участвовал в работе объединенного совещания политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи в апреле 1949 г., поддержал идею мирного объединения страны, 26 июня того же года был убит террористами.

[46] Кроме названных форм протеста против колониализма и войны следует напомнить и такой, как отказ менять национальные фамилии на японские. Формально это делалось, но в жизни все оставалось по-старому. То была болевая национальная точка. Еще упорнее противились корейцы насильственному внедрению японского языка. «Нас заставляли разговаривать, писать и мыслить только по-японски,— говорил на одном из митингов корейский адвокат Ли.— Но если говорить и писать мы иногда бывали вынуждены, то мыслили мы как раз по-антияпонски». Выше уже отмечалось, что в отношении языка, вообще национальных корейских традиций, власти проявляли определенную и все усиливавшуюся осторожность. Однако и репрессивных мер не прекращали.

[47] Это признавало и американское командование. Так, командующий американской армии в Южной Корее генерал Ходж говорил, что войска США, прибыв в Южную Корею, застали там действовавшие под руководством коммунистов народные комитеты, которые успели полностью организоваться и в той или иной мере захватить власть в свои руки (ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. 3-я сессия, дополнение № 9. Нью-Йорк, 1948, с. 168).

[48] Во время беседы в углу кабинета сидел Берия. Терентий Фомич рассказывал, что, заметив замешательство с переводом, Берия его спросил:

«Не мог найти лучшего переводчика?». Штыков ответил: «Переводчика мог, знатока Кореи лучшего не знаю».

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

[1] Н. А. Михайлов при встрече тоже посоветовал: «Пойдешь в науку, когда состаришься». Предложил несколько соблазнительных вариантов: в издательстве «Молодая гвардия», журналах.

[2] В этой связи упомяну о следующем: американский профессор Гинзбургс в рецензии на мою книгу «Южная Корея. 1945—1946», опубликованной в американском журнале и в целом весьма положительной, упрекнул автора в том, что он смотрит на мир не в микроскоп, а в телескоп. Восприняла это как похвалу. Действительно, стараюсь смотреть и так и этак, видеть не только детали, факты (это, конечно, обязательно), но и складывающиеся из них явления, тенденции, общую картину. Стараюсь, но, увы, далеко не всегда получается.

[3] Нравственный компонент, естественно, необходим каждому, тем более обществоведу. Применяю его к особенностям ориенталистики.

[4] По той же причине была отчислена из аспирантуры Г. Д. Тягай и лишь в 1948 г. восстановлена.

[5] В 1930 г. в Ленинграде был создан Институт востоковедения АН СССР. Возглавлял его С. Ф. Ольденбург. Ученые, гиганты ориенталистики, В. М. Алексеев, А. Б. Баранников, Е. Э. Бертельс, Б. Я. Владимирцов, С. А. Козин, П. К. Коковцев, Н. И. Конрад, И. Ю. Крачковский, Н. А. Невский, И. А. Орбели, А. Н. Самойлович, В. В. Струве, А. А. Фрейман, Ф. И. Щербатской и другие представители классического востоковедения создали замечательные труды по древней, средневековой и новой истории, по культуре народов Востока. Касались некоторые из них и корейских сюжетов.

В Москве в Институте истории АН СССР был создан сектор истории колониальных и зависимых стран, занимавшийся проблемами современности. Кроме того, их изучали в институтах: Тихоокеанских отношений, Мирового хозяйства и мировой политики, в Аграрном.

[6] Слово об учителях. Московские востоковеды 30—60-х годов. М., 1988.

[7] Следует сказать, что условия работы дома были тогда далеки от нормальных. Писала и печатала на кровати за ширмой. Стол был отведен для занятий сына и его друга Володи Разумовского, тоже ставшего членом нашей семьи. На остальной территории 12-метровки располагалась моя мать, а затем вернувшийся из Кореи муж.

[8] Правда, нашим друзьям, Н. Данилову и В. Зайцеву, когда мы, бывало, встречались в домашней обстановке, это удавалось. «Что у вас за товарищи,— выговаривал Александр Андреевич,— не дают возможности ворваться в разговор».

[9] Замечания своим подопечным часто делал в виде шуток, анекдотов. Так, например, видя неорганизованность мыслей, несобранность своих учеников, бросал: «Пиф-паф, кстати, об охоте». Доходило.

[10] В редколлегию двухтомника входил и О. В. Куусинен.

[11] Жили Александр Львович и его жена Кира Николаевна в многонаселенной квартире, занимая одну комнату, в которой работали, принимали гостей. Никогда не жаловались на тяжелые условия.

[12] Александр Львович кроме работы в институте преподавал в Военной академии им. Фрунзе, в МГУ. Константин Михайлович широко привлекался к практической деятельности. Был экспертом министра внешней торговли СССР и тоже преподавал.

[13] Слово об учителях, с. 191.

[14] Там же, с. 178.

[15] См. интересную статью о Б. Н. Заходере, Н. А. Кузнецовой и Л. М. Кулагиной в кн. «Слово об учителях».

[16] Советское востоковедение. 1965, № 4, с. 147.

[17] Там же.

[18] Прохождение в «старшие» было заформализовано сверх предела. До-

кументы мы сдали, прошли Ученый совет, затем нас вызвали в президиум Академии наук, где референт сурово и придирчиво подсчитывал опубликованные печатные листы, выяснял актуальность тем и т. п. Ольга Ивановна сначала спокойно отвечала на его бестактные вопросы. Потом попросила папироску, закурила и, встав, сказала: «Нужно мне ваше звание, как собаке пятая нога». Тут же вышла. Референт растерялся, попросил успокоить и вернуть Ольгу Ивановну. В конечном счете все обошлось.

[19] Имелись у него и недруги. Ведь посредственность не любит таланты. Группа старых востоковедов неоднократно обращалась в вышестоящие организации с тем, что совершается явная несправедливость в отношении не только яркого ученого, но и интересов науки. К сожалению, безрезультатно. Обращения не были учтены.

[20] Учебное заведение, построенное Лазаревыми в начале XIX в., было предназначено для желающих специализироваться по восточной истории и филологии. Сначала оно имело статус училища, а за год до вхождения Армении в состав России, в 1827 г., было преобразовано в институт. В его пансионе готовился в 1829 г. к поступлению в Университет И. С. Тургенев, а через полвека здесь учился К. С. Станиславский. Гостями института бывали Грибоедов, Пушкин, Жуковский, Гнедич, Вяземский.

[21] 4 марта 1919 г. было принято подписанное В. И. Лениным Положение об Армянском институте в Москве.

[22] См.: *Базиянц А., Кузнецова Н., Кулагина Л.* Азиатский музей-институт востоковедения АН СССР. 1818—1968, М., 1969.

[23] С некоторыми из них я познакомилась во время учебы мужа в Институте востоковедения. Особенно запомнился А. А. Сольц. Эмоциональный, обладающий способностью убеждать и вместе с тем внимательно прислушиваться к мнениям собеседников, он с особым уважением относился к суждениям студентов, людей, как правило, с практическим опытом, зрелых. Поощрялись дискуссии (сужу по японо-корейскому отделению, где учился муж). Сольц предупреждал: возможно, вам придется поехать в Корею, будьте готовы увидеть много неожиданного, необычного. Рассказывал о некоторых особенностях нравов, быта. Особенно любил говорить об истории страны и освободительном движении.

[24] В 1926 г. во Владивостоке была издана небольшая книга Н. Кима «Под гнетом японского империализма». Назову и основные статьи: *Аносов С.* Корейцы в Южно-Уссурийском крае. Хабаровск, 1928; *Бедеров А.* Партизанская война в Маньчжурии.— Аграрные проблемы. 1934, № 5—6; *Виленский В. Д. (Сибиряков).* В когтях японского империализма (Борьба корейского народа за независимость). М., 1919; *Войтинский Г. К.* К десятилетию мартовских событий в Корее (1919—1929). Революционный Восток. 1929, № 7. *Далин С.* Молодежь в революционном движении в Корее. М., 1924; Пак Дин Шун. Социалистическое движение в Корее.— Коммунистический Интернационал, 1919, № 7—8; *Ким Н.* Корея. М., 1929; *Ким Н.* Японский капитал в сельском хозяйстве Кореи.— Новый Восток. 1930, № 29; *Ким Н.* Рабочее движение в Корее.— Материалы по национально-колониальным проблемам. 1933, № 5—6; *Сперанский А. Ф.* Национальное движение в Корее.— Новый Восток. 1923, № 3; *Тю Чен Сон.* К характеристике социально-экономических отношений современной Кореи.— Революционный Восток. 1929, № 6; *Федоров Н.* Антияпонский фронт партизанской войны в Маньчжурии.— Тихий океан. 1935, № 2; *Цой Шену.* К вопросу об истории и классовой сущности «Чен-до Гио» (Учение Неба) (о религиозно-политической секте в Корее).— Революционный Восток. 1930, № 8; *Яровой В.* Корея, военный плацдарм японского империализма. М., 1939; *он же.* Корея. М.—Л., 1945; *Ли Канг.* Крестьянское движение в Корее.— Материалы по национально-колониальным проблемам. 1933, № 5—6; *он же.* Рабочее движение в Корее (1929—1932).— Там же. 1933, № 7; *Ли Сеул.* Вопросы юношеского движения в Корее.— Революционный Восток. 1932, № 3—4; *Нам Манчун.* Угнетенная Корея. М., 1925; *Пак Диншунь.* Корейская эмиграция в России.— Жизнь национальностей. 18.IV.1920; *Пльшевский Н., Круглов С.* Колониальный тыл японского империализма.— Тихий океан. 1937, № 3—4; *Позднеев Д.* Вопрос о Цзяндао (Кандо) в связи с японо-корейскими отношениями.— Военная мысль и революция.

1923, № 6; Попытки организации корейского рабоче-крестьянского союза.— Международное рабочее движение. 1923, № 44; *Раппопорт В.* Партизанское движение в районах Северной Кореи.— Тихий океан. 1937, № 1; *Серебряков В.* Кризис и революционное движение в Корее.— Материалы по национально-колониальным проблемам. 1934, № 3; *Сольц.* Революционное движение в Корее и оккупация Маньчжурии.— Оккупация Маньчжурии и борьба империалистов. М., 1932. (Названы далеко не все издания.) Особо следует сказать о том, что корейской проблематикой занимались и советские японисты: *Лукьянова М. И. (Ассагири).* Борьба революционных элементов в Корее.— Международное рабочее движение. 1930, № 1; *она же.* Новый подъем национально-освободительного движения.— Там же. 1930, № 8. *Эйдус Х. Т. (Хаяма).* Рабоче-крестьянское движение в Корее.— Красный Интернационал профсоюзов. 1927, № 1.

25 До 1956 г. было запрещено использование большинства этих изданий. Извлеченные из них факты оставались без ссылок на авторов.

26 *Зайчиков В. Т.* Корея. М., 1947; *Крайнов П.* Борьба корейского народа за независимость. М., 1947. Переизданы были книги русских путешественников, ранее бывавших в Корее, в частности, И. А. Гончарова, «Фрегат „Паллада". Очерки путешествия» (М., 1949), И. Г. Гарина-Михайловского «Из дневников кругосветного путешествия (по Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову)» (М., 1949). Был издан сборник документов «Советский Союз и корейский вопрос» (М., 1948).

27 Аспиранты работали наравне с научными сотрудниками, участвовали в авторских коллективах, в редактировании, рецензировании и т. п.

28 *Воробьев М. В.* Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961; *Пак М. Н.* Очерки ранней истории Кореи. М., 1979; *Джарылгасинова Р. Ш.* Древние когурёсцы. М., 1962; *она же.* Этногенез и этническая история корейцев. М., 1979; *Волков С. В.* Ранняя история буддизма в Корее. М., 1985; *он же.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987; *Ванин Ю. В.* Феодальная Корея в XIII—XIV вв. М., 1962; *он же.* Экономическое развитие Кореи в XVII—XVIII вв. М., 1968; *он же.* Аграрный строй феодальной Кореи. XV—XVI вв. М., 1981; *Тягай Г. Д.* Крестьянское восстание в Корее. 1893—1895 гг. М., 1953; *она же.* Очерк истории Кореи во второй половине XIX в. М., 1960; *она же.* Общественная мысль Кореи в эпоху позднего феодализма. М., 1971; *она же.* Формирование идеологии национально-освободительного движения в Корее. М., 1983; *Хан М.* Освободительная борьба корейского народа в годы японского протектората. М., 1961; *Шипаев В. И.* Колониальное закабаление Кореи японским империализмом. М., 1964; *Ионова Ю. В.* Обряды, обычаи и их социальные функции (середина XIX — начало XX в.). М., 1982; *Пак В. П.* Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX — начале XX в. М., 1982; *Пак Б. Д.* Освободительная борьба корейского народа накануне первой мировой войны. М., 1967.

29 Вышел из печати том 1.

30 *Пигулевская Е. А.* Корейский народ в борьбе за независимость и демократию. М., 1952; *Шабшина Ф. И.* Народное восстание 1919 года в Корее. М., 1952; *она же.* Очерки новейшей истории Кореи (1918—1945). М., 1959; *она же.* Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953). М., 1958; *Шипаев В. И.* Корейская буржуазия в национально-освободительном движении. М., 1966; *Мазуров В. М.* Антияпонская вооруженная борьба корейского народа (1931—1940). М., 1958; *Ким М. Т.* Корейские интернационалисты в борьбе за власть Советов на Дальнем Востоке. М., 1979.

Экономическая история нашла отражение в монографии И. С. Казакевича «Аграрные отношения в Корее накануне второй мировой войны» (М., 1958).

31 *Иванова В. И.* Ли Ги Ен. Жизнь и творчество. М., 1962; *она же.* Новая проза Кореи. М., 1987; *Еременко Л., Иванова В.* Корейская литература. М., 1964; *Елисеев Д. Д.* Корейская средневековая литература пхэсоль. М., 1968; *он же.* Новелла корейского средневековья. Эволюция жанра. М., 1977; *Никитина М. И., Троцевич А. Ф.* Очерки корейской литературы до XIV в. М., 1969; *Никитина М. И.* Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом.

М., 1982; *Троцевич А. Ф.* Корейская средневековая повесть. М., 1975; *она же.* Корейский средневековый роман. М., 1986.

[32] *Холодович А. А.* Корейско-русский словарь. М., 1951; *Усатов Д. М., Мазур Ю. Н., Моздыков В. М.* Русско-корейский словарь. М., 1951. В 1976 г. вышел из печати «Большой корейско-русский словарь» (т. I и II) — совместный труд с учеными КНДР.

[33] *Мазур Ю. Н.* Корейский язык. М., 1960; *Никольский Л. Б.* Служебные слова в корейском языке. М., 1962; *он же.* Развитие языков в странах зарубежного Востока. М., 1983; *Концевич Л. Р.* Наставление народу о правильных звуках. М., 1979.

[34] Конституция и основные законодательные акты Корейской Народно-Демократической Республики. М., 1952; Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1954; *Ким В. А.* Государственный строй КНДР. М., 1955; *Ким Г. Ф.* Рабочий класс новой Кореи. М., 1960; *он же.* Борьба корейского народа за мир, национальное единство и демократию. М., 1967; *Шабшина Ф. И.* Социалистическая Корея. М., 1963; *Грязнов Г. В.* Социалистическая индустриализация в КНДР. 1945—1960. М., 1966; *он же.* Строительство материально-технической базы социализма в КНДР. М., 1979; *Каршинов Л. Н.* Корейская Народно-Демократическая Республика. Экономика и внешняя торговля. М., 1958; *Тригубенко М. Е.* Сельское хозяйство КНДР. Пути социалистического развития; *она же.* Корейская Народно-Демократическая Республика. Экономика стран социализма. М., 1966; *Семенова Н. П.* Экономика Корейской Народно-Демократической Республики. М., 1986; Промышленность КНДР. Экономические основы, современный уровень и структура. М., 1977; *Нам С. Г.* Формирование народной интеллигенции в Корее (1945—1962). М., 1970; *он же.* Образование и наука в КНДР в условиях научно-технической революции. М., 1975.

[35] В ИЭМСС издаются регулярно книги по КНДР, входящие в серию «Экономика и политика зарубежных стран социализма».

[36] *Казакевич И. С.* Аграрный вопрос в Южной Корее. М., 1964; *он же.* Аграрные отношения в Южной Корее (1945—1976). М., 1980; *Синицын Б. В.* Промышленность и положение рабочего класса Южной Кореи (1945—1959). М., 1961; *он же.* Очерк экономики Южной Кореи (1953—1964). М., 1967; *Суслина С. С.* Экспансия иностранного капитала в промышленность Южной Кореи. М., 1979; *она же.* Промышленность Южной Кореи. М., 1988; *Шипаев В. И.* Южная Корея в системе мирового капиталистического хозяйства. М., 1986; *Прошин А. А., Тимонин А. А.* Неоколониализм США и Южная Корея. М., 1985; *Мазуров В. М.* Создание антинародного режима в Южной Корее (1945—1960). М., 1963; *Мазуров В. М., Синицын Б. В.* Южная Корея. Драматическое перепутье. М., 1963; Южная Корея. М., 1959; *Бучкин А.* Социальная эволюция современной Южной Кореи. М., 1987.

[37] Современная Корея. М., 1971; Корея. История и экономика. М., 1958; Корея. Север и Юг. М., 1965; *Мартынов В. В.* Экономико-географическая характеристика КНДР и Южной Кореи. М., 1970.

[38] *Воронцов В. Б.* Корея в планах США в годы второй мировой войны. М., 1962; *Шипаев В. И.* Япония и Южная Корея. М., 1981; *Мазуров В. М.* Южная Корея и США (1950—1970). М., 1971; *Забровская Л. Е.* Политика цинской империи в Корее (1876—1910); *Пак Б. Д.* Россия и Корея. М., 1979; Отношения Советского Союза с Народной Кореей. 1945—1980. М., 1981.

[39] СССР и Корея. М., 1988.

[40] Во имя дружбы с народом Кореи. М., 1965; Нерушимая дружба. М., 1971; Освобождение Кореи. М., 1976; За мир на земле Кореи. М., 1985.

[41] История Кореи. Т. 2, М., 1974.

[42] *Рю Хакку.* Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975; История Кореи в буржуазной историографии. М., 1976; *Пак М. Н.* Очерки по историографии Кореи. М., 1987; Библиография Кореи. 1917—1970. М., 1981.

[43] Подробно см. в кн.: СССР и Корея, с. 108—119, 286—295, 369—381.

[44] *Ким Г. Ф., Шабшина Ф. И.* Пролетарский интернационализм и революции в странах Востока. М., 1967; *они же.* Союз рабочего класса с крестьян-

ством и опыт социалистических стран Азии. М., 1977; Опыт строительства социалистической экономики в странах Азии. М., 1986.

[45] Эта часть раздела в сокращенном виде опубликована в журн. «Проблемы Дальнего Востока». 1990, № 2.

[46] Вообще с «понятийным» аппаратом ныне происходит нечто непонятное. Пора бы обществоведам-теоретикам им заняться.

[47] Конечно, не только они. Представляется необходимой радикальная реорганизация всей системы подготовки научных кадров.

[48] Кстати, замечу: эти и многие аналогичные явления обсуждались на семинаре по этике ученого, который функционировал в Отделе соцстран Азии. Однако он прекратил существование. Одна из причин: райком партии не знал, к какой графе учебы его отнести. Сказалась и нарастающая апатия участников семинара. А очень нужны беседы об этике ученого. Очень.

[49] К «постоянным членам» относились семьи Финогеновых, Бурковых, Даниловых, Чуриловых, Андреевой—Кувшинова, Поздняков, Ивановых, Куделей, Зайцевых, Забозлаевой—Вайнцвайга. В каждой из них был свой «постоянный» и «временный» состав.

Так, у Финогеновых, как правило, встречались с А. В. Дуровой и П. М. Садовским, с В. А. Обуховой. У Даниловых познакомились с Растроповичем, который ошеломил нас своим неистощимым юмором. Всех не перечислить.

Даже в 12-метровке на «Серпе» гости бывали часто. Притом немало. Бурковы, например, обязательно приходили с кем-либо из своих знакомых. Такая же привычка была и у других. Для слишком многолюдных «приемов» нам уступали свои комнаты соседи по квартире. Это тоже характеризует нормы быта, «соседскую дружбу», нравы того времени.

Когда не стало Анатолия Ивановича, мне трудно было посещать даже самых близких. В годовщину его смерти они обычно собирались у меня. Тут перезнакомились мои родственники, старые и молодые институтские друзья. Старались, чтобы было так же хорошо, как при его жизни...

Впрочем, некоторые из институтских товарищей бывали у нас и раньше. И являлись свидетелями «издевок» в связи с моей научной работой. Так, например, вышла книга. Естественно, событие это отмечается в кругу друзей. Зачитываются телеграммы (сохранился текст некоторых). Одна из них гласила: «В вашем монументальном труде много нового и правильного. И хотя все правильное не ново, а новое неправильно, считаем, что основные проблемы корееведения вам удалось разрешить. Посему вашу ставку ликвидируем и передаем в другой отдел. Вы свободны». Следовала подпись якобы администрации.

Или другая телеграмма: «Напоминаем и просим учесть: женщина, пишущая книги, виновна перед человечеством вдвойне: она увеличивает количество книг и сокращает число женщин». Подпись: «книголюб и женоненавистник».

Много подобного пришлось услышать от моих горячо любимых друзей. Это не мешало нам бурно отмечать и публикацию работ, и другие события в жизни каждого из нас.

[50] Многое об этом мне рассказали работавшие в институте, ранее репрессированные товарищи, в частности Афанасий Гаврилович Крымов, который провел в сталинских застенках более 17 лет.

CONTENTS

СОДЕРЖАНИЕ

Шабшина Ф. И.

Ш13 В колониальной Корее (1940—1945). Записки и размышления очевидца.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992.— 285 с.
ISBN 5-02-017428-9

Книга содержит непосредственные наблюдения автора жизни и борьбы корейского народа в последний период японского колониального ига, критическое переосмысление ряда прежних суждений по проблемам новейшей истории Кореи, раздумья одного из старейших ученых о прошлом и настоящем советского корееведения.

Ш $\frac{0503030000\text{-}060}{013(02)\text{-}92}$ КБ-91

ББК 63.3(5Ко)

Научное издание

Шабшина Фаня Исааковна

В КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ (1940—1945)

Записки и размышления очевидца

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Заведующая редакцией *З. М. Евсенина*
Редактор *Л. Г. Тумасова*
Младший редактор *Е. Д. Силаева*
Художник *Л. И. Зимина*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *М. Г. Гущина*
Корректор *Н. В. Морозова*

ИБ № 16895

Сдано в набор 29.12.90. Подписано к печати 17.04.92. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18,0. Усл. кр.-отт. 18,25. Уч.-изд. л. 20,62. Тираж 500 экз. Изд. № 7143. Зак. № 532. «С»—1

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

КНИГИ ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА» МОЖНО ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ЗАКАЗАТЬ В КНИГОТОРГОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ ВСЕСОЮЗНОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

Магазины «Книга — почтой»

252208 Киев, пр-т Правды, 80а;
197345 Ленинград, ул. Петрозаводская, 7;
117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, кор. 2;
700043 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6.

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4 («Книга — почтой»);
690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр-т Вернадского, 79;
252025 Киев, ул. Стретенская, 17;
277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск, Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);
660049 Красноярск, пр-т Мира, 84;
443002 Самара, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
194064 Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4;
220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Тверская, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;

630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51;
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино, Московская обл., ул. Победы, 8;
142292 Пущино, Московская обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700047 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Газеты «Правда», 73;
700100 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43;
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720000 Бишкек, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

Ф. И. ШАБШИНА

В КОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ (1940–1945)

ЗАПИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ ОЧЕВИДЦА

Ф. И. Шабшина — крупнейший специалист по новейшей истории Кореи. Ее новая книга написана на большом фактическом материале, сочетает в себе непосредственные наблюдения автора за жизнью и борьбой корейского народа в последние годы японского колониального господства в Корее, критическое переосмысление ряда прежних суждений по проблемам новейшей истории Кореи.